

А.И.
РАДИЩЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК СССР

РАДИЩЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт Литературы (Пушкинский Дом)

А.Н. РАДИЩЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Том Первый

Издательство Академии Наук СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1938

П О Д Р Е Д А К Ц И Е Й
И. К. ЛУППОЛА (главный редактор), Г. А. ГУКОВСКОГО
И В. А. ДЕСНИЦКОГО

Подготовка текста и примечания:

Стихотворения: „Дневник одной недели“, „Беседа о том, что есть сын отечества“—Г. А. Гук ов с к и й; „Письмо к другу“, „Житие Ушакова“, „Путешествие из Петербурга в Москву“—А. В. За па до в (текст) и Я. Л. Бар с ко в (варианты и примечания); Отрывок „[А теперь увыл..]“ и повесть о Филарете „[Положив непреоборимую граду...]“—А. В. За па до в.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В. И. Ленин писал в 1914 году: „Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика“.¹

Радищев — один из первых, может быть первый мыслитель-революционер и демократ в России XVIII—XIX столетий. С него начинается история русской освободительной мысли.

Радищев — поистине колоссальная фигура. Он замыкает ряд ранних русских просветителей XVIII столетия (Ломоносов, Новиков и др.) — и в то же время является предшественником революционеров XIX века. Это был мыслитель, титанический образ которого возвышается над целым периодом русской культуры.

С благородной смелостью Радищев проповедывал в конце XVIII столетия ниспровержение рабства и тирании самодержавия. Он был просветителем, но не только просветителем. Он хотел видеть народ культурным и сознательным, но он знал, что только революция принесет народу счастье, принесет и культуру. В своем „Путешествии из Петербурга в Москву“ Радищев выступил как демократ, выступил от лица всего народа против крепостников и правительства, выступил с призывом к народной революции.

Буржуазные ученые и политические дельцы в конце XIX и начале XX столетий тщетно пытались фальсифицировать образ Радищева. Они хотели присвоить Радищева себе, сделать его своим патроном. Они изображали его буржуазным либералом, одиночкой, лишенным среды, оторванным от жизни, кабинетным теоретиком. Все это совершенно неверно. Появление Радищева было подготовлено. У него были предшественники в русской литературе и пуб-

¹ Сочинения, т. XVIII, стр. 81.

лицистике; мыслители меньшей силы и глубины, но мыслители демократической идейной направленности. Сам он был человеком действия. Его „Путешествие“ — лучшее доказательство этому. Это — книга активная, пропагандистская. Эта книга — не только великое произведение человеческой мысли, но и героический поступок гражданина-революционера. В посвящении к „Путешествию“ Радищев писал: „Я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению, и — веселие неизреченное — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть в благоденствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь“. Все произведения Радищева агитационны в лучшем смысле слова, — все до самого конца жизни Радищева.

Когда он вернулся из Сибири, в вынужденном бездействии, под полицейским надзором, он работал над „Описанием моего владения“. Это был агрономический и экономический трактат, в котором Радищев хотел научно доказать необходимость освобождения крестьян. Он „принимался за старое“, как его ни мучили.

Таким же борцом за свободу без страха и упрека он был и во время следствия 1790 года.

Нужно помнить, что в условиях тайного следствия, которое вел палач — „кнутобойца“. Шешковский, превратить допросы в средство пропаганды революционных идей было невозможно. Радищев был потрясен всем случившимся с ним, хотя знал о возможности такой участи еще тогда, когда писал книгу; недаром в „Путешествии из Петербурга в Москву“ он говорил царю о самом себе словами страницистыны: „Блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника, ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все перед ним трепещет“ („Путешествие“, глава „Спасская Полесь“).

Отвечая на допросы в Петропавловской крепости, Радищев поставил себе целью не дать Шешковскому и Екатерине никаких сведений о своей революционной работе; он не назвал ни одного „соучастника“, хотя его окружала до ареста довольно многочисленная группа учеников и единомышленников. Свою самозащиту Радищев вел вообще очень умно, не уступая своим мучителям и не отрекаясь от основы своих убеждений. Сидя в тюрьме, он захотел рассказать правду о себе своим детям, а может быть и потомству; таково происхождение автобиографической повести о Филарете Милостивом. В ней Радищев решил сказать всю истину, решил с полным сознанием величия своего дела написать свое собственное „житие“, житие праведника.

Процесс не сломил Радищева, как не сломила его и Сибирь. Это достаточно удостоверено его сочинениями 1792—1802

годов: и философским трактатом о человеке, и „Описанием моего владения“, и стихотворением „Ты хочешь знать, кто я“, и „Песнью исторической“ и многим другим.

Радищев был человеком осторожным и в то же время решительным. Он не был писателем, который довольствовался книжным бунтом. Еще перед катастрофой 1790 года он использовал все возможности борьбы. Он рвался к практической, революционной общественной деятельности.

Даже сознание трудности, может быть невозможности установить непосредственную связь с народом не могло заставить Радищева сидеть сложа руки, быть только наблюдателем или даже изобразителем рабства. Он искал союзников, искал среды для пропаганды. До нас дошло очень мало материалов о деятельности Радищева как агитатора и организатора, и это понятно, так как все следы такой деятельности уничтожались. К тому же Радищев вел работу, видимо, стремясь законспирировать ее. Но что такая деятельность была, это мы можем утверждать с несомненностью. В особенности она оживилась в 1789 году вместе с общим подъемом волны революции в Европе. Это был благоприятный момент, и Радищев использовал его не только в том отношении, что он завел типографию у себя на дому и напечатал в ней сначала почти революционную брошюру, а затем революционную книгу. В 1789 году в Петербурге образовалось политическое литературное „Общество друзей словесных наук“, объединившее молодых литераторов, офицеров (главным образом моряков), чиновников. Радищев вступил в это общество и повел в нем свою пропаганду; он оказывал влияние и на печатный орган общества — журнал „Беседующий гражданин“. Он сделался одним из руководителей общества. В журнале он напечатал свою статью „Беседа о том, что есть сын отечества“. В связи с обществом находились и другие группы, напр. кружок И. Г. Рахманинова, к которому примыкал и юноша Крылов. Влияние Радищева на этот кружок бесспорно.

Ко времени выхода в свет „Путешествия“ Радищев был крупной фигурой в Петербурге. Довольно видный чиновник, друг одного из представителей аристократической фронды — Воронцова, человек уже не молодой, вполне зрелый, мыслитель огромного размаха и невиданной еще в России глубины, человек энциклопедических знаний, он не мог не imponировать молодым, горячим свободолюбцам. Его влияние становилось опасным для правительства помещиков, тем более что он имел связи в различных кругах, — и среди литераторов, и среди офицерства, и среди купечества русского и иностранного и даже в вельможном кругу.

В том же 1789 году Радищев предпринял шаги к тому, чтобы расширить свою деятельность, установив связь с Городской Думой, а затем попытался перейти от пропагандистской

работы к организации вооруженной силы. В мае 1790 г. морская война с Швецией приняла оборот, опасный для Петербурга. В этот момент Радищев проявил инициативу организации ополчения из добровольцев, вооруженных для защиты города. Осуществила эту инициативу Городская Дума, которая вынесла постановление о наборе команды в 200 человек, о снабжении ее амуницией и содержании ее на общественном жаловании. При этом брали в ополчение и беглых от помещиков крестьян. 6 июня 1790 года Радищев был арестован. В начале июля дело его было в полном разгаре. И вот 10 июля Екатерина приказала Брюсу „беглых помещичьих людей“ из батальона Думы отдать помещикам, которые захотят взять их, а остальных поверстать в обычные рекруты, в солдатчину. В какой связи стоит распоряжение Екатерины с делом Радищева — не ясно. Но вовсе не исключена возможность, что Екатерина вообще узнала во время следствия, — и не от Радищева, — больше, чем это могло быть отражено в допросах Радищева. Она, вероятно, знала о деятельности Радищева помимо написания и издания книги. Во всяком случае сведения о работе Радищева в „Обществе друзей“ дошли до Екатерины.

В виде предположения может быть высказана мысль, что самая кара, павшая на голову Радищева, была обусловлена не только его революционной книгой, но и всей совокупностью сведений о Радищеве, бывших в руках правительства и освещавших ярким светом смысл и значение самой книги. В конце своих замечаний на „Путешествие“ Екатерина написала об авторе книги: „Вероподобие оказывается, что он себе определил быть начальником, книгою ли или инако исторгнуть скиптра из рук царей, но как сие исполнить один не мог, показывается уже следы, что несколько сообщников имел; то надлежит его допросить, как о сем, так и о подлинном намерении, сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правда любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудить мне сыскать доказательство и дело его сделается дурнее прежнего“. Радищев не сказал того, что хотела от него узнать Екатерина, и она исполнила свою угрозу.

*

Радищев был последним и наиболее блестящим из плеяды мыслителей-энциклопедистов XVIII столетия в России. В этом отношении за его плечами стояла традиция, начатая Ломоносовым и продолженная более скромными деятелями, вроде Я. П. Козельского. Именно эту традицию завершал Радищев, не уступавший в широте своих знаний лучшим людям мировой культуры XVII—XVIII веков. Радищев был хорошо знаком с достижениями науки его времени в области физиологии,

химии, физики, анатомии, минералогии, ботаники; он был политико-экономом и юристом по специальности, работал над историческими проблемами, написал обширный и блестящий философский трактат, говорил как знаток об агрономии в „Описании моего владения“ и о теории стиха в „Памятнике дактило-хореическому витязю“.

Но важнее, быть может, то, что Радищев несколько не был коллекционером знаний. Во всем и всегда, в каждом вопросе и в каждой науке он был все тем же борцом против феодально-крепостнической монархии, энтузиастом революции. Поразительны целеустремленность Радищева и глубоко активное отношение его ко всем вопросам. Он принципиален как мыслитель-революционер, о чем бы он ни говорил. Первое, основное и важнейшее для него — это всегда социально-политические проблемы. В „Путешествии“ он ставит множество других вопросов, — и все под единым углом зрения: он говорит о философии, праве, морали, о бытовых проблемах, о воспитании, об искусстве и литературе. Тем не менее „Путешествие“ — книга, совершенно единая по замыслу и по выполнению.

Политическое мышление Радищева опирается на учение французских просветителей и на Руссо, бывшего первым и основным учителем Радищева в этой области. Как философ Радищев приближается к последовательному материализму и в этом отношении подводит итог работе целого ряда русских мыслителей-вольнодумцев XVIII столетия, учеников Гельвеция и Гольбаха. Однако уже в освоении результатов французской литературы Радищев проявил высокую степень самостоятельности. Он несколько не пассивный ученик. Он сам — один из плеяды европейских просветителей XVIII века, притом один из наиболее сильных умов в этой блестящей плеяде. Он черпает не только из французских традиций, но и из английской. Наконец, он стремится преодолеть механистичность мировоззрения французского энциклопедизма на основе немецкой философии, английской исторической науки и политической экономии; он строит историческую динамическую концепцию общества, не покидая при этом революционных позиций, завоеванных французскими мыслителями. Но он старается осмыслить историю как закономерный процесс, найти законы ее движения, и этот историзм делает его в ряде вопросов более прозорливым, чем могли быть его французские предшественники.

Своеобразное философское и социально-политическое мировоззрение Радищева выросло на русской почве, хотя и вобрало в себя передовые элементы западной мысли. Именно условия русской действительности заставили Радищева быть не совсем тем, чем был даже Руссо. Именно крепостное рабство русских крестьян заставило его уяснить вопросы революции более отчетливо и шире, чем это мог

сделать любой из публицистов Франции XVIII века, даже Мабли. „Путешествие из Петербурга в Москву“ было рупором народного протеста и гнева, в наименьшей степени ограниченного узостью буржуазного кругозора. Мировоззрение Радищева в перспективе исторического развития является как бы предчувствием и утопического социализма и русского революционного народничества XIX века.

*

Первая, основная задача „Путешествия“ — борьба с крепостничеством, — как Радищев думал, — борьба с угнетением человека человеком вообще.

Радищев в ряде образов „Путешествия“ стремится показать неправоту, ужас, нелепость, варварство крепостного права. Но он не только хочет воздействовать на эмоциональность читателя, он не только вызывает у него чувства гнева и возмущения. Он доказывает свой тезис рационально. Он использует при этом аргументацию моральную, юридическую, наконец экономическую.

Основываясь на теории естественного права и естественного равенства всех людей, воспринятого в наиболее радикальной трактовке Руссо, Радищев протестует против угнетения человека человеком. Он показывает, что крепостничество развращает человека, морально губит рабовладельца и может погубить морально раба.

Мысль о разращении помещиков именно потому, что они рабовладельцы, проведена во всем „Путешествии“. Радищев подчеркивает, что никакие добродетели не свойственны дворянству. Нравственная порча отравила этот класс. Разврат, продажность, бескультурье, жестокость — свойства помещиков.

Помещичий класс в изображении Радищева в основном состоит из существ, утеравших право на звание человека и гражданина, — от вельможи до лакея-ассесора.

Разложению класса помещиков Радищев противопоставляет восторженную оценку достоинств народного характера. Этот контраст определяет многое даже в самом построении „Путешествия“ (см., напр., главу „Едрово“ после глав „Яжелбицы“ и „Валдай“). В „Сокращенном повествовании о приобретении Сибири“ Радищев писал: „Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский. О, народ, к величию и славе рожденный! Если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!“

В „Путешествии“ Радищев подробно обосновал свое народолюбие. Перед нами проходит целая вереница возвышенных образов; это крестьяне. Они сильны духом, они здоровы морально и физически; им принадлежит будущее. В среде

крестьян мы видим и талантливых людей, и людей с развитым моральным чувством, и людей, полных высоких доблестей.

В своем народолюбии Радищев готов даже впасть в некоторую идеализацию крестьянства. Но и это в условиях его времени имело объективно-революционный смысл. Радищев подчеркивал гражданские добродетели людей из народа, стремясь показать, что история принадлежит народу, тогда как помещики, как класс, осуждены на гибель: только народ-работник вмещает в себе добродетели, глубокие, правдивые чувства, подлинное человеческое достоинство. Только люди из народа умеют по-настоящему благородно жить и чувствовать. Угнетатели же народа лишены даже простых человеческих достоинств. Радищев не был либерально-благодушным эгалитаристом, его отношение к характеристике борющихся классов революционно. Здесь пролегал пропасть между ним и дворянским либерализмом. Карамзин говорил: „И крестьянки любить умеют“; Радищев говорил: „только крестьянки умеют любить“.

Такое отношение к народу определило и отношение Радищева к эстетической культуре народа. Интерес Радищева к фольклору имел иной характер, чем фольклорные увлечения русских писателей, работавших до него. Подражания народной поэзии у дворянских писателей означали допущение этой поэзии в круг явлений, признаваемых эстетически приемлемыми. Фольклоризацию более принципиальную мы видим у Чулкова и Попова. Но и у них нет, конечно, признания народной поэзии высшей ценностью, нет широкого философского подхода к ней. Радищев же, для которого моральная культура народа — высшая культура, видит в художественном творчестве народа основу подлинного искусства. Он чужд уважения к классическому космополитизму. Он усвоил точку зрения Гердера на национальную народную поэзию как на „голоса народов“ и считает, что произведения индивидуальной литературной культуры должны включаться в единую систему этих голосов народа.

Существенно и стремление самого Радищева творить на основе русского фольклора, выразившееся, напр., в его поэмах „Бова“ (Радищев считал „Бову“ народной сказкой, какой она в сущности и стала в XVIII веке) и „Песни древние“. В русской народной песне Радищев искал отпечатка свойств русского народа, его исторически сложившегося характера и, — в этом специфическая черта Радищевского подхода, — его будущей судьбы, его возможностей в смысле революционного действия. Русская старина для Радищева — не сфера удаления от современности, а отправная точка для ориентировки в ней. В старинной русской поэзии он видит проявление того творческого национального духа, к восстановлению которого

он стремится, выступая против дворянской культуры. Пафос гражданской демократической героики, а не феодальный консерватизм побуждает Радищева писать поэму „Песни древние“, попытку воссоздания бытия и психологии древних славян; и к „Слову о полку Игореве“, использованному Радищевым в этой поэме, он относится таким же образом.

Основное социальное противоречие русской жизни, как она показана в „Путешествии“, — противоречие крестьянской массы и помещиков, — Радищев разрешал с позиций революционного народа. Существенно важны в этом смысле социальные оценки, данные Радищевым другим классовым группам русского общества его времени. Характеристика русских буржуа дана в „Путешествии“ в главе „Новгород“. Радищев дает здесь типическое изображение купеческой семьи, изображение глубоко отрицательное. Карп Дементьевич и его сын Алексей Карпович — мошенники, выгодно и ловко обдeldывающие свои темные дела. При этом они чувствуют себя превосходно в условиях российской помещичьей монархии. Они с полным удобством приспособились к „делу“ эксплуатации народа. Они хорошо ладили с правительством Екатерины, законодательство которого предоставляет им лазейки для их махинаций. Они — совершенно развращенные люди. Ложь, фальшивое благолепие, прикрывающее разврат, пьянство, дикость, — таков их отвратительный бескультурный быт. Никаких признаков прогрессивного самосознания у радищевских купцов нет. Они совсем не похожи на философствующих, передовых буржуа Седена или Мерсье. Напротив, для Радищева характерно положительное, сочувственное изображение разночинца-интеллигента в главе „Подберезье“.

Все это снимает вопрос о связи Радищева с идеологией русской буржуазии. Радищев хочет опереться в своей борьбе с крепостничеством не на нее, а на поработенный народ. Конечно, он связан с традицией западной, в частности французской буржуазной революционной мысли, но это не делает его буржуазным идеологом.

Радищев принадлежит к числу столь крупных деятелей культуры и социальной жизни вообще, рассматривать которых только в узко местном, так сказать, провинциальном масштабе невозможно. Его книга принадлежит истории всей Европы, и помять ее можно лишь на фоне общеевропейского исторического движения. Радищев был рупором великой буржуазной революции конца XVIII века; он был в значительной степени воспитан революционной мыслью западной буржуазии, но он применил ее достижения к условиям русской действительности, к условиям борьбы русского народа за свою свободу. Нельзя при этом забывать, что в пору своего революционного наступления французская буржуазия в борьбе с феодализмом возглавляла народные массы, что

буржуазная революция на своем подъеме опиралась на движение всего угнетенного феодализмом народа. Это определяет и отношение Радищева к буржуазной мысли Запада, но с характерными и специфическими чертами, связанными с тем, что он был идеологом именно русской революции. Радищев был идеологом анти-феодальных, анти-монархических, анти-помещичьих сил в русских условиях. Его буржуазные — в западно-европейском аспекте — идеи преломлялись в этих условиях в том смысле, что в них акцентировались именно элементы народного, т. е. в условиях его времени прежде всего крестьянского мировоззрения. Радищев объединил в своем сознании революционные элементы западно-европейской буржуазной мысли и чаяния русского крестьянства.

Радищев показывает крепостничество как страшное зло. Он показывает, что оно несправедливо, рисует жестокие картины дикого произвола помещиков, издевательства над крепостными, беспредельной эксплуатации их. Он доказывает, что крепостное право незаконно. С подлинно революционным пафосом он требует его уничтожения.

Заслуживает внимания и тот факт, что Радищев поставил с полной отчетливостью вопрос о социальном характере освобождения крестьян. Вопрос о земле, о том, кому должна принадлежать земля, крестьянину или помещику, еще долго после Радищева вызывал дискуссии и часто решался неправильно даже передовыми людьми. Еще у декабристов мы встретим мысль об освобождении крестьян без земли, т. е. с сохранением экономической власти помещиков. Радищев опередил свое время, разрешив этот кардинальный вопрос наиболее революционно, стремясь к полному устранению преобладания дворянства. Он требовал освобождения крестьян с передачей им всей земли.

*

Решение вопроса о крепостном праве определяет радищевское отношение к проблемам политического бытия России. „Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя“ — это, конечно, в первую очередь крепостничество, но это в то же время — вообще русская, помещичья, чиновничья, царская государственность, русская монархия. Радищев — решительный противник монархии. Он без сомнения считал единственно положительной формой правления республику. Самодержавие вызывает у него негодование. Еще в 1773 году в примечании к своему переводу книги Мабли „Размышления о греческой истории“ Радищев писал: „Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние; мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти, но ниже закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников, опричь права собственности“ и т. д. В „Путеше-

ствии“ Радищев неоднократно говорит о царской власти и всегда принципиально осуждает ее. Ода „Вольность“ в основном направлена против монархии, которую Радищев проклинает. Екатерина была совершенно права, когда писала в своих заметках о „Путешествии“, что „сочинитель везде ищет случай придрататься к царю и власти“, и в другом месте: „Сочинитель не любит царей и, где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкой смелостию“.

С вопросом о самодержавии Радищев теснейшим образом связывает вопрос о бюрократии и церкви. В оде „Вольность“ он рисует союз церкви и монархии в строфе X, после того как дана уничтожающая характеристика реакционной роли церкви в обществе:

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает.
Союзно [т. е. вместе. Гр. Г.] общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
„На пользу общую“,—рекут.

Бюрократия, различные звенья правительственной машины, различные представители власти проходят целой вереницей образов и зарисовок в „Путешествии“. Радищев подчеркивает бесчеловечие, тупость, жестокость всей системы управления в России его времени, разращение властей, начиная от вельмож и вплоть до мелких чиновников. Все эти „деятели“ правительства — враждебная народу сила. Вступив в борьбу с крепостнической монархией, Радищев не только в общих чертах показал ее механизм как систему произвола и угнетения, но показал конкретные черты ее в России в XVIII столетии. Его книга вообще конкретна; она дает совершенно точные данные о социальной жизни его страны и его времени; как политический мыслитель Радищев не был мечтателем или „теоретиком“, обсуждающим вопросы государственного устройства в „академическом“ плане, но активным политическим деятелем, стремящимся к реальному воздействию на окружающую его среду. Ставя проблему монархии, Радищев имел в виду и монархию вообще и непосредственно деятельность Екатерины II и Потемкина. Практика помещичьего правительства и в частности суда, как это показывает Радищев, имеет своим содержанием грубое подавление, классовый террор. Не на право опирается помещичий строй, а на откровенное насилие, и руководствуется он классовым эгоизмом помещиков. Вывод из всего этого ясен. Общество обязано пресечь губительную власть монархии и помещиков. Против насилия есть лишь один способ борьбы: насилие. Так перед Радищевым и перед его читателем ставится вопрос о революции.

Радищев знает, что тиранство монарха не есть результат случайных низких моральных свойств его. Он знает, что вопрос о монархе есть общий вопрос о монархии.

Спасти народ от тирании помещиков и царя может одно: революция, — такова мысль Радищева.

Нет необходимости останавливаться на опровержении фальсификаторских взглядов буржуазных ученых, изображавших Радищева либералом, отрицавших его революционность, заявлявших, что Радищев обращался со своей книгой к Екатерине и что он якобы хотел договориться с ней, ожидал от нее реформ, отречения от основ ее власти. Все эти откровенные извращения учения Радищева слишком явно ложны. Нелепо истолкование сна в „Спасской Полести“ как обращения к Екатерине. Было бы безумием со стороны Радищева писать о Екатерине такие смелые вещи, задевать ее лично, если бы он хоть на секунду мог надеяться убедить царицу. Да разве Радищев не закончил свое „Письмо к другу, жительствоющему в Тобольске“ словами: „... нет и до окончания мира примера может быть не будет, чтоб царь упустил добровольно что-либо из своей власти, седая на престоле“.

Знаменитое заключение главы „Медное“ в „Путешествии“ недвусмысленно отвергает возможность всякого сомнения в данном вопросе, „... свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения“.

Это — призыв к революции и именно народной, крестьянской революции, уверенность в ее неизбежности. Екатерина II, которая гораздо лучше понимала мировоззрение Радищева, чем буржуазные историки, по поводу этого места его книги записала: „то есть надежду полагает на бунт от мужиков“. Эта формулировка совершенно верна. Вообще Екатерина не ошиблась в своей характеристике революционности позиций Радищева. В своих замечаниях на „Путешествие“ она писала: „... ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям к привлечению народа в негодование противу начальников и начальства“; „все сие клонится к возмущению крестьян противу помещиков, войск противу начальства“; „проскакивают паки слова, клонящиеся к возмущению“, „с 350 до 369 [страниц] содержит послучие будто стихотворчеству, ода, совершенно явно и ясно бунтовской, где царям грозитя плахою. Кромвелев пример приведен с похвалою. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские“. Своему секретарю Храповицкому Екатерина сказала о Радищеве, „что он бунтовщик хуже Пугачева“.

Та же мысль, что в конце главы „Медное“, изложена Радищевым в „Житии Ушакова“, в этой замечательной псев-

сти о студентах, в живых образах ставящей вопросы деспотии и революции. Речь идет о гофмейстере (начальнике) русских студентов в Лейпциге Бокуме. „Имея власть в руке своей и деньги, забыл гофмейстер наш умеренность и, подобно правителям народов, возмнил, что он не для нас с нами, что власть, ему данная над нами, и определенные деньги не на нашу были пользу, но на его... Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства [т. е. монархии. Гр. Г.]. Глад, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Не доведи его токмо до крайности. Но сего-то притеснители частные и общие, по счастью человечества, не разумеют... Пребуди, благое неведение, всецело, пребуди нерушимо до окончания века, в тебе почил сохранность страждущего общества. Да не дерзнет никто совлещи покров сей с очей власти, да исчезнет помышляяй о сем и умрет в семени до рождения своего“.

Неужели же можно думать, что написавший последнюю приведенную фазу хотел убедить царицу, т. е. сделать то, что он считал преступлением. Наоборот, он заявляет, что безумие властителей приводит к революции; он благословляет это безумие; следовательно, он считает революцию благом и жаждет скорейшего ее наступления. Он призывает революцию со всем пафосом революционного писателя; он оправдывает ее с правой точки зрения; он считает ее неизбежной как историк.

Именно конкретность мышления Радищева побудила его поставить вопрос о революции — и конкретно о русской революции — не только в том смысле, что она желательна и законна, но и в том смысле, что она неизбежна, что она произойдет даже независимо от того, хочет ли ее сам Радищев или любой другой политический деятель или не хочет. Здесь Радищев становится на почву фактов истории. Здесь он делает первый шаг к преодолению метафизического рассмотрения вопросов политики, характерного для французских просветителей XVIII столетия.

Перед Радищевым стоит вопрос о том, каковы реальные возможности революции в России, т. е. насколько русское крестьянство способно к восстанию. Он пытается разрешить этот вопрос, исходя из изучения национального характера русского народа и из объективных исторических условий, в которые он поставлен. Он считает, что и то и другое предрешает неизбежность революции. Необходимо напомнить, что Радищев был единственным из всех писателей XVIII и начала XIX веков, который осмелился говорить о Пугачевском восстании не только без ужаса и ненависти, не только без осуждения, но с сочувствием. Пугачевское вос-

зание является для него доказательством того, что порабощенный народ России готов подняться против своих угнетателей. В то же время Радищев видит, что от Пугачевского восстания до той революции, которую он призывает, еще далеко. Именно поэтому Радищев и говорил о грядущей революции: „Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие“ и в другом месте: „О! горестная участь многих миллионов, конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих...“

Настаивая на неизбежности революции и прославляя ее, Радищев должен был отвести обычное в его время (да и позднее) возражение, связанное с вопросами культуры и государственного строительства. Как же быть с культурой, кто будет управлять государством? Ведь дворянские литераторы и даже дворянские либералы считали, что именно культура, дворянская „честь“, традиции дворянства оправдывают его привилегии и господствующее положение, что народ один без помещичьего руководства не сможет сохранить государство. Подобные теории выдвигают и у Радищева крепостники-судьи против г. Крестьянкина („Путешествие“, глава „Зайцево“). Радищев отвечает помещичьим идеологам в главе „Городня“: „О! Если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашу обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены“.

*

Центральным произведением Радищева было „Путешествие из Петербурга в Москву“, книга, над которой он работал много лет и которая была делом его жизни. Но облик Радищева был бы не полон, если бы мы захотели оценить его только исходя из „Путешествия“. Философские взгляды свои Радищев развернуто изложил в трактате „О человеке, его смертности и бессмертии“. „Мировоззрение Радищева, как оно выражено в первой половине трактата, насквозь материалистично“, — пишет исследователь философии Радищева И. К. Луппол; и лишь под влиянием тяжких ударов жизни Радищев „пытался не убеждать, а утешать себя тем, что быть может, существует еще какая-то другая жизнь“.

Вопросы гражданской морали, воспитания, политики освещены в „Житии Ушакова“. Юридические работы Радищева замечательны глубиной и принципиальностью постановки вопросов общественного бытия.

Большое значение имеют и стихотворения Радищева. Поэтическое дарование его было оригинально и ярко. Пушкин оценил Радищева как поэта достаточно высоко. Вообще Радищев был мастером слова крупного масштаба. Его психологический очерк „Дневник одной недели“, написанный в самом начале его творческого пути, показывает, насколько остро и глубоко понимал он художественные проблемы современности. И в этом отношении наиболее замечательное произведение Радищева — „Путешествие из Петербурга в Москву“. Это — книга глубокая и в непосредственно эстетическом смысле. Радищев был мастером, художником слова, и его книга — одно из замечательнейших явлений русской художественной литературы.

Как художественное произведение, „Путешествие“ вобрало в себя наиболее прогрессивные течения западной литературной мысли, в такой же мере как мировоззрение Радищева вообще построено на элементах западной революционной идеологии, что не мешает ему быть и в художественном смысле глубоко оригинальным и вполне русским литературным явлением.

Изучение „Путешествия из Петербурга в Москву“ остро ставит вопрос о реалистических элементах русской литературы второй половины XVIII столетия. Книга Радищева является произведением „зрителя без очков“, как назвал автора „Путешествия“ А. Р. Воронцов, человека, наиболее прямо, наиболее правдиво, наиболее отчетливо видевшего и изображавшего действительность из всех писателей XVIII века. Это было обусловлено революционностью всего мировоззрения Радищева.

Радищев воспринял культуру западного сентиментализма от наиболее передового, революционного из писателей данного стиля, от Жана-Жака Руссо, литературная деятельность которого была мощным орудием разрушения феодального мира и построения демократического мировоззрения. Радищев — один из наиболее ярких представителей европейского сентиментализма, хотя именно в его творчестве человек представлен в его социальном функционировании, и это поднимает Радищева выше его западных учителей. Правила и образцы классицизма для Радищева не существуют; он хочет писать о настоящей жизни и настоящих людях. Его центральное произведение написано в жанре сентиментальных путешествий, но и здесь, как и во всем, Радищев самостоятелен. Его интересует не столько психология его героев, сколько социально-политическая среда, его окружающая.

Основой культуры, как и основой общественного бытия, по Радищеву, является личность, претендующая на право жизни, на свободу, счастье, творчество; Радищеву принадлежит первая большая критико-биографическая работа о рус-

ском писателе („Слово о Ломоносове“), именно он впервые поставил творчество поэта и даже ученого в связь с его характером и биографией.

Эта черта мировосприятия Радищева была формой усвоения и в то же время формой выражения вполне реального, конкретного мира, общества и природы. В историческом смысле, по отношению к литературе дворянского классицизма, искусство Радищева было новаторским именно в качестве реалистического искусства. Радищев видит людей, вещи, отношения и события сквозь призму личного восприятия, но он видит весь этот мир и стремится изобразить его так, как он видит его. Реальность, признававшаяся дворянской классической поэзией, метафизична. Наоборот, объект изображения в творчестве Радищева конкретен и реален.

Радищев описывает единичные, неповторимые события, данные, реальные факты. Все то, что он описывает, типично, но не как условное выражение предвзятой концепции, а как характерное проявление общественной структуры, самой по себе специфической, исторически данной и конкретной. Если политические романисты типа Фенелона, а в России Хераскова, разбирали в своих произведениях вопросы бытия государства вообще, то Радищев в „Путешествии“ ставит вопрос именно о данном государстве, о России со всеми конкретными ее особенностями, с ее общественно-политическим укладом. Изображая людей, Радищев старается наделить их индивидуальной характеристикой, иногда описывает их внешность. При этом опять он дает черты типические, в его представлении, для социального типа, но самый тип понимается по-новому, и степень характерности облика этого типа строится на новом основании. Портрет ассесора из главы „Зайцево“ или губернатора из „Спасской Полести“ в „Путешествии“, или яркий психологический рисунок в изображении крепостного интеллигента в главе „Городня“ и др. — могут служить примерами характерологической манеры Радищева. Показательны черты внешнего портрета купеческой семьи в главе „Новгород“: „Карп Дементьевич — седая борода в восемь вершков от нижней губы, нос кляпом, глаза ввалились, брови как смоль, кланяется об руку, бороду гладит, всех величает — благодетель мой“ и т. д. — описание всех членов семьи.

Реалистическим новаторством явились в „Путешествии“ Радищева и зарисовки подлинного, конкретного быта. Поэзия Державина отчасти подготовила интерес к быту, так же как творчество Фонвизина. Но принципиально новый характер приобретает „бытовизм“ у Радищева, который подошел к обыденщине как обличитель, с намерением сорвать с нее покровы. Именно эта сила социального протеста, отрицания и борьбы дала возможность Радищеву показать быт конкретно и реали-

стично. Напомню описание крестьянской избы в главе „Пешки“, историю с устрицами в „Спасской Полести“, трагедию, описанную в главе „Зайцево“, и др.

Прогрессивная в XVIII веке западная буржуазия внесла в искусство принцип активности, пропагандистской динамичности, открытой идейной направленности. Соответствующую позицию в русской литературе занял и Радищев.

Радищев хотел не только увидеть и сказать правду о своей стране, но он хотел в то же время открыто ввести литературу в круг активных факторов социальной борьбы. „Путешествие“ целиком пропитано публицистикой, политикой, идеями о воспитании, философией. При этом весь пропагандистский материал не сочетается с элементами словесного искусства в порядке педагогического облегчения серьезного чтения. Наоборот, — он органически, изнутри строит свое словесно-художественное оформление, он является художественным материалом по преимуществу. Для Радищева сущность искусства заключается в его активности; пропагандистский характер есть для него один из основных признаков эстетического факта. Радищев осуществил на русской почве тот момент в развитии художественной идеологии Европы, который, может быть, наиболее четко был реализован в революционной Франции, где словесное искусство дало едва ли не высшие свои достижения в революционных приказах по армии, в политических статьях Марата.

Как стилист Радищев необычайно смел; он ищет неиспробованных форм для нового содержания, для реалистического изображения быта, для психологического анализа, для революционных идей и революционного пафоса. Его язык иногда сложен, синтаксис запутан, слова необычны, речь ритмична. И все же он ни в малой мере не орнаменталист, так как в его стиле нет нисколько эстетизации языка как якобы самостоятельной художественной сферы.

Впервые возникшая в России философская мысль требует для выражения сложных связей идей и понятий сложного построения фразы. Новизна самих понятий и новое освещение старых требуют словаря необычного, соответствующего новизне этих понятий. Эмоциональный подъем требует ритма, а пропагандистская установка — ораторской интонации.

Язык Радищева весьма разнообразен. Каждое его произведение пестро по своему стилистическому составу, и каждая тема приносит с собою свой стилистический рисунок. У Радищева нет единого, общего для всех его произведений или даже единого для целого произведения стиля. „Путешествие“ различно по языку. Бытовые сцены написаны разговорным, живым, легким языком. Они реалистичны и в стилистическом отношении. Другие отрывки, напр. рассказ о сестрорецких

путешественниках в главе „Чудово“, написаны более „высоким“, более литературно-условным языком. Наконец, там, где Радищев говорит о политике, о философии, о праве человека и гражданина, — он говорит славянским, напряженно-торжественным, библейским и в то же время ораторски-страстным языком. Он умеет и дифференцировать язык персонажей. Купец, семинарист, поэт, помещик, крестьянин говорят у него разными языками.

Радищев стремился к тому, чтобы стиль каждого места его произведения наиболее полно и выразительно соответствовал содержанию этого места. Тот же принцип сохранял он и в применении к русскому стиху. Поиски ритмического обогащения русского стиха характерны для поэтического творчества Радищева. Они находят полное соответствие в его теоретических работах („Памятник дактило-хореическому стиху“, глава „Тверь“ в „Путешествии“), так же как в стихах его, высоко оцененных Пушкиным. Перед Радищевым стояла задача произвести революцию в русской литературе, в самых формах ее, и он разрешал эту задачу. Влияние художественных реформ Радищева на поэтов начала XIX столетия было значительно.

*

Царское правительство бросило Радищева в ссылку, а позднее довело его до самоубийства. Царское правительство осудило Радищева на забвение. „Путешествие“ было уничтожено и смогло быть издано в России в сколько-нибудь доступном для читателя виде только через сто с лишком лет после смерти Радищева, во время революции 1905 года. Самое имя Радищева в течение ряда десятилетий было запретным именем.

Однако все усилия царской цензуры и полиции были тщетны. Пушкин написал:

„Радищев, рабства враг, цензуры избежал.“

Проповедь Радищева дошла до потомства. Не одно поколение русских революционеров испытало ее благотворное воздействие. И теперь, в стране победившего социализма, в великой Стране Советов, народы, строящие светлую жизнь для человечества, помнят и чтут того, кто „нам вольность первый проричал“.

Г. Гуковский

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВОЛЬНОСТЬ

ода

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О, вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет изшел и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой—воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;

Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю;
Родился в обществе закон.

4

В середине злачных долины,
Среди тягченной жатвы нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Пароска мрамора белее,
Яснейших дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
Конец невинности бедам.

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Без слуха зрится хладноравно,
Велико божество судяй;
Белее снега во хламиде,
И в неизменном всегда виде,
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие ошую;
Се храм закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вкруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавдя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенных тли;
Родства не знает, ни приязни;
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,—
Его отчизна там,—гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обианывать и льстить умеет,
И слепо верить нам велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
Закон се божий, — царь вещает;
Обман святой, — мудрец взывает,
Народ давить что ты обрел.

9

Сей был, и есть, и будет вечной
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал.

10

Возрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,

В царе зря образ божества.
 Власть царска веру охраняет,
 Власть царску вера утверждает;
 Союзно общество гнетут;
 Одно сковать рассудок тщится,
 Другое волю стерть стремится;
 На пользу общую,—рекут.

11

Покоя рабского под сенью
 Плодов златых не возрастет;
 Где все ума претит стремленью,
 Великость там не прозябет.
 Там нивы запустеют тучны,
 Коса и серп там несподручны,
 В сохе уснет ленивый вол,
 Блестящий меч померкнет славы,
 Минервин храм стал обветшалый,
 Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
 Прияв железный скипетр, царь,
 На громном троне властно севши,
 В народе зрит лишь подлу тварь.
 Живот и смерть в руке имея:
 „По воле,—рекл,—щажу злодея;
 „Я властью могу дарить;
 „Где я смеюсь, там все смеется;
 „Нахмурюсь грозно, все смятется;
 „Живешь тогда, велю коль жить.“

13

И мы внимаем хладнокровно,
 Как крови нашей алчный гад,
 Ругаяся всегда бесспорно,
 В веселы дни нам сеет ад.
 Вокруг престола все надменна
 Стоят коленопреклоненно;
 Но мститель, трепещи, грядет;

Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя.

15

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел.
„Преступник власти мною данной!
„Вещай, злодей, мною венчанной,
„Против меня восстать как смел?

16

„Тебя облек я во порфиру
„Равенство в обществе блюсти,
„Вдовицу призирать и сиру,
„От бед невинность чтоб спасти;
„Отцем ей быть чадолюбивым,
„Но мстителем непримиримым
„Пороку, лжи и клевете;
„Заслуги честью награждати,
„Устройством зло предупреждати,
„Хранити нравы в чистоте.

17

„Покрыл я море кораблями,
„Устроил пристань в берегах,
„Дабы сокровища торгами
„Текли с избытком в городах;
„Златая жатва чтоб бесслезна
„Была оранию полезна;
„Он мог вещать бы за сохой:
„Бразды своей я не наемник,
„На пажитях своих не пленник,
„Я благоденствую тобой.

18

„Своих кровей я без пощады
„Гремящую воздвигнул рать;
„Я медны изваял громады,
„Злодеев внешних чтоб карать;
„Тебе велел повиноваться,
„С тобою к славе устремляться;
„Для пользы всех мне можно все;
„Земные недра раздираю,
„Металл блестящий извлекаю
„На украшение твое.

19

„Но ты, забыв мне клятву данну,
„Забыв, что я избрал тебя,
„Себе в утеху быть венчанну
„Возмнил, что ты господь, не я.
„Мечем мои расторг уставы,
„Безгласными поверг все правы,
„Стыдиться истины велел;
„Расчистил клевете дорогу,
„Взывать стал не ко мне, но к богу,
„А мной гнушаться восхотел.

20

„Кровавым потом доставая
„Плод, кой я в пищу насадил,
„С тобою крохи разделяя,

„Своей натуги не щадил.
„Тебе сокровищей всех мало!
„На что ж, скажи, их недостало,
„Что рубище с меня сорвал?
„Дарить любимца, полна лести,
„Жену, чуждающуюся чести!
„Иль золото богом ты признал?

21

„В отличность знак изобретенный
„Ты начал наглости дарить;
„Злодею меч мой изощренный
„Ты стал невинности сулить.
„Сгруженные полки в защиту
„На брань ведешь ли знамениту
„За человечество карать?
„В кровавых борешься долинах,
„Дабы, упившись, в Афинах:
„Герой!—зевав, могли сказать.

22

„Злодей, злодеев всех лютейший,
„Превзыде зло твою главу,
„Преступник, изо всех первейший,
„Предстань, на суд тебя зову!
„Злодействы все скопил в едином,
„Да ни едином преидет мимо
„Тебя из казней, супостат.
„В меня дерзнул острить ты жало.
„Единой смерти за то мало,
„Умри! умри же ты сто крат!“

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;

Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспослал призрак, мглу густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своим;
Не спасшему от бед как мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

26

Сломив опор духовной власти,
И твердой мщения рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трезубый затмевая
И жезл священства преломляя,
Проклятий молнии утушил;
Смеясь мнимого прещенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

27

Как сый всегда в начале века
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг—и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша древню смесь спокоил;
Стихиями он все устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творить
Возмог, протекши пустотою,
Зиждательной своей рукою
Светило дневно утвердить.

29

Так дух свободы, разоряя
Вознесшейся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.

30

Под древом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,

Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится,
Не чуждый вождь, брежет свое;
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачиха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет;
Себе всяк сеет, себе жнет.

32

Исполнив круг дневной работы
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце, без заботы,
В объятиях супружних спит;
Не господу рукой надменна,
Ему для казни подаренна,
Невинных жертв чтоб размножал;
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежной,
Помощницу себе избрал.

33

Он любит, и любим он ею;
Труды—веселье, пот—роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всещедре бога, в простоте,

Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцев что кормит в нагоде.

34

Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится,—
Вождем тут воин каждой зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь—свобода, Вашингтон.

35

Двулична бога храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжество меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает;
Свободы зрится тут держава;
Награда тут едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественной встает устав;
Погрязла в тине властна скверность;
Едина личная отменность
Венец возможет восхитить;
Но не пристрастию державну,
Опытностью лишь старцу славну
Его довлеет подарить.

37

Венец, Пиндару возложенный,
 Художества соткан рукой;
 Венец, наукой соплетенный,
 Носим Невтоновой главой;
 Таков, себе всегда мечтая,
 На крыльях разума взлетая,
 Дух бодр и тверд возможет вся;
 [По всей вселенной пронесется;]
 Миров до края вознесется:
 Предмет его суть мы, не я.

38

Но страсти, изошряя злобу,
 Враждебный пламенник стрясут;
 Кинжал вонзить себе в утробу
 Народы пагубно влекут;
 Отца на сына воздвигают,
 Союзы брачны раздирают,
 В сердца граждан лиют боязнь;
 Рождается несытна власти
 Алчба, зиждущая напасти,
 Что обществу устроит казнь.

39

Крутится вихрем громоносным,
 Обвившись облаком густым,
 Светилом озарясь поносным,
 Сияньем яд прикрыт святым.
 Зовя, прельщая, угрожая,
 Иль казнь, иль мзду ниспосылая—
 Се меч, се золото: избирай.
 И сев на камени ехидны,
 Лестей облек в взор миловидный,
 Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла, возмутивши
 Спокойство шаткое римлян,
 В сердцах пороки возродивши,

В наемну рать вместил граждан,
Ругаясь всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У Римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили—правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкою душою,—
Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзит;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенство,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблисташь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Со вечностью ты свой полет:

Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится,
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему во след стремленью
Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борит,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О! вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдайте дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лязя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен—
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Придешь на гроб мой обветшалый
Дабы со чувствием вещал:
„Под игом власти, сей, рожденный,
„Нося оковы позлащенны,
„Нам вольность первый прорицал“.

48

И будет, вслед гремящей славы
Направя бодрственно полет,
На запад, юг, восток державы
Своей ширить предел; но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты даешь закон.

49

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз.
Лучу истекшу от светила
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве он теряет мощь;
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабевает;
Ползущего глотает ночь.

50

В тебе когда союз прервется,
Стончает мненья крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,

Блюсти всяк будет свою часть;
 Тогда, растерзано мгновенно,
 Тогда сложенье твое бренно,
 Содрогшись внутренно, падет,
 Но праха вихри не коснутся,
 Животны семена проснутся,
 Затускло солнце вновь даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
 Среди огней, кровавых рек,
 Средь глада, зверства, язвы темной,
 Что лютый дух властей возжег—
 Возникнут малые светила;
 Незыблемы свои кормила
 Украсят дружества венцем,
 На пользу всех ладью направят,
 И волка хищного задавят,
 Что чтит слепец своим отцем.

52

Но не приспе еще година,
 Не совершились судьбы;
 Вдали, вдали еще кончина,
 Когда иссякнут все беды!
 Встрещат заклепы тяжелой ночи;
 Упруга власть, собрав все мочи,
 Вкатясь где потщится пасть,
 Да грузным махом вся раздавит,
 И стражу к словеси приставит,
 Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
 В вертепе плача возревет.
 Приидет вожделенно время,
 На небо смертность воззовет;
 Направлена в стезю свободой,
 Десную ополча природой,
 Качнется в дол—и страх пред ней;

Тогда всех сил властей сложенье
[Приидет во изнеможенье]
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине—
Рекл... яркий свет пустил свой луч,
И ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

ТВОРЕНИЕ МИРА

ПЕСНОСЛОВИЕ

Хор

Тако предвечная мысль, осеняясь собою
И своего всемогущества во глубине
Тако вещала, егда все покрытые мглою
Первенственные семена, опочив в тишине,
5 Действия чужды и жизни восторга лежали,
Времени круга миры когда не измеряли.

Бог

Един повсюду и предвечен,
Всесилен бог и бесконечен;
Всегда я буду, есмь и был,
10 Един везде вся исполняя,
Себя в себе я заключая,
Днесь все во мне, во всем я жил.
Но неужель всегда пребуду
Всесилен мыслью, мыслью бог?
15 И в недрах божества забуду
То, что б начати я возмог?
Или любовь моя блаженна
Во мне пребудет невозженна,
Безгласна, томна, лишь во мне?
20 Всевечно жар ее пылая,
Ужель бесплодно истлевая
Пребудет божества во дне?
Расширим себе пределы,
Тьмой умножим божество,
25 Совершим совета меры,
Да явится вещество.

Хор

Вострепещи днесь, упругое древле ничто;
 Ветхий се деньми грядет во могуществе стройном,
 Да сокрушит навсегда смерть в царстве покойном,
 30 Всюду да будут жизнь, радость, утечи.

Бог

Но что

Начнем?—

Речем—

Возлюбленное слово,
 О, первенец меня;
 35 Ты искони готово
 Во мне, я ты, ты я.
     Тебе я навсегда вручаю
     Владычество и власть мою,
     В тебе любовь я заключаю,
 40 Тобою мир да сотворю.

Исполнь божественны обеты,
 Яви твореньем божество,
 Исполнь премудрости советы,
 Твори жизнь, силу, вещество.
 45 Тобою я прославлюсь,
     Бездействия избавлюсь,
     Ты то явишь, что я возмог,
     А я в себе почию бог.

Хор

Мертвые днесь развевайтесь сени,
 50 Жизни начало зиждитель дает;
 В жизни всегдашней не будет премены,
 Мрачна пустыня познает, что свет.

Слово

Начнем творить,—что медлю я?
 Иль воля вечного бессильна?
 55 Иль мысль его не изобильна?
 Иль зрит препону власть моя?

Часть хора

Нежная любовь тревожит
 Бесконечные судьбы,
 И гаданье скорби множит
 60 Мира будущи беды.

Часть хора

Отверзись мрачная пучина,
 Грядущего пади покров,
 Явися будуща судьбина,
 Предел тебе положит бог!

Хор

65 Се исчезает пред взором всезрящим
 Века не суща еще темнота,
 Се знаменуют рок словом горящим
 Мира грядуща всевечны уста.

Бог

Единым взором все объемля,
 70 Что было, есть и может быть,
 Закону моему не внемля,—
 Во страхе господа ходить,
 Я зрю, что тварь не пожелает,
 Кичася гордостью, взмечтает,
 75 Что всей она природы царь.
 О бренна и немощна тварь!
 Почто против отца дерзаешь?
 Или, ослушна, быти чаешь
 Блаженною сама собой?
 80 Я мог бы днесь предупреждая
 И мысль мою переменяя,
 Быть твари повелеть иной.
 Не ярый слабостей я мститель,
 Отец всещедрый и зиждитель:
 85 Любовью к тебе горю.
 Чуждаться будешь совершенства,
 Но корень твоего блаженства
 В тебе нетленен сотворю.

Часть хора

О любовь несказанна,
90 Прѣжде века избранна,
В тебе жизнь и начало
В мире все восприяло.

Хор

Взора пространства пустыни все с трепетом вечно
В сретенье радостным ликом грядут,
95 Бездну безвежия зыблет днесь мочь бесконечна,
Мертвые жизнь семена с нетерпением ждут.

Часть хора

Божественна утроба рдеет
Клубя в рожденье вещество,
Любовь начально семя греет,
100 Твореньем узришь божество.

Слово

Мысль благая, совершайся,
И превечно исполняйся
Отца мудрости совет,
Да окрепнет в твердь пучина,
105 Неизмерима равнина,
Где пространство днесь живет.
Оживись, телесно семя,
Приими начало, время,
И движенье, вещество,
110 Твердость телом
Жизнь движеньем,—
Се вещает божество...

БОВА

ПОВЕСТЬ БОГАТЫРСКАЯ
СТИХАМИ

П л а н б о г а т ы р с к о й п о в е с т и Б о в ы

При тихом плавании Бова поет песню, соответственную своей горькой участи. Вдруг восстает буря; все струся молятся богу, всякой своим манером. Бова сидит один пригрюнясь, что раздражило матросов; они его бросают в море. Буря утихает, как будто нужно было для утишения ее, чтоб он был брошен. Бова между тем выкинут на берег; лежал долго, встал, идет и видит (описание острова похотливости). Игры, смехи, забавы стараются его целую неделю заводить в любовные сети, но он удерживает свое целомудрие, не ради чего, как по своей новости. Через неделю вся прелесть острова пропадает, и он превратился в пустыню; он ходит, находит костер зажженной, на котором горит зажженная змеиная кожа; он ее вынимает, но едва он сие сделал, как день померк, гром восстал; и он видит при сверкании молнии, видит ужасных чудовищ и проч. и между ими идущую жену прекрасную, но взору сурового. Несчастной, ты сохранил мою лютую злодейку и я тебе всегда буду мстить. Ее угрозы: не властна я в твоём теле, но в сердце твоём; я им тебя накажу. Между тем видит он из за горизонта восходящую будто зарю; мрак исчезать начинает, с ним и призраки и вид жены строговзорой; свет множится. Он видит летящую колесницу, везомую лебедями; опустилась, нисходит жена вида величественного, приятного; благодарит, что он ее кожу спас и возобновил ее юность. Повествует о духах, как они властвуют над человеком, а сами подвержены, чтоб умножаться, чрез семь дней обращаться в змий, и если их кожу кто унесет, то они становятся человеки, подверженные всем немощам людским, и по долговременной и дряхлой жизни, может быть, и смерти. Люба украла ее

кожу и уже сто лет ее держала, но он ее спас; в благодарность она ему обещает блаженство: силой и красотой одарила тебя природа, но берегись моей совместницы и лесь не принимай за любовь истинную. А чтоб то тебе познавать, вот тебе зеркало; когда, в страсти будучи, ты в него взглянешь, и оно чисто, то любим нелицемерно, ежели же тускло, то любовь плотская, и соперница моя близка. Когда же что захочешь от меня, то помысли и в зеркале увидишь, что тебе делать. Сказав, исчезла, остров и все из глаз пропало, и Бова очутился на том же песчаном берегу, где мы позабыли сказать, что, утомленный плаванием в буре, он заснул. Дивится сновидению своему, но еще больше дивится, видя близ себя малое зеркальцо. Не ведает, сон ли то или мечта. Идет, встречает старца, которой ему очень рад. Он его отводит домой, где его все принимают с радостью, дивятся ему, его омывают, наряжают в белое платье и объявляют ему, что он невольник по законам. Он им рассказал свою повесть, скрыв только свой чин. Плачет; из погибели в неволю.

На другой день его выводят на торжище, где его продают садовнику царскому. Сей отводит его в сад; он живет, работает и поет свою песню. Услышала царица, велела привести его к себе и, увидя его столь юна и широкоплеча, влюбилась. Начала к нему приступать. Идет в баню, куда и его зовут; он не соглашается. Его в комнатные наряжают, он стоит за ее стулом. Тут его увидела царевна, влюбляется, не знает, что чувствует, но они сходятся в саду и, зная, что худо делают, исполняют волю любви. Не долго они тем наслаждались; царица, гуляя в саду, их застаёт; ее ревность, бешенство, отчаяние; велит царевну запереть в терем, а его сослала на конюшню. Тоска его, отчаяние.

Между тем помышляет царь отдать дочь свою замуж, бояся следствий свидания с Бовою; клич кличут, чтобы все цари, царевичи и сильны богатыри съезжались на турнир, и кто всех победит, то будет ему зять. В назначенной день собираются на ратное место многие царевичи и богатыри; приходит царь с царицей, и приводят царевну. Унылость ее делала ее привлекательнее и черты ее опаснее. Сражаются.

Между тем Бова, горя о своем жребии, имея всегдашнее желание видеть царевну, вспомнил о своем зеркале, которое

всегда носил на шее, взглянул в него и видит себя в нем в богатырском уборе на коне; внизу сии слова: ступай на поприще и там увидишь. Пошел в конюшню царскую, седлает одного из коней, подле коего находит сбрую ратную богатырскую; латы, шлем пернатой, меч и копие. Наряжается и, опустив зрельницу, едет за город на место поприща. Уже все рыцари побились, и один остался над всеми победителем, разъезжает гордо; громко возглашает, вызывая на бой. Бова въезжает, пускают его; пускаются, копья их летят в дребезги, вынимают мечи и на скакав ударяют друг друга; у Бовы меч переломился; соперник его хочет с размаху в зрельницу ударить, но он уклонясь спрыгивает с коня и прискочив сдергивает всадника с коня и меч его вырвав отбрасывает. Схватываются бороться, и Бова, одолев его, повергает на землю, ставит колено на грудь, снимает шлем и принуждает признать себя побежденным. Тут к нему подступают все и ведут его торжественно; а соперник его скрылся от стыда, яростен и желая мщенья; сей был Лукопер, сын Хана Болгарского. Бова венчается царвною; она взолагает на него венец, говорит: будь счастлив, но не со мною. Ах, прекрасная, ужели Бова недостойн стал тебя, или твоя любовь переменилась? но, хотя победитель, ведаю, что не могу еще быть твоим супругом. Дай мне слово не быть ничьею. Клянусь, вещала царевна. Он снял шлем и подошел к царю и царице; сия, увидя его, возгорелась паче любовью; но, дабы положить преграду женьитьбе, причла ему в вину, что не будучи рыцарь он смел сражаться, и хотя он победитель, но должен сперва заслужить свою вину. И так Бову велели судить, и судьи мудрые присудили сделать Бову рыцарем и велеть ему ехать искать живой воды, которая, по сказанию верных людей, нянь и мамок, течет из горы за тридевять земель в тридесятом царстве. Его посвятили рыцарем, и он надел черные доспехи в знак своей печали, пустился. Выехав за город. — Иной спросит: для чего он не послушался? Нельзя; кто знает, сколь строги законы чести, тот знает, что рыцарских правил послушаться было нельзя. Да и ныне когда свинья тебя толкает рылом, то тyani вон шпагу и колись: так честь повелевает. Но преслушался он в том, что захотел видеть царевну и вынул зеркало, посмотрел, видит себя одетого в стару-

шичье платье цыганкою, и слова: иди к терему. Остановился, видит, у дороги лежит одежда, одевается, идет, поет: кто хочет знать свою судьбу, давай тот денег, и узнаешь; кто чаёт быть царем, ходи тот к нам, и дам ответ; кто хочет знать, что мило сердцу, будет ли то его или нет, бери от нас совет, и грусть его пройдет!—Старуху, хоть сердце и свербит, но любопытство! зовут цыганку! он поет и велит царевне плакать. Открывается, живет у нее, спит с нею и позабыл про живую воду. Жил у нее четыре месяца, видит в одну ночь, что он упал с терема и зеркало разбил; он, было, в утехах про него и позабыл, пробудился, глядит, видит, зеркало тускло, и едва читает сии слова: лживой рыцарь, не сохраняешь клятву, ты недостойн обещанного блаженства. Спеши обет исполнить, а в наказанье, что послушал своей страсти, зеркало у тебя отъемлется, доколе не исправишься. Едва он сие прочесть успел, зеркало исчезло, а он себя нашел лежащ на земли в доспехах богатырских у ног своего коня и без зеркала. Дивится, но сел и поехал.

Уже проехал он многие земли и царства, путь продолжая на восток, презирая непогоды, зной, холод, жажду, глад, достиг наконец подошвы Тавра. Утомленный долгим путем, он слез, коня расседлал и пустил, а сам снял шлем и лег на мураве; и видит едущего с горы; показался ему исполин, сидящ на коне исполинном, но ближе подъехав, увидел, что то был человек сверху, а внизу конь, испужался, но, кликнув к себе коня, надел шлем и поехал. Из дали кричал ему чудовище: как смеешь, молокосос, сесть при мне на коня; я Полкан, сын Бреда, сила моя известна в свете; покорись или умрешь, даю тебе время на размышление, погляди на меня поближе. Бова видит вверху человеческое, но зверообразное, мохнатое лицо, нос красносиней, глаза как угли раскаленные, по пояс был весь мохнат, а ниже пояса конь сильной, у которого недоставало только шеи и головы; на плече держал палицу дубовую или, лучше сказать, дубовое бревно. Бова не устранился и в ответ ему сказал только разъезжайся, и поскачем; ударились. У Бовы копьё разлетелось, ниже оцарапало Полкана, но удар столь был силен, что Полкан упал на колена, а он Бову столь ударил сильно, что Бова слетел с лошади; но вынув меч, пошел опять про-

тив чудовища. Сей ему говорит: ты первой, кто мог мне дать такой удар и проч. Твой меч будет безуспешен, ибо я определен умереть от когтей львиных, я их много поражал, но конца своего еще не знаю. Будем друзья, твое мужество мне нравится. Поедем. Бова ему сказал, куда послан. Ах! неистовая царица желает твоей смерти, я был в их воле; отец ее за мое озарничество обманом зарыл меня в землю, и кормили меня только хлебом и водою, и меня с тем выпустили, чтобы я тебя убил за то, что про тебя сказали, что обесчестил царевну и бой рыцарской, будучи раб купленной; на погибель твою, сказал Полкан, я бы туда поехал и тебе пособил, но тот, в чьей области сия вода, мне брат. — Так сделай же доброе дело, поезжай, освободи мою супругу. Полкан дал слово, и расстались.

Полкан возвратился и сказал царице, что он не нашел Бову, а ночью, украв царевну, увез ее и поехал; хотел убить мать Бовину и царевну там посадить, чтобы ждала Бовы. Уже они достигли до пределов того государства, но стали отдохнуть, царевна уснула, а проснувшись увидела Полкана мертва и подле него льва издыхающа, у которого разорваны были лапы. Она устрашилась, пошла в город и нанялась в работницы; родила двойни.

Между тем царица, пылая мщением, призвала чародея и сказала, что ей хочется погубить Бову. Погубить его нельзя, судьбы тому противны, но можно его ввергнуть в несчастье, отняв у него сбрую ратную и коня. Ступай, сказала царица. Чародей в миг догнал Бову, которой оставался близ града Испгани. Пустил коня. Но чародей прежде вошел в город и солгал царю Салтану, что Бова приехал воевать его государство. И так царь выслал против него много рати, но Бова их прогнал и поехал мимо. А чародей оделся в монашеское дервишское платье, сел на распутии. День очень был жарок; Бова ехав увидел старца, под деревом пьющего, попросил у него, тот ему подал, и Бова захотел спать. Лег, а чернец снял с него доспехи и, взяв меч и копьё, сел на коня его и ускакал, сказав в Испгани, что Бова обезоружен; пришли, взяли его и посадили его в тюрьму. Бова горюет, готовят ему казнь. Ибо тут был царем тот самой Лукопер, которого он победил на поприще. В ту ночь, когда ему было идти на казнь, он, ходя по темнице, оцупал в углу меч,

обрадовался, то меч был богатыря, которого царь уморил с голоду, зарыв в темнице. Как пришли его братья, то он стал убивать тех, которые к нему приближались, наконец, отбил всех и вышел пошел вон из города; никто не смел его тронуть. Лукопер, узнав, сам поскакал за ним, но Бова отвернувшись от его копья, ударил мечем наотмашь и свалил его. Взял его коня и поехал, а рать Лукоперова за него не вступилась.

Наконец достиг Бова той горы, и сражавшись с привидениями и страстями, наконец почерпнул воды, напился ее и в новой силе поехал в обратной путь. Приезжая назад, увидел, что царица увезена Полканом, а чародей, возвращаясь в его доспехах, убил царя с царицей и стал царем. Тогда скоро в цари попадали. Узнав также, что она поехала с Полканом к матери Бовы, он с ратью ходил на то царство, короля убил изменою, а жена его умерла прежде; но дань наложить на царство не мог, ибо там вельможа один начальником был, а царицы не нашел. Бова туда поехал, нашел охотника, принят был, ибо вельможа был его дядька Цымбалда. Бова услышал, что Полкан был умерщвлен львом, и думал, что и царица также, то по совету дядьки хотел жениться. Он прежде воевал чародея и, убив его, покорил его царство. Все уже готово было, как он, объезжая свое царство, близ маленького отделенного городка увидел двух мальчиков, из коих один шед играл на арфе, а другой пел его любимую песню, что он пел в несчастьи; спросил у них, кто они и, пошед с ними, нашел царицу.

БОВА

O che caso! che sventura.

ВСТУПЛЕНИЕ

Из среды туманов серых
 Времен бывших и протекших,
 Из среды времен волшебных,
 Где предметы все и лица,
 5 Чародейной мглой прикрыты,
 Окружены нам казались

Блеском славы и сияньем;
Где являются все вещи
Исполинны и Иройски,
10 Как то в камере обскуре;
Я из сих времен желал бы
Рассказать старинну повесть,
И представить бы картину
Мнений, нравов, обычаев
15 Лет тех рыцарских преславных
Где кулак тяжеловесный
Степень был ко громкой славе,
А нередко — — ко престолу;
Где с венцом всегда лавровым
20 Венец миртовой сплетался,
Где сражались за славу
И любили постоянство.
Хоть грешешки кой-какие
Попадались, но их в строку
25 Невозможно было ставить,
Зане юности проступок,
Неопытности погрешность
Есть удел детей Адамлих,
Есть лишь следствие всегдашне
30 Неизбежное чувств наших.
Но грехов распутства умна,
Грехов хитрого Софисма
Там не знали. — — Да еще же
Я намерен рассказать вам,
Как то свойственно и нужно,
35 Чуть не вымолвил я — должно
Для того, кто в гости ездил
Во страны пустынные, дальные,
Во леса дремучи, темны,
40 Во ущелья — ко медведям.
И как только расскажу вам
То, что льстить лишь будет слуху,
Что гораздо слаще меда
Для тщеславья и гордыни;
45 А все то, что чуть не гладко,
То скорее мы поставим

В кладовую или в погреб.
И проклятие положим,
Если дерзкой кто рукою
50 Сняв покров прельщенья наша,
Обнажит протекше время.
Мы проклятье налагаем,
Хоть из моды оно вышло,
Но мы в силах наших скудны;
55 А когда б властитель мира
Я Тиверий был иль Клавдий,
Тогда б всякой дерзновенной,
Кто подумать смел, что дважды
Два четыре, иль пять пальцев
60 Ему в каждую дал бог руку,
Тот бы пал под гневом нашим.
А как не дал нам бог власти,
Как корове рог бодливой,
То мы к дерзкому воскликнем:
65 Отойди, пожалуй, дале,
Поди вон ты, оглашенной;
Мне здесь нужно суеверье;
Обольщен я, но желаю
Обольщен быть... и от скуки
70 Я потешуся с Бовою.
Я вам сказку лет тех древних
Расскажу, котору слышал
От старинного я дядьки
Моего, Сумы любезна.

75 Петр Сума, приди на помощь
И струю речи сладкой
Оживи мою ты повесть.
Без складов она, без рифмы
В след пойдет творцу Тавриды;
80 Но с ним может ли сравниться!!

О Вольтер, о муж преславной!
Если б можно Бове было
Быть похожу и кое как
На Жанету девку храбру,

- 85 Что воспел ты; хоть мизинца
Ее стоять; — если б можно,
Чтоб сказали, Бова только
Тоща тень ее — довольно —
То бы тень была Вольтера,
90 И мой образ изваянной
Возгнезвился б в Пантеоне.
Но боюсь, твоя участь
Будет равная с Жанлисой —
По передням волочиться.
- 95 Вы Бову хотя видали,
Но в старинном то кафтане,
Во рассказах няни, мамы,
Иль печатного;... но дядькин
Бова нового покроя,
100 Зане дядька мой любезной
Человек был просвещенной,
Чесал волосы гребенкой,
В голове он не искался,
Он ходил в полукафтанье;
105 Борода, усы обриты,
Табак нюхал, и в картишки
Играть мастер; еще в чем же
Недостаток, чтобы в свете
Прослыть славным стихотворцем
110 Ироической поэмы
Или оды или драмы? — —
Я пою Бову с Сумою!
Возбрянчи, моя ты арфа,
Ныне лира уж не в моде,
115 Иль вы, гусли звончатые,
Загудите, заиграйте;
Я пою — — — а вас послушать,
О возлюбленны граждане,
К себе в гости призываю.
- 120 На Пегаса я воссевши,
Полечу в страны далеки,
В те я области обширны,

Что Понт черной облегают,
 Протеку страны и веси,
 125 Где стояло сильно царство
 Славна древле Мифридата,
 Где Тигран царил в Армении;
 Загляну я во Колхиду,
 Землю страшну и волшебну,
 130 Где Ясон, обняв Медею,
 Укротил сурово сердце
 Сей волшебницы ужасной.
 О любовь, о лесь пресладка,
 Можно ль в свете отыскать где
 135 Тебе сердце непокорно?

Посещу я и Тавриду,
 Где столь много всегда было
 Превращений, оборотов,
 Где кувыркались чредою
 140 Скифы, греки, гетуезцы,
 Где последней из Гиреев
 Проплясал неловкой танец;
 Чатырдаг, гора высока,
 На тебя, во что ни станет,
 145 Я вскарабкаюсь; с собою
 Возьму плащ я для тумана,
 А Боброва в услаждение. — — —

Из Тавриды в Таман прямо,
 А с Тамана чрез Кавказски
 150 Горы съеду я на Волгу,
 Во Болгарах спою песню;
 Воздохну на том я месте,
 Где Ермак с своей дружиной,
 Садясь в лодки, устремлялся
 155 В ту страну ужасну, хладну,
 В ту страну, где я средь бедствий,
 Но на лоне жаркой дружбы
 Был блажен, и где оставил
 Души нежной половину.
 160 Воздохну, что нет уж силы,

О Ермак, душа велика,
 Петь дела твои! — — — Я с Волги
 Перейду на Дон, где древле
 (Так, как ныне) коней быстрых
 165 Табуны паслися многи,
 Где отечество удалых
 Молодцов, что мы издавна
 Называли козаками.

Сошед с Дона, к Ворисфену
 170 Мы стопы свои направим.
 Там Владимир, страны многи
 Покорив своей державе,
 В граде Киеве престольном
 Княжил в блеске пышна сана
 175 Над обширным царством Русским,
 Окружен всегда толпою
 Славных рыцарей Российских;
 Он для памяти потомства
 Живет в Несторе и в сказках.
 180 О блажен, блажен сугубо!

Со Днепра пойдем к Дунаю;
 На могиле древней мшистой
 Мы несчастного Назона
 Слезу жаркую изроним.
 185 От Дуная морем Черным
 Поплывем ко Геллеспонту
 И покажем ту дорогу,
 По которой пливши смело
 Войны росские возмогут,
 190 Византии стен достигши,
 На них твердо водрузити
 Орлом славно росско знамя.
 Но то скоро ли свершится? —
 Будто время уж настало,
 195 Мне то снилось недавно —
 Хотя снилось, но не знаю,
 Когда будет; — — не пророк я,
 Но то знаю — оно будет.

Я к Бове теперь отправлюсь.
 200 А ты, милой друг читатель,
 Если лучшее познашь
 О странах сих иметь хочешь,
 Читай Бишинга — от скуки.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Ветр попутный веет тихо
 В белой парус корабельной.
 Там на палубе летяща
 Корабля, что волны зыбки
 5 Рассекал на влажном поле,
 Бова сидя песнь унылу
 Пел и в гусли златострунны
 Бряцал легкими перстами.
 Пел, стонал, бряцал и плакал,
 10 Лил потоки слез горючих.

Что возможет, ах, сравниться
 С лютой горестью моею,
 Кто быть может столько бедствен,
 Столько бедствен, как Бова?

* * *

15 Лишь светило дня блестяще
 Мои очи озарило,
 Грусти, горе и печали
 Мне достались в удел.

* * *

20 Желчь сосал Я вместо пищи
 Из сосцов змеиных лютых,
 Колыбель мою качали
 Скорбь угрюмая и злость.

* * *

25 Сирота унылой, горькой!
 Мой злодей мне мать родная!
 Она жизнь мою хотела
 Чуть расцветшую прервать.

* * *

Я один меж всей природы,
 Я во всей вселенной странник
 И пустынный между тварей
 30 Всех родившихся в любви.

* * *

Ах, уныло мое сердце,
 Не знай лютой сея страсти;
 Ей горят сердца преступны;
 А ты будь всегда ей враг.

* * *

35 Песнь скончал, поставил гусли;
 Пригорюнясь, взор ко берегу,
 Что вдали едва синее,
 Обратил и, вздохнувши
 Тяжело, вещал он тако:
 40 — Ты прости, страна родная,
 Ты прости, прости на веки.
 Мать жестока, мать сурова,
 О тебе я не жалею. —

Слыша речи столь унылы,
 45 Слыша песни столь плачевны,
 Подошла к Бове старуха,
 Что в артели корабельной
 Должность важну отправляла
 Метр-д-отеля, иль — стряпухи.
 50 Хоть всю жизнь на синем море
 Провела она с лет юных
 В шайке лютых и свирепых,
 Ко серебру и злату алчных,
 Сих Варягов и Норманов,
 55 Коим прозвище в дни наши
 Не разбойники морские,
 Не наездники, не воры,
 Сохрани нас бог, помилуй,
 Чтоб их назвали столь мерзко.

- 60 Не арабы Марокански,
Не Алжирцы, не Тунизцы,
Но те люди благородны,
Что без страха разъезжают
В те суровые години,
65 Как яр Позвизд с Чернобогом,
Пеня волны, окропляют
Их верхи людскою кровью;
Грабят всех — без наказанья.
Хотя выросла старуха
70 Среди шума волн и ветров,
При воззрении всегдашнем
На жестокости Арея,
Средь стенаний, вопля, крика
Умирающих злой смертью,
75 Или злее самой смерти
Во оковах срамных, тяжких
Иль железных неволи,
Иль рабства насилья дерзка;
Но была старуха наша
80 Мягка сердцем и душою,
И с седым своим затылком
Равнодушно не взидала,
Как молодинькой детинка
Проливал горючи слезы.
85 Была ль то одна в ней жалость,
Иль в старухе кровь играла,
Того повесть, хотя верна,
Не оставила на память.
Наша повесть только пишет,
90 Что, подшед к Бове поближе,
Она руки распростерла
И к иссохшей своей груди
Прижимала Бову крепко.
„Столь ты юн, но столь ты бедствен!“
95 — Возгласила стара ведьма.
(Ведьма добра, мягкосерда,
Не как Киевские ведьмы,
Что к чертям с визитом ездят
На ухвате без уздечки):

- 100 „Ты открой свое мне сердце,
Забудь горе на минуту.
Моя власть хоть не велика,
Хоть у всех я здесь служанка,
Но мои старанья нежны
- 135 Облегчат твою судьбину“.
Говоря сие, отводит
Бову в малую каюту,
Где старуха наша нежна
Обед братьям всем готовит.
- 110 Тут, согрев и накормивши,
Бову нежно обнимает,
Очи мокры от слез горьких
Оттирает поцелуем.
„Скажи мне, — она вещает, —
- 115 „Скажи мне свою кручину,
Свою участь мне сурову!“
Бова нежно имел сердце,
В первой раз чрез многи годы
Ощущает он отраду,
- 120 Сладость ласки, сладость дружбы.
Ах! какое в грусти сердце,
Сердце сирое, одиноко,
Не внушит приятни гласу
И не сдастся на ласканье
- 125 Хоть столетняя старухи?
Если витязь Роберт славной
Мог, ступив ногой на нежность,
Обнять старую хрычовку
И в объятых ее мразных
- 130 Совершить победу жарку,
Восхитив цветок иссохший;
Роберт был в любви ученой
И задачу брачна ложа
Мог решить он без поверки;
- 135 Нос зажал, глаза зажмурил
И, как витязь Македонской,
Узел Гордьев рассек махом; —
То Бове равно прилично
Обнимать старуху дряхлу;

140 Бова, знаем, парень новой,
Он не видит преткновенья,
Ласке лаской отвечает
И лобзанию лобзаньем;
Ему ж не было задачи,
145 Как Роберту на решенье,
Ложась с ведьмой спать на ложе.
Старушонку Бова мило
И столь крепко обнимает,
Что напомнил ей то время,
150 Как ей было лет лишь двадцать.
Не на ложе возлегают,
Но на печку лезут греться,
Зане холодно уж было.
Тут Бова, собрав все силы,
155 Тут Бова, вздохнув глубоко,
Вынимает из кармана
Платок белой, для запаса,
Чем утрет ее он слезы.
Зане знал Бова заране,
160 Сколь его плачевна повесть,
И что тронет через меру
Сердце добрых старухи.
Еще раз вздохнул, рек тако:

„Я Бова, Бова царевич...
165 Ты дивишься тому, вижу;
Но верь совести нелживой.
Я бы мог в том побожиться,
Но божиться не умею
И божиться не охотник.
170 Город, в коем я родился,
Есть столица сильна царства,
Где пред сим венчанной властью
Держал скипетр царь премудрой,
Царь Кирбит, сын Версаулов,
175 Славен мужеством на брани,
Славен разумом в советах,
Милосерд и щедр и кроток
И любим своим народом.

Ему дочь была родная
 180 Всех прекраснее из женщин,
 Мелетриса ее имя.
 Слух о царствии Кирбита,
 О его правленьи мудром
 И о прелестях царевны
 185 Молва громкая повсюду
 До дальнейших мест промчала.

Двор Кирбитов был собранье
 Всех красавиц в государстве;
 Но меж всеми, яко солнце
 190 Среди звезд эфирна свода,
 Красотой своей блистала
 Мелетриса, дочь царева.
 В красоте она совместниц
 Не имела, и не можно
 195 Было чувствовать к ней зависть;
 Зане столь была всех краше,
 Столь добра, мила, приятна,
 Что вблизи ее не смела
 Зависть яд пускать свой черной,
 200 И ее ехидны люты,
 Мелетрису зря, немели.

Красота толико дивна
 Привлекала всех внимающе,
 И чувствительность сердечна
 205 Ей платила долг природы,
 Воспылав огнем любовным
 В груди рыцарей надменных,
 В груди рыцарей влюбленных.
 Все ей нравится старались,
 210 Всем хотелось полюбиться
 И во юном ее сердце
 Воспалить любовной пламень.
 Но меж многими другими
 Отличались перед всеми
 215 Своим мужеством, красою
 Своим нежным угождением,

Своей силой и богатством
Два царевича приезжих.
Один горд, спесив, надменен,
220 Взоры пылки, взоры страстны,
На лице черты Алкида,
Но Алкида в летах юных;
Рост и стан его и взрачность
И осанка величава,
225 Лице смугло длинновато,
Черны кудри по раменам,
И густой брады начало;
Длань широка, персты толсты
Всем довольно возвещали
230 Его мужество и силу.
Он наездник в ратном поле,
Богатырь и вождь и воин,
Дадон сильной — ему имя.
Но не только в ратном поле
235 Подвизался он с успехом;
Столь же славен он у женщин;
А хотя в любви он страстен,
Но подвластен ей он не был,
И с Алкидом чтоб сравниться,
240 Лишь ему недоставало
Десяти жен и дев красных,
Пятьдесят дочерей Фиспия;
И одной лишь только ночки,
Чтоб ему отцом быть нежным
245 Пятьдесят раз вдруг в семействе.
Славному рыцарю толико,
Нет, нельзя не полюбиться
Мелетресе, страстной, пылкой;
А тем больше, как лишь вспомнит,
250 Что объятья повторенны
В пятьдесят раз нераздельно
Каждую ночь возобновятся.
Пусть бессонница всегдашня
(Столь ужасная больному)
255 Ее мучит на постеле
(Но сам друг) и жизнь преторгнет;

Так Рафаель из Урбина,
 В свете славной живописец,
 Душу выслал вон из тела.

260 Другой рыцарь вежлив, скромн;
 Сердце, душу имел нежны.
 Очи быстры голубые,
 Лицо бело и румяно,
 По плечам златые кудри,
 265 Вид, осанка Адонида.
 Но он храбр; счастливой рыцарь,
 На бою проворен, меток,
 Всегда разумом вождаем,
 Зрел опасность твердым оком
 270 И в бою смерть хладнокровно.
 Он всегда венцы лавровы
 Пожинал на ратном поле,
 Но не силою десницы,
 Не удачей, не коварством
 275 И не крепостью доспехов
 Побеждал Гвидон противных.
 Правды, истины поборник;
 Меч его победоносной
 Никогда не обагрися
 280 Кровью слабых — иль невинных.
 Он защитник утесненных,
 Разрешитель уз и плена,
 Непорочности спаситель,
 И его смиренно сердце,
 285 Душа нежна, душа тиха
 Воспалялась гневом львиным,
 Когда видел он коварство,
 Ложь, строптивость и насилье,
 Угнетающих бессильных;
 290 Тогда воин милой, тихой
 Бывал враг непримиримой,
 Бывал бич неукротимой
 Злобе, буйству и прельщенью.

В таковых душах царевна
 295 Любовь сильну воспалила.

И хотя со перва взгляда
 Мелетриса подарила
 Свое сердце все Дадону,
 Объявить того не смела,
 300 И надежда в ней исчезла
 Быть его женой когда бы;
 Зане' многою услугой
 Гвидон юной украшался,
 Спасав царство и Кирбита
 305 От насильств вождей Хозарских.
 Царь Кирбит за то в награду
 Назначал его в супруги
 Своей дщери, Мелетрисе;
 В том признании вождаем,
 310 Пользой царства и рассудком.
 Заключение неложно,
 Что спасителю народа
 Управлять его браздами
 Других паче всех довлеет.
 315 Гвидон был единородный
 Сын на троне старца мудра
 И ближайша во соседстве.

Во дни красны, безмятежны,
 По скончаньи бедств военных,
 320 Царь Кирбит во утешенье
 Своей дочери прекрасной
 Игры рыцарски затеял
 И глашатаям повсюду
 Повелел трубою бранной
 325 Созывать на состязанье
 Витязей из царствий разных.
 Он хотел при их собраньи
 Дать наследника престолу,
 Дать супруга Мелетрисе
 330 Храбра милого Гвидона;
 Зане там, как прежде в Францьи,
 Скиптр не мог никак достаться
 В руки, пряслицей что правят
 Или швейною иглой.

335 Уж из дальних и из ближних
Стран слетаются стадами,
Как вороны на гумнице,
Славны рыцари в доспехах,
Молодые, пожилые,
340 Средних лет и с сединами.
Иной едет повидаться
Со красавицей своею,
Распестрив свое оружие
Поперек и вдоль, крест накрест
345 Тем любимым из всех цветом,
Что понравился пред всеми
Обладательнице милой
Его чувств души и сердца.
Другой едет, чтоб прославить
350 Силы крепкой своей мышцы
И прибавить хоть листочик
Во венец уже столь тяжелой
От побед в кровавых битвах
Иль на славных поединках.
355 А иной, кружась по свету,
Ко Кирбиту в гости едет,
Как в гостинницу обедать.
Воружась иной от темя
До пяты, и даже зубы
360 Воружив булатом, сталью,
Смело, борзо выступает,
Объявляя всем надменно,
Всем, про то кто ведать хочет
Иль не хочет, написавши
365 На своем щиту огромном
Золотыми все словами:
Не терплю ни с кем сравненья;
А там выйдет на поверку,
Что наш рыцарь пресловутой
370 Позевать приехал только,
И к несчастью случилось,
Что его десница страшна
Онемела, заболела,
Паралич ее ударил;

375 А то б он единым взглядом
 Повалил всех, опрокинул,
 Разогнал, развеял прахом.
 Что же прибыли? Игры все
 Стали б вовсе в пень. — Нет, лучше,
 380 Что болезнь ему случившись
 Всех оставила в порядке.

Были рыцари не хуже
 Славна в свете Дон Кишота.
 В рог охотничей, в валторну
 385 Всем трубили громко в уши:
 «Дульцинея Тобозийска
 Всех прекраснее на свете».
 А как возришься в красотку,
 То увидишь под личиной
 390 Всех белил, румян и мушек
 Обезьяну, или кошку,
 Иль Московску щеголиху.
 За такую прелесть дивну
 Он однакож снарядился
 395 На помол отдать все кости.
 Но нет нужды знать причину,
 Для чего они дерутся,
 Мы лишь скажем одним словом,
 Что их съехалось от всюду
 400 Столько, — столько — что нет сметы.

Поле ратно окруженно
 Со всех стран амфитеатром
 Возвышалось. Тут дубовы
 Скамьи были все покрыты
 405 Рытым бархатом, парчами,
 Алтабасом изошвенным.
 Везде видно серебро, злато
 И каменя дорогие;
 Хитрость зодчества, ваянья
 410 Превышала тут богатство;
 И художество в союзе
 С драгоценностями земными
 Вид изящности давали

Несказанной всему зданью;
415 Но искусство свои силы
Истощило под престолом,
Уготованном царице
С ее дочерью прекрасной.
На столпах кристальных твердых,
420 На сафир во всем похожих,
Что огнем искусство хитро
Из сожжена в пепел древа,
Из песка, иль камня бела,
Зной сугубя, сотворило,
425 Возвышался свод порфирной,
Испещренной весь цветами,
Где, природе подражая,
Рука мастера искусна
Изваяла их из злата.
430 Перлы светлы и жемчужны
Внизу свода, меж столпами
В круг висели ожерельем.
Вверху свода образ светлый
Возвышался в виде буйном
435 Той богини, в след которой
Праотцы Славян издревле
Вихрем бурь носились всюду. — —
«Лучезарная богиня,
Слава, дочь мечты, призраков!
440 На престоле мглы блестящей,
Звезд превыше и Олимпа,
Из за облака золотого
Кажешь ты венцы лавровы.
Но лице твое кто узрит?
445 Кто существенность постигнет
Твою? — Легкой ты завесой
Паров утренних, прозрачных
Прикрываешь черты шатки;
И тебя сквозь их лишь видит
450 Пылкой взор воображенья.
Лишь оно тебя рисует
И такими лишь шарами,
Как ему угодно только». — —

По среди широка поля
 455 Жертвенник из твердой стали
 Блещет зеркальным сияньем;
 Фимиам тут не курится,
 Брус стланцова черна камня
 Тут лежит на изошренье
 460 Копия, меча, булата,
 Чем обильны всегда жертвы
 Славе в честь приносит воин.
 Ибо нет *полов* с причетом,
 Ни *жрецов* у ней священных.
 465 Кто грудь смелую имеет,
 Твердой дух в бедах на брани,
 Кто храбр, мужествен, отважен,
 Тот есть жрец сея богини.

День настал уже тот грозной,
 470 Равно скучной и веселой,
 Где богиня лучезарна
 Уделит своего блеска
 Гордым всем своим любимцам,
 Иль покроет грязью срама
 475 Всех тех, коим она кажет
 Свой затылок безволосой.
 Зане так же как фортуна,
 Сестра славы, легконога;
 У ней волосы тупеем
 480 Ростут с переди косою,
 А затылок весь плешивой.
 Они моде сей учились
 (Мы здесь скажем мимоходом
 Для того, кто не читает
 485 Путешествиев всемирных)
 У Мунгалов иль Китайцев,
 Иль в Тибете иль Бутане,
 В той стране благословенной,
 Где живет тот царь священной,
 490 На востоке столько чтимой;
 Его бабка повивальна
 Рассказала, и все верят,

Что он выше всех на свете,
Никогда не умирает;
495 Его смерть не есть кончина,
Его смерть есть прерожденье,
Что в мгновение то ужасно,
Как дух жизни непостижной
Обветшалое жилище
500 Мертвой труп наш оставляет,
Божество сие двуножно
Преселяется в младенца
Или в юноша любезна;
Чтоб счастливым правоверным
505 Опять в знак щедрот небесных
Рассылать (но на закуску
Для десерта в день торжествен)
Своих сладких яств останки,
Что в священных его недрах
510 Благодатная природа
В млеко жизни претворила.
Вещество сие изящно,
В чем алхимик остроумной
Парацельс иль Авицена
515 Или Бехер иль Алберты
Злата чистого искали;
В чем счастливой Брант и Кункель,
Светоносной луч открывши,
Пред очами изумленных
520 Возжигали (без огнива)
Огонь в трубках и курили
Траву пьяну некоцьянску,
Табакот что называют.
Но где меньше их счастливицы
525 Все отеческо наследство,
Накопленно и стяжанно
Кровью, потом и трудами,
Иль грабительством, мздоимством,
Иль другим путем превратным,
530 Пережгли, передвоили.
О, сколь счастлив был бы смертной,
Если б все богатства в свете,

Злостяжанные неправдой,
Обращались чудесно
535 В вещество сие изящно,
Далаи-Лама которо
Всем в подарок правоверным
Для десерту рассылает;
Если б в нем фосфор блестящей
540 Раз сверкнул и превратился б
В пары светлы исчезая;
И исчезнув бы оставил
Лишь уханье Амвросийно,
Столь известное в природе;
545 Дабы знали, сколь есть смрадно
Злостяжанное богатство,
Хотя блещет лучезарно.

Еще в Зничеву коляску
Перстоалая Зимцерла
550 Коней светлых не впрягала,
И клячки огнебурны
На конюшне Аполлона
Овес кушали эфирной,
Как прекрасна Мелетриса,
555 Не смыкая своих веждей,
Ложе скучно, ложе девства,
Ложе томно одиночества,
Свое ложе оставляет,
Прежде, нежели петел громкой
560 Запинательным напевом
Не воспел нам час полночной.
«О! несчастная всех больше! —
Мелетриса так вещает:
Почто в свете я родилась?
565 Почто зреть мне светло солнце,
Если жизнь влачить плачевну
Осужденна я не с милым.
Или щедрая природа
Моему лицу румяну
570 Дала прелести опасны
Для того, чтоб в горькой доле

Я потоком слез горячих
Их цветы весенни ярки
На расцвете сорывала!»
575 Так завыв, царевна наша
Распускает длинны космы
По раменам обнаженным.
Она, вставши со постели
В одной тоненькой рубашке,
580 Ни юбчонки, ни мантильи,
Ни капота, ниже шали
На себя не надевала
И по горницам без свечки,
В темноте густыя ночи
585 Всюду ходя выла волком.
«Нет, не думай, чтоб досталась
Я в объятии Гвидону!
Пусть скорей ненавистна
Горька жизнь моя прервется,
590 А тебе, мучитель брачной,
Лишь достанется в укору
Мое тело бездыханно! . . .»
Без ума почти, в потемках
Она ходит, везде ищет
595 Вожделенного орудья
Безнадежному в злом горе,
На скончанье скорой смертью
Жизни, ставшей ненавистной.
Со мгновенья на мгновенье
600 В ней отчаяние томно
Сперва, стало уж лютес,
Не нашла себе в отраду
Ни ножа, ниже иголки,
Ни копья булатна, крепка,
605 Ни меча, ни сабли острой,
Ниже шпаги — хотя б бердыш
Или ножик перочинной
Или вертел ей попался — — —
Но злой рок был столь завистлив,
610 Что все вещи смертоносны
От нее как в воду спрятал.

Ей так подлинно казалось.
 Но мы в том не обвиняем
 Ни судьбы, ни чародейства,
 615 Чтоб царевне в злу насмешку,
 Чтоб от горькой Мелетрисы
 Они сталь, булат, железо,
 Все попрятали в колодезь.
 Одно было тут волшебство,
 620 То всегдашнее волшебство,
 Что в подлунной совершает
 Земли суточно теченье;
 То волшебство несказанно,
 Где, с подмогой вображенья,
 625 Видим мы весь ад разверстой,
 Домового, чорта, ведьму,
 Или рай, или — что хочешь;
 То волшебство, одним словом,
 Было тут простерто всюду,
 630 Была — ночь, и было темно,
 Глаза выколи хоть оба.

Говорят, сопротивленьем
 Всяка страсть в нас коренеет,
 Всяка страсть ярится с силой.
 635 Как вихрь бурной дует в пламя,
 Иль мехов насосных сотня
 В горн (сложенные все вместе)
 Верзят воздух, в них стесненной
 Клубоомутной струею;
 640 Вдруг зажженной уголь рдеет,
 Зной палит в нем черно сердце,
 Угль горит, со треском искры,
 Как пращем, в окрестность мещет,
 Дым клубится, вихрем вьется,
 645 Жар и зной уж все объемлют
 И одно, одно мгновенье
 В горне видишь огонь Геенны...
 Так царевна, не нашедши
 Ни меча, ни остра шила,
 650 Злу отчаянью вдается.

Лбом стучит во всяку стену,
 Бросясь на пол, бьет затылком.
 Но предательны помосты;
 Покровенные коврами
 655 Шелку мягка шамаханска,
 Ее гневу лишь смеются.
 На них вместо смерти лютой
 Она волосы ерошит.
 Но опомнясь воспрянула,
 660 Как младая легконога
 Серна, скачет с холму на холм;
 Воспрянула, луч надежды
 Протекает ее сердце.
 «Нет, сложась стихии вместе
 665 Не возмогут тряхнуть душу
 На погибель устремленну.
 Тот умрет, кто жить не хочет».
 Так воскликнула царевна;
 Она бросилась поспешно
 670 К тому месту, где спит мама,
 Ее мама дорогая;
 Карга—имя ей в истории;
 Над постелей Карги мамы
 Был вколочен гвоздь претолстой,
 675 Большой гвоздь и деревянной;
 Он длиной в аршин иль больше,
 На которой Карга мама
 По ночам треух соболей
 Свой, обыкла всегда вешать.
 680 На гвозде сем умышляет
 Скончать жизнь свою царевна. . .

„Как!—вскричала тут старуха,
 Прервав речь Бовы поспешно,—
 Скончать жизнь таким же средством,
 685 Каким девы Вавилонски
 Жизнь давать учились древле!!
 Или в честь священна Фала
 У вас жертва не курится?
 Или образ его дивной

- 690 Вы не носите на выях?
 О, народ, народ продерзкой!
 Презреть Фала, Фала сильна,
 Что жизнь красну дает в мире!
 Кем живет все, веселится,
 695 Без чего бы и вселенна,
 Забыв стройное течение,
 Стала б дном в верх, кувырнулась.
 Зане Фал есть ось та дивна,
 На которой мир вертится.
 700 Фал—утеха Афродиты,
 Фал—то яблоко златое,
 За которо три богини
 Пощипались на Олимпе,
 Вцепясь бодро в божьи кудри“.
- 705 Бова слушал в изумленье
 Свою дряхлую подругу.
 Видит, жаром необычным
 Засверкали ее очи,
 Вздохи вздохами теснятся,
 710 Воздымают грудь иссохшу.
 Потягота во всех членах,
 Жарь гортанью ее пышет,
 Во рту скрип зубных остатков.
 Но вдруг взоры ее меркнут,
 715 Млеют члены и слабеют,
 Стары ноги протянула,
 Сомкнув вежди, испустила
 Тяжкой вздох, и покатилась,
 Чуть-чуть с печки не упала.
 720 Бова старую подругу
 Подхватил в объятьи нежны.
 Он уж думал, черна немочь
 Ее дряхлу жизнь скончала
 И последния отрады
 725 Навсегда его лишила;
 Но с веселием он видит,
 Что в старухе сердце бьется,
 Что в ней кровь не охладела.

- Очи томны отверзает,
730 И, вздохнув она легонько:
„Ах! любезной мой,—вещает,—
(Зри, сколь Фала почитаю)
Зри его священной образ,
Что скудельницей рукою
735 Изваян из глины хитро;
Се утеха моей жизни,
Се надежда мне по смерти.
Голод, жажду утоляет,
Нектар он и Амвросия! . . .“
740 Бова видит; ужаснулся,
Образ Фала у старухи;
Он дивится. . . Кто не знает,
Не читал кто во истории
Древней, повести народов,
745 Тому слог наш непонятен.
А Бова хотя и видит,
Но что видит, он не знает.
Так во глазе сетка чувствий,
Ослабев иль уязвлена,
750 Жизнь, чувствительность теряет.
И то чудно, велелепно,
То божественное чувство,
Чувство зренья изящно,
Чем все вещи для нас в свете
755 Оживляются шарами
Преломленных лучей солнца,
Вдруг померкнет, тмится, гаснет,
И предметы ярка света
Погружаются в тьму мрака.
760 День прошел и сочтался
С ночью, или ночь настала
Во очах, ночь непрестанна.
Словом, слеп кто, тот не видит.
Так, истории не зная,
765 Не узнал Бова наш Фала,
И был слеп в своих познаниях.
А старуха, то приметя:
„Продолжай,—она вещает,—

- Свою повесть ты плачевну“.
- 770 Бова, вынув платок белой,
Отирает чело старо
Своей нежныя подруги,
У которой пот горохом
В иступленьи показался.
- 775 Пот проймет и не старуху,
Когда корча нервы тянет,
Когда мышцы все трепещут,
Грудь вздымается от вздохов,
И упруго сердце бьется,
- 780 Так, как древняя Пифия
На треножнике священном
Дрожит, рдеет, стонет, воет. . .
Ах! всегда в сие мгновенье,
Когда жизнь в избытке льется
- 785 Бог нас некий оживляет!

Конец первой песни.

ПЕСНИ
ПЕТЫЕ НА СОСТЯЗАНИЯХ
В ЧЕСТЬ
ДРЕВНИМ СЛАВЯНСКИМ БОЖЕСТВАМ

Тогда пускает 10 соколов на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди песнь пояше. . .

Песнь на поход Игоря на Половцов.
Стр. 3.

ПЕСНИ ДРЕВНИЕ

Певец лет древних славных, певец времени Владимира, коего в громе парящая слава быстро пронеслась до Гелеспонта, *Боян*, певец сладчайший, коего глас, соловьиному подобной, столь нежно щекотал слухи твоих современников; возложи, *Боян*, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в беседе *Омира* и *Оссиана* торжество поешь *Ироев* древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздастся во всех краях, населяемых потомками колен Славянских.

Велик был день у Славянского народа, день, посвященной первейшим их божествам, сильному *Перуну*, благодетельным *Святовиду* и *Велесу*, буйным *Стрию* и *Позвизду*, *Нию* и *Чернобогу* грозным, благой *Ладе*, *Лелю* и *Полелю* и всещедрому *Дажьбогу*. От всех колен Славянских, от *Ильменя* и *Новаграда*, с холмистых берегов *Клязьмы*, от *Галича* и *Дуная*, с *Помория* и *Моравы*, с вершин *Алпийских* и с моря *Адриатического* собирались для общего торжества к великому *Киеву* старейшины, князи, бояре и гости, и тьмы народа бесчисленного.—Вели они с собою сладкогласных песнопевцов, да в оный день великий прославят

в песнях своих богов и витязей, и слава языка Славянского да прочитается во все концы известного тогда мира.

Утром рано в день торжества, едва первая стрела лучезарная излетела от молниенного убруса жаркого Знича, как сильные гласы труб, цевниц, бубнов и тимпанов возбуждали всех стекшихся на злачные долины, пестроцветною муравою покрытые, где Днепр, пробив пороги с шумом и пеною, тихою в Лиман течет струею. Князи, песнопевцы, витязи и все начальники вступают во златые стремена, шествуют стройно на конях своих бодрых; идут стязи пред ними, хоругви возвеваются по воздуху; священники в одеждах белых льняных, багряными поясами одержимых, ведут жертвы, украшенные цветами юных дней нежнодышущего маия. За ними в след резвою толпою идут лики юношей и дев, сонм жен в соборе радостном и народ созади, в одеждах мирных, шествуют медленно.

И се лиется уже кровь тельцов, юниц и агнцов. Лики общую возгласили песнь. Ветр препнул свое дыхание, дым курения ароматного и всесождения восходил серым столбом за облаки. Десять избранных песнопевцов от различных племян славенских стали строем на берегу древнего Ворисфена; каждой из них несет на правой руке своей сокола быстроокого, в левой держит звонкие гусли. Из далеча возникли шумные гласы труб, цевниц и тимпанов, возбудили вздремавших по утренней пище лебедей на струях Днепровских. Зане обычай был таков, что сокол, поражающей лебеда, назначал чреду в песнопении, и чей был первой, тот первую воспевал песнь, и все другие по чреде своих соколов.

Возлетают лебеди, высоко вьются под легкими утренними облаками. И се, яко стрелы от звенящия тетивы, твердым луком напряженные, летят стремительно десять соколов, пущенных с рук десяти песнопевцов, пришедших на состязание издалека; состязание, достойное игр Олимпийских в счастливые времена Еллады.— Летят соколы; и чей первой настиг лебеда? Се твой сокол, о Всеглас, житель юной берегов Ильмена, он ударил лебеда в белую грудь; возлетают пух и перья по воздуху; кровь капала дождем из заоблака; священники тшатся воспрять ее в чаши златые; зане тайственно вещают. Лебедь упал мертвым к стопам коней княжих,

а сокол победитель летит на десницу Всегласа. Глас труб и цевниц возвестил чреду первую.

Сокол второй. Он твой, о Крутосвист, житель ближайших гор Тмутараканя; порази лебеда полумертвым, и сам, возвившись под облако высоко, упал вниз стремглав и воссел на десницу вождя своего торжествующ.

Сокол третий слетел с руки Хохта от устья Дуная; ударил лебеда, но тщетно, и в третий раз мог только его повергнуть на землю бездыханна.

Сокол четвертой рожден на вершинах гор близких моря Адриатического, Черными Горами именуемых. Принес его Звен, потомок славных спутников Пирра, мечтавшего завоевать вселенную.

Пятый сокол—Тиховоя, коего предки, оставив Кипр, переселились сперва в Гесперию, потом прешли жить в Поморие и принесли с собою обряды служения благотворных Лад. Он, лебеда тихо поражая, но часто, пригнал его утомленна и жива к стопам своего господина.

Пять последние соколов, хотя не столь знаменитые победители, но не отпустили своя добычи, и утомленны пали с нею на землю.

И се воссели десять песнопевцов по чреде побед своих соколов на уготованных для них зеленых одрах; за ними стали лики юнош и дев разделенно. Священники воскурили фимиам. — —

Настроя звонкие свои гусли, тако воспел

В с е г л а с

Перун, о бог всеильной,
 Зиждатель мира, царь
 Всего того, что видим!
 Не слово ли твое всеильно,
 5 Что слышно нам во звуках грома,
 Что гор сердца кремнисты,
 Творению событийных, современных,
 Упругой зыбию колеблет,
 Не слово ли твое

- 10 Воззвало в бытие
Все то, что око наше зрит,
Или все то, что мыслию постигнуть можем?
Се ты, о боже сил!
Се шествуешь, хламидой звездною одеян,
15 Носимой духом бурь и ветров.
Восток, юг, север и Стрий буйной сам
Твои суть слуги,
Земля подножие твое,
А дальней Эфир, дальней,
20 Превыспренный твой одр.

- Венчан стихийным светом,
Рождающей одеян теплотою,
И творчей силой препоясан,
Воссел, о ты непостижимой!
25 В пространстве, в пустоте,
Среди смещения, среди Хаоса,
Средь ночи древняя и всюду мрак.
Воссел, да зиждешь и творишь,
И образы да дар твой будут.

- 30 Се там, престолу твоему,
Где молния не знала крыл своих,
Крыл огненных, в полете быстрых,
Где гром еще молчал, немея,
Где свет, где сушь, где влага,
35 Вскормленны вечности сосцами,
Росты бездейственны хранили,
И где движенье, жизнь в тебе едином,
О бог! лелеясь, были;
Се там предстали и явились
40 Престолу твоему
Твои все слуги, твои силы:
Знич светлой жаркой, жизнедатель,
Велес отец сей будущих животных,
И Позвизд и Купало,
45 Скрывавшие в своих огромных недрах
Всемирной Океан,

- И реки, и озера;
 И Ний, отец земли, и крущ, и камней,
 И мать рожденья Лада,
 50 Всесочетающей любви бог.
 Воссел, и тихое
 Благоговейное молчанье
 (Торжественной предтеча
 Зиждительного слова)
 55 Повсюду было
 Ко бытию готова вся...
 Се творчее изыде слово...
 Уже начало восприяли
 Движенье, жизнь и бытие...
 60 И ты, неведомой,
 Немыслимой никем,
 О бог, отец, зиждитель,
 Стал чувствуем, стал ощущаем.
 И чадо юное твое,
 65 Руки твоей творенье,
 Подъяло край завесы древней,
 Завесы вечности—и ты стал бог:
 Зане, что ты, когда тебя
 Никто не мог постигнуть,
 70 Иль чувствовать иль видеть?
 Се Знич и Лада с сыном
 Велениям твоим послушны,
 Живят и греют, сочетают...
 Все движется, приявши жизнь.
- 75 Чудесности исполнилась вселенна!
 Но всё творенья суть
 Лишь слова твоего; — — —
 Нет, мысли лишь одной,
 Твоей лишь мысли необъятной. —
 80 Зри там в пространстве неба и Ефира
 Тела вращаются велики, светлы,
 В согласьи стройном, дивном,
 В гармонии чудесной.
 Что там? Или кто там живет,
 85 То ты один лишь знаешь,

Или твои лишь слуги сильны.
Здесь, виждь, велел ты Нию сушу вздвигнуть,
На ней горам взнести
Свои верьхи крутые, льдяны,
90 Иль пропастям, разинув хляби,
Вмещать в широки недра земны
Или блестящие крушцы,
Или сверкающи кристаллы.
Уж Позвизд махом своего трезубца
95 Возбрызнул Океан на сушу,
И влага, напоив всю землю
Потопа общего разлитьем,
Раздвинуто лице свое презыше гор
В моря, в озера, в реки собрала.
100 Познал свои пределы Понт,
И реки буйно восшумели
Через каменны скалы,
Через бугры кремнисты,
Крутясь, стремясь иль извиваясь
105 Меж нив, полей, лугов;
Текут они прозрачны, тихи
Во чрево обще вод,
В понт синей, в понт глубокой.

Уж Знич со Ладюю в союзе
110 Взлегли на одр супружной, одр туманной
И тепла мгла в парах прозрачных
Взлетела и взвилась высоко.
Се, зри, туманы серы там,
Собравшись, сгустившись выше,
115 Вступили облака горами,
И Стрий налег на их рамена;
Юг, Север вниз и в верх бунтуют,
Оставши, буйны чада
Истлевшего хаоса,
120 И перва буря роеет волны.
Летит дождь теплой вниз на нивы,
Где в след всезидущим твоим веленьям
Велес на свет извел вола
И всех зверей дубравных,

125 Где Дажь благой и щедрой
Родил древа и злаки.

Но ты, отец, с улыбкою рожденья
Возвел свои зеницы светлы
На юной мир, на юну землю;
130 Ты, видя счастье, блаженство,
Повсюду в блеске расширенно,
Добро ты видя всюду,
Еще помыслил ты.
Се паки сильно твое слово,
135 Беременно еще твореньем,
Явилось в мир,
Явилось облеченно в персти.
Се образ твой, о сильной!
Се образ дивной, возникшей;
140 Се дух твой, или слово,
Живущее в жене и в муже...
О человек, творение чудесно!
Творенье бренное, о царь земли!
Ты слаб, ты червь, ты мал,
145 Пылинка ты в сравнении всего;
Но силен, но велик умом.
Ты мыслию божествен,
Зиждатель и творец!

Велик, велик ты, о Перун!
150 Когда разверзишь длань свою широку,
Из коей льются изобильно
Благодеяния щедроты,
И мир, и тишина, и счастье;
Когда ущедрит нас
155 Посланник благ твоих великих,
Посланник твой Дажьбог.
Велик ты также и ужасен,
В ночи несясь туч синих, черных,
Когда преступны человеки,
160 Твой образ исказив пороком гнусным,
Сзывают гром твой с небеси!
Твой гром губительной, карающ,

И стрелы молнии твоей крылатой.
Тогда твоя десница сильна, рдяна,
165 Вращая огонь, удар вознесши в верьх,
Превыше всех верьхов холмистого Олимпа,
Низвержет молнию и гром,
И звук и треск, и смерть и ужас...
Бегут животные, трепещут
170 Пред взором твоего лица паляща
И кроются в вертепах темных,
Сердца сотрясши всех строптивых,
Не смерть ты шлешь, но знак благоволенья;
Ты паки стрелу сизу молнии светлой
175 Верг махом в дол,
И гром твой глухоутлозвонной
Ударил с треском в верьх сосны ветвистой
И раздробил ее в обломки малы.

Но ты тут не ужасен, о Перун!
180 Тебе сосна была та посвященна;
Под ней покоился любимец твой Седглав,
Седглав, твой жрец верховной, прорицатель,
Принесшей жертвы, о Перун! тебе обильны,
И сто тельцов и сто волов, овнов толикож;
185 Любезна первенца лобзает,
И юношу сего любезна
И сына сердца и души
Он в дальней путь готовит, устрояет,
И пред лицом твоим
190 Он отчее ему дал наставленья:

— Ты юн еще, о сын мой милой!
О Велеслав, ты юн;
Но был уже свидетелем злосчастий
И бедствий пагубных войны. — — —

195 Уже прошло тому и год и больше,
Как многолюдные колена Кельтски,
Сложив свои все силы
Во ополчение едино,
От мыса, в дальном море вон торчаща,

- 200 Иль от конца земли,
Чрез Северной Улин, и Тул, и Морвен,
И острова Гебридски,
И все брега обширной Скандинавьи
До самых тех берегов
205 И низких и болотных,
Где тихая Нева
Свои глубоки волны
Из Ладоги влечет
И томною своей струей, почти прямою,
210 Весь сонм своих валов бесшумных
Изхлынула в Варяжско море, там,
Где мглой всегда Котлин покрытой
Косой иссунулся далеко в море.
Сердца, глубоко уязвленны,
215 Что племена Славянски сильны,
Ступая во следы широки, звучны
Своих усопших предков,
Оставивших свои
Пылающие веси
220 На берегах бушуйной Адрьи,
Епир, Иллирик и Панонью
Губителям вселенной в Риме,
Простерли меч победоносной,
За многоводную струю Дуная,
225 За Днестр, за Буг, за Вислу,
За славной Ворисфен
И даже до берегов камышиста Ильменя,
Откуда Волхов извлекает
Обильное собрание вод желтых
230 И чрез пороги между скал гранитных
Мчит их в сожитие
Вод Ладоги пространной;
Восстали,
Покрыли
235 Варяжски
Пучины
Несметной тьмой ладей
Прошли они
И Рюген

240   И Даго
              И Езель,
              Прошли они Котлин
И устье тройственно Невы.
Тут, сняв с судов высоки щеглы,
245   Подобны лесу темну,
              Без листвия опустошенну
              И молнией и бурей,
              Веслами воды рассекая,
              Шли в верх Невы, шли Ладогой,
250   Вошли во устье Волхова
              И плыли до его порогов.
              Оставив тут суда,
              Пошли во строе ратном,
              Простерли ужас и беды,
255   Смерть, пламя и оковы мыча,
              По нивам, по холмам.
              Восплакали Славянски девы,
              Рабыни став врага;
              Взрыдали жены, дети,
260   Лишась супругов и отцов.

              Уж Кельтско ополченье
              До того достигло места,
              Где твой славной дед, отец мой,
              Где великой Ратомир
265   Новагорода начатки
              Близь Ильменя положил.
              Уж дымятся пламенея
              Верьхи новы и высоки,
              Кровь ручьями льется всюду.
270   Мала стража городская
              Скоро смерть мечем вкусила,
              И сто юных, храбрых войнов,
              Врата града защищавших,
              Копием сражаясь пали,
275   Жертва силы превосходной,
              Предпочтив поносну плену
              Смерть. Вломившись в наши стены,
              Простер враг насильство всюду.

- Ты тому свидетель сам был,
280 О мой юной друг, друг милой!
Как их мечь, носясь по стогнам,
Не щадил Славенской крови,
Как младенцы, жены, старцы
Погибали беззащитны.
- 285 Вихрем буйным рыщут всюду,
Огонь, и гибель, и крушенье
Везде сеют, простирают,
И смерть бледна воспарила
Над главами всех, готова
- 290 К извержению кончины
Общей всем, что живо было.
Ах! почто, почто, несчастной,
Не погиб, плачевна жертва
Я их лютости и зверства.
- 295 . В среде зеленой кущи,
. Рукой моею насажденной,
Сидела мать твоя, и та,
Которую рука моя вскормила,
Душа моя дала которой душу,
- 300 И сердце мое сердце;
Которую Перун, и я, и мать твоя,
И сам ты, друг мой юной, нарицал
Возлюбленной уже подругой,
Твоей подругою на век.
- 305 Тогда под сень смиренну нашу
Бегут, как алчны львы, рыкая,
С мечем, с огнем в руках
Враги победоносны.
„Кто ты? — Кто ты?“ —
- 310 Вещает им Ингвар суровой.
Он вождь полков был Кельтских;
Высок, дебел и смугл, а очи малы
Как уголь сверкали раскаленной
Из под бровей навислых и широких;
- 315 Власы его кудрявы, желты, густы,
Покрытые огромнейшим шеломом,
Всклокоченно лежали длинны

Врознь по его атлантовым раменам.
Рука его была как ветвь претолста
320 И суковата ветвь огромна дуба;
Увесиста, широка длань.
Был глас его подобен
Рычанию вола свирепа,
Когда, смертельно уязвленной,
325 Несется он по дебрям, по долинам;
„Кто вы?“—вещает паки к изумленным
Он диким и суровым гласом.—
Первосвященника Перунова супруга
У ног твоих.—„Восстань, иди со мной“.
330 А мы?.. А я с тобой,—вещал
Седглав, тут проливая
Обильные потоки слез,—
Отсутственны мы были и ходили
В соседственной Холмград.
335 Там мы с тобою
На сделанном берегу высоком,
Где столп Перунов возвышался,
Курили Фимиам.

И се вопль наш слух пронзает;
340 Мы по стогнам зрим Холмграда,
Бегут, мычутся в боязни
Жены, девы и младенцы,
Кои, жизнь спасая бегством,
Утекли из Новаграда.—
345 „Мы погибли“,—восклицают;—
„Погиб Новой град и в пепел
Превращен, не существует“.—
Уж воинственные трубы
Вострубили, уж стекались
350 Все полки Славянски; строим
Все идут ко Новуграду.
Сердце наше предвещало
Бедство нам и скорбь и слезы;
Мы полки все предваряя,
355 На коней воссели легких,
Скачем быстро и несемся.

Но, о зрелище ужасно!
 Рабынь наших мы среем, —
 И несут уж хладно тело
 360 Твоей матери Препеты;—
 „Поспешай,—тебе вещала
 Мать твоя чуть слышным гласом,—
 Поспешай, коли возможно.
 365 Чаромила унесенна
 Вождем Кельтским в ладию...“
 Хлад и смерть вдруг распростерлись,
 Очи меркнут — — прервалося
 370 Ее томное дыханье,
 И—душа вон излетела... —

Старец умолк—и, очи поникши, стоял непо-
 движен,
 Будто на казнь осужденной. Протекшие скорби
 предстали
 Живы уму его, силою воображенья. Хладеет
 375 Кровь в его жилах; колена трепещут; дыханье
 стесненно
 Грудь воздымало его.—Восседает.—Юноша к старцу
 Очи исполнены слез обративши, тако вещает:

— Мы шли с воинством поспешно...
 Я, с друзьями тут моими
 380 Отделясь от всех далеко,
 Вниз по Волхову неслися.
 Но, увь! уж поздно было.
 Погрузив корысти многи,
 Сребро, злато и каменя,
 385 Рухлядь мягкую богату,
 Хладна Севера избытки,
 Жен и дев восхитив многих,
 Враги наши плыли скоро,
 Плыли в низ, едва лишь видны.
 390 Не вдаваясь напрасну
 Мы отчаянью, обратно
 Мы помчались к Новуграду.
 Тут, встречаясь с ополченьем

Сих врагов неистозлобных,
395 Мы карали их измену;
Гнали, били и мертвили,
И во Новгород вступили
По телам сих лютых воев.
Но возможно ли вспомнить
400 Те минуты равнодушно,
Те минуты преужасны,
Как мы в Новгород вступили?

По стогнам летала
Смерть люта и бледна,
405 Широко простерши
Чугунные крылья.
Уж воинство Кельтско,
Досель разлиянно
В домах и по стогнам
410 Велика Новграда,
Стекалось в едино,
Внушая веленью
Вождей своих лютых.

Мы, ударив
415 На них строем,
Опровергли
Их, попрали
И достигли
Скоро, скоро
420 Того места,
Где на вече
Собирался
Народ мирной.
Тут Ингвар, сей
425 Вождь суровой
И вождь лютой,
Связав руки
Вербью тяжелой
Ста дев, вел их
430 В плен, в неволю.

Увидев ужасно
 Сие посрамленье,
 Как львы возревели
 Мы ярости гневом;
 435 И буйны стремились
 На воинство Кельтско,
 Старались отнять весь
 Их плен и добычу.

Сталь сверкнула,
 440 Смерть взлетела.
 Мы разили
 Врагов сильно;
 И удары
 От них страшны
 445 Мы терпели,
 Но вломились
 Все мы строем
 В полки Кельтски.
 Наконец их
 450 Опрокинув,
 Смерть им в сердце
 Наносили,
 И стараясь
 Дать свободу
 455 Девам пленным,
 Тьмы врагов мы
 Истребили,
 И их души
 Вероломны
 460 В крови черной
 Источенны,
 Отослали
 В царство Ния.

Но, ах пагубна победа!
 465 Враги наши, стерженны
 Поражением толиким,
 В грудь пронзали всех дев пленных.
 А хотя мы извлекали
 В грудь вонзенну Харолугу,

470 Но душа, душа томленна
Излетала в след за сталью
И лилася в крови дымной.

Ингварь, зря тут
Неудачу,
475 Отступает,
В строй поставя
Все останки
Своих воев;
Отступает
480 Во порядке,
В строю дивном
К струям желтым.
Он в ладьи тут
Восседает;
485 Он увез трех
Дев с собою,
Дев прекрасней
Всех во граде;
И, ах, с ними
490 Чаромилу!—

— О, друг мой юной!—(глас возвыся,
Седглав тут рек):
Настал уж день и час отмщенья;
Зри многие полки Славянски
495 Уже стекаются отвсюду;
Услыши радостны их клики:
Се смерть,—гласят,—се пагуба врагам!
Бесчисленны ладьи готовы
Нести сих славных ратоборцев
500 Поверх валов Варяжска моря.
Народ Славянской, помня все заслуги
Отцов твоих, отцов моих,
И ведая, сколь мне
Перун всесильной благодворен,
505 Сколь мил ему первейшей его жрец,
Тебя единым гласом все колена
Вождем своим уж нарекли.
Гряди, гряди на брань

И смело подвизайся,
 510 Карай, рази врага, им отомщая
 Все раны, кои он нанес
 Тебе и мне и нашему языку;
 Неси ты бурной огнь в селенья Кельтски;
 Лей кровь... ах! для чего
 515 Бессильные мои рамена
 Подъять не могут брони тяжкой;
 Я был бы вождь полков Славянских,
 И мщеньем ярости
 Непримирымья пылая,
 520 Вращал бы меч мой обоудной
 В груди и в недрах сопостатов,
 Отмщая смерть моей супруги;
 Из трупов бы врагов, по́пранных долу,
 Престол воздвигнувши высокой,
 525 Тебе Перун, тебе, я сердце,
 Из груди вражьей извлеченно,
 Тебе бы в жертву я принес.

О! бог, всесильной бог!—
 Вещал Седглав тут в иступленьи,—
 530 Отверзи очи ты души моей,
 И книга будущих судеб
 Да предо мною разогнется!—
 Тут юноша простерся долу
 В благоговении сердечном;
 535 Воздел на небо руки жрец.

Вихри сильны вдруг взвились,
 Буйны ветры тут завывали,
 С тучей буря налетела,
 Сиза молния сверкнула,
 540 Гром ударил с треском сильным,
 Поразил сосну священну,
 И сосны верьх возгорелся.
 В иступленьи необъятном
 Жрец, стрясаем богом сильным,
 545 Громким гласом восклицает:
 „О! род ненавистной

Славянску языку!
Се смерть, сто разинув,
Сто челюстей черных,
550 Прострет свою лютость
В твою грудь и сердце!
Восплачешь, взрыдаешь:
Не будет спасенья
Тебе ни откуда...

555 Но... увы! мы только мщенье,
Мщенье сладостное вкусим!..
А враг наш не истребится..
Долго, долго, род строптивой,
Ты противен нам пребудешь..
560 Но се мгла мне взор объемлет,
Скрылось будущее время..
Зрю еще,— о сын любезной,
Ты по странствиях далеких
Наконец обрящешь живу
565 Ты любезну Чаромилу,—

Но я того уже не узрю“ — — —
И се удар громовой повторился,
Земля трясется; жрец воскликнул:

— Иди, мой сын, иди,
570 Иди, о друг мой юной.
Се слава в облаке златом
Плетет тебе венец лавровой.
Зри, там чертог божественной отверст,
Он ждет тебя и восприимет,
575 Когда увянешь, не дожив
Блаженных поздних дней;
Но если смерть в полете своем быстром
Тебя на ратном поле дальном
Щадить не перестанет,
580 И лютая ее коса
Тебя минует и допустит
Главу твою покрыться
Сребристыми космами,

- Тогда блаженны дни твои пребудут
 585 В объятиях супруги милой,
 В среде любезного семейства,
 Семейства многолюдна.
 Спеш; се зрю, полки Славянски идут,
 Несут булатны свои копыя,
 590 Несут, как лес густой— —
 О, радость мщенья, играй,
 Играй ты в томном моем сердце;
 Сие последнее да будет
 Мне старцу утешенье,
 595 Вознесшему уж ногу в гроб.
 Иди, спеши, о сын любезной!
 Победы лавр пожни блестящей;
 Тебя еще да узрят мои очи,
 Сим лавром увенчанна.—
- 600 Жрец умолк и лобызает
 Своего любезна сына;
 Строй идет, и звонки трубы
 В путь зовут всех ратоборцев.
 Воспламененной отчим словом
 605 Буйной юноша в восторге
 Тяжку броню воздевает,
 Шлем взложил на верьх свой гордой,
 Меч висит у бедр, тяжелой
 Щит, копые в его руках:—
 610 „Прости, отче!“ — — — он отходит.

- Вои радостны воспели
 Песни яру Чернобогу.
 Жрец возвысил глас свой громкой,
 Рек пророческое слово:
 615 — О Перун, о бог всеильной!
 Буди им поборник в бранях,
 Буди в бедствиях защита;
 О народ, народ преславной!
 Твои поздные потомки
 620 Превзойдут тебя во славе
 Своим мужеством изящным,

Мужеством богоподобным,
Удивленье всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
625 Сокрушат рукою сильной,
Победят — — природу даже,—
И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных
630 Ниц падут цари и царства. — — —
О потомки! — — но гром грянул,
Жрец умолк — — — он ощущает,
Что шествует в величьи тихом бог.

ПЕСНЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Не красна изба углами,
Но красна ляшь пирогами.

Пословица...

Громы, гряньте, потрясися
Ось земная в основаньи,
Время быстро, ты исчезни;
Книга вечности разверзлась,
5 Я не в будущем читаю,
Не пророк я, не волшебник,
Не Дельфийская Пифия,
Но я время зрю протекше. —

Се явился предо мною
10 Муж ума и духа сильна,
Что, народ спасая божий,
Море Чермное претекши,
Во пустыни среди глада
Среди смерти мог устроить
15 Народ шаткой, легковерной.
Моисей во имя бога
Чудеса творил; законы
Дал Израильску народу.
И по истине, возмогшей
20 Управлять толпой народной,
Не быв призван на то ею,
Не имея пред собою
Предрассудка порожденья,
Может, может сказать смело,
25 Что посланник есть всевышня.
Моисей во имя бога
Жезлом правит и законы
Среди молний, среди грома

- Он со неба получает.
30 Умы шаткие восхитив,
Вождь был тверд умом и сердцем,
(Магомет коварством многим
Быть хотел законодавцем,
Умы пламенны восхитив
35 Рая лестною картиной,
Он смерть сладкою соделал
Во объятых дев небесных;
Ученик его столь храброй
Воин был непобедимой.
40 Он пошел струею быстрой
На победы, пред собою
Он народам удивленным
Возвестил: се избирайте
Алкоран иль смертоносный
45 Меч, и света половина
Пала пред его законом).
Се идет Семирамида,
Она кудри свои черны
Прикрывает златым шлемом;
50 Своим мужеством на брани,
Своим разумом в советах,
Твердостью во время смутно
Всех сердца, умы пленивши,
Она память истребила,
55 Что убийственной рукою
Она скиптр правленья держит.
Зри Навуходоносора,
Несяй бурно пламя браней
В стены нового Салема,
60 Сокрушил их, в прах развеял,
Раззорил храм Иеговы,
И повлек он Иудеев
В плен, неволю, в преселенье.
Седяй гордо на престоле
65 Златом хитро изваянном,
Он зрит образ свой во храмах
Ко богам причтен; курятся
Ароматы драгоценны

- В честь ему и днем и ночью.
 70 Но се мгла густая зверства
 На верьх гордой налетает;
 Царь царей теряет разум;
 Он стал скот; в лесах дремучих,
 В блатах, дебрях ищет пищи...
 75 Так надменности на троне
 Писал суд предвечный в небе.

- Троя, Тир, Сидон, Карфага,
 Древни Хины и Индейцы
 И неведомы народы
 80 Шествуют, покрыты мглою
 Неизвестности; но блещет
 Во среде столетий мрака
 Слава мудрых, яко в туче
 Молния в сверканьи светлом.
 85 Зри, воспетые Омиром,
 Ахиллес, Парид иль Гектор...
 Зри, во пурпурных хламидах
 Жители Сидона, Тира,
 Алчбой злата устремленны,
 90 На крылах несутся ветра
 Во страны дальнейши мира.
 Зри, потомки их в Карфаге
 Накопляют преизбытки
 Остроумною торговлей.
 95 Ганибал, о вождь предивный — — —
 Но зуб времени железной
 Сокрушил их град и славу — — —
 Се потомки мудрых Брамов,
 Узники злодеев наглых,
 100 По чреде хранят священной
 Свой закон в Езурведаме
 Буквой древнего Самскрита —
 Древней славы их останка
 И свидетеля их срама! — — —
 105 О Конфуций, о муж дивный,
 Твое слово лучезарно
 В среде страшной бури, браней,

На развалинах отчизны
Воссядало всегда в блеске,
110 И чрез целые столетья
Во парении высоком
Возносилось и летало...
Се идет твой современник
Зороастр; он во Персиде
115 Учреждает поклоненье
Духа жизни во вселенной,
И на жертвеннике светлом
Огнь возжег, что пламенеет
Еще ныне в жертву богу.
120 Тако сила духа мудра,
Сохраняясь во потомстве,
Пребывает лучезарна
И живет, живет на вечность.

Се Кир старший, учредитель
125 Царства древняя Персиды.
Но чему о нем мне верить:
Или повести правдивой,
Иль Рамзею в слоге красном?
Царь царей и царь великой,
130 Погибающий рукою
Томириды; отсеченна
Глава Кира всплывает
В крови; слышу глас вещает:
Пей, тиран, до сыта крови,
135 Коей в жизни столь был жаждущ!

Се Еллада в блеске солнца;
Там Ирои в лучезарных
Подвигах, будто светила,
На крылах стремятся ветров
140 Похитить руно золотое.
Зри, Язон в стране волшебной
Превозмог в Колхиде страхи
Чарований и отравы,
И с руном он у Медеи
145 Сердце нежное похитил.

Зри, Алкид как сокрушает
 Выи дерзких и строптивых;
 Разве богу то возможно.
 Что он силою десницы
 150 Мог исполнить в жизни краткой.
 Странственных он избавитель,
 Предал смерти Бузирида,
 Он дал в снедь коням, обыкшим
 Поядать дымящи мяса
 155 Потребленных чужестранцов,
 Во Фракии Диомида,
 Вепря злого в Ериманте
 Обуздать мог вервью лютость;
 Стрелой легкою пернатой
 160 Он чудовищ тех пернатых,
 Что в Стимфалии гнездились,
 Сокрушил и предал смерти.
 Не возмог никто противен
 Быть ему на брани сильной.
 165 В Лерне гидру он стоглаву
 Поразил; в лесу Немейском
 Льва ужасного исторгнул
 Жизнь с дыханием мгновенно,
 И во знак своей победы
 170 Его кожу он космату
 Возложил на тверды плечи.
 Медяногу, златорогу,
 Легкую в бегу он серну
 Мог настичь; и даже бога
 175 В струях живша Архелоя
 Он, во образе свирепа
 Тельца сильна, он поправши
 Рог исторг во знак победы.
 Победитель он чудовищ,
 180 Победитель он Гигантов;
 Сильна в мышцах он Анфия
 Удушил в объятых крепких.
 Перед ним Кентавры дерзки
 Как лист легкой возметались.
 185 И те храбры жены древле,

Ненавистницы супругов,
Амазонки побежденные
И примером Ипполиты,
Своей красныя царицы,
190 Что Алкид Фисею отдал,
Научились жить с мужьями.
Он предерзка Промифея,
Что с небес похитил пламя,
От злой казни избавляя,
195 Убил врана, что терзает
На Кавказе его перси;
И, пришед к пределам мира,
Океан где облегает
Шар земной, он столп высокой
200 Силой крепкия десницы
Подавил и вдруг раздвинул.
Две горы тут вознеслися,
Калпе, Абила, подножьем
Двух столпов, где начертанно
205 Сие дело баснословно;
Се предел, и море с шумом
Покатилось волнами
Во среду земель и весей, — —
Он, наполнив весь мир славой,
210 Нисшел в царствие Плутона
И привратника тризевна
Обуздал он пса Кервера.
Но, платя он долг природе,
Полубог, Ирой, был слабой
215 Во объятиях Омфалы
Смертной; палицу Иройску
Гнусной пряслицей соделал.
Но и в слабостях божествен,
Сын царя миров предвечна,
220 Десять он супруг имевши,
Был отец потомства славна,
Многочисленна; исполнил
Наконец чудесной подвиг,
Быв единою он ночью
225 Дев пятидесяти юных

Супруг нежной и в срок точно
Пятьдесят сынов родивши.
Подвигов двенадцать дивных
Совершил, себя прославив;
230 Быв Ироем в жизни краткой,
Полубог он стал по смерти.

Но, склонясь от баснословных
Подвигов Иройских в Грецьи,
Зри живот как презирает
235 Кодр в спасение Афинам.
Он не злато, не гремушку
Мздой поставил дел Иройских,
Но мечту, мечту любезну,
Образ отчества драгого;
240 В нем жить рай, но с ним разлука
Есть геенна, ад ужасной.
Кодр, сей мыслию исполнен
И предвестию поверя,
Что потеря драгоценной
245 Вещи для Афин спасенье,
Счел, что драгоценней в мире
Вещи нет, как царь правдивой,
И себя таким считая,
Смерть вкусил к спасенью царства.
250 Афиняне в знак почтенья
К подвигу толику славну
И считая невозможным
Заменить его на троне,
Имя царско истребили.
255 Признавая невозможность
Без законов быть правленью,
Афиняне восхотели,
Да Дракон, муж твердый, строгий,
Начертал бы им законы.
260 Но он каждо преступленье,
Маловажно иль велико,
Омывал Афинян кровью.
Мало время поступали
По словам его кровавым;

- 265 И Солон законы новы
Предписал тогда Афинам.
Страсти бурны обуздавши,
Он законы дал бессильны
Аттике замысловатой.
- 270 Зря законов власть попоранну
Властолюбным Пизистратом,
Презрил град он и тирана,
Град оставил, удалился.
Но чему дивиться должно,
275 Иль законам его слабым,
Иль тому, что он направил
Народ шаткой, остроумной,
На стезю побед и славы,
На рожденье мужей дивных?
- 280 Се исходит предо мною
И очам моим явился
Муж божественный, муж дивный,
Что, умом свои объявши
Всю народного связь тела,
285 Умел души всех устроить
К пользе общей и единой,
Подчиняя ум и сердце
Всех отечеству любезну.
О Ликург, твоим законом
290 Ты нагнувши выи горды,
Воспитанием Спартанцов
Им отечество соделал
Всего выше и милее.
- Времена настали страшны
295 Для свободы всей Еллады.
Как стада несметны вранов,
Так полки Персидски строем
На Елладу налетели;
Но Афиняне, Спартане
300 Против их несчетных воев
Ставили мужей лишь славных.
Милтиад, спаситель Греции,

Победитель Марафонский,
Жизнь скончал в темнице срамной.
305 Леонид, царь Спарты смелой,
Иссосав любовь к отчизне
С млеком матери любезной,
Жизнь ему принес на жертву,
И с ним триста юнош храбрых
310 Дни скончали в Фермопилах.
Аристид се правосудный,
Что себе начертавает
Суд изгнания Остракизмом;
Но он зависти знал жало,
315 Быв соперник Фемистокла.
Победитель славной Персов,
В Саламине зрит всех Греков,
Стекшихся к играм в Олимпе,
Перед ним вдруг восстающих.
320 О, награда паче злата,
Паче всех венцов лавровых!
Но достоин был неложно
Сея чести тот, кто Грецью
Спас победой в Саламине:
325 Для спасения отчизны
Презрел он вождя надменна,
И вознесшему жезл буйно
Да ударит, отвечает:
Поражай, но токмо слушай.
330 Се Перикл, кой умел хитро
Взять кормило во Афинах,
И народом, возлюбившим
Своевольность до безумья,
Он по воле своей правил.
335 Друг Фидия, изваявша
Образ дивной Афинеи,
Друг Аспазии любезной,
Что Сократ (иль добродетель
Воплощенна) в честь вменяет
340 За учителя имети
Себе славну Аспазию;
Он друг был Анаксагора,

Кой, сотрясши предрассудок,
Тяжко бремя мглы священной
345 И светильником рассудка
Сонмы всех богов развеяв,
Первой стал среди вселенной,
Он дерзнул ее началу
Дать вину несусеверну.

350 Алкивиад, муж любезной,
Богат, статен, умен, знатен,
Дарований он великих
И пороков преисполнен.
Добродетелен, но редко,
355 Разве следуя советам
Друга своего любезна
И учителя, Сократа;
В страстях пылок, рдян и буйствен;
Облекаясь он однакож
360 В виды, нравы, обычаи,
Кои нужны на то время,
Чтоб достичь желанной цели;
Он злой дух и бич Еллады
Был, и пал сраженной жертвой
365 Любочестья и разврата.—

Но пройдем мы быстрым оком
Ту страну, страну предивну,
Где Ликурговы законы
Царствуют сильней природы.
370 Там жена не знала страсти
Ко супругу нежну, разве
Он достоин был награды
За свою любовь ко Спарте.
Там мать в радости ликует,
375 Когда сын ее, сражаясь,
Жертвой пал при Фермопилах.
Ты познал то, о Павсаний,
Что любовь ко Спарте выше
В сердце родшей тебя в Спарте,
380 Нежели к тебе. Развратность

Твоих нравов она прежде
Всех других в тебе накажет.
Ты есть враг Лакедемона;
И се, зри, несет уж камень,
385 Чем во храм вход заградится,
Где предательна свершится
Твоя жизнь во мщенье Спарты.
Агесилай, воин мудрый,
Ты достоин еще древней
390 Славы отчества, погасшей
В роскоши, в развратных нравах.
О, сколь мил ты простотою,
Когда, чад своих забава,
Ты, конем жезл сотворивши,
395 Рыскал с ними на их пользу.

О, Лизандер, о муж славной!
Воин мудрой, ты б достоин
Был отчества любезна,
Если б ты родился прежде.
400 Ты в делах твоих Иройских
Не коварством бы вождаем,
Не предатель был бы хитрой,
Почитавший меч свой средством
Быть всегда со всеми правым.

405 Но разврат, пусть свой корень
Сердца вглубь Лакедемонян,
Испроверг святы уставы,
Что Ликург поставить тщился
На подножии незыбком
410 Простоты и бескорыстья
Воспитанием суровым,
И когда рукою смелой
Юной Агий, взревновавший,
Восхотел к началу древню
415 Обратить спартански нравы,
То плачевною пал жертвой
Сребролюбия, разврата.

Дух величья, разливаясь
В концы дальние Еллады,
420 Возблестал вдруг между Фивян;
Хоть Пиндар своей трубою
Во отечественном граде
Колебал тупые слухи,
Но, взгнездившись во Фивах,
425 Грубость их во всей Елладе
Отличалась пред другими.
И се два велики мужа,
Лаврами главы венчая,
Возмогли на высшу степень
430 Возвести свою отчизну.
Пелопид, мудрец и воин,
Муж великий, избавитель
Фив от ига, наложенна
Гордой Спартою во счастье.
435 Но его блестяща слава
Уступала его другу
Епаминонду, что первым
Цицерон назвал из греков,
Он про коего вещает:
440 Знал всех больше, а глаголал
Меньше всех. Он, высший в Фивах,
Нищ был, злато презирая.
Горду Спарту низлагая,
Победитель пал сраженной,
445 И, чад вместо, он оставил
Только Левктры, Мантинею.
Се Филипп сплетает узы
Или сети хитротканны,
Где он вольность всей Еллады
450 Уловил и сделал прахом.
Учредитель стройна войска,
Устроением Фаланги
Он кровавы приготовил
Узы тяжки полусвету.
455 О Филипп, тебе возможно
Во ярем нагнуть все выи;
Но кто может Демосфена

Наклонить велику душу?
 Тебе тело и труп срамной
 460 Демосфенов в корысть будет,
 Но не дух его свободный.

Александр, употребляя
 Себе в пользу то, что сделал
 Филипп хитрой, Филипп мудрой,
 465 Вихрь порывистый понесся,
 В бурном духе урагана,
 Сокрушая все преграды,
 От смиренной Пеллы, даже
 До берегов счастливых Ганга.
 470 Друга своего убийца,
 Пал сражен болезнью в пьянстве.
 Необъятные корысти
 По его достались смерти
 Вождям войск его надменным;
 475 И солдаты Александра
 Цари стали его смертью.

Хоть по смерти Александра
 Воссиял дух древний паки,
 И союз Ахеян видел
 480 Возраждающуюся вольность;
 Но то искра была слаба.
 Ни Арат не мог восставить
 Падшую Еллады вольность,
 Ни ты смертной, столь достойной
 485 Нарещись последним Греком,
 Филопеман пал, и вольность,
 В древней Греции сиявша,
 В век потухла невозвратно.

Се сонм светлой мужей славных,
 490 Се сенат, се народ Римской,
 Полк царей и их превыше,
 Се властители народов.
 Изыдите и предстаньте
 Моим взорам обаянным!

495 Вы краса и удивленье
Человеческого рода,
Вы изящну добродетель
Вознесли на верьх возможной;
Но вдруг впали в гнусность, мерзость,
500 И затмили злобой, зверством
Все народы нам известны.

Ромул Риму основанье
Дал, устроая свое царство.
Нума нимфу Егерю
505 Призывал давать законы,
И единый против войска
Стал врагов своих строптивых.
До Тарквиния старались
Все цари пределы Рима
510 Расширять елико можно.
Но Тарквиний скиптр железной
Простер к буйному народу;
Смерть Лукреции воздвигла
На него беды ужасны;
515 Он был изгнан, и навеки.

Се Брут первой, обогрнной
Кровью сына и тиранов,
Положил угольный камень
Зданью Римския свободы.
520 Се Коклес, с мечем единый
Спасший Рим и его славу;
Жертва Деций общей пользы,
Ищет смерти он ужасной.
Суеверною любовью
525 Ко отечеству пылая,
Курций в хлябь земну разверсту
Летит, жизни не жалея,
Для спасения народа.
Зри, се Сцевола, на жертву
530 Принося свою десницу,
В безопасность юна Рима,
Не содрогшись возлагает

На горящи еѳ угли.
 Боль несносна не тревожит
 535 Души твердой и незыбкой.

О Менений бескорыстной!
 Пред тобой богатство, злато,
 Как лист в осень, увядают
 Постыженны твоим взором.
 540 Нищ ты был, седяй в сенате,
 И по смерти не оставил
 Чем бы заступ мог наемной
 Ископать тебе могилу.
 Но граждане веледушны,
 545 Чувствием сердце водимы,
 Несут в место свое злато,
 В честь твою взник столп надгробной!

Броду тяжку прорывая
 Силою волов яремных,
 550 Цинцинат от шумна света
 В селе малом обитает.
 Но блестяща добродетель
 Утаиться не возможет;
 Возведен на высшу степень
 555 Он в дни смутные средь Рима,
 Своей твердостью и лаской
 Рушшийся порядок строит;
 Уже взводится в четверты
 На перьвейшее он место;
 560 Врагов Рима победивши,
 Он нисходит в чин простого
 Гражданина; и приемлет
 Паки он свое орудье,
 Чем взорется его нива.
 565 Столь же ты велик, муж дивной,
 Идя вслед сохе на ниве
 И бичем скота яремна
 Понуждая ко работе,
 Велик столь же, как пред войском
 570 В прах попрал ты врагов Рима.

О Камилий, о муж славной,
Столь же дивен и единствен
Ты во счастья благоспешном,
Как в превратностях и в бедстве.
575 Изгнанной коварством хитрым
(Ах! бывало ль, или будет,
Чтоб изящна добродетель
Не раждала зависть блѣдну,
И была б не ненавистна
580 Злобну гнусному пороку),
Ты, к отечеству любовью
Рдея, строишь во изгнаньи
Помощь Риму во злосчастьи.

И се Бренн, вождь храброй, смелой
585 Галлов диких и свирепых,
Победитель Римских воев,
Всюду ужас простирает,
Он в бестрепетное сердце
Римлян страхи поселяет;
590 Но Рим в бедствах паче счастья
Был велик и тверд и дивен.
Его стены опустели;
Жены, старцы и младенцы
Лишь одни остались в граде
595 Зреть победу Галлов лютых.
Но Камилл жив, и спасенны.
Лишь отсутствен он от Рима,
Паки бедства возродились,
И, наскучивши в осаде,
600 Римляне купить хотели
Мир у Галлов весом злата.
Но Камилл внезапно входит
В град, поникшей от печали;
Зрит поносное он злато
605 На весах, и коромысло
(Вес не полн) горе восходит.
Меч извлек, и в легку чашу
Возложивши: се, вещает,
Чем нам Галлам платить должно,

610 А не златом сим поносным.
Одно слово, и дух прежний
Возродился в сердце Римлян,
Рим свободен, побежденны
Галлы; зри, что может слово;
615 Но се слово мужа тверда,
Как то древле слово жизни
Во творении явилось
Было слово се Камила.

Мужи славны, украшение
620 Вы отечества во Риме;
Вы, к нему любовью рдея,
Все на жертву приносили,
Самую забыв природу.
Манлий сына осуждает
625 Вкусить смерть, да подчиненность
В войске будет сохраненна;
Деций, видя робость в войске,
Дав себя в обет подземным
Богам, ринулся с размаху
630 Во врагов; погиб, но славно,
Бодрость в души влиял Римлян
И доставил им победу.
Се твой сын, тебя достойной,
Уподобясь тебе в славе,
635 То ж творит и погибает.

Се и вы предстали взорам,
О презрители богатства.
О, ты, Курий! что вещавшей
Ко Самнитам, приносящим
640 Злато: лучше я желаю
Повелитель быть над теми,
Кто имеет много злата,
Нежели иметь сам злато.
Ах! возможно ль его блеском
645 Лстить того, кого, пришедши
На прошение, посланцы
Целого народа видят

На деревянном блюде яствы
Поядающа. — Явился
650 Муж, презритель сребра, злата,
Добродетельный Фабриций:
Удивленье врагов Рима,
Ты достойной был воссести
И в том граде и в том сонме,
655 Где Киней дивяся мудрой:
Рим, — вещает, — есть храм божий,
А сенат царей собранье.
Пирр со златом посрамленной,
Не возмогши добродетель
660 Повредить твою, рек тако:
Нет, удобнее возможно
Совратить с теченья солнце,
Нежели со стези правды,
Добродетели и чести
665 Совратить тебя, Фабриций.

Кто сей зрится весь покрытой
Рачами, муж строга вида?..
Регул, зная пытки, муки,
Что его ждут во Карфаге:
670 Вам война, не мир довлеет,
О сенат, о народ Римской; —
И кровавая пал жертва
Он совета сего мудра.

Но возник тебе на гибель
675 Ганнибал, сей муж предивной,
Коим Рим едва не свержен
Во полете своей славы,
Если б зависть не претила
Во парении Ирою.
680 Фабий медленностью мудрой
Если б бег твой не умерил,
То, поверженной во прахе,
Во развалинах дымился б
Рим, глава земного круга;
685 Там бы зрелися потомки

Тех мужей, достойных неба,
 В поругании злосрамном;
 На том месте, где венчались
 Славою их предки дивны,
 690 Не воссели б в славе, в блеске
 На престоле всего мира.

Ганнибал, Ирой премудрой,
 Что тебе противустанет?
 Коль природа не возможет
 695 Во походе твоём дивном
 Положить тебе преграды,
 Воздвигая верхи льдяны
 Выше облак, грома, молний;
 Коль струя шумящей Роны,
 700 Еридан, или потоки,
 Звонкошумно ниц звенящи
 С верхних Альп на камни строги,
 Заградить твой путь не могут,
 То Требия, Тразимена
 705 Суть лишь следствия неложны
 Твоих мудрых начертаний.
 Но се Фабий, скала тверда,
 Где твое стремленье буйно
 Заградилось и препятно.
 710 Ах! тобою Рим спасенной
 Чуть не зрел свою погибель
 В Каннах, как Варрон надменной,
 Сей клевет безумной Павла,
 Падшего в спасенье Рима
 715 С воинами, что умели
 Жизнь скончати за отчизну;
 Безрассудной вождь, возмнившей
 Состязаться с Ганнибалом.
 Уж молва трубою громкой
 720 Возвещает гибель Рима;
 Но напасть его спасенье
 Устрояет средь развалин,
 Он воздвиг свой верьх ужасной,
 Бедства край, всех восторгало

- 725 Мужество вновь возродилось;
 Рим спасен, и что возможет
 Ганнибал един пред Римом?
 Его счастье отлетело
 Перед юным Сципионом.
- 730 Победитель Ганнибала
 Видел зависть, видел злобу,
 Устремленную на славу
 Его подвигов великих;
 Обвинен перед народом,
- 735 Добродетельной муж, твердый,
 Над врагами Рима скажет
 Свои славные победы
 И, клевет всех в посрамленье:
 „Народ Римской! (он воскликнет)
- 740 „В сей, в сей день блаженной, с вами
 „Победил я Ганнибала;
 „Отдадим хвалу всевышним“,
 И се паки торжествующ,
 Всем народом провождаем,
- 745 В Капитолью он восходит,
 Оставляя площадь Римску
 С клеветой, в стыде шипящей.

- Славы, имени преемник
 Сципионов, разрушитель
- 750 Состязательницы Рима...
 Ах! се ль слава, се ль Иройство? — —
 Разрушать единым мигом,
 Что столетия создали!
 Вопль и крик и скрежетанье
- 755 Умирующих булатом
 Победителя во гневе. —
 Пламя, всюду разлиянно,
 Как река, сломив оплоты — — —
 Плод изящности — в обломках — — —
- 760 Разума твореньи — в щепках — — —
 И грабеж, насильство, наглость,
 Все неистовства, все зверства, — —
 Со бесчувственностью стали

- 765 Слышать визг и корчи смерти —
 Се Иройство, слава! — можно ль
 Сердцу, чувствовать обыкшу,
 И уму, судить умевшу,
 Поступить на таковая?
 Нет, рассудок претит мыслить,
 770 Что Эмилия сын славной,
 Лелья друг и друг Полибья,
 И любитель Муз Еллады,
 Мог решить погибель зверску
 Пышной, гордая Карфаги.
 775 Нет, велье се неисто
 Властолюбия сурова,
 Ненасытна духа власти,
 Духа сильна, Рим воздвигша,
 Из устен что излетело
 780 Древня строгого Катона:
 Да разрушится Карфага!
 Но ты паки разрушитель,
 Ты Нуманции несчастной.
 Иль припев, или прозванье
 785 Над тобой толико сильны,
 Что ты сладость ощущаешь
 Разрушителем быть только?
 Но, алкая сильной власти
 Ты Диктатора, стал жертвой
 790 Властолюбья непомерна. —

- И се в Риме удивленном
 Своей властью и богатством
 Возникают страсти бурны
 И грозят уже паденьем.
 795 Асия, Коринф и Греки
 Повергают свои выи
 Во ярем народа Римска.
 Но во мзду рабства, сим мира
 Повелителям надменным,
 800 С златом, с серебром, с богатством
 Изрыгают в Рим все страсти,
 Что затмят в нем добродетель

И созиждут ему гибель.
Грахи, Грахи, украшенье
805 Матери своя мудрой,
Вы напрасно восхотели
Возродить в превратном Риме
Нравы древни и равенство.
Добродетель не защита
810 Для коварства, буйства, силы.
Пали жертвы вы, достойны
Упадающей свободы.
Се возник тот муж суровой
Ненавистник рода знатна,
815 Ненавистник наук, знаний,
Храбр и мужествен и дерзок,
Вождь великой, воин смелой
И спаситель Рима, Марий;
Горд, суров, алкая власти,
820 Все пути к ее снисканью
Были благи; но изгнанной
И в побеге, утопая
Близ Минтурны в блате жидком,
Он вещает ко несущу
825 К нему смерть наемну войну:
Се, я Марий, коль дерзаешь!
Но сей взор велика духа,
И велика среди бедствий,
Заградил взнесенно жало,
830 И в убийце своем Марий
Обретает себе друга;—
— Странник бедствен, укрываясь,
Конец жизни нося тяжкой,
Зри картину счастья шатка;
835 Зри величественный образ
Мария победоносна,
Марья первого во Риме
Здесь сидящего (вещает)
На развалинах Карфаги!
840 О, стяжатель власти, чести,
Зри там Марья — содрогнися.
Колесо всегда вертящесь

Превратилось Фортуны,
 Марий паки в Капитольи;
 845 Сердце, бедством изъязвлено,
 Стало жестче стали крепкой,
 И суровой сей велитель
 Рим исполнил смерти, казни.
 День румяной воссиявшей
 850 Освещал потоки дымны
 Восструившейся по стогнам
 Крови Римской, — и свершался,
 Зря в мерцаньи кровь и гибель.
 Но сей варвар ненасытной
 855 Трепетал, вспомня Суллу.
 Чтоб забыть тот страх, опасность,
 Он предался гнусу пьянству
 И в хмелю скончал жизнь срамну.

Се совместник Марьев, Сулла,
 860 Се мучитель с сердцем нежным,
 Се счастливым нареченный,
 Рода знатна и украшен
 Дарованьями различны;
 Ум словесностью устроен,
 865 В обхожденьи мил и гибок,
 Но снедаем алчбой славы
 И снедаем властолюбьем;
 Храбр, деятелен, вождь мудрой,
 Победитель Мифридата.
 870 Мифридат, Ирой, царь славной,
 О пример ты зыбка счастья!
 Враг он Римлян, ненавистник
 Сих тягчателей народов;
 С юных лет он чует славу
 875 Противстать струе сей, рвущей
 Все оплоты; бодрой разум,
 Возвышенны чувства сердца,
 Крепость духа, храбрость, смелость,
 Мужество, в трудах возросше,
 880 Закаленное во славе;
 Он дал бег душе отважной,

Властолюбия алкавшей,
На великая возмогшей.
Победитель он Азии,
885 Победитель он Еллады,
Уступить был принужденной
Счастью Рима, счастьем Суллы.
Но иссунул меч кровавой
Паки на погибель Рима,
890 Тридцать лет сопротивлялся
Он грабителям вселенной
Римлянам: но в тяжки лета,
Зря восставшего Фарнаса,
Сына, наущенна Римом,
895 Он мечем свою жизнь славу
Ненадежную исторгнул,
Не возмогши ее кончить
Жалом острым яда сильна;
Зане жизнь его, в смятеньи
900 Провождаема, успела
Притупить всю едкость яда.

Мифридата победивши,
Испровергнувши Афины,
Победивши всех Ахеян,
905 Всех союзников и Римлян,
Сулла меч свой, обагреной
Кровию доселе чуждой,
Он простер во сердце Рима.
Заградив на жалость сердце,
910 Хладнокровной был убийца
Всех, ему врагами бывших,
И трепещущие члены
Погубленных граждан Рима
Его были услажденье.
915 Нет, ничто не уравнился
Ему в люлости толикой,
Робеспьер дней наших разве.
Ах, во дни сии ужасны,
Где отец сыновней крови,
920 Где сыны отцовой жаждут,

Господу где раб предатель,
Средь разврата нагла нравов
Может разве самодержец,
Властию венчан всесильной,
925 Дать устройство, мир — неволи —
Пусть неволи, но отдохнет
Человечество от тяжких
Ран. Стал Сулла всевелитель,
Учредил благоустройство
930 Во мятежном сердце Рима.
И се муж, кровей столь жаждущ,
Погубитель граждан, войнов,
Грады, селы испровергший,
Наносившей смертны раны
935 Во сердцах семейств толиких,
Возгнушался своей властью
И дерзнул сойти с престола.
Он конец своея жизни
Провел мирно и в утехах
940 Сладострастья, неги, хмеля.
О властители народов!...
Или паче, сердца смертных,
О загадка, нерешима
Ниже Сфинксу; будто только
945 Всевластителю угодно
Было кровию упиться
И возлечь на ложе мирно,
Среди Вакха, Мусс и Лелы.
Истина непостижима,
950 Но то истина, что может
Во душе, к любленью нежной,
При вождении рассудка,
Привитать и люто зверство.

Где ты Рим, где ты, отчизна
955 Простоты, смиренья, чести!
Добродетели опоры,
Потрясенные страстями,
Утопилися в Ассийской
Роскоши; но се явленье,

- 960 Удивления достойно
Всех веков, всяя вселенной:
Муж богатства неисчетна,
Пышностью превзошедший,
Роскошью и велелепьем
965 Всех царей роскошна востока,
И среди распутства, буйства,
Наглостей, презренья явна
Добродетели, законов,
Возмужался, явил свету
970 Сердце чистое и разум
Всей изящностью украшен.
Воин храброй и вождь мудрой,
Гражданин среди разврата;
Ненавистник ухищрений,
975 Скопов, казней, заговоров;
Не алкая властолюбьем,
Победитель Мифридата
Торжеством шел в Капитолии.
Сердце, руки непорочны,
980 Судия всегда правдивой,
Истина из уст нельстивых
Лукулла роскошна, пышна
Исходила непорочна.
Сын, отец и брат он нежной,
985 Господь щедрой, друг несчастных,
Он бы мог стать всех превыше,
Кесаря или Помпея,
Но иль мало он отважен,
Иль не дерзок, иль почтил он
990 Мир, покой средь Мусс и неги.—

Марий, проложив кровавой
Путь ко власти высшей в Риме,
Сулла, воинов купивши,
Показали, что возможно
995 Силой царствовать в Риме;
Рим, владыко всех народов,
Уж настала та минута,
Что ты выю свою горду

- Под ярем насильства склонишь.
1000 Если муж продерзкой, буйной,
Вихрь неистовой страстями,
Смелой ум, отважно сердце,
Сластолюбец, злодей гнусной...
(Зри, ступил, ушел и, в бегстве
1005 Вырвавшись, мечем дерзает...
Но сражен, он озираясь
Грозит взором и скрежещет
Во отмщение зубами)— —
Если вольность Катилина
1010 Не.возможет испровергнуть,
То, спасенной Цицероном,
В мрежи ты падешь Помпея.
Властолюбец, не терпевшей
Себе равного во Риме,
1015 Жажду царствия прикрывши
Добродетельной личиной,
Он умеренности видом
Привлекал сердца и души;
Торжества исторгши почесть,
1020 Еще юн, не хотел больше,
Чтоб его затмил кто в Риме,
Победитель и во власти
В Рим вступает гражданином,
Но он хитростью то будет,
1025 Чего силой не желает.
Его честь и добродетель
На лице токмо сияли,
Но душа была бесстыдна.
Расширитель он пределов
1030 Рима Ассию до сердца,
Он неистово гордился,
Презрил Юлия, вещая:
Я воздвигну легионы,
Ударяя ногой в землю.
1035 Во Фарсальских он долинах
Испытал превратность счастья,
И предательной десницы
Стал он жертвою плачевной.

- 1040   Тако зданье, соруженно
Хитростью и расточеньем,
Властию, умом, стрясется
И падет единым махом,
Коль найдет во преткновенье
Буйнея себя и дерзче.
- 1045   Се возник тот муж предивной,
Удивленье веков поздних,
В юности распутен, жаждущ
Лишь веселья и утех,
Дорогими ароматы
1050   Нося кудри умащенны
И рача лишь о наряде,
Сей вознесся, да преломит
Твердой щит свободы Рима,
Но в котором еще Сулла
1055   Марьев многих прорицает.
Юлий встал, и все поникло.
Ах! что может стать противу,
Когда Юлий в селе малом
Первым быть желает лучше,
1060   Нежели вторым во Риме.
Алчба власти необъятна,
Совождается рассудком
Твердым, быстрым, и глубокой
Ум блестящей, и украшен
1065   Всей учености цветами.
Слово нежно и приятно,
Но и сильно, пылко, стройно,
Убеждать равно удобно
Душу, сердце жены, война.
1070   Предприимчив, смел, отважен,
Жив, деятелен; чудесны
Он намеренья родивши,
Исполнял их устремленно;
Храбр и мужествен в сраженьи,
1075   Мудр, разумен он в советах,
Милосерд, прощать обиды
Он готов всегда злодеям.

Как возможно, чтобы вольность
 Устоять могла, шатнувшись,
 1080 Против Юлья? муж чудесной,
 Он все качества изящны
 Ссредоточил, недостатка
 Ни едина не имевши,
 Но пороков тьму; рожденной
 1085 К управленью, где бы ни был,
 Победитель был бы тамо,
 Где б случилось вождасть войско.
 Вольности умыслив гибель,
 В достиженьи сея цели
 1090 Бдетелен был, трезв, незыблен,
 Всегда к брани он готовой,
 Рукой дерзкой и обильной
 Рассыпал несчетно злато.
 Покупал наемны души
 1095 И клеветов своих бранных
 Делал Крезами, коль нужно.
 Путь направля ко престолу,
 Преткновений став превыше,
 Он себе позволил все, и
 1100 Свято было ль что, не ведал.

Так, Помпея победивши,
 Излиал щедроты всюду
 И явился царь премудрой.
 Но или неосторожно,
 1105 Или гордостью своею
 Оскорбив любящих вольность,
 Сей вождь славной, муж великой
 Пал, сражен друзей рукою,
 Пал, ненужная ты жертва
 1110 Сокрушенныя свободы.
 И, неслыханное чудо!
 Тиран мертв, но где свобода?
 Во служение поникшей
 Рима дух парить не может.
 1115 А ты, муж красноречивой,
 Цицерон, прияв кормило,

Не возмог ты Римом править.
Ах, Катон, почто исторгнул
Жизнь свою ты столь не к state?
1120 Ты бы участь зыбку Рима
Укрепить мог духом твердым.
Стань, сравнись со Цицероном;
Монтескьё о вас да судит.
Цицерон муж качеств дивных,
1125 Но вторым быть, а не первым
Был удобен; ум прекрасной,
Но душа нередко низка.
В Цицероне добродетель
Есть побочность, а в Катоне
1130 Она верьх, подпора ж славы.
На себя всегда взор перьвой
Витий славной обрацает;
А Катон себя не видит;
Рим спасти Катон желает,
1135 Зане любит он свободу;
А муж слова сладка хочет
Рим спасти, из чванства разве;
И сей муж, неосторожной
И тщеславной, ненавидя
1140 Марк Антония, восставил
Юлия в Октавиане.
Но, обманутой младенцем
Почти, пал опасна жертва
Кровожадных Триумвиров.
1145 Тут воскрес, восстал от гроба
Ненасытец граждан крови,
Сулла; меч носился в Риме,
Пожиная всех, кто не мил
Иль опасен Триумвирам.
1150 Так, валясь везде на части,
Римска вольность исчезала.
Брут и Кассий, побежденны
В Греции, свой меч вонзают
В грудь свою без пользы Риму;
1155 Только слава им осталась
Римляне последни зваться.

Потом, Марка победивши
 Октавыян в Акцъи, трусливой,
 Царь он стал огромна Рима.
 160 И так сей злодей неистой,
 Без законов и без правил,
 Хитр, бесстыден, подл и алчен,
 Благодарности чужд сердцем,
 Сластолюбец и бездельник,
 1165 Кровожаждущ, но с насмешкой,
 Воевода трус и робкой,
 Но возлюбленной воинством,
 Рим исполнивши насильства,
 Грабежа, бесстыдства, крови,
 1170 И, насытившись надменно
 Сладострастием позорным,
 Стал превыше он всех в Риме.
 Он в любовь к народу вкравшись,
 Лстя его свободы видом
 1175 (Ах, достоин ли свободы
 Ты, которой лишь желаешь
 Хлеба, хлеба, игр на Цирке?),
 Основал престол железной,
 Где воссядет злодеянье
 1180 И с ним гнусные пороки.
 Тако хитрой сей мучитель,
 Безмятежным правя царством
 Долго, был и щедр и кроток
 И, кончину видя близку,
 1185 С твердостью вещал стоящим:
 Се конец игры, плещите. —
 Но потомство не обманешь, —
 О неистойой счастливец;
 Блеском своя державы
 1190 Одолжен ты Меценату,
 Или Ливьи, иль Агриппе,
 Иль льстецам твоим наемным,
 Иль Горацью, иль Марону.
 О умы, умы изящны,
 1195 Та ли участь Мусс, чтоб славить,
 Кто вам жизнь лишь не отъемлет,

Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытой
В крови теплой граждан, братьев.

1200 Как струя, в своем стремленьи
Препинаема оплотом,
Роет тихо в основаньи
Связь подножья его крепка,
Но подрыв и отняв силу
1205 У претящия плотины,
Ломит махом все преграды
И, разлившись с буйным ливом
По лугам, долинам, нивам,
Жатвы где блюлись и злаки,
1210 Все покрыла волной мутной:
Так при Августе власть высша
Подрывала столб свободы,
Что Тиверий сринул махом.

Тиран мрачной, он подернул
1215 Покрывалом тяжким скорби
Рим; тогда не злодеянье
В злодеяние вменялось;
Но злодей — кого Тиверий
Ненавидел или думал,
1220 Что опасен он быть может.
Действие, невинна шутка,
Одно слово, знак, иль мысли
Все могло быть преступленьем.
Там донос, ночное жало,
1225 В бритву ядом изощренно,
Носят нагло днем во Риме.
Сын отцу и отец сыну,
Брату брат, супруг супруге,
Господину раб, друг другу
1230 Чужды стали и опасны.
Оком рыси соглядая,
Лютость рыскала по стогнам
И с улыбкою змеиной
То чело знаменовала,

- 1235 Что падет при восходе солнца,
 Иль увянет при закате.
 Ах, исчезли те сердечны
 Излиянья меж друзьями,
 Что всю сладость составляли
 1240 Бесед тихих, но свободных;
 Со пиршеств непринужденно
 Отлетело уж веселье,
 Скрыв чело блестяще, ало
 Под покров густой печали;
 1245 И доверенность в семействах,
 И в рабах хоть редка верность
 Искажены превратились
 В недоверчивость, подобну
 Стражу люту, что отъемлет
 1250 У несчастных услажденье
 В бедстве томном, сон и слово.
 Дружба там почлась не лучше
 Скалы скрытой и подводной,
 Где корабль при дуновеньи
 1255 Тихого Зефира, будет
 В корысть Сцилле иль Харибде.
 Откровенность и вид правды
 Поставлялися безумьем.
 И сама, ах! добродетель
 1260 Почиталася личиной,
 Но опасной для тирана,
 Зане вид ее любезной
 Мог исторгнуть бы из груди
 Воздыханье о блаженстве
 1265 Времен прѣжних, и родилась
 Мысль, что Рим мог быть иначе.

Так вещает муж бессмертной
 Монтескье, что нет тиранства
 Злей, лютей, когда ходяет
 1270 Под благой сенью законов,
 И прикрытое шарами
 Правосудия; подобно,
 Как бы жалость всю презревши,

Отымать спасавшу доску
1275 Претерпевших сокрушенье
Корабля, да гибнут в бездне.

Се лишь слабая картина
Царствия Тиверья мрачна.
Сей тиран согбенна Рима,
1280 Возгнушавшись его лестью,
Иль боясь, чтоб не воздвигло
В нем отчаянье десницу
На карание правдиво
Всех его мучительств темных,
1285 Отдалился во Капрею,
Где, Когортами стрегомой,
Сластям гнусным предавался,
Коих образ даже срамной
Иль одно напоминанье
1290 Омерзенье возбуждают.
Тамо отроков во сонме
Наслаждался он утехой,
Новы сласти вымышляя
И названия им новы;
1295 Там, откуда его смрачны
Слуги, рыская повсюду,
Новых жертв всегда искали
Его мерзку любострастью;
Отрок нежной, возвращенной
1300 В целомудрии, в смиреньи,
Исторгался из объятий
Отца, матери иль брата.
Ах, почто, почто и память
Сих всех гнусностей позорных
1305 Едко время пощадило!
Время, в царствии драгое,
Истощая в сих утехах,
Исполненье своей власти
Злой тиран отдал Сеяну.
1310 Сей, орудье его зверства,
Шел во власти и в тиранстве
Наравне с Каприйским богом.

Погубив его семейство,
 Он уж смелую десницу
 1315 На трепещуща тирана
 К поражению возносит;
 Но сам пал, и тиран лютой
 Злей, лютее стал, дотоле,
 Что, несчастной, избегая
 1320 Не кончины неизбежной,
 Но терзаний, муки, пытки,
 Жизнь заранее преторгши,
 Извлекал из уст тирана
 Слово зверское: он спасся.
 1325 Сам Тиверий смертью лютой
 Жизнь скончал свою поносну.

Ах, сия ли участь смертных,
 Что и казнь тирана люта
 Не спасает их от бедствий;
 1330 Коль мучительство нагнуло
 Во ярем высоко выю,
 То что нужды, кто им правит;
 Вождь падет, лицо сменится,
 Но ярем, ярем пребудет.
 1335 И, как будто бы в насмешку
 Роду смертных, тиран новой
 Будет благ и будет кроток:
 Но надолго ль,—на мгновенье;
 А потом он усугубя
 1340 Ярость лютости и злобы,
 Он изрыгнет ад всем в души.
 Каий Калигула таков был,
 Милосерд, но лишь в начале;
 Он был щедр — — — разве в тиранстве.
 1345 Юнош тихой и покорной
 Был, доколе высшей власти
 Не имел в своей деснице;
 Потом тигр всех паче лютой.
 И достойно назывался
 1350 Рабом лучшим во всем Риме,
 Господином злей всех паче.

Он, лаская толпе черной,
 На безумные издержки
 Истошил несчетно злато.

- 1355   И се светлое начало
 Пременилось скоро, скоро.
 Сверженно все и попоранно
 С наглостью; досель невинной,
 Нравы, разум и законы,
 1360 Человечество и честность
 Подавив пятою тяжкой,
 Каий омылся в кровях Рима;
 Он мучитель до безумства,
 Сожалел о том лишь только,
 1365 Что народ, народ весь Римской
 Не одну главу имеет,
 Да сраженна одним махом
 Ниспадет ему в утеху.
 Пьян, величием надменен,
 1370 Он царей всех чтит рабами,
 Храм создал себе, как богу,
 И велел обильны жертвы
 Приносить себе, как Зевсу.
 Блестел молнией, метал громы.
 1375 Удивиться тому должно,
 Как мог Рим повиноваться
 Дурака сего неиста
 Бешенству толико яру;
 Любодейца со сестрами,
 1380 Нагл, насилен и бесстыдно
 Осрамлял супружне ложе.
 Лишь стыдился, что Агриппа
 Его дед был, и вещает:
 — Мать мою родивша Юлья
 1385 Зачала в объятях отчих
 Бога Августа.—Безумной!—
 Нет, лишь смех ты возбуждаешь.
 Но чему дивимся боле:
 Иль надменности безумной,
 1390 Или зверству его яру?

Глад, иль мор, или пожары,
 Или бедствия народны
 Ему были услажденьем.
 Но дотоль он презрил Римлян
 1395 Или был безумен столько,
 Что коня в своих чертогах
 Угощал как мужа славна.
 Он нарек его первейшим
 Во священниках, и мыслил
 1400 Нарещи его в Сенате
 Консулом.—Но полно, полно,
 Замолчим... Он жизнь столь гнусну
 Острием скончал Херея.

Ах! пребудет удивленьем
 1405 Во все веки, во все роды...
 Как Рим гордый, возмужавший,
 Жив столетия во бранях
 Непрестанных; источая
 Кровь граждан и кровь противных,
 1410 Истребляя иль присвоя
 Царствия, народы, веси,
 Явив свету мужей дивных
 В добродетелях, в иройстве,
 Совершивши дел толико
 1415 И великих и блестящих,
 Быв толико мудр в правленьи,
 Мудр во бранях и в победах
 Мужествен, тверд, постоянен,
 Во опасностях незыблем;
 1420 И, поставив от начала
 Присвоение вселенной
 И намеренье блестяще
 Столь умыслив остроумно,
 Столь исполнив постоянно
 1425 И окончив столь счастливо...
 Но на что ж?... дабы злодеев,
 Извергов, чудовищ пять шесть
 Наслаждалися всем буйно...
 Иль се жребий есть всеобщий,

1430 Чтоб возвышенная сила
Власть, могущество, блеск славы
Упадали, были гнусны?
И рачащие о власти
Для того ее лишь множат,
1435 Чтоб тому она досталась,
Кто счастливее их будет?

Во всех повестях народов
Зрим премены непонятны.
Сенат Римский гордый, смелый,
1140 Сонм Князей, Владык державных
Пресмыкается и гнусен...
О, властители вселенной,
О, Цари, Цари правдивы!
Власть, вам данная от Неба,
1445 Есть отрада миллионов,
Коль вы правите народом,
Как отцы своим семейством.
Но Калигулы, Нероны,
Люты варвары и гнусны,
1450 Суть бичи Небес во гневе,
И их память пренесется
В дальни веки для проклятий
И для ужаса народам!
Кай сражен, сражен Хереем,
1455 Что возмнил восставить паки
Истукан свободы в Риме.
И се, крояся во страхе
В углу дальном Царска дома,
Клавдий обретен трепещущ.
1460 Буди Царь! вещают войны.
О Рим, Рим! кто Царь твой ныне?
Старец дряхлой, но младенец
Он умом: ум слабой, глупой;
Человек едва ль, зародыш,
1465 По названью его родшей.
Мягкосерд, но что в том пользы?
Раб жены поносной, срамной,
Стряшей стыд, раб Мессалины,

Коей имя в век позорно
1470 Наризанием осталось
Жен презрительных, бесстыдных.
Он игралищем став гнусным
Отпущенников, злодеев,
Иль Нарцисса, иль Паллады,
1475 Омывался в крови римлян.
В Риме тот был жив, здрав, знатен,
Кто их друг был иль наемник.

Кто с глупейшим из тиранов,
С Клавдием сравниться может?
1480 Недовольная упившись
Мессалина сласти гнусной,
Пред очами она Клавдия
Во супружество вступает
Со возлюбленным ей Сильем.
1485 Но что пользы в том, что смерти
Предаст Нарцисс Мессалину?
Клавдий слышал и трепещет:
„Я ль еще владыка Рима?“
Се вопрос тирана слаба.
1490 Се жена распутна паки
Воцарилась Агриппина;
Но, боясь конца насильна,
Ко Локусте прибегает, —
И отравы отомщает
1495 Падшей Рим кончиной Клавдия.
Ах, погибли пораженны
Все останки умов твердых.
Зри, жена Иройска духа
Осужденному к злой смерти
1500 Милому рекла супругу,
Да рукою своей твердой
Предварит он казнь поносну,
Но Пет медлит и робеет.
И се Ария сталь остру
1505 В грудь свою вонзает смело:
Прими, мой Пет любезной,

Нет, не больно... Пет, мужаясь,
Грудь пронзил и пал с супругой.

Но се тот уж воцарился,
1510 Коего счастливу юность
Управлял Сенека, Буррий;
Но которой, сняв личину,
Каждой день своя жизни
Или каждой шаг свой зверской
1515 Начертал убивством лютым;
Тот, чье имя в век осталось
Всех поноснее и гнусней
В нарицание тиранам,
Имя Нерон, зверь венчанной.
1520 Во неистовых утехах
Провождая дни и ночи,
Он в позорищах являлся
Иль возницей, или Гистрий
В посмеянье был народу,
1525 Но палач он, всем грозящий.
Он убийственную руку
Простирал на всех ближайших;
Мать, наставники, супруга
Всё сраженно упало
1530 Под мечем сего тирана,
Столь мертвить людей умевша;
Насыщался ежедневно
Или сластью прегнусной,
Или кровью умовенной,
1535 Его Рим зрел посягавша
Во жены Пифагораса,
И среди затей безумных,
В кровях плавая гражданских
И в хмелю утех неистых,
1540 Он возмнил себе представить
Пожар, гибель древней Трои,
И для сей утешки злобной
Велел Рим возжечь отвсюду...
Се довольно, мы скончаем
1545 Сию повесть, где лишь видно

Иль неистовство, иль зверство.
 Убоясь попасть в руки
 Своей страже вероломной
 Иль сената, погибает
 1550 Смертью, красной для тирана:
 Он мечем сам грудь пронзает,
 И погиб, последня отрасль
 Дому Юлия велика.
 Гальба, Отон и Вителлий,
 1555 Появившись на престоле,
 Смертию своей поносной
 Уступили Веспасьяну,
 Избранному в цари войском,
 Трон, омытой своей кровью.

1560 Некогда ласкатель гнусной
 Он Нарцисса и Нерона,
 Веспасьян явил на троне
 Добродетель; и Рим гибший
 Отдохнул — хоть ненадолго.
 1565 Далек пышности и спеси
 И трудясь во управленьи,
 Воздвигал погибше царство,
 Где чредою скиптр держали
 Злы тираны, равно гнусны,
 1570 Равно злобны, или глупы,
 Или бешены, иль паче
 Расточительны безумно.

Услажденье рода смертных,
 Тит, почто прешел ты скоро?
 1575 Или для того, чтоб знали,
 Что считал ты свое царство
 Излиянным только благом,
 Наричая днем погибшим,
 Когда счастья не мог сделать.
 1580 Никому. Но век твой красен
 Жизнью Плиния старейша...
 Заключение в недрах утлых
 Огонь в Везувии яряся

- 1585 Всклокотал и хлябь разинул,
Разорвав ее холм высшей.
Огонь, камня, дым и пепел
Всё летит превыше облак,
Затмевая день и солнце.
Там рекой струится Лава,
1590 И всё гибнет, вся окрестность
Погребенною сокрыта
В пепле жарком и ниспадшем.
Геркуланум и Помпея
Низошли совсем в могилу;
1595 Бедство, смерть, опустошенье
Распростерлися далеко.
Тут, вождаемый алчбою
Сведения и науки,
Погибает старший Плиний.
1600 Но ты царствуешь, о сладость
Римского народа!—Тит, зри,
Как течет ко всем на помощь:
Если жизнь кто спас лишь в бедстве,
Тот блаженствует уж Титом.
1605 Но, скончав свою жизнь кратку,
Тот престол оставил Рима
Иль чудовищу, иль брату.
Домитьян тиран сей новой,
Он тиранов всех предшедших
1610 Злее был и не смягчался
Николи в своей он злобе,
Зане робок был, застенчив.
И столь гнусно было время,
Тацит тако возвещает,
1615 Ниже молвить, ниже слышать;
Рим стал нем, пропало слово;
И погибла б даже память,
Если б можно было смертным
Терять память во молчаньи.
1620 Но мучитель робкой слова,
Всех в стенанье приводившей,
Пал супруги наущеньем.
Но и дни сии столь гнусны

Красились, имея мужа,
 1625 Жить родившегося достойным
 В лучших днях Афин и Спарты.
 Се Агрикола; с тобою,
 Домитиан, жил на то лишь,
 Чтоб ты паче посрамленной
 1630 Пред потомками явился;
 Зане истинно и верно,
 Если сонмы людей славных
 Могут красить дни счастливы
 Царя мудра или щедра,
 1635 То один лишь муж великой,
 В дни родившейся тирана,
 Его паче лишь унизит
 Ярым блеском своей славы.
 Тогда паки воссияло
 1640 Солнце теплое для Рима;
 По чреде там зрели мудрость,
 Славу, мужество во власти
 И венчанну добродетель.

Нерва, избранной на царство,
 1645 Был правитель мудр, но слабый
 И согбен лет тяготою;
 Но он дал себе опору
 И устроил счастье Рима,
 В сыны взяв себе Траяна.
 1650 Его смерть была бы в Риме
 Бедствие, когда б не знали,
 Что Траян его преемник.

Ожил Рим с царем толиким;
 Судия и воин мудрой,
 1655 Он имел, что было нужно
 Быть царем. Алкая славы,
 Он свой меч победоносной
 В Дакию простер; воздвигнул
 На Дунае мост тот славной,
 1660 Удивлявшей столько древних;
 И оружия славой, блеском
 Ослеплен, понесся в дальню

- Покорение народов.
Но хотя излишня слава
1665 Победительные лавры
Затмевает, хотя жертвы
Сладострастия неиста
И возлития обильны
Хмельну Вакху прикрывают
1670 Черной тению картину
Подвигов, равно блестящих,
Царя в брани или мире:
Вопреки злоречья колка
Навсегда Траян пребудет
1675 Пример светлой всем владыкам.
И тому дивися больше,
Что он, разума не красив
Благолепными цветами
Иль познаний иль науки,
1680 Мог царем он быть столь мудрым.
В том как можно усумниться,
Когда дни его златые
Зрели Тацита и Плинья,
Ювенала и Плутарха.
1685 Когда Тацит, сей достойной
Муж дней Рима непорочных,
Со восторгом мог воскликнуть:
Век счастливой наш, где можно
Мыслить то, что мыслить хочешь,
1690 И вещать, что ты помыслишь. —
Ах, сколь трудно, восседая
Выше всех, и не имея
Никаких препон в желаньях,
Усидеть на пышном троне
1695 Без похмелья и без чаду.
И тот царь почтен достойно,
Ускользнуть когда возможен
Обуяния неиста
Страстей буйных души смертных.
- 1700 Адриан, на трон вступившей,
Строил счастье в Римском царстве,

И хотя сравниться может
 В добродетелях Траяну,
 Но надменность и жестокость
 1705 Были в нем души пороки.
 Гнусной страстью к Антиною
 Тлея, в честь ему он строил
 Храмы, грады; но всю гнусность
 Страсти срамной и пороков
 1710 Он прикрыл раченьем к царству,
 Путешествием всегдашним
 В областях пространных Рима.

Не пустое любопытство
 В страны дальны направляло
 1715 Его путь, но цель всегдашня
 Путешествий столько дальных
 Была польза и блаженство
 Градов, областей, народа.
 Устремляя взоры быстры
 1720 В управление подвластных,
 Мститель был законов строгой
 В лице всех, дерзнувших данну
 Власть свою во зло направить.
 Велелепные и пышны
 1725 Грады, зданья он воздвигнул,
 Но не с тягостью народа;
 Зане многие налоги
 Облегчал и уничтожил.
 Хоть достойной сей царь Рима,
 1730 Злой болезнью одержимой,
 Жизнь свою прервать не могли,
 Обратил свою всю лютость
 На казнь, может быть не нужно,
 Многих; но ему простили
 1735 Всё за то, что себе избрал
 Он в преемники на царство
 Антонина. Хотя помним
 Слово мудра Фаворина,
 Состязавшась с Адрианом:
 1740 „Нет, кто тридцать легионов,—

- Так мудрец друзьям вещает,—
Может двигнуть одним словом,
Ошибаться тот не может“.
Но его дни безмятежны
- 1745 Возрастили Адриана
И учителя во нравах
Строга, мудра Епиктита.
Испытав превратность счастья,
Он всю мудрость заключает
- 1750 В двух словах: сноси с терпением,
Будь умерен в наслажденьи:
Словеса много блаженны,
От источника исшедши,
Кажется, излишне строга,
- 1755 Но соделавшие счастье
Рима, дав ему на царство
Всех владык его изящных.
Кажется, напрягши мышцы
Во изящность, вся природа
- 1760 Возникала в человеке,
Когда мысль образовала
Столь достойну удивленья
Веков дальних и потомства,
Мысль изящную Зенона.
- 1765 И хотя б другой заслуги
Мудрование столь чудно
Не имело,—не оно ли
Риму в счастье даровало
Антонина, Марк Аврелья?—
- 1770 Дни блаженные для Рима
Уже паки воссияли.
Се восходит на трон света,
Коего любезно имя
Целой век за честь вменяли
- 1775 Носить Римские владыки,
Мудрец истинной, украшен
Добродетели чертами
И порока ни едина.
Антонин теченье жизни

- 1780 Посвящал народну благу;
 Гражданин, не царь во граде,
 Се отец благий не титлом,
 Коим красились венчанны
 И злодеи и юроды,
- 1785 Но отец он истым делом.
 Ах, тот мог ли быть превратен,
 Кто несчастьем ужасным
 Почитал, когда бы быть мог
 Ненавидимым во Риме;
- 1790 Собственность кто презирая,
 Расточал свое богатство,
 Что наследил, соблюдая
 Он сокровища народны?
 Нет Фавстина, — он вещает, —
- 1795 Я, владыкою став Рима,
 Собственности всей лишился.
 Он уснул, и Рим восплакал,
 И Антонин мог забвен быть
 Тем лишь, избрал что на царство
- 1800 По себе в Рим Марк Аврелья.
 Имя сладостно и славно!
 Се премудрость воссядает
 На престоле цела света.
 Но он смертной был. Блаженство
- 1805 Рима вянет с Марк Аврельем;
 И столетия с стремленьем
 Протекли за ним уж многи;
 Но на поприще обширном,
 На ристалище вселенной
- 1810 Всяка слава и блистанье
 Всех царей, владык прешедших
 Перед ним суть разве слабой
 Блеск светильника, горяща
 В полдень ясной, в свете солнца:
- 1815 Перед ним вся лучезарность
 Подвигов в сверканьи славы
 Суть лишь мрак, и тьма, и тени.
 Когда взор наш изумленной
 Обращаем на владыку

- 1820 На всесильного, которой
 Столь смирен был во порфире,
 То во внутренности духа
 Мы таинственно веселье
 Ощущаем, и не можно
- 1825 Без сердечна умиленья
 Вспомнить жизнь его премудру.
 Слеза радости исступит,
 Сердце, в радости омывшись,
 Вострепещет, утешаясь.
- 1830 Но... смолчим, в душе сокроем,
 Ах, всю скорбь и тяжело чувство,
 Что по сладости во сердце,
 Вспоминая Марк Аврелья,
 Восстает и жмет в нас душу.
- 1835 Нет, не жди, чтоб мы дерзнули
 Начертать его течение.
 Все, что скажем, будет слабо
 И сравниться не возможет
 С той чертой предвечна света,
- 1840 Чем его живописала
 Всех веков и всех народов
 Образ дивной благодарность.
 Его жизни описанье
 Действо то вливает в душу,
- 1845 Что изящнее возникнут
 О себе самих в нас мысли
 И равно изящны мысли
 О превратном смертных роде.
- Но надолго ли?—О участь,
 1850 Участь горька рода смертных;
 Марк Аврелий уж скончался,
 Счастье Рима с ним исчезло,
 И благие помышленья
 О блаженстве рода смертных.
- 1855 Се торжественно и тихо,
 Спровождается всех воплем,
 Шествие его кончины
 Отправлялося во Риме;

- Но шаг каждой препинаем
1860 Был слезами иль восторгом
Всего Римского народа;
Се наш друг—ах, паче друга,
Се родитель, се кормилец,—
Се отец, — се бог всещедрой...
1865 Скорбно в слухи ударяли
Словеса сии не льстивы
Того, кто вменит за тягость
Все благие помышленья.
И се во броне одеян,
1870 Коммод грозно потрясает
Копием, и все умолкло.
Шествие идет в молчаньи.
Ах, тогда уже познали,
Что сокрылося во гробе
1875 Счастье Рима с Марк Аврельем.

МЕЛКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭПИТАФИЯ

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
5 Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
10 Но если ж то мечта, что сердцу льстит маня,
И ненавистный рок отъял тебя на веки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки. — —

Тронись, любезная! стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
15 Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утети тем супруга. . .

* * *

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
5 Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

* * *

— Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится,
 Почто безвременно печалью дух крушится,
 Ты бедствен не один! Иной среди утех
 Всесчастлив кажется, но знает ли, что смех?

⁵ Улыбка на устах его воссесть не может,
 Змия раскаянья преступно сердце гложет;
 Властитель мира, царь, он носит в сердце ад.

— Мне пользует ли то? лишен друзей и чад,
 Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
¹⁰ Претящей властью отвсюду окруженный,
 На что мне жить, когда мой век стал бесполезен?

— Воспомни прежни дни, когда ты был любезен
 Всем знающим тебя, соотчичам, друзьям,
 Когда во льстящей мгле являлось все очам.
¹⁵ Когда во власти был, веселий на престоле;
 Когда рок следовал твоей, казалось, воле,
 Когда один твой взор счастливых сделать мог.

— Блаженством все сие я почитать не мог.
 Богатство, власть моя лишь зависть умножали;
²⁰ В одежде дружества злодеи предстояли;
 В след честолюбию забот собранье шло;
 Злодейство правый суд и судию кляло;
 Злоречие, нося бесстрастия личину,
 И непорочнейшим делам моим причину
²⁵ Коварну, смрадную старалось приписать
 И добродетели порочный вид придать.
 Благодеянию возмездьем огорченье.

— Среди превратности что ж было в утешенье?

— Душа незлобная и сердце непорочно.

³⁰ — Скончай же жалобы, поднятые бессрочно.
 Или в пороки впал и гнусность возлюбил,
 Или чувствительность из сердца истребил?

— Душа моя во мне, я тот же, что я был.

— Дела твои с тобой, душа твоя с тобою.

- 35 Престань стенать. Кто мог всеильною рукою
 И сердце любяще, и душу нежну дать,
 К утехам может тот тебя опять воззвать.
 А если твоего сна совесть не тревожит,
 И память прежних дел печаль твою не множит,
 40 То верь, что всем бедам уж близок стал конец.
 Закон незыблемой поставил всеотец,
 Чтоб обновление из недр премен рождалось,
 Чтоб всё крушением в природе обновлялось,
 Чтоб смерть давала жизнь и жизнь давала смерть;
 45 То шествие судьбы возможно ли претерпеть?
 На восходящую воззри теперь денницу,
 На лучезарную ее зри колесницу;
 Из недр густейшей мглы, смертообразна сна,
 Возобновленну жизнь земле несет она.
- 60 — Се живоносное светило возблистало
 И утренни мечты от глаз моих прогнало,
 Приятный тихий сон телесность обновил,
 И в сердце паки я надежду ощутил.
- Подобно ей печаль в веселье претворится,
 55 Оружьем радости вся горесть низложится,
 На крыльях радости умчится скорбь твоя,
 Мужайся и будь тверд, с тобой пребуду я.

* * *

- 5 Час преблаженный,
 День вожделенный!
 Мы оставляем,
 Мы покидаем,
 Илимски горы,
 Берлоги, норы!

ЖУРАВЛИ

Басня

Осень листы оципала с дерев,
 Иней седой на траву упал,
 Стадо тогда журавлей собралось,

- Чтоб прелететь в теплу, дальну страну,
 5 За море жить. Один бедной журавль,
 Нем и уныл, пригорюнясь сидел:
 Ногу стрелой перешиб ему ловчей.
 Радостной крик журавлей он не множит;
 Бодрые братья смеялись над ним.
 10 Я не виновен, что я охромел,
 Нашему царству как вы помогал.
 Вам надо мной хохотать бы не должно,
 Ни презирать, видя бедство мое.
 Как мне лететь? Отымает возможность,
 15 Мужество, силу претяжка болезнь.
 Волны несчастному будут мне гробом.
 Ах, для чего не пресек моей жизни
 Ярый ловец!—Между тем веет ветер,
 Стадо взвилось и скорым полетом
 20 За море вмиг прелететь поспешает.
 Бедной больной назади остается;
 Часто на листьях, пловущих в водах,
 Он отдыхает, горюет и стонет;
 Грусть и болезнь в нем все сердце скупают.
 25 Мешкав он много, летя помаленьку,
 Землю узрел, вожделенну душою,
 Ясное небо и тихую пристань.
 Тут всемогущий болезнь излечил,
 Дал жить в блаженстве в награду трудов;
 30 Многи ж насмешники в воду упали.

О вы, стелющие под тяжкою рукою
 Злосчастия и бед!
 Исполнены тоскою,
 Клянете жизнь и свет;

- 35 Любители добра, ужель надежды нет?
 Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
 Сей краткой жизни путь. На он пол поспешайте:
 Там лучшая страна, там мир во век живет,
 Там юность вечная, блаженство там вас ждет.

ОСМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

- Урна времен часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возрасли,
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
5 Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито во веки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущей,
10 Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярой,
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро.
Будешь проклято во век, в век удивлением всех.
15 Крови—в твоей колыбели, припевание—громы сраженьев;
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб:
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и Росс.
Мрачные тени создади, впреди их солнце;
20 Блеск лучезарной его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там лдяной хребет, теремась;
Так и они—се воля господня—исчезнут растая,
Да человечество в хлябь лдяну, тресясь, не падет.
25 О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье во век;—
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создало;
Царства погибли тобой, как раздробленной корабль:
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
30 Смертной что зиждет, все то рушится, будет все прах
Но ты творец было мысли; они ж суть творения бога;
И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвеав,
Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,
35 Из Океана возникли новы народы и земли,
Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцов;
Нитью вождения вспять ты призываешь Комет;

- Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
 40 Новы луны изо тьмы дальней воззвало пред нас;
 Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
 Даже летучи пары ты заключило в ярем;
 Молньо небесну сманило во узы железны на землю
 И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
- 45 Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
 Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
 Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
 Молньей крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
 Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
- 50 Пал пред твоим олтarem ниц и безмолвен, дивясь,
 Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
 Брыжжущих пламенный яд чрез многотысящной век,
 Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
 Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
- 55 Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
 И человек претворен в люта тигра еще.
 Пламенный браней, зри, мычется там на горах и на нивах.
 В мирных долинах, в лугах, мычется в бурной волне.
 Зри их спутников черных!—ужасны!.. идут—ах! идут, зри,
- 60 (Яко ночные мечты) лютости, буйства, глад, мор!—
 Иль невозвратен навек мир, дающей блаженство народам
 Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?—
 Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
 Срини отчаяние! смертной, надейся, бог жив.
- 65 Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
 Времени держит еще цепь тот всеильной рукой:
 Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари
 дневные,
 Солнца на восходе цветут, олекнут с закатом они;
 Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
- 70 После тревог воззовет, смертных достойной...
 Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
 Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму;
 Выше и выше лети ко солнцу, орел ты Российской,
 Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
- 75 Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
 Екатериной, Петром воздвигнут, чтоб счастлив был
 Росс.

Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
 Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
 Гений хранитель всегда Александр будь у нас...

САФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Ночь была прохладная, 'светло в небе
 Звезды блещут, тихо источник льется,
 Ветры нежно веют, шумят листьями
 Тополы белы

* * *

Ты клялася верною быть во веки
 Мне богиню ночи дала порукой;
 Север холодной дунул один раз крепче,—
 Клятва исчезла.

* * *

Ах! почто быть клятвопреступной!.. Лучше
 Будь всегда жестока, то легче будет
 Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
 Ввергла в погибель.

* * *

Жизнь прерви, о рок! рок суровой, лютой,
 Иль вдохни ей верной быть в клятве данной.
 Будь блаженна, если ты можешь только
 Быть без любви.

ИДИЛИЯ

Краснопевая овсянка
 На смородинном кусточке
 Сидя громко распевала
 И не видит пропасть адску,
 5 Поглотить ее разверсту.
 Она скачет и порхает,—
 Прыг на ветку—и попала
 Не в бездонну она пропасть,

- Но в силок. А для овсянки
10 Силок, петля—зла неволя;
Силок дело не велико,—
Но лишение свободы!..
Все равно силок, оковы,
Тьма кромешна, плен иль стража,—
15 Коль не можешь того делать,
Чего хочешь, то выходит,
Что железные оковы
И силок из конской гривы
Всё равно, равно и тяжки:
20 Одно нам, другое птичке.
Но ея свободы хищник
Не наездник был Алжирской,
Но Милон, красивой парень,
Душа нежна, любовь в сердце.
25 —Не тужи, моя овсянка!—
Говорит ей молодой пастырь,
—Не злодею ты досталась,
И хоть будешь ты в неволе,
Но я с участью твоею
30 С радостью готов меняться.—
Говоря, он птичку вынул
Из силка и, сделав клетку
Из своих он двух ладоней,
Бежит в радости великой
35 К тому месту, где от зноя,
В роще темной и сенистой
Лежа стадо отдыхало.
Тут своей широкой шляпой,
Посадив в траву легонько,
40 Накрывает краснопеву
Пленницу; бежит поспешно
К кустам гибким он таловым.
—Не тужи, мила овсянка,
Я из прутьиков таловых
45 Соплету красивой домик
И тебя, моя певича,
Отнесу в подарок Хлое.
За тебя, любезна птичка,

- За твои кудрявы песни
 50 Себе мзду у милой Хлои,
 Поцелуй просить я буду;
 Поцелуй ее сладки!
 Хлоя в том мне не откажет,
 Она цену тебе знает;
 55 В ней есть ум и сердце нежно.
 Только лишь бы мне добратся...
 То за первым поцелуем
 Я у ней другой украду,
 Там и третий и четвертой;
 60 А, быть может, и захочет
 Мне в прибавок дать и пятой.
 Ах, когда бы твоя клетка
 Уж теперь была готова!..—
 Так вещая, пук лоз гибких
 65 Наломав, бежит поспешно,
 К своему бежит он стаду
 Или лучше к своей шляпе,
 Где сидит в неволе птичка;
 Но... злой рок, о рок ты лютой...
 70 Остра грусть пронзает сердце;
 Ветр предательной, ветр бурной
 Своротил широку шляпу,
 Птичка порх и улетела,
 И все с нею поцелуй.
- 75 На песке кто дом построит,
 Так пословица вещает,
 С ног свалит того ветр скоро.

ПЕСНЯ

- Ужасный в сердце ад,
 Любовь меня терзает;
 Твой взгляд
 Для сердца лютой яд,
 5 Веселье исчезает,
 Надежда погасает,
 Твой взгляд,
 Ах, лютой яд.

* * *

Несчастной, позабудь...
 10 Ах, если только можно,
       Забудь.
 Что ты когда-нибудь
 Любил ее неложно;
 И сердцу коль возможно
 15   Забудь,
 Когда-нибудь.

* * *

Нет, я ее люблю,
 Любить вовеки буду:
       Люблю,
 20 Терзанья все стерплю
 [Ее не позабуду],
 И верен ей пребуду;
       Терплю,
 А все люблю.

* * *

25 Ах, может быть, пройдет
 Терзанье и мученье;
       Пройдет,
 Когда любви предмет,
 Узнав мое терпенье,
 30 Скончав мое мученье,
       Придет,
 Любви предмет.

* * *

Любви моей венец
 Хоть будет лишь презренье,
 35   Венец
 Сей жизни будь конец;
 Скончаю я терпенье,
 Прерву мое мученье;
       Конец
 40 Мой будь венец.

* * *

Ах, как я счастлив был,
Как счастлив я казался;
Я мнил,
В твоей душе я жил,
45 Любовью наслаждался,
Я ею величался,
И мнил,
Что счастлив был.

* * *

Все было как во сне,
50 Мечта уж миновалась,
Ты мне,
То вижу не во сне,
Жестокая, смеялась,
В любви притворялась
55 Ко мне,
Как бы во сне.

* * *

Моей кончиной злой
Не будешь веселиться,
Рукой
60 Моей, перед тобой,
Меч остр во грудь вонзится,
Моей кровь претворится
Рукой
Тебе в яд злой.

ОДА
К ДРУГУ МОЕМУ

1

Летит, мой друг, крылатый век.
В бездонну вечность всё валится,
Уж день сей, час и миг протек,
И вспять ничто не возвратится
5 Никогда.

5

Не мни, чтоб смерть своей косой
Тебя в полете миновала;
Нет в мире тверди никакой,
Против ее чтоб устояла,
45 Как придет.
Оставишь дом, друзей, супругу,
Богатства, чести, что стяжал:
Увы! последний час настал,
Тебя который в ночь упругу
50 Повлечет.

6

Кончины узрим все чертог,
Объят кровавыми струями;
Пред веком смерть судил нам бог;
Ее вершится все устами
55 В мире сем.
Ты мертв; но дом не опустеет,
Взовет преемник смехи твой;
Веселой попираешь ногой,
Не думая, твой прах умеет,
60 Ни о чем.

7

Почто стенати под пятой
Сует, желаний и заботы?
Поверь, вперячь нам ум весь свой
В безмерны жизни обороты
65 Нужды нет.
Спокойным оком я взираю
На бурны замыслы царей;
Для пользы кратких, тихих дней,
Крушась всечасно, не собираю
70 Златых бед.

8

Костисту лапу сокрушим,
Печаль котору в нас вонзила;

Мы жало скуки преломим,
Прошед что в нас с чела до тыла,
75 Душу ест.
Бедру весельем препояшем,
Исполним радости сосуд,
Да вслед идет любовь нам тут;
Богине бодрственно воспляшем
80 Нежных мест.

МОЛИТЗА

Тебя, о боже мой, тебя не признают,—
Тебя, что твари все повсюду возвещают.
Внемли последний глас: я если прегрешил,
Закон я твой искал, в душе тебя любил;
5 Не колебаясь на вечность я взираю;
Но ты меня родил, и я не понимаю,
Что бог, кем в дни мои блаженства луч сиял,
Когда прервется жизнь, на век меня терзал...

ДНЕВНИК
ОДНОЙ НЕДЕЛИ

Суббота

Уехали они, уехали друзья души моей в одиннадцать часов поутру. . . Я в след за отдаляющеюся каретою устремлял падающие против воли моей к земле взоры. Быстро вертящиеся колеса тащили меня своим вихрем в след за собою, — для чего, для чего я с ними не поехал? . .

По обыкновению моему, пошел я к отправлению моей должности. В суете и заботе, не помышляя о себе самом, я пребыл в забвении, и отсутствие друзей моих мне было нечувствительно. Второй уже час; я возвращаюсь домой; сердце бьется от радости: облобызаю возлюбленных. Двери отворяются, — никто навстречу ко мне не выходит. О, возлюбленные мои! вы меня оставили. — Везде пусто — усладительная тишина! вожденное уединение! у вас я некогда искал убежища; в печали и унынии вы были сопутники, когда разум преследовать тщился истине; вы мне теперь несносны! —

Не мог я быть один, побежал стремглав из дома и, скитаясь долго по городу без всякого намерения, наконец, возвратился домой в поту и усталости. — Я поспешно лег в постелю и — о блаженная бесчувственность! едва сон сомкнул мои очи, — друзья мои представились моим взорам и, хотя спящ, я счастлив был во всю ночь: ибо беседовал с вами.

Воскресение

Утро прошло в обыкновенной суете.

Я еду со двора, еду в дом, где обыкновенно бываю с друзьями моими. Но — и тут я один. Грусть моя, преследуя меня безотлучно, отнимала у меня даже нужное приветствие благопристойности, делала меня почти глухим и немым. С тягостию несказанною себе самому и тем, с коими беседовал, препроводил я время обеда; спешу домой. — Домой? Ты паки один будешь, — пускай один, но сердце мое не пусто,

и я живу не одною жизнью, живу в душе друзей моих, живу стократно.

Мысль сия меня ободрила, и я возвращался домой с веселым духом.

Но я один, — блаженство мое, воспоминание друзей моих было мгновенно, блаженство мое было мечта. Друзей моих нет со мною, где они? Почто отъехали? Конечно, жар дружбы их и любви столь мал был, что могли меня оставить! — Несчастной! что ты произрек? Страхись! Се глагол грома; се смерть благоденствия твоего, се смерть твоей надежды! — Я убоялся сам себя — и пошел искать мгновенного хотя спокойствия вне моего существа.

Понедельник

День ото дня беспокойствие мое усугубляется. На одном часе сто родится предприятий в голове, сто желаний в сердце, и все исчезают мгновенно. — Ужели человек толико раб своей чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно встревожится? О гордое насекомое! дотронись до себя и познай, что ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготы. Гордись своим рассудком, но прежде воспрями, чтобы острие тебя не язвило и сладость тебе не была приятна.

Но где искать мне утolenия хотя мгновенного моей скорби? Где? Рассудок вещает: в тебе самом. Нет, нет, тут-то я и нахожу пагубу, тут скорбь, тут ад; пойдем. — Стопы мои становятся тише, шествие плавнее, — войдем в сад, общее гульбище, — беги, беги, несчастный, все скорбь твою на челе твоем узрят. — Пускай; — но какая в том польза? Они соболезновать с тобою не будут. Те, коих сердца сочувствуют твоему, от тебя отсутственны. — Пойдем мимо. —

Собрание карет — позорище, играют Беверлея, — войдем. Пролием слезы над несчастным. Может быть моя скорбь умалится. — Зачем я здесь? . . . Но представление привлекло мое внимание и прервало нить моих мыслей.

Беверлей в темнице — о! koliko тяжко быть обмануту теми, в которых полагаем всю надежду! — он пьет яд — что тебе до того? — Но он сам причина своему бедствию, — кто же пору-

чится мне, что и я сам себе злодей не буду?¹ Исчислил ли кто, сколько в мире западней? Измерил ли кто пропасти хитрости и пронырства? . . . Он умирает. . . но он бы мог быть счастлив;—о! беги, беги.—По счастью моему запутавшиеся лошади среди улицы принудили меня оставить тропину, по которой я шел, разбили мои мысли.—Возвратился до ой; жаркой день, утомив меня до чрезвычайности, произвел во мне крепкой сон.

Вторник

Спал я очень долго,—здоровье мое почти расстроилось. Насилу мог встать с постели,—лег опять,—заснул, спал почти до половины дня,—пробудился, едва голову мог приподнять,—должность требует моего выезда,—невозможно, но от оного зависит успех или неудача в делопроизводстве, зависит благосостояние или вред твоих сограждан,—напрасно. Я в такой почти был бесчувственности, что если бы мне пришли возвестить, что комната, в которой я лежал, скоро возгорится, то я бы не шевельнулся.—Пора обедать,—нечаянной приехал гость.—Присутствие его меня выводило почти из терпения. Он просидел у меня вплоть до вечера. . . и, подивитесь, скука разогнала несколько мою грусть,—сбылася со мною сей день пословица Русская: выбивать клин клином.

Среда

Волнение в крови моей уменьшилось,—я целое утро просидел дома. Был весел, читал,—какая нечаянная перемена! что тому причину? О, возлюбленные мои! я читал живое изображение того, что ежечасно, ежесекундно происходит, когда вы со мною.—О мечта, о очарование! почто ты не продолжительно?—Зовут обедать—мне обедать? С кем? одному!—нет—оставь меня чувствовать всю тяжесть разлуки—оставь меня. Я хочу поститься. Я им принесу в жертву. . . почто ты лжешь сам себе? Нет никакого в том достоинства. Желудок твой ослабел с твоими силами и пищи не требует,—пойдем,—едва в целый день мог я совершить столько пути,

---

¹ Сие сбылося чрез несколько лет.

сколько в другое время совершаю в один час,—возвратимся,—я лежу в постеле,—бьет полночь. О, успокоитель сокрушений человеческих! где ты? Почто я казнюсь? Почто лишею тебя?—Едва заснул на рассвете.

Четверток

Благая мысль,—исполним ее,—зашел в лавочку, купил два апельсина и крендель,—пойдем: куда, несчастной? В Волкову деревню. — —

На месте сем, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний, поучимся заранее взирать на скончание дней наших равнодушно,—я сел на надгробном камне, вынул свой запасной обед и ел с совершенным души спокойствием;—приучим заранее зрение наше к тленности и разрушению, воззрим на смерть,—нечаянный холод объемлет мои члены, взоры тупеют.—Се конец страданию,—готов. . . мне умирать?—Да не ты ли хотел приучать себя заблаговременно к кончине? Не ты ли сие мгновение хотел ознакомить? . . . мне умирать? Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни! . . . Друзья мои! вы, может быть, уже возвратились, вы меня ждете; вы сетуете о моем отсутствии,—и мне желать смерти? Нет, обманчивое чувство, ты лжешь, я жить хочу, я счастлив.—Спешу домой,—бегу,—но нет никого, никто меня не ждет. Лучше бы я там остался, там бы препроводил ночь. . .

Пятница

Велел себя возить,—обедал безо вкуса.—

Ничто не помогает,—уныние, беспокойствие, скорбь, о как близко отчаяние! но на что толико грустить? еще два дни,—и они, они будут со мною,—два дни,—о ты, что можешь разлуку с друзьями души моей исчислить временем, о ты, злодей, варвар, змий лютей! Прочь тоλικое хладнокровие,—во мне сердце чувствует, а ты рассуждаешь.—

Едва я уснул. . . О возлюбленные мои! я вас вижу,—вы все со мною, оомневаться мне в том не должно, прижмите меня к своему сердцу, почувствуйте, как мое бьется,—но что! вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры

ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни, се смерть души.— Куда идете, куда спешите? или не узнаете меня, меня, друга вашего? друга. . . Пойдите. . . мучители удалились,—пробудился. Вон беги, удаляйся,—се разверста пропасть,—они, они меня в нее ввергают,—оставили,—оставь их, будь мужествен.—Кого? друзей моих? Оставить? Несчастной! они в твоей душе.

Суббота

Утро прекрасное,—кажется, природа обновилась,—все твари веселее,—да веселье возраждается в душе моей. Возлюбленные мои возвратятся завтра,—завтра! год целой. Изготовим для них обед,—тут они сядут. Я сяду с ними, о веселие! о надежда!—но их еще здесь нет. Завтра будут они, завтра сердце мое не одно будет биться,—а если не возвратятся—вся кровь останавливается,—какое сомнение! Прочь, прочь, я счастлив быть хочу, я хочу быть блажен, о нетерпение! о колико солнце путь свой лениво совершает,—ускорим его шествие, осмеем его завистливость, уснем,—я лег в постелю до заката, заснул, и пробудился.

Воскресение

До восхождения солнца,—о вожденной день, о день блаженный! скончался заранее мое терзание. Настал приятный час. Друзья мои! сегодня, сегодня я вас облобызаю.

Пообедал я немного,—ускорим свидание наше,—ускорим,—о если им толико же скучно, как мне? О если бы они могли иметь отзвон моего терзания в душах своих, колико приятно будет для них зреть меня несколько часов прежде,—поедем им навстречу,—чем скорее поеду, тем скорее их увижу; в сей лстящей надежде не видал я, как доехал до почтового стана.—

Девятый час,—они еще не едут, может быть какое препятствие,—подождем. Никто не едет.—Чьим верить словам возможно, когда возлюбленные мои мне данного слова не сдержали? Кому верить на свете? Все миновалось, ниспал обаятельный покров утех и веселий;—оставлен. Кем? Друзьями моими, друзьями души моей! Жестокие, ужели толико

лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обман?—Что изрек? несчастной! А если какая непреборимая причина положила на сей день препятствие свиданию вашему? Какое хуление! страшись, чтобы не исполнилось! о горесть! о разлука! почто, почто я с ними расстался? Если они меня забыли, забыли друга своего,—о смерть! приди, вожделенная,—как можно человеку быть одному, быть пустынною в природе!

Но они не едут,—оставим их,—пускай приезжают когда хотят! приму сие равнодушно, за холодность их заплачу холодностию, за отсутствие отсутствием,—возвратимся в город;—несчастной, ты будешь один;—пускай один;—но кто за мною едет вослед? Они,—нет, их окаменелые сердца чувствительность потеряли; забыли они свое обещание сегодня возвратиться; забыли, что я им поеду во сретение; забыли меня.—Пускай забывают; я их забуду. . .

Понедельник

Их нет, и я один! кого нет? Друзей. . . друзей моих? Нет друзей на свете более, коли они друзьями моими быть не захотели; чего их ждать?—Уедем в другой город—пускай они меня ждут;—но сегодня поздно,—исполним завтра.

Вторник

Простите, вероломные, простите, бесчувственные,—простите. . . Куда едешь, несчастный? Где может быть блаженство, если в своем доме его не обретаешь?—Но я оставлен,—но я один, один—один!..

Карета остановилась,—выходят,—о радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные! . . Они! . . Они! . .

ПИСЬМО К ДРУГУ,
ЖИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ
В *ТОБОЛЬСКЕ*,
ПО ДОЛГУ
ЗВАНИЯ СВОЕГО

Санктпетербург 8 августа 1782 го Года

Вчера происходило здесь, с великолепием посвящение Мону-
мента *Петру Первому* в честь воздвигнутого; то-есть от-
крытие его Статуи, работы Г. Фальконета. Любезной друг
побеседуем осем в отсудствии. Пребывая в отдаленном *оте-*
чества нашего краю; отлученный от твоих ближних; среди
людей не известных тебе, ни состороны качеств разума и
сердца; не нашед еще может быть в краткое время твоего
пребывания, нетокмо друга, но ниже приятеля, с коим бы
ты, мог сетовать водни печали и скорби, и радоватся в часы
веселия и утех: ибо печаль и скорбь исчисляются днями и
годами, веселие часами, утехи же мгновением. Ты охотно
думаю, | употребиш час хотя единый отдохновения твоего, на 4
беседование с делившим некогда с тобою горесть и радовав-
шимся о твоей радости; с кем ты юношеския провел дни
свои.

Вокруг места где сооружался сокровенно чрез 15ть
лет образ изваянный *императора Петра*, воздвигнута
была рисованная на полотне заслона, а хоромина бывшая
надним неприметно сломана и место вокруг все очищено.

В день назначенный для торжества вовтором уже часу
пополудни, толпы народа стекались к тому месту где зреть
желали лице обновителя своего и просветителя. Полки Гвар-
дии Преображенский и Семеновский, бывшие некогда сото-
варищи опасностей Петровых и его побед, так же и другие
Полки Гвардии тут бывшие, под предводительством началь-
ников своих окружили места позорища, Арти|ллерия, Кира- 5
сирской Новотроицкой Полк и Киевской пехотной заняли
места наблиз лежащих улицах. Все было готово, тысячи
зрителей назделанных для того возвышениях и толпа народа
разсеянного повсем близ лежащим местам и кровлям ожи-
дали с нетерпением зрети образ того, котораго предки их
в живых ненавидели, а посмерти оплакивали. Истинно бо

есть и непреложно; достоинство заслуги и добродетель привлекают ненависть нередко и самих тех, кои причины не имеют их ненавидеть; когда же вина и предлог ненависти исчезает, то и она не отрицает им должного, и слава Великаго Мужа утверждается по смерти. Сооружившая Монумент Славы *Петра императрица Екатерина*, сев на суда улетняго своего дома прибыла к пристани, вышед на берег, шествовала на уготованное при Сенате ей место, между строя|
 6 воев своих. Едва вступить она успела на оное, как бывшая вокруг статуи заслона, помалу и неприметно как, опустилася. И се явился паки взорам нашим сидящ на коне борзом в древней Отцов своих одежде, Муж, основание града сего положивший и первый которой на Невских и Финских водах воздвиг Российский Флаг доселе несуществовавший. Явился он взорам любезных чад своих сто лет спустя, когда в первые трепещущая его рука, младенцу ему сушу, прияла Скипетр обширных России, пределы коея он расширил столь славно.

Благословенно да будет явление твое, речет преемница Престола его и дел и преклоняет главу. Все следуют ея примеру. Исе слезы радости орошают ланиды. *О, Петр!* — Когда громкия дела твои возбуждали удивление и почтение
 7 к тебе, из тысячи удивлившихся | великости твоего духа и разума, был ли хотя един кто от чистоты сердца тебя возносил. Половина была ласкателей, кои вовнутренности своей тебя ненавидели и дела твои порицали, другия объемлемые ужасом безпредельно самодержавных власти, раболепно пред блеском твоея славы, опускали зеницы своих очей. Тогда был ты жив, Царь, Всесилен. Ноднесь когда ты ни казниш ни миловать не можешь, когда ты бездыханен, когда ты меньше силен, нежели последний из твоих воинов, шестдесят лет по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность нелестна. Но колико крат более признание наше было живее и тебя достойнее, когда бы оно неследовало примеру твоея преемницы, достойному хотя примеру, но примеру того кто смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке своей имеет.
 3 Признание наше | было бы свободнее, и чин открытия изваянаго твоего образа, превратился бы в чин благодарственнаго молебствия каковое в радости своей народ возсылает к предвечному отцу.

Из тысящей бывших тут зрителей, известных было три человека, кои *Петра I* видели. Но неприметно было, ощутилили они при явлении его образа, то благоговение которое ощущаем, увидев Мужа славна, нам известнаго. — Действие продолжалось. Пушечная пальба состоящих на реке судов, с Крепости и Адмиралтейства, и троекратной беглой огонь, возвещали отсудственным явлении образа приведшаго силы пространная России в действие. — Стоявшаия в строю полки, ударили поход, отдавая честь и с преклонными знаменами шли мимо подавшаго им первый пример слепаго повиновения воинской подчиненности, показывая учредителю своему плоды его трудов, при продолжающейся военных судов пальбе, которые Сардамскому плотнику в честь, украсились многочисленными флагами. Сей день ознаменован прощением разных преступников, и медалию сделанною в честь обновителя России.

Статуя представляет мощнаго всадника, на коне борзом стремящемся на гору крутую коея вершины он уже достиг раздавив змею в пути лежащую и жалом своим быстрое ристание коня и всадника оста[но]вить покусившуюся. Узда простая, звериная кожа в место седла, подпругою придерживаемая, суть вся конская збруя. Всадник без стремян в полукафтаны, кушаком препоясан, облеченной багряницею, имеющ главу, лаврами венчанную, и десницу простертую. Из сего довольно можешь усмотреть мысли изваятеля. Если ты здесь был любезной друг, если бы ты | сам видел сей образ, ты зная и правила искусства, ты упражняся сам в искусстве сему обратном, ты лучше бы мог судить о нем. Но позволь отгадать мне мысли творца образа *Петрова*. Крутизна горы, суть препятствия кои *Петр* имел производя в действо свои намерения; змея в пути лежащая, коварство и злоба искавшие кончины его за введение новых нравов; древняя одежда звериная кожа и весь простой убор коня и всадника, суть простыя и грубыя нравы и непросвещение, кои *Петр* нашел в народе которой он преобразовать вознамерился; глава лаврами венчанная, победитель бо был прежде нежели законодатель; вид мужественной и мощной и крепость преобразователя; простертая рука, покровительствующая, как ее называет *Дидеро*, и взор веселый, суть внутреннее уверение, достигшия цели, и рука простертая явля|ет

что крепкия муж преодолев все стремлению его противящийся пороки, покров свой дает всем чадами его называющимся. Вот любезной друг слабое изображение того, что взирая на образ *Петров* я чувствую. Прости буде я ошибаюсь, в моих суждениях, о искусстве коего правила мне малоизвестны. Надпись зделана на камне самая простая: *Петру Первому, Екатерина Вторая, Лета 1782ю.*

Петр по общему признанию наречен Великим, а Сенатом — отцем Отечества. Но за что он может Великим назваться. Александр раззоритель полусвета назван Великим; Константин, омывшийся в крови сыновней, назван Великим; Карл первой возобновитель Римския Империи, назван великим; Лев Папа Римский, покровитель наук и художеств, назван великим; Козма Медицис Герцог Тосканский назван великим; ¹² Генрих, доброй Генрих IV, Король Французский, назван великим; Людвиг XIV, тщеславый и кичливый Людвиг, Король Французский, назван великим; Фридрих II, король Прусский, еще при жизни своей назван великим. Все сии Владетели, о множестве других не упоминая коих ласкательство великими называет, получили сие название для того что изступили из числа, людей обыкновенных услугами к Отечеству, хотя великия имели пороки. Частной человек гораздо скорее может получить название великаго, отличаяся како[й] либо добродетелию или качеством, но правителю народов мало для приобретения сего лестнаго названия, иметь добродетели или качества частных людей. Предметы над коими разум и дух его обращается суть многочисленны. — ¹³ Посредственной Царь исполнением одной из должностей своего[сана], был бы может быть великий муж в частном положении; но он будет худой Государь, если для одной пренебрежет многия добродетели. И так вопреки Женевскому гражданину познаем в *Петре* мужа необыкновеннаго, название великаго заслужившаго правильно.

И хотябы *Петр* неотличился различными учреждениями, к Народной пользе относящимися, хотя бы он небыл победитель Карла XII, то мог бы и для того великим назваться что, дал первый стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия. — Да не уничижуся в мысли твоей любезной друг превознося хвалами столь властнаго Самодержавца, которой изтребил по-

следния признаки дикой вольности своего отечества. Он мертв, а мертвому льстити невозможно! И я скажу что мог бы *Петр* славней быть, возносяся сам | и вознося отечество ¹⁴ свое утверждая вольность частную; но если имеем примеры что Цари оставляли Сан свой дабы жить в покое; что производило не от великодушия, но от сытости своего Сана; то нет и доскончания мира, примера может быт[ь] nebudeт чтобы Царь упустил добровольно что ли из своая власти, сядяй на Престоле (*).

---

*) Если бы сие было писано в 1790 году то пример Лудвига XVI дал бы сочинителю другие мысли.

ЖИТИЕ
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА
УШАКОВА

ЖИТИЕ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА, С ПРИОБЩЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИТИЕ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА

Алексею Михайловичу Кутузову

Не без удовольствия, думаю, любезнейший мой друг, воспоминаешь иногда о днях юности своея; о времени, когда все страсти, пробуждаясь в первый раз, производили в новой душе не стройное хотя волнение, но дни блаженнейшие всея жизни соделовали. Беззаботный дух и разум неопытно-стию не претили в веселии распространяться чув|ствам, чуж * 6
дым скорбнаго еще нервов содрогания. Да и самая печаль, грусть и отчаяние скользили, так сказать, на юном сердце, не проникая начальную его твердость, когда не редко наиплачевнейший день скончался веселия изступлением. Отвлеки мысленно невинную часто порочность из деяний юности, найдешь, что после первых восторгов веселия, подобных в жизни своей не чувствовал. Первое веселие назвать можно вершиною блаженства, и по тому только, что оно первое; последующее уже есть повторение и нечаянности приятность его не живит. Не с удовольствием ли, мой друг, повторю я, вспомя|нешь о времени возрождения нашей дружбы, о блаженном сем союзе душ, составляющем ныне мое утешение 7
во дни скорьби, и надеяние мое для дней успокоения. Не возрадуешься ли, если узришь паки подавшаго некогда нам пример мужества, узришь учителя моего по крайней мере в твердости. Вспомяни, о мой друг! *Федора Васильевича* сгараема внутренним огнем, кончину свою слышавшаго из уст нельстиваго своего врача, и к тебе, мой друг, к тебе прибегающаго на скончание своего мучения... Вспомяни сию картину, и скажи, что делалось тогда в душе твоей. Пиющий Сократ

8 отраву пред друзьями | своими наилучшее преподавал им учение, какого во всем житии своем не возмог.

Таковыя размышления побудили меня описать житие со- товарища нашего *Федора Васильевича Ушакова*. Я ищу в том собственного моего удовольствия; а тебе, любезней- шему моему другу, хочу отверзти последняя излучины моего сердца. Ибо не редко в изображениях умершаго найдешь черты в живых еще сущаго.

Первые годы жизни *Федора Васильевича* мало мне из- вестны; и хотя бы охотно и с удовольствием их я начертал, 9 нахо|дя в первейших детских и отроческих деяниях начальное образование души его, находя в пятилетнем *Ушакове* семена твердости, душу его возвышавшей в возмужалых летах: но лучше признаюсь в неведении моем, нежели поставлю что либо гадательное вместо истинны, и единственного да не отъиму побуждения ко чтению сего, повествования во истинне.

Но не гадательным предположением назвать можно, если скажу, что воспитанием своим в сухопутном Кадетском Корпусе положил он основательное образование прекрасныя 10 своя душа. Ибо в душе своей более | предуспеть мог, нежели в разуме, скончав жизнь свою тогда, когда юношескою кре- постию мозга представления, воображения и мысли, прони- цая друг друга, первыя полагают украшения верховнаго нашего члена главы; когда разум, хотя собрав посредством чувств много понятий, не имел еще довольнаго времени устроить их в порядок, дабы и последнее возбуждало первое, преходя все между стоящее.

Успехи *Федора Васильевича* в науках побудили тогда Тай- наго Советника *Теплова* взять его к себе в должность Секретаря, 11 с чином Титулярнаго Советника. По издании Рижскаго | тор- говаго устава, при составлении котораго он много трудился, получил он чин Коллежскаго Ассессора. Люди ослепляющиеся внешностию, и чтущие в человеке чин а не человека, зави- дуя ему и предъуказуя его возвышение, обучались уже его почитать заранее: но сколь не равных с ними он сам о себе был мыслей, доказал то самым делом.

Императрица Екатерина, между многими учреждениями на пользу Государства, восхотела, чтобы между людьми, в делах судебных, или судопроизводных обращающимися, 12 было некоторое число судей имею|щих понятие, каким обра-

зом отличившиеся законоположением сзюим народы онос сообразовали с деяниями граждан на суде. На сей конец определила послать в Лейпцигской Университет двенадцать юношей для обучения Юриспруденции и другим к оной относящимся Наукам. Будучи извещен о сем благом намерении императрицы Федор Васильевичь прибегнул прозьбою к начальнику своему, да участвует в приобретении знаний, со товариществом юношам, избранным для отправления в Лейпцигской Университет.

Узнав о его предприятии многие из его друзей увещевали его, да останется при своем месте, и да не предпочтет неверную стезю к почестям, ученость, покровительству своего начальника, и да не подроеет тем основания своего возвышения. В делах житейских, говорили они ему, все зависит от разщета и уловки. Кто в них следует единому разсудку и добродетели, тот не брежет о себе. Благоразумие, а иногда один разторопный поступок далее возводят стяжающаго почестей, нежели все добродетели и дарования совокуино. Положим, что Государь истинное достоинство только награждает, и пристрастен не бывает ни коли; но если бы возможно было ему хотя одному быть безпристрастному в своем Государстве, все другие начальствующие в его образе таковы не будут; ибо если он возможет чужд быть родству, приязни, дружбе, любви, хотя по тому, что равнаго себе не имеет, то кого найдешь ему подобнаго. Сверх же того, он малаго токмо числа Отечеству, или ему служащих сам по себе знает истинныя заслуги, о всех других судит по слуху, награждает того, кого назначают Вельможи, казнит нередко того, кто им не нравится. Из нескольких миллионов ему подвластных едва единое сто служат ему; все другие (източая кровавыя слезы, признаться в том |должно), все другие служат вельможам. Доказательства для сего не нужны. Скажу только одно: посмотри на поступающих в чины; кто чин, или место, или награждение какого бы рода ни было получит, обязанным себя, да и справедливо, почитает благодарить за то вельможей. Одного благодарит за то, что его рекомендовал Государю, другаго за то, что не был ему противен, третьяго, чтобы вперед не говорил о нем худо. Государь не редко бывает в сем случае ничто иное, как корабль направляемый тем ветром, который других превозмогает. Итак

16 оставь пустую мысль и тщетное намерение быть известным Государю, в низком состоянии следуй начатому пути и преуспеешь.

Положим, что ты пребыванием своим в училище приобретешь знания превосходнейшия, что достоин будешь управлять не токмо важным отделением, но достоин будешь венца; не уже ли думаешь, что тебя Государь поставит на первую по себе степень? Тщетная мечта юнаго воображения! По возвращении твоем имя твое будет забыто. Вместо того что ты известен ныне чрез твоего начальника, о тебе тогда и не вспомнят, ибо не удостоит тебя Государь, может
17 быть, возрелния отвлеченный от того или правления заботою, или надменностию сана своего, или завистию вельможей, которые, осаждая непрестанно престол Царский, претят проникнуть до него достоинству. А если истекает на него награждение, то уделяют его всегда в виде милости, а не должным за заслуги воздаянием.—Ты поместишься в число таких людей, кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почтяться могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен. Окрест себя узришь не редко согбенные
18 разумы и души, и самую мерзость. Возненавиден будешь ими; поженут тебя, да оставишь ристание им свободно. А если тогда начальник твой будет таковых же качеств, как и раболепствующие ему; берегись, гибель твоя неизбежна.

Таковыми ужасными представлениями друзья *Федора Васильевича* старались отвратить его от его предприятия. Начальник его, хотя другими доводами, то же имел намерение: но все старания их были тщетны. Полагаясь твердо на правосудие своего Государя, и алкая науки, *Федор Васильевич* пребыл не поколебим в своем намерении, и учения ради сложил с себя мужественный возраст, что степень почестей,
19 ему уже давано в обществе, стал неопытной юноша, или паче дитя, преклоняясь в управление наставнику, управляв уже собою несколько лет в разных жизни обращениях.

Описывая житие столь близкаго сердцу моему человека, как то был *Федор Васильевич*, я не скрою однако же и того, чего разум его не мог еще в нем исправить, и к чему обращение в большем Свете приучило юныя его чувства. Сие то

предвременное познание большого общества, где с дядькою казаться уже стыдно, навлекло ему болезнь | в годах крепости, ²⁰ и смерть безвременную.

Вышед из Кадетского корпуса, *Федор Васильевич* стал управлять сам собою. Семнадцатилетней юноша, наперстник вельможи, коего тогдашний доступ до Государя всем был известен, не мог он обойтись без искушения, и сии были различного рода. Большая часть просителей думают, и не редко справедливо, что для достижения своей цели, нужда приязнь всех тех, кто хотя мизинцом до дела их касается; и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не | только к самому ²¹ тому, от кого исполнение прозьбы их зависит, но ко всем его приближенным, как то к Секретарю его, к Секретарю его Секретаря, если у него оной есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят. Таковыя же ласкательства, угождени и бог весть что употреблено было от просителей на снискание благоволения *Федора Васильевича*. Богачь сулил злато, но не успевал, и долженствовал возвращаться с негодованием. Но если благоразположенная душа его отметала мздоимство, не могла она отметать всегда вида приязни. Тру|дившись во ²² весь день, охотно ездил он по вечерам в собрании малыя и большия, на балы, маскарады, ужины, где не редко просиживал за карточною игрою до полуночи, а иногда гораздо позже. Возвращаясь домой не редко вместо возобновления сил благотворным сном, принужден бывал приниматься паки за работу, и светило дневное восходя на освящение блаженства и нещастия заставляло его согбеннаго над трудом, невкушавшаго еще сладости успокоения.

В числе множественных просителей бывали иногда женщины, женщины молодая, котория в жару доводов о справедливой или неправильной их прозбе, забывали иногда ²³ чем были должны целомудрию, а иныя помня леты того, к кому шли на прошение, умышленно употребляли чары красоты своя на приобретение благосклонности *Федора Васильевича*. Такого рода приключение он сам рассказывал. Се повесть его:

Пробыв гораздо за полночь в веселой беседе с людьми, обыкновенно друзьями называющимися, приехав домой ра-

ботал он до пятого часа утра, и утомившись веселием и работою заснул крепко. Беззаботливая юность не беспокоилась еще колючим тернием опытности, и мечты сна его столь же были исполнены веселия, как и бдение. Ему снилось что лежал в объятиях прекрасная жены, упоенный сладострастием, столь державно над юными чувствами властвующим, и среди прелестных сея мечты отлетел сон от очей его. Но что же представилось просиявшему его взору? Сто крат любезнее виденной им во сне зрел он отроковицу почти, сидящую подле одра его, тщательно отгоняющую крылатых насекомых с лица его, и разпростертым опахалом умеряющую зной солнца, проникшаго уже лучем своим в его спальню. Лето было, и час уже десятый. Не вдруг поверил он, что проснулся. Зря его пробудившагося и устремляя взоры пламенного желанья, с улыбкою страсти и гласом *Сирены* „извините меня, Государь мой, сказала просительница, „что я прервала ваш сон, и лишила вас, может быть, приятных мечты возлюбленной“. И проникла вещающая жарким своим взором всю его внутренность. Если бы я писал любовную повесть, колико обильная предлежала бы начертанию жатва. Чувственность была в *Федоре Васильевиче* при начале своего возничия, просительница жила в разводе со старым мужем, имела нужду в предстательстве *Федора Васильевича*, увидела его горячее телодвижение, пришла на уловление его и успела.

О если бы и мое пробуждение могло быть иногда таково же, если бы я паки имел не более двадцати лет! Мой друг, жалея, если хочешь, о моей слабости: но се истинна.

Сими и сим подобными случаями подсек *Федор Васильевич* корень своего здравия, и не отъезжая еще в *Лейпциг* почувствовал в теле своем болезнь, неизбежное следствие неумеренности и злоупотребления телесных наслаждений.

Как со времени начатия нашего путешествия повествование о *Федоре Васильевиче* сопряжено с повествованием об общем нашем пребывании в *Лейпциге*: то не удивляйся, мой друг, если оно коснется вообще положения, в котором мы находились, и если найдешь здесь некоторые черты разположения твоих мыслей в тогдашнее время. Ибо забыть того не лзя, колико единомыслие между нами царствовало.

В продолжение нашего пути *Федор Васильевич* навлек на себя ненависть путеводаителя нашего, и самое то качество, которое ему приобрело нашу приверженность, самое то было 28
причиной, что *Бокум* его возненавидел. Твердость мыслей и вольное оных изречение были в нем противны, и с первого 28
раза, когда они в нем явны стали, начал путеводаитель наш помышлять, как бы погубить его. Но дивиться не должно, что противоречие в подчиненном, справедливое хотя противоречие, или лучше сказать единое напоминание справедливости произвело здесь со стороны сильного негодование и прещение. Сие в самодержавных правлениях почти повсеместно. Пример самовластия Государя, неимеющего закона на последование, ниже в разположениях своих других правил, кроме своей воли или прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что пользуясь уделом власти безпредельной, он такой же властитель частно, как тот в общем. И сие 29
столь справедливо, что не редко правилом приемлется, что противоречие власти начальника, (а) есть оскорбление верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящих Отечество 30
граждан, заключающаяся в темницу, и предающая их смерти; теснящая дух и разум, и на месте величия водворяющая робость, рабство и замешательство, под личиною устройства и покоя! Да сие иначе и быть не может по сродному человеку стремлению к самовластия, и *Гельвецево* о сем мнение ежечасно подтверждается. |

Привлекши на себя ненависть путеводаителя нашего, 31
Федор Васильевич не возмутился сею мыслию, ибо что вещал ему, то была истинна. *Бокум* рачил более о своей прибыли, нежели о вверенных ему. *Федор Васильевич* имел более опытности, нежели другие его сотоварищи; довольныя причины для приведения корыстолюбца на злобу.

(а) С вероятностию корень сего правила о непрекословном повиновении найти можем в воинских законоположениях и в смешении гражданских чиновников с военными. Большая часть у нас начальников в гражданском звании, начали обращение свое в службе Отечеству с военного состояния и привыкнув давать | подчиненным своим приказы, на которые возражения 30
не терпит воинское повиновение, вступают в гражданскую службу, с приобретенными в военной мыслиями. Им кажется везде строй; кричит в суде на чараул, и определение не редко подписывает палкою

Первой случай к несогласию нашему с нашим путеводителем, и первая причина его злобствования против *Федора Васильевича* было само в себе малозначущее происшествие, но великое имело действие на расположение наше к начальнику | нашему. Мы все воспитаны были по рускому обряду, и в привычке хотя не сладко есть, но до насыщения. Обыкли мы обедать и ужинать. После великолепнаго обеда в день нашего выезда ужин наш был гораздо тощ и состоял в хлебе с маслом и старом мясе, ломтями резанном. Таковое кушанье для Немецких желудков весьма обыкновенное, встревожило Русские, привыкшие более ко штям и пирогам. И если захочешь без предубеждения внять вине нашего неудовольствия, к несчастию нашему потом обратившагося, то найдешь корень онаго в первом нашем ужине. Покажется иному смешно, иному низко, | иному нелепо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидеть за таковую малость: но самого умереннейшаго человека заставь поговорить неделю, то нетерпение в нем скоро будет приметно. Если сладость наскучить может, колыми паче голод. Худая по большей части пища и великая неопрятность в приуготовлении оной произвели в нас справедливое негодование. *Федор Васильевич* взялся изъявить оное пред нашим начальником. Умеренное его представление принято почти с презрением, а особливо женою *Бокума*, которую можно было почитать истинным нашим Гофмейстером. Сие произвело словопрение, и кончилось тем, что *Федор Васильевич* возненавижен стал обоими супругами.

Но не знал наш Путеводитель, что худо всегда отвергать справедливое подчиненных требование, и что вышшая власть сокрушалася иногда от безвременной упругости и безразсудной строгости.

Мы стали отважнее в наших поступках, дерзновеннее в требованиях, и от повторяемых оскорблений стали наконец презирать его власть. Если бы желание учения не останавливало нас в поступках наших, | и не умеряло нашего негодования, то *Бокум* на дороге бы испытал колико безразсудно, даже детей доводить до крайности. Во всех сих зыблениях боязни и отваги, младшие предводительствуемы были старшими. Из сих первый был *Федор Васильевич*. Но если его кто почтет или сварливым, или злобным, или пронырливым,

или коварным, или вспыльчивым, тот конечно ошибется. Единое негодование на неправду бунтовало в его душе, и зыбь свою сообщало нашим, немощным еще тогда самим собою воздыматься на опровержение неправды. Таковыми произшествиями уготовлялись мы к одной из знаменитейших по моему мнению эпох нашей жизни. Я говорю о содержании нашем в Лейпциге под стражею. 36

Ничто, сказывают, толико не сопрягает людей, как нещастие. Сия истинна подкрепляется и нашим примером. Худые с нами поступки нашего Гофмейстера толико нас сделали единомысленными, что, исключая некоторых из нас, могли бы мы по истинне один за другаго жертвовать всем на Свете. Да сие иначе быть не может; ибо дружба в юном сердце есть, как и все онаго чувствования, стремительна. Краткое пребывание наше в Митаве, возрение неизвестных нам доселе нравов, | обрядов, языка, загладило в душе Федора Васильевича угрыzenie печали. Ежедневныя оскорбления начинали было производить в нем раскаяние о предприятном путешествии, но новые предметы отвлекли душу его от горестных мыслей, и соделали ее на некоторое время к оскорблениям безчувственнойю. Но если новые предметы удобны были загладить в душе Федора Васильевича изрытие печали; то не имел он однако же довольно опытности, так сказать, в учении, дабы из путешествия своего извлечь всю возможную пользу. Примечания достойно: человек достигнув возмужалых лет, когда начинает испытывать силы разума, устремляемый бодростию душевных сил, обращает пронизательность свою всегда на вещи вне зримой округи лежащая, возносится на крыльях воображения за пределы естественности, и не редко теряется в неосязаемом, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Все почти юноши мыслить начинающие любят метафизику; с другой же стороны все чувствовать начинающие придерживаются правил, народным правлениям приличных. И так Федор Васильевич мысли свои обращал более к умственным предметам, и не знал еще какую полезность извлечь можно из путешествия. | 37

Между людьми получившими воспитание разнаго рода, 38
понятии о священных вещах долженствовали быть, и были разныя. Если бы возможно было определить, какое каждый

из нас имел тогда понятие о боге и о должном ему почитании, то бы описание сие показалось взятым из какого либо путешествия, в коем описывается исповедание веры неизвестных народов. Иной почитал бога не иначе, как палача, орудием кары вооруженного и боялся думать о нем, столь застрашен был силою его прещения. Другому казался он вскруженным толпою младенцев, азбучной учитель, которого дразнить ни во что вменяется, | ибо уловкою какою 40
нибудь, можно избегнуть его розги, и скоро с ним опять поладить. Иной думал, что не токмо дразнить его можно, но делать все ему на смех и вопреки его велениям. Все мы однако же воспитаны были в греческом исповедании, и для сохранения нас в православии, отправлен с нами был монах, которому в должность предписано было, наставлять нас в Христианском законе, отправлять для нас службу Церковную и быть нашим Духовником.

Отец Павел был в своем роде человек полуученой, знал по 41
Латыне, по Гречески и несколько по Еврейски. В семинарии прошел все нижние и вышние Филосовские и богословские классы и был учителем Риторики. Но если ему известны были правила красноречия, древними Авторами преподданного, если знал он что есть Метафора, Антитезис и прочия риторическия фигуры, то никто столь мало не был красноречив, как наш отец Павел. Добродушие было первое в нем качество, другими же он не отличался и более способствовал к возродившемуся в нас в то время непочтению к священным вещам, нежели удобен был дать наставление в священном 42
Законе. Судить можно из следующего. |

Исправление наше, (ибо при первом нашем свидании он почел нас богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни один из нас в то время ниже повести не читывал о Афеистах); исправление наше начал он тем, что заставил нас при утренних и вечерних на молитве собраниях, петь. Если вспомнишь, мой друг, сколь нестройной, несогласной и шумной у нас был всегда концерт, то и теперь еще улыбнешься. Иной тянул очень низко, иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной чрез чур кудряво, и наконец устроенное на приучение ко благоговению превратилось постепенно в шутку и посмеялище. |

43 Отец Павел, если припомнишь, гораздо был смешлив, и если случилось ему во время богослужения видеть что либо

смешное, то забыв важность своего действия, начинал смеяться, как то случилось ему в Лейпциге, увидев одного из нас, а именно *К. [князя] Т. [Трубецкого]*, поющего на крылосе изкривив лицо для высокаго напева. Для сей то причины он отправлял богослужение, большею частию зажмурившись.

В Риге на молитве случилось весьма смешное произшествие. Отец *Павел* опасаясь увидеть что либо пред глазами, могущее подвигнуть его на смех, зажмурился начиная пение. Сим *М. [Михаил] У. [Ушаков]*, человек шутовой и проказливой, захотел воспользоваться, дабы разсмешить нашего отца *Павла*. 44

Икона, пред коей совершался наш молитвенный напев, стояла в верху довольно просторнаго стола, на котором раскладены лежали наши шапки, шляпы, муфты, перчатки. Пред столом стоял отец *Павел* зажмурившись. *М. У. [Ушаков]* взяв легонько одну из перчаток на столе лежавших, и согнув персты ея образом смешнаго кукиша, положил оную возвышенно прямо пред поющего нашего *Духовника*. При делании поясных поклонов, растворил зажмурившийся глаза свои, и первое представилась ему сложенная перчатка. Не мог он воздержаться, захохотал громко, и мы все за ним. 45

Отец *Павел*, не привыкнув еще к нашим проказам, обрел в них более, нежели простыя и юношеския шутки. Оборотясь, наименовал он нас богоотступниками, непотребными, и другими в приложении юношества смешными названиями; сделавшаго же вину смеха называл, неграмматикально может быть, мошенником, да и того хуже. При перьвых уже словах *М. У. [Ушаков]*, будучи весьма вспльчив, восколебался, и столь же смешным деянием, как сей неприличными словами, представили нам позорище, какого ни на каком *Феатре* за рубль купить не можно. *М. У. [Ушаков]* схватив висящую на стене шпагу, и привесив ее к бедре своей, бодро приступил к чернецу; показывая ему ефес с темляком, говорил ему не много заикаясь от природы, *забыл разве батюшка что я кирасирской Офицер*. В таком вкусе было продолжение сего действия, которое для нас кончилось смехом, для *М. У. [Ушакова]* мнимую победою, а для отца *Павла* отъитием с негодованием в свою комнату. | 46

Сие и подобныя сему происшествия умалили в нас почтение к духовной над нами власти, так как шутки над

нашим Гофмейстером некотораго проезжавшаго Российскаго гвардии Офицера, о чем я скажу после, возбудили к нему в нас совершенное пренебрежение.

Еще о красноречии отца Павла: следуя, не ведаю, данному предписанию, или по собственному своему побуждению, он каждое воскресение по совершении литургии становился пред царскими дверьми за налоем, и преподавал нам толкование о чтенном того дня евангелии. В следствие сего обряда
 48 в некакой праздник, во благовещение, если | хорошо помню, он объяснить нам старался, что в священном писании разумеется под ангелом Божиим. „Ангел есть слуга господень, котораго он посылал для посылок; он тоже, что у Госу-
 „даря курьер как то г. Гуляев.“ Тогда был в Лейпциге приехавший из Петербурга, с некоторыми приказаниями курьер кабинета, и был с нами присутствен на литургии. При изречении сего забыли мы должное к церкви благоговение, забыли ангела, видели действительнаго куриера, и все захохотали громко. Отец Павел засмеялся за нами в след, зажмурил глаза, потом заплакал и сказал: Аминь. |

49 Приехав в Лейпциг, забыл Федор Васильевич все обиды и притеснения своего начальника, и вдался учению с наибольшим рвением, но как не окоренел еще в трудолюбии сего рода, то на время от онаго отвлечен был случившимся с нами неприятным происшествием, которое для всех нас было деятельною наукою нравственности во многих отношениях.

Если иные в повествовании сем найдут что либо пристрастное, не буду тронут тем, ведая что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи содействователь всего, обрящешь в нем истинну. |

50 Имея власть в руке своей и деньги забыл Гофмейстер наш умеренность, и подобно правителям народов возмнил, что он не для нас с нами; что власть ему данная над нами, и определенныя деньги, не на нашу были пользу, но на его. Власть свою хотел он употребить на приведение нас к молчанию о его поступках. Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темница, узы, и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности. Но сего то притеснители частные и

общие, по щастию чело|вечества, не разумеют, и простирая 51
повсеместную тяготу, предел оныя, на коем отчаяние бодр-
ственную возносит главу, зрят всегда в отдаленности, хожд-
дая воскрай гибели, покрытой спасительною для человека
мглою. Не ведают мучители, и даждь господи, да в неведе-
нии своем пребудут ослепленны навсегда, не ведают, что
составляющее несносную печаль сему, другому не причиняет
ниже единого скорбного мгновения, да и в оборот то, что
в одном сердце ни малейшаго не произведет содрогания, во
сте других родит отчаяние и изступление. Пребуди благое
неведение всецело, пребуди неру|шимо до скончания века, 52
в тебе почила сохранность страждущаго общества. Да не
дерзнет никто совлещи покров сей с очей власти, да исчез-
нет помышляяй о сем, и умрет в семени до рождения своего.

Первое, чем *Бокум* по приезде в Лейпциг начал правле-
ние свое, было сокращение издержек относительно нас, елико
то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроитель-
ство было тому причиною; что он отчислял от нашего со-
держания, то удвоил во своем, и принужден был лишать нас
даже нужнейших вещей на содержание наше. О сем те, кои
из нас были постарее, и в числе оных первой был *Федор* 53
Васильевич, делали ему весьма кроткия представления
гораздо кротче, нежели когдалибо Парижский Парламент|
дельвал Французскому Королю. Но как таковыя представле-
ния были частныя, как то бывают и парламентския, а не от
всех, то *Бокум* отвергал их толико же самовластно, как и
Король Французской, говоря своему народу „в том состоит
наше удовольствие“.

Наскучив представлениями *Бокум* захотел их пресечь
вдруг, показав пространство своей власти. Придравшись
к|маловажному проступку *К. [кн.] Т. [Трубецкого]* он посадил 54
его под стражу, отлучив его от обхождения с нами, и приста-
вил у дверей комнаты, в которую он был посажен, часоваго
с полным оружием, выпросив нарочно для того трех человек
солдат. Не довольствуясь таковым наглым поступком, он
грозил посаженному под стражу, и нам за ним, если не
уймемся, то, по данной ему власти он будет нас наказывать
фуктелем, как то называют, или ударами обнаженного тесака
по спине. Сие произвело в нас противное действие тому,
которое он ожидал. Ведали мы, что власти таковой ему

55 дано не было, и | всякому известно было, что мягкосердие начинало в России писать законы, оставя все изветы люто-
сти прежних, хотя по истинне душесильных времен. Негодова-
ние в нас возрасло до изступления; но мы не забыли еще
умеренности, и хотя скопом и заговором, но для ребят до-
вольно правильно и благопристойно, пришли все просить его
об отпущении вины К. [кн.] Т. [Трубецкого] и об освобождении
его из под стражи. Вместо того, чтобы воспользоваться крот-
ким расположением душ наших и привлечь к себе нашу призна-
56 тельность отпущением вины сотоварища нашего в уважение
наша прозбы, он ее нагло отвергнул и | выслал нас с пре-
зрением. Сие уязвило сердца наши глубоко, и мы не столько
помышлять начали о нашем учении, как о способах освобо-
диться от толико несноснаго ига.

Подобно как в обществах, где удручение начинает пре-
вышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в
нашем обществе начиналися сходбища, частыя советования,
предприятия, и все что при заговорах бывает, взаимныя
о вспомошествовании обещания, неумеренность в изречениях;
тут отважность была похваляема, а робость молчала, но
скоро единомыслие протекло всех души, и отчаяние ждало
на воспаление случая. |

57 *Бокум* онаго не удалял. Причина нашего неудовольствия
была недостаток иногда в нужных для нашего содержания
вещах, то есть в пище, одежде и прочем. Вторая, зима по
приезде нашем в Лейпциг была жесточее обыкновенных, и
схудыми предосторожностями холод чувствительнее для нас
был, нежели в самой России при тридцати градусах стужи.

Домостроительство *Бокума* простиралось и на дрова, и
мы более в сем случае терпели недостатка, нежели в чем
другом. Хотя запрещено было, как то нам сказывали, при-
58 сылать к нам деньги из домов | наших, но мы неизвестны будучи
о сем запрещении и охотны, особливо на случай нужды пре-
ступить сие повеление, имели при отъезде нашем из России
по несколько собственных денег. Кто их имел, не только
удовлетворял необходимым своим нуждам, но снабжал и
товарищей своих. Словом во все продолжение нашего пре-
бывания, кто имел свои деньги, тот употреблял их не токмо
на необходимые нужды, как то на дрова, одежду, пищу, но
даже и на учение, на покупку книг; не утаю и того, что

деньги нами из домов получаемыя послужили к нашему в любострастии невоздержанию, но не оне | к возрождению онаго в нас были причиною или случаем. Нерадение о нас нашего начальника и малое за юношами в развратном обществе смотрение были онаго корень, как то оно есть и везде, в чем всякий человек без предубеждения признается. 55

Один из нашего общества, *Н. [Насакин]* не получал из дому своего ни копейки, и для того претерпевал более других нужду. В помянутую зиму не в силах более терпеть холода ради болезненного разположения тела, решился сделать Гофмейстеру представление. *Бокума* он нашел играющего на билиарде с | неким из его единомыслителей и главным подстрекателем (*б*) его надменности. *Н. [Насакин]* объявил ему о своем недостатке, прося дать приказание изтопить его горницу. За день сего *Бокум* посадил под стражу *К. [кн.] Т. [Трубецкого]*, ко|торой был комнатной товарищ *Н. [Насакина]*. На отказ сделанной *Бокумом*, *Н. [Насакин]* сделал возражение, а *Бокум* не хотя онаго слушать, а особливо при напоминателе о его власти, оставив свою игру, начал пришедшаго толкать неучтиво; а как сей тому противился и к нему обернувшись говорил, что требование его о сем справедливо, то *Бокум* и паче того раздраженный ударил *Н. [Насакина]* по щеке. Сей мнимый от части знак безчестия столь сильно обезоружил *Н. [Насакина]*, что он не сказав более начальнику нашему ни слова поклонился и вышел вон. 60 61

Отрада несчастному есть убежище на лоне дружбы, беседа|вание о скорби своей. И возвестил нам обиженный о произошедшем с ним. Презрение к начальнику нашему было первое душ наших движение: но скоро к тому присовокупилось и негодование. Всяк боялся такой же участи; иной мечтал уже следствие своего отчаяния в таком случае, другой изумленный предварительно таковою мыслию находился в нерешимости, что должно будет ему сделать, если на него 62

(*б*) Сказывали, что сей молодец за деньги достав себе звание министра при каком то дворе, должность свою отправлял с похвалою. Сие оправдывает мнение тех, кои думают, чтоб быть употреблену с похвалою в делах министерских надобен ум, а честности мало. Коварство, пронырство, искусство выситься и низиться по обстоятельствам могут сделать отличнаго министра, но добраго гражданина николи.

падет жребий, равный с *Н. [Насакиным]*. Но все единогласно положили, что *Бокум* сделав поступок противный не только добрым нравам, но и благопристойности, долженствовал сделать *Н. [Насакину]* удовлетворение за обиду. | В общезнании, говорил нам *Федор Васильевич*, если таковой случай произойдет, то оной не иначе заглажен быть может, как кровию. Сие говорил он из опытов, и подкреплял примерами но ни он, ни мы не понимали еще всей гнусности поединков в благоучрежденном обществе, и вожаемые примерами судили, что настоял бы и теперь к оному случай, если бы дело должно было иметь с посторонним человеком, а не с начальником нашим.

Мы в то время начали только слушать преподавания права естественного, и не объяв еще всю онаго связь, остановились при первых движениях производимых в человеке оскорблением. Не имея в шествии своем ни малейшия преграды, человек в естественном положении при совершении оскорбления, влекомый чувствованием сохранности своей пробуждается на отражение оскорбления. От сего раждается мщение, или древний закон, *око за око*; закон ощущаемый человеком всечасно, но загражденный и умеряемый законом гражданским. Несовершенное еще разположение мыслей представило уму нашему в естественном нас положении, в отношении нашего начальника, и мы заключили что *Н. [Насакин]* долженствовал возвратить *Бокуму* полученную им пощечину. |

Заключительной и общий наш приговор был таков, что *Н. [Насакин]* должен итти к *Бокуму* и в присутствии нашем требовать от него в обиде своей удовлетворения. Если же он не восхочет того исполнить, то надлежит ему пощечину *Бокуму* возвратить. Долго *Н. [Насакин]* размышлял, колебался, не мог решиться на сей поступок: но мы приговор наш подкрепили тем, что если он сего не исполнит, то лишен будет нашей приязни и обхождения с нами. Ни что столь сильного и столь скорого не могло произвести действия в душе оскорбленной *Н. [Насакина]* как наша угроза. Если бы приговор наш был в противную сторону, то он, | да и всякой из нас, и кто бы то ни было, в равном токмо с нами положении, терпеливо бы, принял еще десять пощечин, нежели бы захотел притти в презрение у своих сотоварищей.

Собравшись и условившись каким образом долженствовал *Н.* [*Насакин*] требовать от *Бокума* удовольствия в обиде ему сделанной, мы пошли к нему исключая *К.* [*кн.*] *Т.* [*Трубецкого*] которой сидел под стражею.

В комнате, где бывала обыкновенная наша трапеза, дожидались мы его, послав его известить, что мы желаем его видеть. Едва он вошел в ком|нату, как началось действие, ⁶⁷ которое при первом шаге нашего жития могло бы превратным жребием ввергнуть нас в совершенную гибель. Столь юность без советов дружества сама себе губительна! но провидение бдело над нами, ибо превратности в сердце нашем не зрело; и для того щит его носится всегда над неопытною и блюдет ее в самой пропасти.

Вследствие сделанного между нами положения *Н.* [*Насакин*] подступив к *Бокуму* просил от него удовлетворения в обиде. Приятнее может быть будет читателю, приятнее тебе, мой любезной друг, если я употреб|лю здесь самыя почти те ⁶⁸ слова, которыя в то время были изречены; они были кратки, как и действие было мгновенно.

Н. [*Насакин*]. Вы меня обидели, и теперь пришел я требовать от вас удовольствия.

Б. [*Бокум*]. За какую обиду и какое удовольствие?

Н. Вы мне дали пощечину.

Б. Не правда, извольте итти вон.

Н. А если не так, то вот она, и другая.

Сие говоря, ударил *Н.* [*Насакин*] *Бокума* и повторил удар.

Опасаясь дальнейшего следствия *Бокум* вышел из горницы. | Писарь *Бокумов* бывший тогда с ним, вообразив себе, ⁶⁹ что *Н.* [*Насакин*] хочет господина его заколоть, ибо имел при себе шпагу, оторвал у него ее с бедра, за что он был наказан только тем, что *М. У.* [*Ушаков*] снял с него парик. Но причина, для коей *Н.* [*Насакин*] имел при себе шпагу была иная; он был в гостях и пришед не имел времени раздеться, и на сражение пришел со шляпою и шпагою; но *Бокум* в обвинении своем не пропустил сего обстоятельства, и сказал, что мы, а паче *Н.* [*Насакин*], покушались на его жизнь, и сей вынул уже шпагу из ножен до половины, но он нас как ребят разогнал и раскидал. И так в самой клеве|те не ⁷⁰ забывал он хвастовства, и никогда не признался, что *Н.* [*Насакин*] возвратил пощечину с лихвою.

Но если бы вздумали разполагать великость вины по оружию, которое кто имел, то никого не надлежало обвинить более других, как меня. Ибо у меня были в то время карманные пистолеты, заряженные с дробью, которые я купив за день пред сим происшествием зарядил, и хотел итти испытать оных действие в определенном к тому месте, но по щастию меня тогда не обыскали. Из сего глупья юности произшествия могло бы про|изойти, признаюся охотно, что-либо слезное и несмешное, если бы *Бокум* имел кого либо при себе опричь стараго своего писаря; и если бы вождаем мыслию, что мы умышляли убить его стал бы на нас наступать. В жару изступления чего не могло бы случиться, но к щастию *М. У. [Ушаков]* двери запер, и на крик стараго писаря никто войти не мог.

По совершении нашего приступа, мы почитая его правильным поступком, заявили о нем Университетскому Ректору. Возвратяся от него души наши покойны не были. Мы чувствовали наш проступок, но чувство|вали и тягость нашего положения, и на весах правосудия мы осуждены бы быть не могли. Но всякой судия есть человек, не редко вождается внешностию.

Я ныне еще трепещу вспоминая о намерении нашем при сем произшествии. Мы рассуждали, что наш поступок конечно не одобрят, что *Бокум* разцветит его тусклыми красками клеветы, что если посадил под стражу за маловажный поступок, может сделать над нами еще более, и мы возвращены будем в Россию для наказания, а более того на посмеяние; и для того многие из нас намерение положили оставить тай|но Лейпциг, пробраться в Голландию или Англию, а оттуда сыскав случай ехать в Ост-Индию или Америку. Таковы могли быть следствия безразсудной строгости начальника и неопытной юности. Но *Бокум* предварил умышляемому нами побегу, и не прошло получаса как он испросив от тамошняго военнаго начальника солдат вооруженных, посадил нас под стражу каждого в своей комнате.

В сем тягчительном для нас положении мы прибегнули к Российскому в Дрездене Министру, описав ему случившееся во всей подробности: но письмо наше до него не дошло, как то | мы после того узнали, ибо *Бокум* тамошнему правительству сказал ложно, что ему велено было все наши

письма останавливать, и не прежде отправлять в Россию, как он уведомлен будет о их содержании. Таким образом ни Министр нашего двора в Дрездене, ни в Петербурге не могли быть известны о истинном нашем положении, сколько мы о том ни писали. Когда же нашелся человек нас довольно любящий, из сожаления единственно и на своем иждивении отправившейся в Россию для извещения, кого должно, о произшедшем с нами, то о всем было от Министра нашего по представлениям *Бокума* | предварено и жалобе нашей не внято. 75

Но я могу тебе наскучить, мой любезной друг, рассказывая о том, что тебе столь же известно, как мне; и для того заключаю повествование о сем неприятном тогда для нас произшествии, но по истинне сказать, преподавшем нам много нравоучения деятельно. Намерение мое было показать только то, сколь много ошибаются начальники в употреблении своей власти, и коликой вред причиняют безвременною и безразсудною строгостию. Если бы мы исполнили наше намерение и ушли бы из Лейпцига, вообрази, колико горести навлекли бы мы нашим родителям, друзьям, да и всем сердцам юность возлюбляющим. Если бы Государство изгнанием добровольным десяти граждан ничего казалось не потеряло, но отечество потеряло бы конечно искренно любящих его сынов. Буде кто захочет на сие доказательства, то не дам никакого; но тебе только, мой друг, вспомяну о возвращении нашем в Россию. Воспомни нетерпение наше видеть себя паки на месте рождения нашего, воспомни о восторге нашем, когда мы узрели между, Россию от Курляндии отделяющую. Если кто безстрастный ничего инаго в восторге не видит, как неумеренность, или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто понимая, что есть изступление, скажет, что не было в нас такового, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества; тот, скажу, не знает сердца человеческого. Признаюсь, и ты мой любезный друг в том же признаешься, что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило. О вы управляющие умами и волею народов властители, колико вы бываете часто кратко-видцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквас воздымающий сердце юности. Единожды смилив его не редко на веки соделаете калекою. 76 77 78

Под стражею содержимы были мы как государственные преступники или отчаянные убийцы. Не токмо отобраны были у нас шпаги, но рапиры, ножи, ножницы, перочинные ножички, и когда приносили нам кушанье, то оно было нарезано кусками, ибо не было при оном ни ножей, ни вилок. Окончины были заколочены, оставлено токмо одно малое отверстие на возобновление воздуха, часовой сидел у нас в передспальной комнате, и мог видеть нас лежащих на постеле, ибо дверь в спальную нашу была вынута. |

79 Не взирая на все предосторожности, чтобы возпретить нам между собою сообщение, и чтобы мы не могли известить Министра нашего о нашем положении, ибо сие и была причина строгого нашего содержания под стражею, мы написали письмо и подписали его все своеручно. Ни кого к нам не допускали, сидели мы по двое вместе, и потому странно покажется, что все могли подписать письмо. Способ мы к тому употребили особой, и да знают удручители, что не редко строгость их бывает осмеянна в самом том, в чем они усугубляют оную.

80 Дом, в котором мы жительствоваали, был в два жилья | и имел четыре отделения вверху и четыре в низу, в каждом отделении было по две комнаты, и мы жили по двое вместе. Шестеро из нас жили вверху и четверо в низу, прочия комнаты занимали учителя наши. Письмо написано было *Федором Васильевичем*. Привязав его на длинную нитку выпускали его за окно; способной ветр приносил его к отверстию другого окна, в которое оно было приемлемо, и по подписании тем же способом доставляли его в другую комнату; таким образом мы умели на пользу нашу употребить самыя силы естества. На почту относимы письма наши были
81 одним | из наших учителей, который из единого человеколюбия жертвовал всем своим тогдашним щастием и отправился в Россию для нашего защищения, взяв от нас на дорогу одни карманные часы, в чем состояло всё тогдашнее наше богатство: но в предприятии своем не успел, как то я сказал уже прежде. Великодушный муж! никто из нас не мог тебе за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда в наших сердцах.

Не довольствуясь тем что посадил нас под стражу, *Бокум* испросил от совета Университетскаго чтобы над нами произвели суд. К допросам возили нас скрытным обра-

зом и су|допроизводство было похоже на то, какое бывало 82
в инквизициях, или в тайной Канцелярии, исключая телесных
наказания. Решение сего суда было, что ты и я, Я. [Янов] и
Р. [Рубановский] были освобождены, а прочие, между которыми
был Федор Васильевич, остались еще под стражею, но скоро
были освобождены по повелению нашего Министра. Конец сему
полусмешному и полуплачевному делу был тот, что Министр
приехав в Лейпциг нас с Бокумом помирил, и с того времени
жили мы с ним почти как ему неподвластные; он рачил о своем
кармане, а мы жили на воле, и не видали его месяца по два.

Случилось во время нашего пребывания в Лейпциге 83
проезжать чрез оный Генерал Порутчику и бывшему потом
Сенатором Н. Е. М. [Муравьеву] с супругою своею. Сотовари-
ществовал ему в путешествии шурин его Гвардии Офицер,
человек молодой любящий шутку безвредную, и охотно
смеялся на шет глупцов. Совершенно такового нашел он
в нашем Гофмейстере. Он пользуясь пристрастием его к хва-
стовству вывел его по пословице на свежую воду. До того
времени не ведали мы, что Гофмейстер наш за похвалу себе
вменял прослыть богатырем, и если ему не было случая на
подвиги с Бовою рав|ныя, то были удачества другаго рода, 84
достойныя помещения в Дон Кишотовых странствованиях.

Помянутой Гвардии Офицер, подстрекая самолюбие Бо-
кума, довел его до того, что он для доказательства своих
телесных сил выпивал по его приказаниям одним разом по
нескольку бутылок воды или пива, давал себя толкать мно-
гим лакеям вдруг, упираясь против их усилия совлещи его
с места, а сим приказано было не жалеть своих толчков,
дивясь о своем против его малосилии: но сего не довольно
было. Он его заставил ворочать всякия тяжести, подымать
стулья, столы, | платя ему за то не умеряя и не скрывая 85
своего смеха: Ну Бокум!

Примечания достойно, до коликкой степени слабость сия
в человеке возрасти может, и не редко она в общежитии
бывает разными нечаянными случаями поддерживаема и воз-
вышаема. Бокум доведен был до того, что согласился вы-
терпливать удары довольно сильнаго Электрическаго орудия.
Сперва удары Электрической силы были умеренны, и дабы
его убедить самага в превосходстве его сил, удары произ-
водимы были над многими вдруг. Все по предварительному

35 условию, будто от жестокости удара падали на землю, он один оставался непоколебим, торжествуя в явь над падающими. Уверив таким образом его самого в превосходстве его сил, удары Электрического орудия становились сильнее, он выдерживал их не показывая сколь они для него были болезненны; сила ударов столь наконец была велика, что едва его с ног не сшибала.

Таковые подвиги производились ежедневно во все время пребывания сказанных путешественников в Лейпциге. Мы были непрестанные оных зрители, и презрение наше к *Бокуму* с того времени стало совершенное. |

37 Отправление Российских морских сил в Архипелаг, в последнюю войну между Россиею и Турциею, доставило нам в Лейпциге случай видеть многих наших соотчичей, проезжавших из России в Италию, и оттуда в Россию. Некто, (имя его утаю, дабы не произвести в лице его краски стыда, или бледности раскаяния), некто в проезд свой чрез Лейпциг оказывал отличное уважение *Федору Васильевичу*, и снискать хотел его дружбу. Последствие показало, сколь мало она была искренна и продолжалась не более как пребывание в Лейпциге сего мечтаннаго покровителя учености. Ни
38 одного дня не проходило, скажу | охотно, ни одного почти часа во дни, чтоб *Федор Васильевич* не был с *Ф.* . . вместе упражняясь с ним в разсуждениях, большею частию Метафизических. Он делал ему уверении, что извлечет его из руки отягощения, обещаая ему мощное свое покровительство. Вняв лестному гласу дружбы *Федор Васильевич* отверз ему свое сердце. Лучь надежды, казался, обновился в нем; но скоро збылася с ним французская пословица: *отсутствующие всегда виноваты*. Едва сказанной покровитель уехал из Лейпцига, как забыл *Федора Васильевича* и деланья ему обещания, да и столь совершенно, что на
39 все письма | его не отвечивал ему ни слова. Или ему низко было вступать в переписку с неравным ему состоянием; или благодарить надлежит за то Наукам, что среди обиталища их, различие состояний нечувствительно и взоров природнаго равенства не тягчит, и для того в Лейпциге *Ф.* . . . обходился с *Федором Васильевичем*, как с равным себе. И по истинне равен он был тебе, мразная душа, силами разума, но далеко превышал тебя добротою сердца.

Сие произшествие оставило на душе Федора Васильевича некую мрачность, которая пребыла с ним до кончины его; посеяло в | душе его справедливую недоверчивость к обещаниям, наипаче знатных, и понудило его вдаться еще более 90
учению, от коего единственные ожидал он себе отрады; в чем он и не ошибался. Ибо желание науки хотя не навсегда, но паки развеяло темноту грусти, и истинна светом своим награждала ему за его скорбь.

Признаться надлежит, что Ф... присутствием своим в Лейпциге и обхождением с нами возбудил как в Федоре Васильевиче, так и во всех нас великое желание к чтению, дав нам случай узнать книгу Гельвецеву о Разуме. Ф... тоlikое | пристрастие имел к сему сочинению, что 91
почитал его выше всех других, да других может быть и не знал. По его совету Федор Васильевич и мы за ним читали сию книгу, читали со вниманием, и в оной мыслить научались. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невежды, но Гельвеций конечно равнодушно не принял, узнав, что целое общество юношей в его сочинении мыслить (с) | училося. В сем отношении сочинение его немалую 92
может всегда приносить пользу.

Предоставленный сам себе, и полагая единственное упование на правосудие Государя своего, возчувствовал Федор Васильевич к предстателям мерзение. Он устремил все силы свои и помышления на снискание Науки, и в том было единственное его почти упражнение. Сие упорное прилежание к учению ускорило может быть его кончину. За год пред смертию приключилась ему болезнь, которая была, можно сказать, преддверием другой, введшей его во гроб. Употребляя действительныя и мощныя лекарства, он не покидал, 93
вопреки совету своего врача упражняться денно-ночно в чтении, и в сие время начал писать о книге Гельвецевой письма, коих найдены после него только касающияся до начала перьвой книги сочинения о Разуме. Упорным своим к учению прилежанием он остановил в крови своей смерто-

---

(с) Г. Грим в бытность свою в Лейпциге, извещен будучи с каким прилежанием мы читали Гельвецеву книгу о разуме, по возвращении своем в Париж сказывал о сем Гельвеции.

носной болезни жало, которое следующей весною возсвирепствовав снова, отверзло ему врата смерти.

Сие пишу я для собственного моего удовольствия, пишу для друга моего, и для того мало нужды мне, если кто на-
 94 скучит чтением сего, не нашед в | повествовании моем ни одного произшествия достойнаго памятника, и ради мерзости своя или изящности ради, равно блистающаго. Ибо равно имяниты для нас *Нерон* и *Марк Аврелий*, *Калигула* и *Тит*, *Аристид* и *Шемяка*, *Картуш*, *Александр*, *Катилина* и *Стенька Разин*; все славны, все живут на памяти потомства и не возмущаются тем, что о них мыслят. Не тревожился бы и всяк любящий человечество, если бы добрая или худая слава по смерти во что либо вменялась; но по нещастию всех, имеяй власть в руках, мало рачит о том, что о нем скажут живу ему сущу, и не помышляет ни мало |
 95 о том, что скажут о нем по смерти. Он ищет токмо ободрения своего самолюбия и стяжания своей пользы. Не тревожился *Юлий Кесарь* о том, что прослывет Государственным татем, когда похищал общественную казну, не тревожился *Ла*, что прослывет общественным злодеем вводя во Францию мнимое богатство, которое существовав одно мгновение, повергло часть Государства в нищету; не тревожился *Лудвиг XIV* в величании своем, оставит ли потомство ему титло великаго, которое в живых ему прилагало ласкательство; не боятся правители народов прослыть грабителями, налагая на сограждан | своих отяготительныя подати, ни прослыть убийцами своей собратии, и разбойниками в отношении тех которых неприятелями именуют, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воинов.

Сказав сие, может быть не к стате, я возвращусь к умершему нашему другу, и постараюсь отыскать в его деяниях то, что привлекательно быть может, не для ищущих блестящих подвигов в повествованиях, и с равным вкусом читающих *Квинта Курция* и *Серванта*, но для тех, коих души отверсты на любление юности. |

97 Нам предписано было учиться всем частям философии и правам, присовокупя к оным учение нужных языков, но *Федор Васильевич* думал, что не излишнее для него будет иметь понятие и о других частях учености, и для того имел он в разных частях учителей, платя им за преподавание их

собственные свои деньги. При сих способах для приобретения разных знаний, он надежнейшим всегда почитал прилежное чтение книг.

Сие разполагал он всегда соответственно тому, что преподаваемо нам было в коллегиях (d). | И так когда по общему школьному обыкновению, начали нас учить прежде всего Логике, то Федор Васильевич читал Арново искусство мыслить и основания философии С'Гравезанда, и соображая их мнения со мнениями своего учителя, старался отыскать истинну в среде различия оных. 98

Между разными упражнениями к приобретению знаний относящимися, Федор Васильевич отменно прилежал к Латинскому языку. Сверх обыкновенных лекций имел он особья. Солнце восходя на освещение трудов | земнородных, нередко заставляло его беседующаго с Римлянами. Наиболее всего привлекала его в Латинском языке сила выражений. Исполненные духа вольности сии властители Царей упругость своя душа изъявили в своем речении. Не льстец Августов и не лизорук Меценатов прельщали его, но Цицерон гремящий против Катилины и колкой Сатирик, нещадящей Нерона. Если бы смерть тебя не восхитила из среды друзей твоих, ты конечно, о бодрственная душа, прилепился бы к языку сих гордых островян, кои некогда прельщенные наихитрейшим из властителей, Царю своему жизнь отъяти покусились | судебным порядком; кои для утверждения благосостояния общественного изгнали наследнаго своего Царя, избрав на управление посторонняго; кои при наивеличайшей развратности нравов, возмеряя вся на бесах корысти, и ныне не редко за величайшую честь себе вменяют, противоборствовать державной власти, и оную побеждать законно. 99 100

Между разными Науками, коих основания алчная Федора Васильевича душа пожрать, так сказать, хотела вдруг, отменно прилепился он к Мафиматике. Сходствуя с разположением его разума точность сей науки услаждала его разсудок. | С какою жадностию он проходил все части сей в началах своих столь отвратительныя, так сказать, науки, 101

(d) В Немецких Университетах коллегиею называют собрание слушателей при преподавании какой либо науки.

но столь общепользительною в ея употреблении! Свойственно душе *Федора Васильевича* было мыслить, что огромнейшия в мире телеса, наиотдаленнейшия от нашего обиталища, коих единое наше зрение, сие наивластительнейшее и великолепнейшее из чувств наших, может постигать при вспоможениях человеком изобретенных, что сии малейшия точки во зрении, необъятныя в действительности громады, повинуются в течении своем изчислению. И как не возгордиться чело-
 102 веку во бренности своей | подчиняя власти своей звук, свет, гром, молнию, лучи солнечныя, двигая тяжести необъятныя, досягая дальнейших пределов Вселенныя, постигая и предузнавая будущее. Таковыя размышления побудили некогда сказать *Архимеда*: если бы возможно было иметь вне земли опору неподвижную, то бы он землю превратил в ея течении. Дай мне вещество и движение, и мир созижду, вещал *Декарт*. Таковыя размышления составили все системы о Мире, все правдоподобия о нем, и все нелепости.

За щастие почестъ можно, если удостоишься в течении
 103 жития своего беседовати с мужем в Мире прославившимся; удовольствием почитаем, если видим и отличившагося злодея, но отличным щастием почестъ должно, если сопричастен будешь беседе добродетелю славимаго. Таковым щастием пользовались мы хотя не долгое время в Лейпциге, наслаждаяся преподаваниями в словесных науках известнаго *Геллерта*. Ты не позабыл, мой друг, что *Федор Васильевичъ* из всех нас был любезнейший *Геллертов* ученик, и что удостоился в сочинениях своих поправляемъ быть сим славным мужем. Малое знание тогда Немецкаго языка лишило нас поль-
 104 зоваться его наставле|ниями самым действием; ибо хотя мы слушателями были его преподаваний, но недостаток в знании Немецкаго языка препятствовал нам равняться с *Федором Васильевичем*.

Вращаяся всечасно между разными предметами разумения человеческого, не возможно было, чтобы в учении разум *Федора Васильевича* пребыл всегда, так сказать, страдательным, упражняяся только в изследовании мнений чуждых. Но в сем то и состоит различие обыкновенных умов от изящных. Одни приемлют все, что до них доходит, и трудятся
 205 над чуждым изданием, другие укрепив природныя силы своя учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются

в неизвестных и непроложенных. Деятельность есть знаменующая их отличность, и в них то сродное человеку беспокойствие становится явно. Беспокойствие произведшее все что есть изящное и все уродливое, касающееся обоюдно до пределов даже невозможного и непонятного, возродившее вольность и рабство, веселие и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихии, родившее мечтание и истинну, ад, рай, сатану, бога. |

Федор Васильевич упражняяся в размышлениях о вещах, видел возраждающихся в разуме его мысли отличныя новостию своею от обретаемых им на пути учености, и для того не мог оставаться в бездействии. Скоро подан был ему случай испытать свои силы в изображении связию своих мыслей. Ежегодно бывал нам экзамен, или испытание о приобретениях наших в учении. Сколь много все таковыя испытании имеют смешного, и цели для коей они уставлены недосязуащого, всяк ведающий о них до пряма, признается. Не редко тот, кто более всех знает, почитается невеждою и ленивым, хотя | трудится наиприлежнейше и с успехом. Но тем экзамены полезны, что возбуждают тщеславие и устремляют учащагося отличатья пред сотоварищами своими: но дабы и в сем случае не возбуждать тщеславия безуспешно, то нужно, чтобы таковыя испытании не были редки, дабы возникшая страсть в обыкновенных душах не угасала. Для назначенных же перстом всевечным к безсмертию в посторонних подстреканиях любочестия нужды нет. Они сами в себе довольно имеют ко стяжанию славы побуждения, и хотя оныя не безкорыстны, но умовенны всегда в благом источнике. |

По прошествии трех лет обязаны мы были к наступившему для нас времени на испытание, показать наши успехи в учении, представя письменно связь мыслей о какой либо материи. *Федор Васильевич* избрал для сего наиважнейшие предметы, до человека касающиеся в гражданском его отношении.

Человек живущий в обществе под сению законов для своего спокойствия, зрит мгновенно силу общую, до днесь ему покровительствовавшую, возникающую на его погубление. Друзья его до сего дня, сограждане его возлюбленные, становятся его враги, преследуют ему, и рука сильнаго подавляет слабаго, томит его в оковах и темнице, отдает его

на поругание и на смерть. Что может оправдать таковое свирепство? Сие то намерен показать *Федор Васильевич* в сочинении своем, разыскав следующие задачи:

1. На чем основано право наказания?
2. Кому оно принадлежит?
3. Смертная казнь нужна и полезна ли в Государстве?

Цель, для коей он писал сие, не позволяла ему разпро-
 110 стр|аниться: но все что можно сказать в оправдание несчаст-
 наго права казни и все что может ее представить
 вероятно справедливую, того *Федор Васильевич* не проро-
 нил. Связь его мыслей есть следующая.

Показав, что человек ощущая себя слабым на удовле-
 творение своих недостатков в единственном положении, сле-
 дую чувствительному своему сложению, для сохранности
 своей вступает в общество. Дабы общество направляемо
 было всегда ко благому концу, условием изъяснительным или
 предполагаемым поставляется власть могущая сие произво-
 дить и отвращать зло, которое бы могло причинено быть
 111 обществу. Лице власть сие имеющее, именуют | Государем
 в единственном и соборном лице. Следственно тот, кто
 долг имеет пещися о благе общества, имеет право не до-
 зволять и препятствовать вредить ему; следственно что тот,
 кто поставляет власть для своего блага, согласуется повино-
 ваться и ея прещению, когда деянии его от благой цели
 устраняются. Показав, что при определении наказаний иной
 цели иметь не можно, как исправление преступника или
 действие примера для воздержания от будущаго преступле-
 ния, *Федор Васильевич* доказывает ясными доводами, что
 смертная казнь в обществе не токмо не нужна, но и без-
 112 полезна. Сие ныне почти обще|приемлемое правило утвер-
 ждает он примером России. Я не намерен преследовать *Фе-
 дору Васильевичу* в разсуждениях его. Изображая их здесь,
 могу или отъять силу его доводов, или только оные раз-
 пространить без нужды. Тому и другому предварить можно,
 читая его сочинение, которое ясностию мыслей, краткостию
 слога и твердостью доводов заставит всякаго потужить
 о безвременной кончине Сочинителя на двадцати третьем
 году его возраста.

Опричь малаго сочинения о любви, и писем о *Гельвецевой*
 книге о *Разуме*, ничего более не найдено в бумагах *Федора*

Васильевича. Выписки из многих книг, хотя без связи, дока- 113
зывают, что он располагал свое чтение со вниманием. Кто
может определить, что с ним потеряло общество? опреде-
лить могу я, что потерял друга: но если судьба позавидо-
вала тогда моему блаженству, наградила она меня с избыт-
ком, дав мне, мой друг, тебя.

Последнее время жития своего среди терзания болезни,
и грусти, от нея рождающейся, *Федор Васильевич* не забыл
учения, и разве изтощение сил отвлекало его от упражнения
в науке. На конец наступило время, когда почувствовал он |
совершенное сил своих изнеможение. За неделю еще пред 114
кончиною своею ходил он с нами на гулянье и наслаждался
еще беседою любящих его, но силы его ослабев принудили
лечь в постелю. Надежда, сие утешительное чувство в че-
ловеке, не покидала его; но за три дни до кончины своей
почувствовал он во внутренности своей болезнь нескazan-
ную, конечное разрушение тела его предвещающую. Не
хотел он пребыть в неведении, призвав своего врача, на
искусство коего он справедливо во всем полагался, просил
его прилежно, да объявит ему истинну, есть ли еще возмож-
ность дать ему облегчение, | и да не льстит ему напрасно 115
надеждою изцеления, буде само естество положило уже
тому преграду. „Не мни, вещал зрящий кончину своего
шествия, томным хотя гласом, но мужественно; не мни,
„что возвещая мне смерть, востревожишь меня безвременно,
„или дух мой приведешь в трепет. Умереть нам должно;
„днем ранее или днем позже, какая соразмерность с вечно-
„стию!“

Долго человеколюбивый врач колебался в мыслях своих,
откроет ли ему грозную тайну, ведая, что утешение стражду-
щего есть надежда, и что она не покидает человека до по- 116
следняго издыхания. Но, видя упорное желание в больном
ведать истинну о своей болезни, и понимая его нетрепетность,
возвестил ему, что силы его не более одних суток проти-
виться возмугут свирепости болезни, что завтра он жизни
не будет уже причастен.

Случается, и много имеем примеров в повествованиях,
что человек, коему возвещают, что умереть ему должно,
с презрением и нетрепетно взирает на шествующую к нему
смерть во сретение. Много видали и видим людей отъем-

117 лющих самих у себя жизнь мужественно. И по истинне нуж|на
неробость и крепость душевных сил, дабы взирати твердым
оком на разрушение свое. Но страсть действовавшая в умира-
ющем без болезни, пред кончиною его живет в нем до
последняя минуты и крепит дух. Нередко таковой зрит и
за предел гроба, и чае возродиться. Когда же в человеке
изтощением сил телесных истощаются и душевныя, сколь
трудно укрепить дух противу страха кончины, а тем паче
тому, кто нисходя во гроб, за оным ничего не видит.
Сравни умирающаго на лобном месте или отъемлющаго
у себя жизнь насильственно с умирающим нетрепетно по
118 долговре|менной болезни на одре своем, и скажи, кто муже-
ственнее был, испуская дух бодрственно?

Услыша приговор свой из уст врача, *Федор Васильевич*
не востревожился ни мало, но взяв руку его, „нелицемерной
„твой ответ, сказал он ему, почитаю истинным знаком
„твоя дружбы. Прости в последний раз и оставь меня“.

Удостоверенный в близкой кончине своей *Федор Василье-
вич* велел нас всех позвать к себе, да последнюю совершит
с нами беседу. „Друзья мои, вещал он нам, стоящим около
119 „его постели, час приспел, да раз|танемся; простите, но
„простите на веки“. Рыдающих облобызал, и не хотев более
о сем грустити, выслал всех вон.

Осмнадцать лет уже совершилося, как мы лишился
Федора Васильевича, но мой друг, сколь скоро вспомню
о нем, то последнее его с нами свидание столь живо суще-
ствует в моем воображении, что то же и днесь чувствую, что
чувствовал тогда. Сердце мое толико уязвлено было тогда
скорбью, что впоследствии ни изступление радости и утех,
ни величайшая печаль потеряннем возлюбленной супруги не
изтребило чувствование прежняя печали. |

120 Спустя несколько времени он призвал меня к себе, и вру-
чил мне все свои бумаги. „Употреби их, говорил он мне,
„как тебе захочется. Прости теперь в последний раз; помни,
„что я тебя любил, помни, что нужно в жизни иметь правила,
„дабы быть блаженным, и что должно быть твердо в мыслях,
„дабы умирать безтрепетно“. Слезы и рыдание были ему
в ответ, но слова его громко раздалися в моей душе, и не-
загладимою чертою ознаменовалися на памяти. Поживут оне
всецелы, доколе дыхание в груди моей не исчезнет, и не-

охладеет в жилах кровь. Дажь небо, да мысль присудственна | мне будет в преддверии гроба, и да возмогу важное сынам моим оставить наследие, последнее завещание умирающего вождя моя юности, и живаго да оставлю им в вожди друга любезнейшаго, друга моего сердца, тебя. 121

Что после сего последовало, тебе мой друг, более известно, нежели кому другому. Ты последние часы был при нем безотлучен, ты был свидетелем последняго вздымания его груди. Скажи, мой друг, почто и я тут не был. Или слабость моего здоровья, или нетвердость духа, или какая другая причина отлучила меня от умирающаго и запретила мне видеть | последния черты его жизни, и прехождение ея во смерть. Но ко всем сим причинам совокупно было и недозволение на то умирающаго. Или столь мал был жар дружбы в сердце моем, что я не преступил его веления. О мой друг! в минуты благоденствия, когда разум ни чем не упрекает сердце, мысль сия тягчит меня, и я мал становлюся перед собою. 122

Предвещание врача начало совершаться. Доселе нечувствительным покатом состав жизни спускался ко смерти, но вдруг она повлекла его всесильною рукою. За несколько часов пред кончиною *Федор Васильевич* почувствовал во внутренности своей болезнь несносную, возвещающую ему отшествие жизни. Доселе уста его не испускали жалобнаго стона, но скорбь одолев сопротивлением, страждущий вскричал содрагающимися гласом. Знаки антонова огня внутренность его обьявшаго начинали казаться на поверхности тела; в окрестностях желудка видны были черныя пятна. Терзаемый паче всякаго изтызания, суеверием или мучительством на казнь невинности изобретаемаго, прибегнул *Федор Васильевич* к тебе мой друг, да скончаешь его болезнь, болезнь, а не жизнь скончати называю, ибо врата кончины ему уже были отверсты. | Тебя, мой друг, просил он да будешь его при издыхании благодетель, и дашь ему яду, да скоро пресечется его терзание. Ты сего не исполнил, и я был в приговоре, да не исполнится требование умирающаго. Но почто толика в нас была робость. Или боялися мы почестся убийцами? Напрасно; не есть убийца избавляяй страждущаго от конечнаго бедствия или скорьби. Друг наш долженствовал умереть, и час врачом был ему назначен по нелживым признакам, то не все ли равно было для нас, 123 124

что болящий скончает жизнь свою мгновенно, или продлится
 125 она в нем на час еще един; но то не равно, что продолжит^{ся}
 в терзании несносном. Мы потерять его были уже осуждены.
 Скажет некто, что врач мог ошибиться. Согласен; но боля-
 щий не ошибался в мучении своем, и прав был желая скон-
 чания онаго, а мы не правы, дав оному продолжиться.

Мой друг, ты укосил дать помощь *Федору Васильевичу*,
 но не избавился вперед может быть от требования такого
 же рода. Если еще услышишь глас стнящаго твоего друга,
 если гибель ему предстоять будет не обходимая и воззову
 к тебе на спасение мое, не медли о любезнейший мой; ты
 126 жизнь несносную скончаешь, и дашь отраду | жизнию гнушае-
 мую и ее возненавидевшему.

Наконец естественным склонением к разрушению, пресека-
 лась жизнь *Федора Васильевича*. Он был и его не стало.
 Из миллионов единый изторгнутый, не приметен в обраще-
 нии миров. Хотя не можно о нем сказать во всем простран-
 стве, как некогда *Тацит* говорил о *Агриколе* и *Даламбер*
 о *Монтескью*: „конец жизни его для нас был скорбен, для
 „отечества печален, чуждым и даже неизвестным не без при-
 „скорбия“. Но то скажу справедливо, что всяк, кто знал *Фе-*
 127 *дора Васильевича*, жалел о безвременной его | кончине, тот
 кто провидит в темноту будущаго и уразумеет, что бы он
 мог быть в обществе, тот чрез многие веки потужит о нем;
 друзья его о нем восплакали; а ты если можешь днесь вни-
 мать гласу стнящаго, приинки о возлюбленный к душе
 моей, ты в ней увидишь себя живаго.

Конец первой части.

★

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗМЫШЛЕНИИ

1. О ПРАВЕ НАКАЗАНИЯ И О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

2. О ЛЮБВЕ

3. ПИСЬМЫ О ПЕРВОЙ КНИГЕ *ГЕЛЬВЕЦИИЕВА* СОЧИНЕНИЯ, О РАЗУМЕ

131 РАЗЫСКАНИЕ СЛЕДУЮЩИХ ВОПРОСОВ

1. На чем основывается право наказания?
2. Кому оное право принадлежит?
3. Смертная казнь нужна ли и полезна ли в Государстве,
 то есть в обществе людей законами управляемом?

Прежде разыскания сих вопросов надлежит определить смысл понятия о наказании. Я под оным разумею зло, соделываемое начальником преступнику закона. Дав таковое изъяснение мне надлежит кажется рассмотреть человека, | как-ков он произведен природою, не коснувшись общества, дабы яснее определить, на чем основывается право наказания. Сие то я и намерен разыскать столь кратко, сколько то возможно, по существу самой вещи и по намерению сего сочинения. 132

Если мы вообразим первенственное состояние человека, состояние равенства и независимости, то узрим его самовластным судиею своих определений. Если мы рассмотрим его существо, то найдем его одаренного понятием, (то есть свойством составлять идеи и оные сравнивать) и физическою или телесною чувствительностию. Поня|тие делает его удобным ко блаженству, то есть определять хотение свое сходственно со своим благосостоянием; телесная чувствительность повещает ему о его надобностях, и показывает ему способы удобнейшие к удовлетворению оным. Любовь самага себя или своего благосостояния, есть основание всех человеческих деяний. Сие чувство природою в нас впечатленное есть всеобщее, и для того не требовало бы доводов, но случается, что наипростейшия и яснейшия истинны подвергаются иногда сомнениям. Для того я дам оному доказательство, на самом существе нашего понятия основанное. | 133

Всякое понятием одаренное существо имеет чувство о своем существовании, ибо кто чувствует, тот не может быть безчувствен. Следственно он может предпочесть состояние пребывания другому состоянию пребывания, то есть почитать одно счастливее другаго: но предпочитать одно состояние другому есть то же, что определять свое хотение и избирать состояние пребывания, щастливейшим почитаемое-суть одинаковыя вещи. Из сего следует, что все права и должности человека из сего произтекают начала, и все оному без изъятия суть подчиненны. Оттуда право защищать себя или отвращая обиду, или | награждая ущерб, или предупреждая своего злодея, если случится быть в грозящей опасности, или уверенному о злодейском намерении своего противника. Ибо имеющий право к цели, имеет неотменно право к способам по-зволительным; и так старание о своей сохранности, будучи 135

средством необходимым для пребывания во благосостоянии, есть право нераздельное от человека. Доселе понятие о наказании исчезло для того, что оно предполагает начальника, истребляет понятия естественныя свободы, а потому и равенства. Но сие состояние независимости и равенства, столь прекрасное
 136 в воображении, не | могло продлиться в следствие несовершенства человека. Слабость младенчества, немощь старости, природная склонность человека к самовластию, непрестанная боязнь да не подвергнется насилиям могущественнейших, словом препятствия, сохранности каждаго в естественном состоянии вредящия, превзошед своим сопротивлением силы употребляемыя каждым для пребывания в сем состоянии, люди принуждены стали пременить внешнее состояние их жития. Но как они не могли произвести новых сил, а совокупить и соединить токмо имевшия; то надлежало установить
 137 общество, где каждой подвергался верховно|му вождению Государя, и менял свою природную свободу, силами каждаго ограниченную, на свободу гражданскую, в житии по законам состоящую. Разсмотрим теперь человека в сем новом положении и начнем объяснением существа Государств.

Народ есть общество людей соединившихся для снискания своих выгод и своея сохранности соединенными силами, подчиненное власти в нем находящейся: но как все люди от природы суть свободны, и никто не имеет права у них отнять сея свободы, следовательно учреждение обществ предполагает всегда действительное или безмол|вное согласие. О сем
 138 иные сомневаются, почитая народ собранием единственников. Но оно представляет нравственную особу, общим понятием и хотением одаренную, и для того права и обязанности иметь могущею; следовательно можно ей сделать обиду.

Общество так сложенное долженствовало помышлять о таком средстве, которое бы положило всем онаго членам необходимость направлять все их деяния сходственно с общим благом: для того то люди пременяя образ своего бытия не пременяют своей природы, и злодеяния принудившия их
 139, соста|вить общество не истребились бы, беспорядок остался бы и разрушение Государства последовало бы непременно. Но как скорбь и отвращение от зла и притяжательность веселия суть равно всеобщии, то ясно следует, что наидействительнейшее средство подчинить частное хотение хотению

всеобщему, и принудить граждан поступать только сходственно с намерениями законоположника, есть учреждение награждений и наказаний. Я пред сим доказал, что общество не может быть разве действительным или безмолвным согласием всех единственников. А как установление наказаний есть средство необходимое | для содержания порядка и для 140 направления деяний каждого сходственно с общим благом, то ясно, что начало права наказаний основывается на их согласии, ибо кто желает цели тот желает и средства.

Некто возразить может: определяя волю свою к цели блаженства, возможно ли, чтоб человек условился на предосудительное своему благосостоянию? Ответствую: 1) вступая в общество никто не мнит о себе, что будет нарушитель закона, а тем общественный злодей; но каждый обязуясь жить по законам, никто из оных не исключен, и сие никому не предосудительно. 2) Всяк властен | вдать опасности 141 не токмо несколько своих прав, но и самую жизнь для сохранения оной. В таковом деянии человека выбор стремится к цели своя выгоды, ибо меняет он зло действительное и настоящее, на зло будущее, от коего он легко уклониться может. Сии разсуждения влекут заключения, что человек, обязуясь терпети зло начальником его ему соделоваемое за преступление закона, ничего не терпит, но паче выигрывает; следственно действие сие стремящееся единственно к его сохранности есть законно и твердо.

Положив основание праву наказания я могу приступить к | решению втораго моего вопроса, то есть, кому принадле- 142 жит право наказания. А понеже сия задача есть дальнее токмо следствие первой, то довольно будет, если утвержу оную одним простым доводом не входя в дальнейшее разсмотрение.

Состав каждого правления требует Государя, или вождя, который бывает нераздельною или соборною особою, одаренною верховною властью для направления всех единственных воль и сил к общественному благу. А как сохранность народа и содержание добраго порядка суть первые предметы его попечения, чего без учреждения наказаний | и награждений 143 приобрести не можно; то ясно следует, что право наказания принадлежит единому токмо Государю, право, которое он может вручить нижним властям. Но они суть токмо исполни-

тели вышняя воли Государя, законами определенной и пересуду неподверженной.

Я приступлю теперь к последней задаче. Вопросается: смертное наказание полезно ли и нужно ли в обществе? Для решения сего надлежит рассмотреть цель наказания вообще.

Цель Законодателя при учреждении наказаний есть сох¹⁴⁴ранность | граждан, утверждение законнаго владения их имений, предварение природныя склонности человека присвоить все что может взять невозмездно, наконец приведение к должностям уклонившихся от оных. Отсюда изтекает примерное наказание стремящееся к отвращению от незаконных, и злых дел всех ведающих о болезнях, злодеями претерпеваемых. Иные отмечают исправление, которое ничто иное есть как средство к приведению преступника в самого себя истязанием; средство к произведению в душе истиннаго раскаяния и отвращения от злых дел. Дру¹⁴⁵гие мнят быти возмездно состоящему в соделании | зла за зло. Сомневаюсь, чтоб те были правы, а докажу, что сии конечно ошибаются.

Представим себе Государство нравственною особою, а граждан онаго ея членами. То можно ли подумать, что человек раздробивши себе ногу восхотел бы воздать зло за зло, и преломить себе другую. Положение Государства есть сему подобно. Все действия Государства должны стремиться к благосостоянию онаго; а награждать злом за зло есть тоже что невозвратное зло себе соделать. Желать себе зла, противно существу общества, и таковое действие предпола¹⁴⁶гает безу|мие, но безумие права не составляет. Следовательно таковое действие ни есть законно, ни полезно, а потому и не возможно; да и полагающие возмездие кажется похожи на последователей системы *безпристрастной свободы*, которые утверждая что *хотение есть хотение* и что *хочу, для того что хочу*, приемлют очевидно действие без причины.

Отмечающие исправление основываются на невозможности судить об оном и определить время, когда преступник придет в себя. Суд, говорят они, объемлет внешния токмо действия; никто не судит о намерении, и Законодатель не может пецдися о исправлении. |

147 Дабы ответствовать с точностию на сие заключение надлежит сперва разыскать, может ли человек исправиться?

Для сего рассмотрим его в себе самом, и спросим природу. Человек рождается ни добр ни зол. Утверждая противное того и другого надлежит утверждать врожденные понятия, не бытие коих доказано с очевидностию. Следственно злодеяний не суть природны человеку; следственно люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся, а опыты нас удостоверяют, что многие люди повиновались нещастному соитию странных приключений. Если же человек случайно бывает | преступником, то всяк может исправиться. Если он по- 148-
винуется предметам его окружающим, и если соитие внешних причин приводит его в заблуждение, то ясно, что отъемя причину другия воспоследуют действию. Сверх же того дабы доказать, что исправление не возможно, надлежало бы определить силу злобы потребной в преступнике для соделания действия запрещенного законами. А как может оное быть? Творец действия иногда не ведает сам побуждений его влекущих, то есть что он не ясно видит соитие обстоятельств побудивших его к действию. Если же не возможно положить явнаго предела | исправлению, если же на против 149-
того очевидно, что человек может исправиться, и что люди разиствуют токмо в количестве; то не справедливо ли будет в сем случае клониться к большей вероятности. Сие то я и намерен рассмотреть восходя от действия ко причинам.

Представим себе человека на несколько степеней страсть имеющаго, и совсем к добродетели равнодушнаго: добродетелию я называю навык действий полезных общественному благу. Таковой человек столь же непременно впадает в злодеяние, как брошенный камень падает | на землю. Решить 150-
должно, можно ли сего человека исправить? Злодеяние в человеке рождается от притяжания веселия и от глупыя надежды безвозмездия, отчего должно воздерживать его болезнию. Злодей уличенный в своем злодеянии осуждается на потерянность своя свобода. Утрата невозвратимая, все превосходящая, а паче для человека просвещеннаго. Вринутый в глубокую темницу и в снедь скуке, отчаяние объемлет его душу; за оным следует ярость на свое непроворство. Ибо трудно неистовству признаться виновным, но немощь соделати зло превращает, так сказать, естество его хотения, равно как невозмож|ность удовлетворить желанию оное изстребляет. До- 151-
шед до сея степени, он себя разсматривает; а разсуждение

человека о известных обстоятельствах всегда бывает справедливо, если разум его не ослеплен страстию. Здесь все его страсти утихли или настоящим страданием, или воображением отсутствия всех веселий. Он познает свое злодеяние. И можно ли, чтоб он его не познал? Если человек наикрепчайший колеблется, если *Катон*, если *Брут*, сии строгие стоики 152
возмогли подвигнуться и пременили намерение, то какой смертной не пременится? К тому ж мы охотно последуем в разсуждениях другим | людям, дабы избавиться трудности изследования угождая природному человека недействию, или повинуюся общественному разсуждению. Тако преступник, зря себя покрыта безчестием и срамотою, у всех в презрении, един среди всех, и преданный себе самому, прибегает к раскаянию, яко к единой несчастных отраде, которая по истинне сильнее, нежели думают.

Но преступник, скажут мне, может затвердеть во злодеянии, он может даже нечувствителен быть к болезни, которую ощущает. Сие невразумительно; но раскаяние, кое неиз- 153
бежно, производит непременно отвращение к дей|ствиям приведшим в раскаяние, а телесная болезнь делает оныя ужасными. Несчастный чрез долгое время навывший с ужасом взирать на прошедшия свои дела отвращается от злодеяния, а впечатление сие всегда и непрерывно пребывающее столь привычно ему станет, что от единыя мысли злодеяния вострепещет. Если все люди имеют свойство соединять и одинаковыми предметами одинаковыя мысли, и воображать нераздельными идеи, кои они в одно имели время, так что одна не может возбудиться без другой; если привычка другая 154
есть природа, коли не первая, как то думает *Гельвеций*, | и если чувствование скорьби сильнее по себе оставляет впечатление, нежели чувствование мысленным воображением познаваемое, то я могу утверждать, что в человеке степени порока пременяются в десять лет во столько же степеней добродетели. Дабы смертная казнь производила свое действие, нужно чтобы преступления были всечасны; ибо каждое примерное наказание предполагает вновь сделанное преступление; желать сего есть то же, что хотеть, чтоб самая та же вещь, была сама по себе купно и другая вещь в одно время, следовательно желать противоречия.

Но скажет некто, если телесныя болезни смерти пред- | 155
 шествующия сильнее всего в человеке действуют, то надле-
 жит прибегнуть к изысканным казням? Признаюсь, что
 оне весьма чувствительно и сильно действуют; но и то
 известно, что они преходящия токмо доставляют выгоды, и
 сие то думаю доказывает их бесполезность. Какое зверство,
 какой ужасный вымысел в казнях при *Калигуле, Нероне,*
Диоклитиане! какое на против того наблюдение в сохране-
 нии жизни граждан во время республики. Различие в сии вре-
 мена во нравах относится всегда к похвале народного пра-
 вления. Сие и доказывает, что не жестокость казни удержи-
 вает преступника | или предваряет преступление, но мудрое 156
 Законоположение и соединение общей корысти с частными
 корыстями, поелику то возможно. Свирепость наказаний по-
 казует всегда народное повреждение и причиняет избежание
 казни, а надежда укрыться от оныя умалает ея действие и
 возпрещает жертвовать злодейским но настоящим веселием.
 Владычество привычки есть всеобщее над человеком, и яко
 веселие исчезает продолжением, тако поражение теряет свою
 силу частым повторением. Избраннейшая казнь теряет свое
 действие и становится наконец бесплодною; как же сораз-
 мерить наказание преступлению? В телесном и | нравственном 157
 Мире все имеет свои пределы, естество человеческое имеет
 также свой предел во зле и благе; то ясно, что полагая изы-
 сканныя казни надлежит на чем нибудь остановиться. Тут
 будет несоразмерность наказания с преступлением; будет
 сие не правосудно, а потому сумазбродно.

Понеже ясно, что смертная казнь никогда долговремен-
 наго не производит впечатления, и поражая сильно и мгно-
 венно души бывает теми недействительною; понеже жестокость казни становится вредною непременно ради следствия
 своя бесполезности; то я могу заклю|чить, что смертное на-
 казание не может быть ни полезно, ни нужно в Государстве. 158

Положив сие начальное правило, и устремляя вниматель-
 ное око на сложение Государств и на обряд уголовных дел,
 я покажу два опасных следствия смертныя казни. Образ
 всякаго правления влечет за собою неравенство имений. Мо-
 нархическое тем и существует, Аристократическое онаго от-
 вергнуть не может, в Демократическом хотя бы надлежало быть
 равенству имений; но судя с точностию не может быть истин-

159 ной Демократии, и сие правление приличествуя токмо весь|ма малым и бедным Государствам, не может и по мнению *г. Руссо* сделать народа счастливым, по склонности своей к возмущениям. Опыты всех веков и настоящее Государств состояние доказывают невозможность равенства имений. А неравенство оных производит с одной стороны нищету, а с другой роскошь; сего ради могу я сделать положение, что в двадцати миллионах жителей найдется по самой крайней мере двести в крайнее убожество поверженных: едва возмогут они добыти дневную пищу, и жизнь не пременно будет им в отягощение.

160 Они восхотят оной лишиться; закон им доставит сие | благоденствие, котораго удостоятся они злодействами; и се уже двести преступников укрепленных мгновением казни, и надеждою нескольких годов услаждения.

Второе следствиё ужаснее перваго, истекает из обряда уголовных дел. Люди определяют наиважнейшия действия своей жизни по нравственной ясности; следственно и знаки преступление утверждающие, на оной же должны основываться: но и по мнению самого Творца книги о *преступлениях и наказаниях* нравственная ясность ничто иное

161 есть как наивеличайшая вероятность; а как нет вероятности, коея бы противоположность не была | возможна, то заключаю, что со всеми осторожностями в осуждении преступления можно ошибиться и осудить невиннаго, и что бывают случаи, коих истинна едва чрез долгое течение времени отвергается. Ибо какой человек почтется преступити не могущим? Невежество судии введет его в погрешность, сребролюбие повредит его правоту, отеческая нежность, любовь сыновняя, предстательство вельмож, долговременное дружество и многия малыя сим подобныя, причины, не возмогут ли его обольстить, и не преступит ли он власти своей на судилище?

Разсмотрим свидетельство. Хотя и говорят, что вера ко | свидетелю возрастает по мере умаления его корысти: но

162 можно ли назначить предел, где корысть исчезает; может ли кто проникнуть в тайныя излучины сердца человеческого? Или нет уже более душ низких и подлых, всегда личиною прикрытых, и тем наименование честных людей приобретших, прельщенных или обоязненных, и того ради на ложное свидетельство готовых? Из сего заключаю, что приговор на сви-

детельстве основанный подвержен заблуждению. Признаюсь, что таковые случаи суть редки, но единая их возможность приведет в ужас сердце праведное, и от вопля невинного в бедствии содрогатися обыкшее; а если бывают случаи, в 163
коих можно предположить, что невинность разве чрез долгое течение времени открывается, и если опыты доказывают, что часто невинные сопреступниками вменялися и казнены смертию, то благоразумно и праведно иметь готовое всегда средство скончавати мучение невинных жертвы, а смертная казнь не есть средство таковое.

Сии причины, царствование императрицы Елисаветы Петровны и опыты всех времен доказующие, како смертное наказание не послужило к удобрению человека, побуждают меня заключить, что установление сей казни, со всем в Государстве бесполезно, да и казнить смертию для примера надлежит только того, кого без опасности сохранить не возможно. Я тем более подвизаюся на сие разсуждение, что известно, что люди разполагают свои деяния по повторяемому действию зол им известных, а не по действию зол им неведомых. 164

Сим образом исправленный, и вышшим правосудием освобожденный чувствует преисполненна себя благодарностию: но живо чувствующий благодетяние, старается явить признание онем; всяк хочет быть почитаем, и скорбит зря себя в презрении. И так желание почтения и скорбь презрения произведут в преступнике стремление ознаменитися, да будет общественного почтения достоин, да воздаст, так сказать, за худыя свои дела, и да погрузятся они в вечное забвение. Тако во Греции воины избавившиися смерти бегством, храброму мужу всегда постыдным, но срамом и стыдом покрытые бывали всегда в последующее время наизнаменительные; следственно бывает предел довольно известный, где виновный почестся может обратившимся к должности своей, то не достойно ли осем наистрожайше изследовать? Сердце мудраго Законодателя не источит ли кровь, наказуя невинного. Ибо наказание исправившагося преступника есть заклание невинных жертвы. 165

Я не намерен разпространять силу сего заключения на убийцов. Жребий нарушителю договора и общественному злодею есть смерть гражданская. Ибо несть свято, несть 166

ненарушимо паче жизни гражданина. Я думаю однако же, что по оному заключению могу судить о воровствах и о других меньших преступлениях, назначая токмо некоторые пределы, да не войду в скучныя подробности. Если бедность, ¹⁶⁷ столь всегда близ|ко преступления, ввела человека в заблуждение: если стремление страстей юности, всегда буйственной, но всегда гибкой винуло его в преступление; то не побудит ли сие мыслить благосклонно о преступнике? Следовательно, кажется, не можно с основанием исключить исправление из намерений Законодателя.

Мы видели, что предметы установления наказаний суть или средства воспретить преступнику впредь вредить обществу, или пример для других, да отвратятся от соделания подобных злодеяний, или наконец исправление. ¹⁶⁸ Дабы решить теперь, полезно ли, и нужно ли в Государ|стве учреждение смертныя казни, рассмотрим каждой из сих предметов особо.

1. Я уже показал, что исправление неотменно входит в разположение Законодателя, понеже совершенное разрушение вещи изстребляет понятие о исправлении; ибо отъемляй жизнь у преступника разрушает его бытие, его истребляет: то заключаю, что в сем случае смертная казнь предосудительна.

2. Предварить, что бы преступник впредь не вредил обществу, для сего надлежит сделать его только немощ|ным. ¹⁶⁹ Темница для сего избыточна. Следует, что в сем случае смертная казнь не нужна.

3. Наказание для примера отвратить от подобных преступлений согражданина виновнаго; для сего надлежит изыскать наказание, которое бы сильнее, действительнее и продолжительнее душу поражало. Обыкновенно думают, что законная смерть оставляет по себе впечатление наисильнейшее, или действительнейшее, или долговременнее пребывающее. О сем я сомневаюсь, и вот тому вина. |

¹⁷⁰ Смерти всегда предшествует болезнь, жизни сопутствуют всегда какия нибудь веселии. К жизни мы следовательно прилепляемся ради страха болезней и вожделения веселий. Чем жизнь блаженнее, тем страшнее оную оставить. Оттуда ужас в смертный час в довольствии живущих. На против того, чем жизнь несчастнее, тем меньше желают лишиться оной. Оттуда нечувствительность нищаго в ожидании послед-

ного часа. А если любление бытия основано на страхе болезни и вожделении веселия, то следует, что желание быть счастливым, сильнее в нас, нежели желание быть. Следует, что пренебрежение жизни | есть заключение изчисления, доказующаго нам самим, что лучше не быть, нежели быть несчастным. Сей довод не есть воображение умозрительства, но токмо обществование произшествий на опытах людей мудрых и людей мало просвещенных основанное, что и доказывает онаго общственность. Не с охотою ли Катон отъял у себя жизнь из любви к Отечеству? Суевола влекомый корыстию общаго блага не подвергался ли не токмо смерти, но и острейшей муке? Не терпел ли Регул наижесточайших мучений, да исполнит свое обязательство? Я не могу сравнить с сими великими людьми сих злодеев, | сих извергов природы, суеверием упоенных и обагривших руки свои в крови Царей своих, и толико же безумных убийцов. Сие доказательство довольно кажется заключительное утверждает, что смертная казнь не с наибольшею действительностию поражает разумы, и что впечатления ея не наисильнейшия суть; по крайней мере они не во всех равны бывают, а потому не будучи наисильнейшия, да и всегда мгновенныя, не могут конечно быть действительными. 171

Но положим, что оныя впечатления суть наисильнейшия, как то они суть в самом деле во всех неимеющих великих страстей ни к добру ни ко злу, коих число конечно в каждом Государстве велико, то утверждаю, что тем самим оне и вредны: ибо чем поражение сильнее, тем кратче оно бывает. Правда, что оно объемлет все наши душевныя силы, но они подобны изящной музыке; ея действие мгновенно нас восхищает, мгновенно и исчезает. Тогда престает соображение и человек в совершенное погружается забвение. Смертная казнь удивляет, но не исправляет; она укрепляет, но не трогает; но впечатление медленное и продолжительное оставляет человеку полную власть над собою. Он соображает, сравнивает; | следовательно сие впечатление по существу своему есть действительнее, и тем полезнее. А если продолжительное впечатление глубокия в сердце человеческом оставляет черты, то долженствует следовать, что оно действует на человека сильнее. В таковых обстоятельствах был Александр Великий в разсуждении Филота, единого из пер- 173 174

вейших своих Полководцев, ближайшего своего друга и сына *Парменионова*, великим войском тогда предводительствовавшего; таков же был случай *Генриха IV* в разсуждении *Бирона*. Обличенные оба в оскорблении величества (то есть в наивеличайшем преступлении, ибо великость она|го измеряется всегда вредом Государству от того производящим), но оба могущественны, не можно было по мнению моему их сохранить без опасности. Сие может быть единое изъятие, а изъятие правила точность онаго доказует. Присовокупим к сему: дабы наказание было справедливо, надлежит оному иметь токмо достаточную силу, для отвращения людей от злодеяний. Но какой человек восхощет променять потеряние совершенное и невозратное своей свободы на злодеяние, какия бы он ни ожидал от него выгоды. Из сего следует, что действие наказания вечныя неволи, достаточно для отвращения от преступления наотважнейшую душу. |

175 Я не войду в раздробление преимущества такого положения, ибо оно всякому благоразумному читателю представится очевидно, потому что нет злодея, кой бы к чему либо не был пригоден, что самой природе совместно. Если соделаешь зло обществу, возмездится за оное злом, то есть принужденною работою, сверх же того ясно, что вечная неволя тем и предпочтительна, что действию ея в глазах народа всегда обретающиеся суть поразительнее и долговременнее. Теперь разсмотрим вечная неволя не жесточее ли самая смерти? Конечно жесточее в глазах общества, но не для 177 терпящагося. Общество судит по своей чувствительности о сердце, привычкою закоренелом, а несчастный утешается отсутствием болезней злее тех, кои он ощущает; раскаяние приходит к нему на помощь и труды его облегчаются упражнением. А как чувствительность в человеке возрастает по мере крепости его разсудка, нежности телосложения, или перемены его состояния, то я заключаю, чем человек будет просвещеннее, тем положение сие будет для него несноснее; чем более он мог жить в довольствии, тем более сие состояние его скорбить будет. Тем более заслуживает он облегче- 178 ния, ибо хотя злодей он, но человек. Сего требует | правосудие; ибо наказание долженствует всегда быть соразмерно преступлению. А как весьма редко, что бы одинаковые предметы одинаковыя на разных людей имели действия, к тому же

ясно, что человек с разумом или человек сладострастное житие имевший гораздо наказание живее возчувствует, нежели невежда или телосильный и крепкий к нужде и нищете привыкший: то заключаю, если таковые люди за одинаковые преступления одинаково накажутся, один наказан будет жесточе другого, и казнь вине не будет соразмерна. |

О ЛЮБВИ

Любовь есть чувство природою в нас впечатленное, 179
 которое один пол имеет к другому. Все одушевленные твари чувствуют приятность, горячность, силу и ярость оныя. Но различное сложение тела следовательно больше или меньше раздражительности в нервах, различное соитие обстоятельств воображение воспламеняющих, словом различное соитие внешних предметов на нас действующих долженствует неотменно производить различное чувствование. Разсматривая любовь при ее источнике, увидим, что сие чувствование равно сродно ленивому | ослу и разъяренному льву; Португальцу крепкими 180
 напитками и пряным зельем воспаленному, и Лопарю утомленному холодом и трудами. Сие чувствование следовательно есть необходимое, для того что оно в нашем природном сложении имеет свое начало. Любовь все употребляет средства к удовлетворению ея служащая, преображает еленей в тигров, умножается от предстоящих препятствий удовлетворению ея претящих, умалется превзошед препоны. *Федер* справедливо примечает, что любовь в естественном состоянии человека ужасна не была для того, что взаимная похоть ее скоро укрощала, но по | возстановлении обществ 181
 она долженствовала сделаться ужасною, как то она и есть. Самолюбие со всем себя в сравнение ставящее, и себе всегда преимущество дающее, долженствовало неотменно озлоблять самолюбие другого. Оно раждало зависть, а зависть ненависть, и так умножались все наши страсти. Оне столь много произвели божественных дел и столько зла сотворили, что их вообще ни хвалить, ни оуждать не надлежит. Нравоучители противу страстей возстающие разсуждают о человеках вообще по человеку в их воображении сотворенному, или углубяся в отдаленнейшую Метафизику дока|зывают весьма 182

велегласными словами, что все несходствующее с совершеннейшею совершенностию, (которую не объясняют) и с существенным порядком вещей, котораго не знают, есть противудобротель, порок и зло; и так мы постараемся отступить от понятия отделеннаго и будем наблюдать действительныя отношения. Назовем добродетелию то, что удовольствие и благосостояние всех, (а как сие не возможно) по крайней мере многих людей соделывает, и рассмотрим полезна ли любовь или вредна?

Человек есть хамелеон принимающий на себя цвет пред-
 183 метов его окружающих; живущий с Мусульманами Мусульма-
 нин, с куклами, кукла общества, в коем мы обращаемся. Общежитие вселяет в нас род своих мыслей, и побуждает нас то называть добрым, что оно добрым почитает. Мы усвоаем помалу страсти в обществе господствующия; наипаче мы склонны к восприятию того, что нас прельщает, а все, что нам веселие доставляет, или обещает, прельщает нас столь действительно, что объемлет все наши душевныя силы. Всяк довольно хотя и не весьма ясно понимает, что мы благосклонность других людей приобретаем сходствием
 184 наших мыслей и деянием, с их мыслями | и действием, а сие подтверждается опытами. Из того очевидно следует, что двое влюбленных единаго составляют человека, единую имеют волю и одинаковые поступки, ибо привычка преобразует природу. Случай, имеющий в общежитии свое начало, восхотел, чтобы мушчины были, что женщины суть, на коих оне свои взоры обращают, а не женщины то, что суть мушчины.

И так любовь в обществе не на телесных токмо и чувственных основывающаяся чувствованиях, но тысячию чувствованиями производимая, любовь сия, зависящая от пред-
 185 разсуждений, от обыкновений и от состояния, не имеет в себе ничего непозволительнаго, и ничего наказания достойнаго. Она становится добродетелию, или пороком, располагаясь по воспитанию женщин, тот или другой вид приемлющему. У Греков, у коих мать слезы проликала, когда сын ее без лавр возвращался, где дева прославившемуся сердце свое дарила, и везде, где благоразумный законоположник женщин определил вперячь в сердца юношей ревность к добродетельным и отвращение от порочных поступков, заслуживают они уважение, почтение и любовь; но в нашем веке, где красота, которая ужаснее стихии ея родившей, воспи-

тывается в играх | и забавах, где вся разума ея округа 186.
внешним ограничивается блеском, где свобода в убранстве,
где прелесть поступи и несколько наизусть выученных мод-
ных слов заступают место мыслей и изгоняют природное
чувствование, где она принуждена ежечасно притворяться и
сокрывать свои невиннейшия склонности, где она злословна,
для того что неведуща, честолюбива для того что не имеет
должнаго к себе почтения, и коварна для того что живет
всегда в принуждении и безпрестанно безделицами упраж-
няется; где она неограниченно обожателями своими управ-
лять желает; достойна ли она, чтобы быть ея | жертвою, 187.
в угождение ей наполнять голову свою замысловатыми без-
делицами, оставить любовь истинны дабы ей понравиться,
посвятить ей время свое, коего потеря всегда невозвратна?
В наблюдении безчисленнаго множества вещей, кои по раз-
смотрении найдем безделицами, но трудными безделицами,
может ли кто без внутренняго отвращения видеть стараго,
впрочем заслуженнаго и испытаннаго министра, которой от
чрезмерной нежности невиннаго осудил на смерть, дабы
пощадить злодея, отца своая обладательницы. Кто не воз-
ропщет на него! кто столь сильно объят любовью, что
разум его никогда не в состоя|нии покойно наблюдать вещи, 188.
а сердце всегда в движении, и кто своими приобретенными
знаниями мог бы свету быть полезен? Но кто может проти-
виться сим голубым глазам, сему томящемуся и восхити-
тельному взору, сему пронизательному и привлекающему
гласу. Кто может облобызать белую сию и нежную руку,
на коей поцелуй впечатлевается, и не потерять своего сердца?
Кто может видеть сию непринужденную походку, сию вели-
чественную осанку, воровские глазки, и что всего больше,
слышать и видеть добродетельныя предъупреждения, и не вос-
хититься и не воспалиться? Тот, кто в младости к тому при-
уготов|лен, кто старается познать истинное определение чело- 189.
века, кто украшает разум свой полезными и приятными
знаниями, кто питается противными сим страстями, кто
величайшее услаждение находит в том, чтоб быть отечеству
полезным, и быть известным свету.

ПИСЬМЫ КАСАЮЩИЯСЯ ДО ПЕРВОЙ КНИГИ ГЕЛЬВЕЦКЕВА
СОЧИНЕНИЯ О РАЗУМЕ

Письмо 1

Милостивой мой Государь.

Я намерен с вами беседовать о вещи весьма важной и многим трудностям подверженной; ласкаю себя, что вы мне на сие дадите дозволение, ведая довольно, что глубочайшия размышления не токмо вам не наскучат, но возбудят разве ваше любопытство. Вещь сия есть важная, | ибо непосредственно касается до человека; трудная, ибо познание сердца человеческого и побуждений к действию и не действию, весьма запутано. Сие превзойдет может быть мои силы: но самое сие побуждает меня прибегнуть к вашему просвещению, которое по счастью моему я узнал и почитаю. Я ищу наставления, следовательно я сомневаюсь. Но как не решительность для разума, истинну возлюбляющаго, есть несноснейшее состояние, то и прошу я вашей помощи. Но не отважно ли сие? И по истинне сей мой поступок, от чрезмернаго желанія познаний происходящий, был бы непростителен, если бы я | менее уверен был в милости вашей ко мне; если бы вы, во время пребывания вашего в Лейпциге не удостоили меня дружескаго обхождения, и если бы вы мне не дали полезнаго для меня дозволения прибегать к вам во всем, что до меня касаться может. Я осмеливаюсь почитать себя воспитанником вашим, ибо все нас наставляющие, или дающие нам способы к наставлению по справедливости истинными родителями почитаться могут. Но сие есть наималейшее из одолжений ваших. Вы извлекли душу мою из бездействия и уныния, в коих она погрязла, и по несчастію не без причины. Вы возвратили ей всю ея деятельность, отъема причину ее угнетавшую. Вы вселили в меня неутомимое рвеніе к изследованію всех полезных истинн и отвращение непреоборимое ко всем системам, имеющим основание в необузданном воображении их творцов, и мерзение к путанице высокопарных и звонких слов, коими прежде сего я отягощал память мою. Но сколь велика долженствует быть на конец моя призна-

тельность за то, что от вас познал я удивления достойного сочинителя, коего книгу вы благоволили прочесть со мною? После того я три раза читал ее со всевозможным вниманием, и для того только воздерживаюсь хвалить его, что я уверен совершенно, что хвалить такого мужа, как есть сей, должен только тот, кто сам заслужил уже похвалу. 194

Скажу только то, что удивляясь его пронизательности, ясности и изящности его слога, не редко сожалею о его краткости. Из него то почерпну содержание сих писем, которые заключать будут сокращение сочинения о *Разуме*, или по крайней мере онаго первыя и третия книги. Но исполнение сего предприятия весьма трудное, требует напряжения разума, и довольнаго времени; да и тем паче что не всегда я с Автором одного мнения, по крайней мере в помянутых двух книгах. Для объяснения моих сомнений в великия нужно войти подробности; и я за нужное почел прежде всего предложить вам со всевозможною краткостию стезю, которою он шествовал, во утверждении своих основательных мнений и во извлечении следствий. Цель моя была двойка при сем маловажном труде. Первья, чтобы тот, кто читал сию книгу и о ней уже размышлял, мог бы себе посредством сея выписки мгновенно представить всю цепь мыслей сочинителя, вторая чтобы начинающий, имея сию выписку пред собою, не был бы от главнаго предмета отвлекаем | окольными 196 и прекрасными побочными разглагольствованиями сочинителя, и не проронил нить умствования его, запутавшись во множестве деяний им приводимых, где по действию заключается о причине. Вы можете судить достигнул ли я моего предмета; мне же должно ожидать вашего суждения с почтением пребывания чрез всю жизнь мою наичувствительнейшею благодарностию

есмь и проч. |

Письмо 2

Сочинитель рассматривает разум, яко способность мыслить, которая по сему и долженствует быть качеством какого либо существа, духовнаго или вещественнаго; ибо другие роды нам не известны. Сия задача нерешенная до сего времени не может иметь о себе доказательства; тем паче, что сочинитель полагая все действия нашего разума в чувствовании, сие равно с тем и с другим предположением согласуется. Но 197

сие то и требует мне кажется доказательства. Почитая душу вещественную, рассмотрим, может ли она чувствовать.

198 Я | прежде всего замечу, что *вещество* и *тело* суть два слова равного значения; ибо сказать можно, что всякое вещество есть тело и всякое тело есть вещество. А понеже пространство, заключающее в себе понятие неразделимости, непроницаемость производящая что два тела не могут в одно время занимать одного места, бездеятельность, качество тел, посредством котораго они тщатся пребывать в настоящем положении, и следствие непременно самой их непроницаемости, суть три свойства тел необходимыя; понеже тело заключает в себе понятие общее и поелику то что прилагаем

199 роду, прилагаем всем | единственностям к нему принадлежащим; то следует, что все единственности, поелику суть тела, заключают в себе вышесказанныя три качества. Следует, если бы начало чувствующее было телесно, то было бы протяженно и делимо. Следует, что бы понимать можно было треть и четверть чувствования, что противоречит опытам.

В теле примечаем мы только движение, что не иное есть, как перемена места, быстротечность и направление. Но равное ли видим в нашей душе? И для того то в каждом ударе

200 чувств две вещи различать надлежит: телесную, или ударение в мозге; духовную или понятие, в душе от того рождающееся. Кто захочет о сем сделать на самом себе примечание, познает оное непременно. Когда разум напряженно рассматривает некоторые предметы и рассуждает о понятиях оными производимых, то он не замечает ни мало о ударе

201 некоторых предметов на орудие слуха, хотя равное бывает их действие с теми, кои производят звук, и хотя орудие здраво. Причина же тому есть, что душа оному не внимает. Но сочинитель думает, что откровение таковой силы, какова на пример сила притяжения, не долженствует ли побуждать мыслить, что

201 тела | имеют еще некоторыя свойства, неизвестныя, как то свойство чувствовать. В первом моем письме я намерен разыскать сие выражение.

есмы и проч.

Письмо 3

Все согласуются, что есть во всех телах небесных всеобщая тяжественность; что качество сие, очевидное в магните,

притяжением железа и стали, и по мнению утвердителей
 тяжестности свойственное всякому телу, осязательно
 становится только в весьма больших телах, в малых же
 со всем не | ощутительно. Истинная же причина оную произ- 202
 водящая нам неизвестна и Философы доселе в оном несо-
 гласны. Одни утверждают с вероятностью, что некое тонкое
 и невидимое вещество действует на тела, и их одного к
 другому устремляет, и они называются *Устремителями*.
 Другие говорят, что есть в телах сила скрытая и сокровен-
 ная, между ими притяжательность производящая. Оныя при-
 носущность утверждают на всемогуществе божием и на-
 зываются *притяжателями*. Но если бы притяжательность
 была действие всемогущества божия непосредственное,
 в существе тел неутвержденное: то можно бы сказать | столь 203
 же справедливо, что бог тела движет непосредственно, что
 и было бы непрестанное чудо.

Если мы вообразим два тела без движения и среди их
 совершенную пустоту, то нелепо будет утверждать, что они
 могут сблизиться, или притянуть одно другое; ибо тела
 в следствие своя существности тщатся пребывать в на-
 стоящем положении. Не можно приступить к противному
 мнению для того, что понимать не удобно причины, для чего
 тело недвижимое будет двигаться в ту, а не в другую сто-
 рону; еще же неудобопонятнее, что движущееся тело пре- 204
 стает двигаться | или пременяет направление или скорость.
 И так если достоверно, что всякое тело по существу своему
 сохраняет свое положение, и что перемена в оном происходит
 токмо вследствие его непроницательности; то ясно, что
 тяжестность, то есть сила тело к центру направляющая,
 хотя нам неизвестная, не есть свойство в телах приносущное.
 Да и помнению тех, которые притяжательность почитают
 силою в веществе вкорененною, сила сия не в теле над
 коим действует. Следует, поелику известны нам силы только 205
 двух родов, силы телесныя, из непроницательности тел
 прористекающия, и силы духовныя существующия токмо
 в животных: то притяжательность долженствовала бы при-
 надлежать к третьему роду сил, но ни к телесным ни
 к духовным. Но дабы утверждать сие, то надлежит непре-
 кословно доказать бытие сих сил, и что сила притяжания
 не происходит из тонкаго вещества, тело окружающаго.

Если бы единожды возможно было, что бы два тела притягивать могли друг друга и расстояние между ними не было бы наполнено тончайшим веществом, то существенность притягательности была бы неоспорима. Но как сие не возможно, то можно в том сомневаться или со всем отрицать. |

206 Если же довольную имеем причину отметить силу притягательную, то с лучшим основанием отрицать можем в вещественности, свойство чувствовать. Но если верно, что вещественность чувствовать может, где найдем мы чувствующую соединенность, или неразделимость? Присвоим ли оную каждой вещества частице, или соборным телам? Или присвоим сию соединенность жидкостям и твердостям в сложных и в началах? Говорят: в природе нет опречь единственностей; но каковы они? Единственностию ли назовем камень или сложением единственностей? Чувствительное ли он вещество, 207 или содер|жит столько оных, сколько в нем песчинок? Если каждая начальная порошинка (атом) есть вещество чувственное, то как вообразить сие тесное сообщение, от которого один чувствует себя в другом, и столь совершенно, что оба суть один? Части чувствующие суть протяженны, но существо чувственное не делимо, одно, всецело, или же ничто. Сии непреоборимыя трудности с предъидущими причинами совокупно утверждают меня во мнении, что познав вещественность протяженною и делимою, надлежит удостовериться, что она чувствовать не может, ибо утверждая противное 208 станешь присвоить одно|му существу свойства одно другое исключаящия.

есмы и проч.

Письмо 4

Сочинитель полагает быть в человеке двум силам страдательным, которых он признает производящими наш разум причинами. Первая, свойство принимать ударении внешних предметов, и сия есть телесная чувствительность. Другая, свойство хранить сделанное на чувствах ударение, называется память. Память по мнению сочинителя есть ни что иное как 209 единое от орудий теле|сной чувствительности, и чувствование продолженное но ослабевшее. То, что в нас чувствует, говорит он, то непременно и воспоминает. Се доказательство его.

Когда я воспоминаю образ дуба, тогда внутренние мои органы находятся почти точно в таком же положении, в каком они были, когда дуб сей представлялся моему зрению. Такое положение органов производит чувство. Следовательно, вспоминать есть чувствовать. Сие заключение для меня не кажется убедительным, и здесь доказательство основано на том, что в задаче. Положим, что воспоминаю образ | дуба, внутренние мои органы в равном положении находятся с тем, в каком они были видя сей дуб; однако же сим вопросом не удовлетворится, для чего и как, и довод недостаточен; ибо ясно, что здесь не заключает сочинитель одинаковых действий на одинаковыя причины, ибо действия суть равны. Когда дуб находился пред моими глазами, тогда внутренние мои органы позыбнутые лучами исходящими от дуба, образ его начертавали в глубине моего глаза на нервной сети совокупляющейся с зрящим (оптическим) нервом, которой есть продолжение мозга, и чрез него зыбление доходило | до мозга, где душа извлекала понятие. Но удаленный внешнего предмета, что действует на мои органы? И если бы при воспоминании внутренние мои органы были в таковом же положении, как при ударе предметов на чувства, то не имея ничего пред глазами, я видел бы солнце. Следственно понятие напоминовенное совершенно разнствует от понятия возбуждаемого предстоящим предметом. Изъяснение памяти, что она есть чувство продолженное но ослабшее, для меня не удовлетворительно. Ибо или чувство продолжается безостановочно, или когда либо останавливается и возобновляется. Если бы бывало перь|вое, то бы понятии нам были присутственны непрестанно, чего однако же нет; ибо тщетно иногда стараемся возобновить иныя понятия, которые мы имели прежде; иногда же со всем их позабываем, но обыкновенно забываем их на половину. Если бы ударение терялось со всем, как то случается; как бы вещественность могла вспоминать, что было на нее ударение в то время, когда оно на нее бывает вновь? Говоря, что память ни что иное есть, как чувство продолженное но ослабшее, все присвоим чувствительности, но чувствительность производится движением нервов. Сие движение может умножиться и | уменьшиться по мере удареия сильного или слабого всех частей предмета; следовало бы, что когда воспоминаю о солнце, то же бы было,

210

211

212

213

что я вижу луну, козя свет 200.000 раз слабее света солнечнаго. Но видеть луну теперь и вспоминать только о солнце суть две со всем разные вещи. А потому ясно, что понятия чувственные представляются нам посредством чувств; воспоминовенныя же производим мы сами по образу понятий чувственных, поелику мы об оных воспоминаем. Понимаю я довольно ясно, что понятия памятию произведенныя суть таковы же как и настоящия: но сие относится к душе. Что же
 :214 касается | до тела, то всякое настоящее памятию сопряжено с некоторым движением в мозгу, чего не бывает с произведенным памятию.

Признаться надлежит, что истинной источник памяти от нас скрыт совершенно. Ведаем мы что и тело в оном участвует; но и то верно, что возобновление понятий есть собственное действие души.

Письмо сие окончу я различием сделанным в воспоминовении. Оно двояко. 1) Сила сохранять на несколько времени понятие настоящее. Локк сие называет *разсмотрение*. 2) Сила возобновлять и оживлять в разуме понятия, которыя, ро-
 :215 дясь | в оном, исчезли и из онаго совсем удалилися. Сие собственно назвать можно памятию.

есмы и проч.

Письмо 5

Сочинитель разыскивая прилежно действия разума человеческого, ограничивает их на способность замечать сходствия и различия, приличность и разнообразность предметов между собою. Слова всех языков, которыя почестъ можно собранием всех мыслей человеческих, подтверждают сию истинну; для того что они представляют нам одни токмо образы
 :216 внешних пред|метов, отношений их одного к другому и отношение их к нам. Разум человеческий превыше познания сих отношений не возносится и черты сея не преступает. Но и суждение ничто иное есть, как самое сие усмотрение или изъявление онаго: то и следует, что все действия разума суть токмо суждению. Но и судить есть ничто иное, как усматривать сходство и разность, принадлежность и неприличность наших чувствований и понятий. Следственно поелику сила сия ничто иное есть, как телесная чувствительность,

то и судить есть чувствовать; следственно все действия разума суть чувствовании. | 217

Разсуждение сие нахожу я весьма заключительным. Все предложении в оном ясны и основаны на истинне и опытах, одно изключая, то есть, что способность сравнивать понятия наши и чувствовании есть телесная чувствительность. Сие требует разсмотрения, и поелику оно есть главное его предложение, то позвольте мне оное раздробить.

Я за доказанное приемлю, что все действия нашего разума состоят в способности усматривать сходствия и несходствия, принадлежности и разнообразия в предметах. Теперь доказать должно, что для сея способности нужна только телесная чувствительность.

Нет ни малаго в том сомнения относительно познания раз- | 218
личий между предметами. Получив два чувствования или два понятия не могу не чувствовать, что то что чувствую в одном в другом того не чувствую; или сказать яснее, что одно ударение иначе душу возбуждает нежели другое. Чувствуя сие, чувствую их различие. Следует, что для усмотрения различия между предметами, нужно токмо чувствовать. Но можно ли то же сказать о их сходствии? Определим что значит сие слово. Что назовем сходствие одного предмета с другим? Сходствие существенное или случайное бывает, когда части один предмет составляющия равнородны или равнообразны другому; или когда части одного предме|та суть во всем 219
одинаковы с частями другаго предмета. Если сие верно, то для познания сего нужна одна чувствительность телесная. Ибо имея два чувствования, разуму присутственныя, усматриваю непременно как они ударяют на мои чувства, одинаким ли образом или разнообразно; следует, оное усмотреть есть чувствовать.

Принадлежностью называем когда один предмет к другому пристоен, приятен, полезен, или нужен, или когда таковым нам кажется; (в дальнейшее изъяснение сих названий я не вхожу, дабы вместо объяснения их не затмить). Но опыты доказывают, что разныя чувствования разнообразно на душу действуют. Иныя разсматри|вает она с удовольствием, на другия взир- 220
ает с отвращением; и посредством того же опыта мы можем определить, принадлежность или разность между предметами. Я из того заключаю, что судить есть то же что чувствовать.

Для изъяснения сего разсуждения, я постараюсь отдалить все возражения, которыя против него сделать можно.

1) Если душа есть существо страдательное, то или каждый предмет она чувствовать будет раздельно, или будет чувствовать целый предмет хотя сложной. Но не имея силы их сблизить, она сравнения между ими сделать не может, не может о них судить. Что значит весь сей вздор? Каждой предмет будет | она чувствовать особенно, то есть что одно чувствование не будет другое, или что одно чувствование не существует в другом, равно как одно тело не может занимать одного места с другим в одно время. Весь предмет будет чувствуем, то есть оба чувствования присутственны будут разуму. Следует что душа не будет иметь силы их сравнить, и что не может судить о их смежности. Но из сказанного мною можно заключить со всем противное, и сказать: следовательно не будет ей нужды их сблизять, следовательно она будет судить об отношениях двух чувствований или иметь их присутственными разуму, то есть будет их чувствовать; но то | и другое равно, как то доказано прежде. Но говоря, что душа не имеет силы сблизять чувствования одного с другим, если разумеем, что душа не властна устремлять или отвращать своего внимания продолжать или окончатъ своего размышления, тогда задача становится важнее и касается до следующей: свободны ли мы или нет? О сем я с вами в особом письме беседовать буду.

2) Понятия уравниельныя, больший, меньший; понятия числительныя, один, два; понятия отвлеченныя, добродетель, красота, конечно не суть чувствования, хотя разум производит их тогда, когда я чувствую. Дабы удостовериться о слабости сего разсуждения войдем в не|которые подробности. Что может быть простее понятия что отношение ничто иное есть, как чувствование, или изражение чувствования, произведеннаго во мне разсмотрением двух предметов. Я сооружаю понятие великаго; но оно не само по себе, а уравниельное; следственно кто имеет понятие великаго, тот неминуемо имеет понятие малаго. Следует если имею понятие о большой палке и о малой в друг, то такое нужно сравнение, дабы чувствовать, что большая палка больше маленькой. Но как получил я понятие о большем и малом? Получив два разныя ударения и примечая или чувствуя, что один предмет имеет

больше | частей, нежели другой, я назвал один большим а дру- 224
гой малым, хотя бы назвал их иначе, вещь в самом деле не
переменилась бы. Но как составляем мы численные понятия?
Замечая различия чувствований. Например цветок ударяет
на орудие моего обоняния, я чувствую сие ударение и сохра-
няю его посредством памяти. Другой цветок производит
равное ударение; я и оно чувствую. Но сохранив прежнее
ударение, теперь чувствую нетокмо ударение настоящее,
но чувствую также, что чувствовал подобное. Чувствовать,
что было во мне подобное чувствование, есть то же, что
иметь понятие о двух чувствованиях; и так далее. Разум
следует той | же стезе при составлении общих понятий. Ибо 225
очевидно, если ударение разных предметов на мои чувства
одинаково, то не возможно мне нечувствовать, что чувство-
вание мое при возрении какого либо предмета есть подобное
тому, которое имел видя другой предмет. Но изображение
сего чувствования есть составление понятия общаго или
отвлеченнаго, которое существовать будет токмо в моей
голове и которое однако же чувствовал я в самом деле.

3) Если бы в употреблении наших чувств мы были токмо
страдательны, то не было бы между нами никакого сообще-
ния, не можно было мне знать, что тело которое я осязаю,
и тело, | которое вижу есть то же. Или мы ничего вне себя 226
чувствовать не будем, или будем чувствовать всегда пять
существ отделенно, коих единственности нам приметить не
возможно. Возражение сие весьма сильно, в том признаюсь.
Но приняв, что в употреблении наших чувств мы действую-
щие, (хотя сие мне кажется нелепым, ибо не быть в употре-
блении чувств страдательным, есть то же, что бы быть
властну не чувствовать того, что чувствую) легче ли можем
понять сообщение между чувств и как душа замечает един-
ственность понятия. Представь себе слепаго, узнаваго
опытами каким образом шар и угольник ударяют на его
осязание. Слепой сей получив зрение не возможет конечно 227
посредством онаго различить шар от угольника; ибо если
чувства его ударяемы на пример шаром известным образом,
не следует из того что бы и глаза его ударяемы были рав-
номерно. Следственно опыты нас тому учат, следственно
разсуждение, следственно и сие есть чувствовать. Хотя
совершеннаго уверения о единственности вещи в нас нет,

но для чего тому удивляться, если доводам идеалистов мы опричь брани ничего противопоставить не можем.

4) Наконец последнее возражение есть сие: если бы уждение об отношениях было простое чувствование и происходило бы единственно от предмета, то суждения мои никогда не были бы ложны, ибо то не ложно, что когда чувствую, то чувствую. Но на сие буду ответствовать в следующем письме следуя стезям сочинителя, которой доказывает, что все наши заблуждения от наших страстей и от неведения происходят. И если сие последнее возражение достаточно будет опровергнуто, то излишнее будет да и нелепо утверждать что сила суждений не есть свойство чувствовать.

есмы и проч.

Примечание. Сочинения Федора Васильевича суть токмо в переводе. Первое и последнее из оных писал он на Французском языке, протчее же на Немецком.

БЕСЕДА
О ТОМ,
ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА

Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). — Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем. — Поудержись чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковыя изречения, доколе стоиши при праге. — Вступи и виждь! — Кому не известно, что имя сына Отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту, или другому бессловесному животному? Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому. — Все сие обретает он в едином последовании естественным и откровенным законам, инако божественными называемым, и извлеченным от божественных и естественных гражданским или общежительным. — Но в ком заглушены сии способности, сии человеческия чувствования, может ли украшаться величественным именем сына Отечества? — Он не человек, но что? он ниже скота; ибо и скот следует своим законам, и не примечено еще в нем удаления от оных. Но здесь не касается разсуждение о тех злосчастнейших, кои коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ни чего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться не лъзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равныя с лошадыю воздаяния, и претерпевая равныя удары; не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, обьяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума, и заставляяет их проклинать бедственное свое состояние и искать

оному конца; не о тех здесь речь, кои не чувствуют другаго, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним токмо видом, в прочем обременены тяжестию своих оков, лишены всех благ, исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои не что иное, как мертвые тела, погребенныя одно против другаго; работают не обходимое для человека из страха; им ни чего, кроме смерти не желательно, и коим наималейшее желание заказано, и самыя маловажныя предприятия казнятся; им позволено только расти, по том умирать; о коих не спрашивается, что они достойнаго человечества сделали? какия похвальныя дела, следы прошедшей их жизни, оставили? какое добро, какую пользу принесло Государству сие великое число рук?—Не о сих здесь слово; они не суть члены Государства, они не человеки, когда суть не что иное, как движимыя Мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот!—Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества!—Но где он? где сей украшенный достойно сим величественным именем?—Не в объятиях ли неги и любострастия?—Необъятый ли пламенем гордости, любоначалия, насилия?—Не зарытый ли в скверно-прибыточестве, зависти, зловожденнии, вражде и раздоре со всеми даже и теми, кои одинаково с ним чувствуют, и к одному и тому же устремляются?—или не по грязший ли в тину лени, обжорства и пьянства?—Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все дома для безмысленнейшаго пустоглаголанья, для оболъщения целомудрия, для заражения благонравия, для уловления простоты и чистосердечия, соделавший голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажии, щеки коробками белил и сурика, или лучше сказать живописною политрою, кожу тела своего вытянутою барабанною кожею, похож больше на чудовище в своем убранстве, нежели на человека, и его разпутная жизнь, знаменуемая смрадом из уст и всего тела его производящим, задушается целою аптекою благовонных опрыскиваний, словом, он модный человек, совершенно исполняющий все правила щегольскэй большаго света науки;—он ест, спит, валяется в пьянстве и любострастии, не смотря на изтощенные силы свои; переодевается, мелет всякий вздор, кричит, перебегает

с места на место, кратко, он щеголь. — Не сей ли есть сын Отечества? — или тот поднимающий величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, словом, всеми, одному ему известными, средствами раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другия сим подобныя? — потоки слез, реки крови не токмо не трогают, но услаждают его душу. — Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! сей ли есть сын Отечества? — Или тот простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целаго Отечества своего, а ежели бы можно было, и целаго света, и который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последняя крохи, поддерживающия унылую и томную их жизнь, ограбить, разхитить их пылинки собственности; который возхищается радостью, ежели открывается ему случай к новому приобретению; пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последняго убежища и пропитания подобных ему сочеловеков, пусть они умирают с голоду, стужи, зноя; пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячи смертей; все сие не поколеблет его сердца; все сие для него не значит ничего; — он умножает свое имя, а сего и довольно. — И так не сему ли принадлежит имя сына Отечества? — Или не тот ли сидящий за исполненными произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель, и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какия он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстями своими? И так конечно сей, или же который ни будь из вышесказанных четырех? (ибо пятаго сложения толь же отдельно редко найдем). Смесь сих четырех везде видна, но еще не виден сын Отечества, ежели он не в числе сих! — Глас разума, глас законов, начертанных в природе и сердце человека, не согласен наименовать вычисленных

людей сынами Отечества! Самые те, кои подлинно таковы суть, произнесут суд (не на себя, ибо они себя не находят такими), но на подобных себе, и приговорят исключить таковых из числа сынов Отечества; поелику нет человека, сколько бы он ни был порочен и ослеплен собою, чтобы сколько ни будь не чувствовал правоты и красоты вещей и дел.

Нет человека, который бы не чувствовал прискорбия, видя себя уничижаема, поносима, порабождаема насилем, лишаема всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием, и не обретая ни где утешения своего.— Не доказывает ли сие, что он любит *Честь*, без которой он, как без души. Не нужно здесь изъяснять, что сия есть истинная честь; ибо ложная, в место избавления, покоряет всему вышесказанному, и ни когда не успокоит сердца человеческого.— Всякому врождено чувство истинной чести; но освещает оно дела и мысли человека по мере приближения его к оному; следуя светильнику разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороков и предубеждений к тихому ея, чести то есть, свету.— Нет ни одного из смертных толико отверженного от Природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению *Чести*. Всяк желает лучше быть уважаем, нежели поносим, всяк устремляется к дальнейшему своему совершенствованию, знаменитости и славе: как бы ни силился ласкатель Александра Македонскаго, Аристотель, доказывать сему противное, утверждая, что сама Природа разположила уже род смертных так, что одна и притом гораздо большая часть оных должна не премоно быть в рабском состоянии, и следовательно не чувствовать, что есть *Честь*? а другая в господственном, по тому, что не многие имеют благородныя и величественныя чувствования.— Не спорно, что гораздо знатнейшая часть рода смертных погружена во мрачность варварства, зверства и рабства; но сие ни мало не доказывает, что человек не рожден с чувствованием, устремляющим его к великому и к совершенствованию себя, и следовательно к люблению истинной славы и *Чести*. Причиною тому или род провождаемой жизни, обстоятельства, или в коих быть принуждены, или мало-опытность, или насилие врагов праведнаго и законнаго возвышения природы.

человеческой, подвергающих оную силою и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обезсиливает, налагая тягчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечнаго.— Не оправдывайте себя здесь притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности. О ежелиб вы проникли цепь всея Природы, сколько вы можете, а можете много! то другия бы мысли вы ощутили в себе; нашли бы, что любовь, а не насилие содержит толь прекрасный в мире порядок и подчиненность. Вся Природа подлежит оному, и где оный, там нет ужасных позорищ, извлекающих у чувствительных сердец слезы сострадания, и при которых истинный Друг человечества содрогается.— Что бы такое представляла тогда Природа, кроме смеси не стройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины?— По истине она лишилась бы величайшаго способа как к сохранению, так и совершенствованию себя. Везде и со всяким человеком раждается оная пламенная любовь к снисканию *Чести* и похвалы у других.— Сие происходит из врожденнаго человеку чувствования своей ограниченности и зависимости. Сие чувствование толь сильно, что всегда побуждает людей к приобретению для себя тех способностей и преимуществ, посредством которых заслуживается любовь как от людей, так и от высочайшаго Существа, свидетельствуемая услаждением совести; а заслужив других благосклонность и уважение, человек учиняется благонадежным в средствах сохранения и совершенствования самаго себя.— И естли сие так, то кто сомневается, что сильная оная любовь к *Чести*, и желание приобрести услаждение совести своей с благосклонностию и похвалою от других, есть величайшее и надежнейшее средство, без котораго человеческое благосостояние и совершенствование быть не может?— Ибо какое тогда останется для человека средство преодолеть те трудности, кои не избежны на пути, ведущем к достижению блаженнаго покоя, и опровергнуть то малодушное чувствование, кое наводит трепет при воззрении на недостатки свои?— Какое есть средство к избавлению от страха, пасть на веки под ужаснейшим бременем оных? ежели отъять во первых исполненное сладкой надежды прибежище к высочайшему Существо, не яко мстителю, но яко источнику и началу всех благ; а по том к по-

добным себе, с которыми соединила нас Природа, ради взаимной помощи, и которые внутренно преклоняются к готовности оказывать оную, и, при всем заглушении сего внутренняго гласа, чувствуют, что они не должны быть теми святотатцами, кои препятствуют праведному человеческому стремлению к совершенствованию себя. Кто посеял в человеке чувство сие искать прибежища?—Врожденное чувство зависимости, ясно показывающее нам оное двойственное к спасению и удовольствию нашему средство. И что на конец побуждает его ко вступлению на сии пути? что устремляет его к соединению с сими двумя человеческого блаженства средствами, и к заботе нравиться им?—По истинне не что иное, как врожденное пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратии своей, желание учиниться достойным их благосклонности и покровительства.—Разсматривающий деяния человеческия увидит, что се одна из главнейших пружин всех величайших в свете произведений!—И се начало того побуждения к люблению *Чести*, которое посеяно в человеке, при начале сотворения его! се причина чувствования того услаждения, которое обыкновенно сопряжено всегда с сердцем человека, как скоро изливается на оное благоволение божие, которое состоит в сладкой тишине и услаждении совести, и как скоро приобретает он любовь подобных себе, которая обыкновенно изображается радостью при воззрении его, похвалами, восклицаниями.—Се предмет, к которому стремятся истинные человеки, и где обретают истинное свое удовольствие! Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же; следовательно будет верный отличительный признак его, ежели он таким образом *Честнолюбив*.

Сим да начинает украшать он величественное наименование сына Отечества, Монархии. Он для сего должен почитать свою совесть, возлюбити ближних; ибо единою любовью приобретается любовь; должно исполнять звание свое так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь ни мало о воздаянии, почести, превозношении и славе, которая есть спутница, или паче, тень, всегда следующая за Добродетелию, освещаемую не вечерним солнцем Правды;

ибо те, которые гоняются за славою и похвалою, не только не приобретают для себя оных от других, но паче лишаются.

Истинный человек есть истинный исполнитель всех пред-
установленных для блаженства его законов; он свято пови-
нуется оным.—Благородная и чуждая пустосвятства и лице-
мерия скромность сопровождает все чувствования, слова и
деяния его. С благоговением подчиняется он всему тому,
чего порядок, благоустройство и спасение общее требуют;
для него нет низкаго состояния в служении Отечеству; служа
оному, он знает, что он содействует здравоносному обраще-
нию, так сказать, крови Государственного тела.—Он скорее
согласится погибнуть и исчезнуть, нежели подать собою
другим пример неблагонравия, и тем отнять у Отечества
детей, кои бы могли быть украшением и подпорою онаго;
он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан;
он пламенеет нежнейшею любовию к целости и спокойствию
своих соотчичей; ни чего столько не жаждет зреть, как
взаимной любви между ними; он возжигает сей благодворный
пламень во всех сердцах;—не страшится трудностей, встре-
чающихся ему при сем благородном его подвиге; преодоле-
вает все препятствия, не утомимо бдит над сохранением
честности, подает благие советы и наставления, помогает
несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков,
и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и
славу Отечеству, то нестрашится пожертвовать жизнью;
если же она нужна для Отечества, то сохраняет ее для все-
мерного соблюдения законов естественных и отечественных;
по возможности своей отвращает все, могущее запятнать
чистоту, и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу
блаженства и совершенствование Соотечественников своих.
Словом, он *благонравен!* Вот другой верный знак сына Оте-
чества! Третий же и, как кажется, последний отличитель-
нейший знак сына Отечества, когда он *благороден*. Благоро-
ден же есть тот, кто учинил себя знаменитым мудрыми и
человеколюбивыми качествами и поступками своими; кто
сияет в Обществе разумом и Добродетелию, и будучи вос-
пламенен истинно мудрым любочестием, все силы и старания
свои к тому единственно устремляет, чтобы, повинуясь
законам и блюстителям оных, придерживающим властям, как
всего себя, так и все, что он ни имеет, не почитать иначе,

как принадлежащим Отчеству, употреблять оное так, как вверенный ему залог благоволения Соотчичей и Государя своего, который есть Отец Народа, ни чего не щадя для блага Отчества. Тот есть прямо благороден, котораго сердце не может не трепетать от нежной радости при едином имени Отчества, и который не иначе чувствует при том воспоминании (которое в нем не престанно), как бы то говорено было о драгоценнейшей всего на свете его части. Он не жертвует благом Отчества предразсудкам, кои мечутся, яко блистательныя, в глаза его; всем жертвует для блага онаго: верховная его награда состоит в Добродетели, то есть, в той внутренней стройности всех склонностей и хотений, которую премудрый творец вливает в непорочное сердце, и которой в ея тишине и удовольствии ни что в свете уподобиться не может. Ибо истинное *Благородство* есть добродетельныя поступки, оживотворяемыя истинною честью, которая не инде находится, как в непрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим Соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам Естества и Народоуправления. Украшенные сими единственно качествами как в просвещенной Древности, так и ныне почтены истинными хвалами. И вот третий отличительный знак сына Отчества!

Но сколь ни блистательны, сколь ни славны, ни восхитительны для всякаго благомыслящаго сердца сии качества сына Отчества, и хотя всяк сроден иметь оныя: но не могут однакожь не быть не чисты, смешаны, темны, запутаны, без надлежащаго воспитания и просвещения Науками и Знаниями, без коих наилучшая сия способность человека удобно, как всёгда то было и есть, превращается в самыя вреднейшия побуждения и стремления, и наводняет целые Государства злочестиями, безпокойствами, раздорами и неустройством. Ибо тогда понятия человеческия бывают темны, сбивчивы и совсем химерическия.—По чему прежде, нежели пожелает кто иметь помянутыя качества истиннаго человека, нужно, чтобы прежде приучил дух свой к трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, к охоте благотворить всем, к любви Отчества, к желанию подражать великим в том примерам такожь к любви к Наукам и Художествам, сколько позволяет отправляемое в об-

щежитии звание; применился бы к упражнению в Истории и Философии или Любомудрии, не школьном, для словопрения единственно обращенном, но в истинном, научающем человека истинным его обязанностям; а для очищения вкуса, возлюбил бы разсматривание Живописи великих Художников, Музыки, Изваяния, Архитектуры или Зодчества.

Весьма те ошибутся, которые почтут сие разсуждение тою Платоническою системою общественного воспитания, которой события ни когда не увидим, когда в наших глазах род такового точно воспитания, и на сих правилах основанного, введен Богомудрыми Монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи онаго, возходящие к предположенной цели исполинскими шагами!

ПУТЕШЕСТВИЕ

ИЗ

ПЕТЕРБУРГА

В

МОСКВУ

„Чудище обло, озорно, огромно, стозевно, и лаяй“
Тилемахида, Том II. Кн: XVIII. сти: 514.

А. М. К.

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, О! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня — душа моя, страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека производят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Уже ли, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящаго невинно, сокрыла истинну на веки? Уже ли сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. „Отъими завесу с очей природнаго чувствования — и блажен буду“. Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, что бы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетствии себе подобных. — Се мысль побудившая меня начертать что читать будеш. Но если, говорил я сам себе, я найду коголибо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели, неопорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит; не сугубой ли плод произойдет от подъятаго мною труда?..... Почто почто мне искать далеко кого либо? Мой друг! ты близь моего сердца живеш — и имя твое да озарит сие начало.

ВЫЕЗД

Отужинав с моими друзьями я лег в кибитку. Ямщик по обыкновению своему поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Разставаться трудно, хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Разставаться трудно: но блажен тот, кто разстаться может не улыбаясь; любовь или дружба стрегут его утешение. Ты плачешь, произнося прости; но вспомни о возвращении твоём, и да исчезнут слезы твои при сем во ображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший надеясь на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселия множатся и спокойствие

2 упреждает нахмуренность грусти, разпложая образы радости в зеркалах воображения. — Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика наскучив моим ушам призвал наконец благодетельного Морфея. Горесть разлуки моя преследуя за мною в смертоподобное мое состояние представила меня во ображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелени; не было тут источника на прохладение, не было древесныя сени на умерение зноя. Един, оставлен, среди природы пустынный! Возтрепетал. — Нещастной возопил я, где ты? где девалося все, что тебя прельщало? где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости тобою вкушенныя были сон и мечта? — По щастию моему случившаяся на дороге рытьвина, в которую кибитка

3 моя толкнулась, меня разбудила. — [Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу на пустом месте стоит дом в три жилья. Что такое спрашивал я у повощика моего? — почтовой двор: — да где мы? — в Софии: — и между тем выпрягал лошадей.]

СОФИЯ

4 По всюду молчание. Погруженный в размышлениях, не приметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезшей меня извозчик извлек меня из задумчивости. — Барин батюшка на водку. — Сбор сей хотя не законной,

но охотно всякой его платит, дабы не ехать по указу. — Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто ездил на почте, тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо, без которого всякому кошельку, генеральской, может быть исключая, будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я храпящего: легонько взял его за плечо. — Кого чорт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди пожалуй в трактир выпей чаю, или усни. Сказав сие Г. комиссар отворотился к стене и паки захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо. — Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей; и обернув голову одеялом Г. комиссар от меня отворотился. Если лошади все в разгоне, размышляя я, то не справедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне. . . . . Я вознамерился узнать, правду ли Г. комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню, и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо по крепче. Каза-лося мне, что я к тому имел право, нашед, что комиссар солгал. Он в торопях вскочил, и не продрав еще глаз спрашивал кто приехал не. . . но опомнившись увидя меня, сказал мне, видно молодец ты обык так обходится с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. Со гневом Г. комиссар лег спать в постелю. Мне его так же хотелось поподчивать, как прежних ямщиков, когда они в обмане приличались; но щедрость моя давая на водку городскому повощику побудила Софийских ямщиков запречь мне поскорее лошадей, и в самое то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл доброй гражданин. И так двадцать медных копеек избавили миролюбиваго человека от следствия, детей моих от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что разсудок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат; извощик мой затянул песню по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мяг-

каго. — На сем музыкальном разположении народного уха, умеи учреждать бразды правления. В них найдеш образование души нашего народа. Посмотри на рускаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разгнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. — Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающей обгаренной кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской.]

8 Извозчик мой поет. — Третьей был час по полуночи. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвела опять во мне сон. — О природа объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон. Уснул и все скончалось. — Несносно пробуждение нещастному. О сколь смерть для него приятна. А естли она конец скорби. — Отче всеблагий, не ужели отвратиш взоры свои, от кончevaarюаго бедственное житие свое мужественно. Тебе источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даеш крепость когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий взывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю; на земли она стала уже бесполезна |.

9

ТОСНА

Поехавши из Петербурга я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковую ее почитали все те, которые ездили по ней в след Государя. Такова она была действительно, но на малое время. Земля насыпанная на дороге, зделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета, и зделала ее не проходимую. . . . . Обезпокоен дурною дорогою, я встав из кибитки вошел в почтовую избу, в намерении отдохнуть. В избе нашел я проезжающаго, которой сидя за обыкновенным длинным крестьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и просил почтоваго комисара, что бы ему поскорее велел дать лошадей.

10 На вопрос мой, кто он был? узнал я, что то | был стараго покромю стряпчий, едущей в Петербург с великим множеством

изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я немедля вступил с ним в разговор, и вот моя с ним беседа: Милостливый Государь! Я нижайший ваш слуга, быв регистратором при разрядном архиве, имел случай употребить место мое себе в пользу. Посильными моими трудами я собрал родословную на ясных доводах утвержденную, многих родов Российских. Я докажу Княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я возстановлю не редкаго в Княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самага Рюрика его происхождение. Милостивый государь! продолжал он, указывая на свои бумаг[и], все великороссийское дворянство долженствовало бы купить мой труд, заплатя за него столько, сколько ни | за какой товар не платят. Но с дозволения 11
вашего высокородия, благородия или высокблагородия, не ведаю, как честь ваша, они не знают что им нужно. Известно вам, сколько блаженныя памяти благоверный Царь Федор Алексеевич, Российское дворянство обидел, уничтожив местничество. Сие строгое законоположение поставило многия честныя Княжеския и Царския роды наравне с Новгородским дворянством. Но благоверный же Государь Император Петр Великий со всем привел их в затмение своею табелью о рангах. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем, к приобретению дворянскаго титла, и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне Всемило-
стивейше Царствующая Наша Мать, утвердила прежние Указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших вострежило, ибо древние роды поставлены 12
в дворянской книге ниже всех. Но слух носится, что в дополнение вскоре издан будет Указ, и тем родам, которые дворянское свое происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титло Маркиза или другое знатное, и они пред другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине милостивейший государь! труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы; но вместо благоприятства попал в посмеяние, и с горя оставив столичный сей град, вдался пути до Питера, где, из-

¹³ вестно, гораздо больше просвеще|ния. Сказав сие поклонился мне об руку и вытянувшись прямо, стоял передомною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька. . . . . и дав ему советовал, что приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разнощикам для обертки; ибо мнимое Маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению истребленного в России зла, хвастовства древния породы. |

14

ЛЮБАНИ

Зимою ли я ехал или летом, для вас думаю равно. Может быть и зимою и летом. Не редко то бывает с путешественниками, поедут на саниах а возвращаются на телегах. — Летом. — Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. — Но упражнения духовныя не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. — В нескольких шагах от дороги увидел я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. — Перваго сорок минут. — Я выехал в субботу. — Сего дня праздник. — | Пашущей крестьянин принадлежит конечно помещику, которой оброку с него не берет. — Крестьянин пашет с великим тщанием. — Нива, конечно не господская. — Соху поворачивает с удивительною легкостью. — Бог в помощь, сказал я, подошед к пахарю, которой не останавливаясь доканчивал зачатую борозду. — Бог в помощь, повторил я. — Спасибо барин, говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду. — Ты конечно раскольник, что пашешь по воскресеньям. Нет барин я прямым крестом крещусь, сказал он, показывая мне сложенные три перста. А бог милостив с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. — Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаеш да еще и в самой жар. — В неде|
¹⁶ деле то барин шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим | на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господской двор, коли погода хороша; а бабы и девки, для

прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, крестясь, чтоб под вечер, сего дня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они, того же у господина молят. — У меня мой друг мужиков нет и для того никто меня не кленет. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первьинькому то десятый годок. — Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным? — Не одни праздники и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли одна лошадь отдыхает; а как ета устанет, возмусь за другую; дело то и споро. — Так ли ты работаешь на господина своего. — Нет барин грешно бы было так же работать. У него на пашне | сто рук для одного рта, а у меня две, для семи ртов, сам ты щет знаешь. Да хотя растянишь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать, деревни как то называется, на аренду. А мы называем ето отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам неоставляет. Зимую не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушныя платит за нас. Самая дьявольская выдумка, отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурнаго прикащика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? — Друг мой ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают. — Мучить? Правда; но небось барин, не захочеш в мою кожу. — Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и начав новую борозду со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. — Член общества становится только тогда известен правительству его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда ста-

- новится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила. —
- 19 Страшись помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение. — Углубленный в сих размышлениях я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, которой сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз протекающий кровь мою, и прогоняя жар к вершинам нудил его разспростиратся по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал. Ты во гнѣвѣ твоѣм, говорил я сам себе, устремляешся на гордаго Господина, изнуряющаго крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли, или еще хуже того делаешь. Какое преступление сделал бедной твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы нещастному, сном. — Он получает плату, сыт, одет, ни когда |
- 20 я его не секу ни плетьюми, ни батожем. (О умеренной человек!) — и ты думаешь, что кусок хлеба, и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом, как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю тот и меня ударить может. — Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не успел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О есть ли бы он тогда, хотя пьяной опомнился, и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу! — А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Нещастный!... Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня
- 21 до следующего стана.

ЧУДОВО

Не успел я войти в почтовую избу, как услышал на улице звук почтового колокольчика, и чрез несколько минут вошел в избу приятель мой Ч. . . Я его оставил в Петербурге, и он намерения не имел оттуда выехать так скоро. Особливое происшествие побудило человека нраву крутаго, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга и вот что он мне рассказал.

Ты был уже готов к отъезду, как я отправился в Петергоф. Тут я препроводил праздники столь весело, сколько

в шуму и чаду веселиться можно. Но желая поездку мою обратить в пользу, вознамерился съездить в Кронштат и на Систербек, где сказывали мне, в последнее время сделаны великия перемены. В Кронштате прожил я два дни с великим удовольствием, насыщая зрением множества иностранных кораблей, каменной одежды крепости Кронштатской, и строений стремительно возвышающихся. Любопытствовал посмотреть новаго Кронштату плана, и с удовольствием предъусматривал красоту намереваемаго строения; словом, второй день пребывания моего кончился весело и приятно. Ночь была тихая, светлая и воздух благоразтворенной вливал в чувства особую нежность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамерился в пользу употребить благодать природы, и насладиться еще один хотя раз в жизни великолепным зрелищем восхождения солнца, котораго на гладком водяном горизонте мне еще видеть не удавалось. Я нанял морскую 12-ти весельную шлюбку, и отправился на С. . . . . | 23

Версты с четыреплыли мы благополучно. Шум веселединозвучностию своею, возбудил во мне дремоту, и томное зрение, едвали воспрядало от мгновеннаго блеска падающих капель воды с вершины весел. Стихотворческое воображение преселяло уже меня в прелестные луга Пафоса и Амафонта. Внезапу острый свист, возникающаго в дали ветра разгнал мой сон, и отягченным взорам моим, представлялися сгущенныя облака, коих черная тяжесть, казалось, стремилась на главу и падением устрашала. Зерцаловидная поверхность вод начинала рябеть, и тишина уступала место начинающемуся плесканию валов. Я рад был и сему зрелищу; соглядал величественныя черты природы и не в чванство скажу, что других устрашать начинало, то меня веселило. Восклидал изредка как Вернет, ах как хорошо! Но ветер, усиливаясь 24 постепенно, понуждал думать о достижении берега. Небо от густоты непрозрачных облаков, совсем померкло. Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистыя рытвины водяных зыбей, отнимало у гребущих силу шественнаго движения. Следуя по неволе направлению ветра, мы носилися на удачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние. Природа завистливою

нам на сей час казалась, и мы на нее негодовали теперь за то, что не разспостирала ужасного своего величества, сверкая в молнии и слух тревожа громовым треском. Но надежда преследуя человека до крайности, нас укрепляла, и мы елико
 25 нам возможно было ободряли друг друга. |

Носимые валами, внезапно судно наше остановилось недвижимо. Все наши силы совокупно употребленные, не были в состоянии совратить его с того места, на котором оно стояло. Упражняясь в сведении нашего судна с мели, как то мы думали, мы неприметили, что ветер между тем почти со всем утих. Небо по малу очистилося от затмевавших синеву его облаков. Но восходящая заря вместо того, чтоб принести нам отраду, явила нам бедственное наше положение. Мы узрели ясно, что шлюпка наша не на мели находилась; но погрязла между двух больших камней, и что не было ни каких сил для ее избавления оттуда невредимо. Вообрази мой друг наше положение, все что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да и еслиб я мог достаточныя дать
 26 черты каждому души моея движению, то слабы еще | были бы они для произведения в тебе подобнаго тем чувствованиям, какия в душе моей возникали и теснились тогда. Судно наше стояло на середине гряды каменной замыкающей залив, до С..... простирающийся. Мы находилися от берега на полторы версты. Вода начинала проходить в судно наше со всех сторон и угрожала нам совершенным потоплением. В последний час, когда свет от нас переходить начинает и отверзается вечность, низпадают тогда все степени, мнением между человекoв воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек: так видя приближающуюся кончину, забыли все мы, кто был какого состояния, и помышляли о спасении нашем отливая воду как кому споручно было. Но какая была в том польза? Колико воды союзными нашими силами было изчерпаемо,
 27 толико во мгновение паки накоплялося. К крайнему сердце наших сокрушению ни в дали, ни в близи не видно было мимолетствующаго судна. Да и то, которое бы подало нам отраду явсья взорам нашим, усугубило бы отчаяние наше, удаляясь от нас и избегая равныя с нами участи. Наконец судна нашего правитель, более нежели все другие к опасностям морских происшествий обыкший, взиравший по неволе, может быть, на смерть хладнокровно, в разных морских сражениях в прошед-

шую Турецкую войну в Архипелаге; решился или нас спасти спасаясь сам, или погибнуть в сем благом намерении: ибо стоя на одном месте, погибнуть бы нам должно было. Он вышел из судна и перебираясь с камня на камень направил шествие свое к берегу, сопровождаем чистосердечнейшими нашими молитвами. С начала продолжал он шествие свое весьма бодро, прыгая с камня на камень; переходя | воду, где она 28 была мелка, переплывая ее, где она глубже становилась. Мы с глаз его неспускали. Наконец увидели, что силы его начали ослабевать, ибо он переходил камни медлительнее, останавливаясь почасту, и садясь на камень для отдохновения. Казалось нам, что он находился иногда в размышлении и нерешимости о продолжении пути своего. Сие побудило одного из его товарищей ему преследовать, дабы подать ему помощь, если он увидит его изнемогающа в достижении берега; или достигнуть онаго, если первому в том будет неудача. Взоры наши стремились во след то за тем, то за другим, и молитва наша о их сохранении была нелицемерна. Наконец последней из сих подражателей Моисея в прохождении, без чуда, морския пучины своими стопами, остановился на камне недвижим, а перваго со всем мы потеряли из виду. |

Сокровенныя доселе внутренния каждого движения, закле- 29 панныя так сказать ужасом, начали являться при исчезании надежды. Вода между тем в судне умножалась, и труд наш возрастая в отливании оной утомлял силы наши приметно. Человек яраго и нетерпеливаго сложения рвал на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда. Человек робкия души и чувствовавший долго может быть тягость удручительныя неволи, рыдал орошая слезами своими скамью, на которой ниц разпростерт лежал. Иной вспоминая дом свой, детей и жену, сидел яко окаменелый, помышляя не о своей, но о их гибели, ибо они питались его трудами. Каково было моею души положение, мой друг сам отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебе то, что я прилежно молился богу. Наконец начали мы все предаваться отчаянию; ибо судно наше более по|ловины водою натекло, и мы стояли 30 все в воде по колена. Не редко помышляли мы вытти из судна и шествовать по каменной гряде к берегу, но пребывание одного из наших сопутников на камне уже несколько часов, и скрyтие другаго из виду представляло нам опасность пере-

хода более может быть, нежели она была в самом деле. Среди таковых горестных размышлений увидели мы близ противоположенного берега, в разстоянии от нас каком то было, точно определить не могу, два пятна черныя на воде, которыя казалось, двигались. Зримое нами нечто черное и движущееся, казалось, помалу увеличивалось; на конец приближаяся представило ясно взорам нашим, два малыя судна прямо идущия к тому месту, где мы находилися среди отчаяния, во сто крат надежду превосходящаго. Как в темной храмине свету
 31 совсем неприступной, вдруг отверзается | дверь, и лучь денный влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оный, разспостираяся по всей храмине до дальнейших ея пределов; тако увидев суда, лучь надежды ко спасению, протек наши души. Отчаяние превратилося в восторг, горесть в восклицание, и опасно было, что бы радостныя телодвижения и плескания не навлекли нам гибели скорее, нежели мы будем исторгнуты из опасности. Но надежда жития возвращаяся в сердца, возбудила паки мысли о различии состояний, в опасности уснувших. Сие послужило на сей раз к общей пользе. Я укротил излишнее радование во вред обратиться могущее. По несколько времени увидели мы две большия рыбацьи лодки к нам приближающияся, и при настижении их до нас, увидели в одной из них нашего спасителя, которой прошед каменную
 32 грядою до берега, сыскал сии лодки для нашего извлечен|ия из явной гибели. Мы немешкав ни мало вышли из нашего судна и поплыли в приехавших судах к берегу, не забыв снять с камня сотоварища нашего, которой на оном около семи часов находился. Не прошло более получаса, как судно наше стоявшее между камней, облегченное от тяжести, всплыло и развалилося со всем. Плывучи к берегу среди радости и восторга спасения, Павел, так звали спасшаго нас спутника, рассказал нам следующее.

Я оставя вас в предстоящей опасности, спешил по камням к берегу. Желание вас спасти дало мне силы чрезыестественныя: но сажень за сто до берега силы мои стали ослабевать, и я начал отчаяваться в вашем спасении и моей жизни. Но полежав с полчаса на камени, вспрынув с новою бодростию, и
 33 неотдыхая более дополз, так сказать, | до берега. Тут я растянулся на траве, и отдохнув минут десять, встал и побежал вдоль берега к С. . . . что имел мочи. И хотя с немалым

истощением сил, но вспоминая о вас добежал до места. Казалось, что небо хотело испытать вашу твердость и мое терпение, ибо я ненашел ни вдоль берега, ни в самом С... никакого судна для вашего спасения. Находясь почти в отчаянии, я думал, что нигде невозможно мне лучше искать помощи, как у тамошняго начальника. Я побежал в тот дом, где он жил. Уже был седьмой час. В передней комнате нашел я тамошней команды сержанта. Рассказав ему коротко за чем я пришел, и ваше положение, просил его, чтобы он разбудил Г...., которой тогда еще почивал. Г. сержант мне сказал: друг мой, я не смею. — Как; ты несмеешь? Когда двадцать человек тонут, ты не смеешь разбудить того, кто их спасти может? Но ты бездельник лжешь, я сам пойду.... Г. сержант взяв меня за плечо неочень учтиво, вытолкнул за дверь. С досады чуть я нелопнул. Но помня более о вашей опасности, нежели о моей обиде и о жестокосердии начальника с его подчиненным, я побежал к караульной, которая была версты с две расстоянием от проклятаго дома, из котораго меня вытолкнули. Я знал, что живущие в ней солдаты содержали лодки, в которых ездя по заливу собирали булыжник на продажу для мостовых, я и неошибся в моей надежде. Нашел сии две не большия лодки и радость теперь моя несказанна; вы все спасены. Если бы вы утонули, то я бы бросился за вами в воду. Говоря сие Павел обливался слезами. Между тем достигли мы берега. Вышед из судна я пал на колени, возвел руки на небо. — Отче всесильный, возопил я: тебе угодно да живем, ты нас водил на испытание, да будет воля твоя. — Се слабое мое друг изображение того, что я чувств[в]овал. Ужас последнего часа прободал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность. Теперь чувствую; час бьет; я мертв; движение, жизнь, чувство, мысль, все исчезнет мгновенно. Вообрази себя, мой друг на краю гроба, не почувствуешь ли корчущей мраз лиющійся в твоих жилах и завременно жизнь пресекающий. О мой друг! — Но я удалился от моего повествования.

Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце. Возможно ли, говорил я сам себе, что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великаго государя совершалось та-

36 кое безчеловечие! Я вспомню | о заключенных Агличанах в темнице Бенгальскаго Субаба. (*)

37 Воздохнул я во глубине души.—Между тем дошли мы до С... Я думал, что начальник проснувшись накажет своего сержанта, и претерпевшим на воде даст хотя успокоение. С сею надеждою пошел я прямо к нему в дом. Но поступком его подчиненнаго столь был раздражен; что я не мог умерить своих слов. Увидев его, сказал, государь мой! Известили ли вас, что за несколько часов пред сим двадцать
38 человек, находились в опасности потерять живот свой | на воде и требовали вашей помощи. Он мне отвечал, с наивеличайшею холодностию, куря табак: мне о том сказали недавно, а тогда я спал.—Тут я задрожал в ярости человечества.—Ты бы велел себя будить молотком по голове, буде крепко спишь, когда люди тонут и требуют от тебя помощи. Отгадай, мой друг, какой его был ответ. Я думал, что мне сделается удар от того, что я слышал. Он мне сказал: не моя то должность. Я вышел из терпения.—Должность ли твоя людей убивать, скаредной человек и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь над другими!... Окончать не мог моя речы, плюнул почти ему в рожу и вышел вон. Я волосы драл с досады. Сто делал расположений, как отмстить сему зверскому начальнику не за себя

(*) Агличане приняли в свое покровительство ушедшаго к ним в Калкуту чиновника Бенгальскаго, подвергшаго себя казни своим издоимством. Справедливо раздраженный Субаб, собрав войско, приступил к городу, и оной взял. Аглинских военнопленных, велел ввергнуть в тесную темницу, в коей они в полсутки издохли. Осталось от них только двадцать три человека. Нещастные сии сулили страже великия деньги, да возвестит владельцу о их положении. Вопль их и стенание, возвещало о том народу, о них соболезующему; но никто нехотел возвестить о том властителю. Почивает он, ответствовано умирающим Агличанам; и ни един человек в Бенгале немнил, что для спасения жизни ста пятидесяти нещастных, должно отъяти сон мучителя на мгновение.

37 Но чтож такое мучитель? Или паче, чтож такое народ обыкший к игу мучительства? Благоговение, или боязнь, тягчит его согбенна? Если | боязнь, то мучитель ужаснее богов, к коим человек возсылает или молитву или жалобу, во время ноши или в часы денныя. Если благоговение, то возможно человека возбудить на почитание соделателей его бедствий; чудо, возможное единому суеверию. Чему более удивляться, зверству ли спящаго Набаба или подлости несмеющаго его разбудить. Р е н а л ь. И с т о р и я о И н д и я х. Том II.

но за человечество. Но опомнясь, убедился воспоминанием многих при|меров, что мое мщенье будет бесплодно, что я 39 же могу прослыть или бешеным или злым человеком; смирился.

Между тем люди мои сходили к священнику, которой нас принял с великою радостью, согрел нас, накормил, дал отдохновение. Мы пробыли у него целыя сутки, пользуясь его гостеприимством и угощением. На другой день нашед большую шлюпку, доехали мы до Ораниенбаума благополучно. В Петербурге я о сем рассказывал тому и другому. Все сочувствовали мою опасность, все хулили жестокосердие начальника, никто незахотел ему о сем напомнить. Если бы мы потонули, то бы он был нашим уби[й]цею.—Но в должности ему непредписано вас спасать, сказал некто.—Теперь я прошусь с городом на веки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие грысть друг|друга; отрада их, то- 40 мить слабаго до издыхания, и раболепствовать власти. И ты хотел, чтоб я поселился в городе. Нет мой друг, говорил мой повествователь вскочив со стула, заеду туда, куда люди неходят, где незнают что есть человек, где имя его неизвестно. Прости;—сел в кибитку и поскакал. | 41

СПАСКАЯ ПОЛЕСТЬ

Я в след за моим приятелем скакал так скоро, что настиг его еще на почтовом стану. Старался его уговорить, чтоб возвратился в Петербург, старался ему доказать, что малыя и частныя неурюстройства в обществе, связи его неразрушат, как дробинка падая в пространство моря, неможет возмутить поверхности воды. Но он мне сказал на отрез: когда бы я малая дробинка пошел на дно, то бы конечно на Финском заливе бури несделалось, а я бы пошел жить с тюленями. И с видом негодования простясь со мною лег в свою кибитку, и поехал поспешно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занес, что бы влезть в кибитку; как вдруг дождь пошел.—Беда невелика размышляя я; закро|юсь ценовкою и буду сух. Но едва мысль 42 сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в пролубь. Небо неспросясь со мною разверзло облако и дождь лил ведром. — С погодою несладиш; по пословице

тише едеш, дале будеш — вылез я из кибитки и убежал в первую избу. Хозяин уже ложился спать и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил позволение обсушиться. Снял с себя мокрое платье и что было посуше, положив под голову, на лавке скоро заснул. Но постеля моя была непуховая, долго нежится непозволила. Проснувшись услышал я шопот. Два голоса различить я мог, которые между собою разговаривали. — Ну муж, Расскажи-тка, говорил женской голос. — Слушай жена. —

Жил-был; — и подлинно на сказку похоже; да как же
 43 сказке верить, сказала жена в полголоса, зевая ото сна; поверю ли я, что были Полкан, Бова или Соловей разбойник. — Да кто тебя толкает в шею, верь коли хочешь. Но то правда что встарину силы телесныя были в уважении, и что силачи оныя употребляли во зло. Вот тебе Палкан. А о Соловье разбойнике читай мать моя истолкователей Руских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красно-речия своего ради. — Не перебивай же моей речи. И так, жил был где то Государев Наместник. В молодости своей таскался по чужим землям, выучился есть устерсы, и был до них великой охотник. Пока денжонок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устерсов на столе его начало прибавляться. А как попал в Наместники и когда
 44 много стало у него денег своих, много и казенных в разпоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устерсы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками. Но вочто бы то ни стало, а устерсы есть будет. — В правление посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, котораго он имеет в Петербург отправить с важными донесениями. Все знают что курьер поскачет за устерсами, но куда ни вертись а прогоны выдавай. На казенныя денешки дыр много. Гонец снабженный подорожною, прогонами, совсем готов, в куртке и чикчерах явился пред Его Высокопревосходительство. — Поспешай мой друг, вещает ему унизанной Орденами, поспешай, возьми сей пакет, отдай его в вольшой морской. — Кому прикажите — прочти адрес —
 45 его... его... | — Не так читаеш — государю моему гос... — вреш... господину Корзинкину, почтенному лавошнику.

в С. Петербурге в большой морской. — Знаю Ваше Высокопревосходительство. — Ступай же мой друг и как скоро получишь, то возвращайся поспешно и ни мало не медли; я тебе скажу спасибо не одно.

И ну ну ну, ну ну ну; по всем по трем, вплоть до Питера, к Корзинкину прямо на двор. — Добро пожаловать. Куды какой Его Высокопревосходительство затейник, из за тысячи верст, шлет за какою дрянью. Только барин доброй. Рад ему служить. Вот устерсы теперь лиш с биржи. Скажи не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. Да мы с его милостию сочтемся. — Бочку взвалили в кибитку; поворота оглобли курьер уже опять скачет; успел лиш | зайти в кабак и выпить два крючка сивухи. 46

Тинь тинь.... Едва угородских ворот услышали звон почтового колокольчика; караульной Офицер бежит уже к Наместнику, (толи дело как где все в порядке) и рапортует ему, что вдали видна кибитка и слышен звон колокольчика. Не успел выговорить, как шась курьер в двери. — Привез Ваше Высокопревосходительство. — Очень к стате; (оборотясь к предстоящим:) Право человек достойной, исправен и непьяница. Сколько уже лет, по два раза в год ездит в Петербург; а в Москву сколько раз, упомянуть немогу. Секретарь пиши представление. За многочисленные его в посылках труды, и за точнейшее оных исправление удостоиваю его к повышению чином. — — —

В расходной книге у Казначея записано: по предложению Его Высокопревосходительства дано курьеру Н. Н. отправленному в С: П: с наинужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы..... Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами непахнет. 47

По представлению Господина Генерала и проч. ПРИКАЗАЛИ: быть сержанту Н. Н. Прапорщиком. — — — Вот жена, говорил муской голос как добиваются в чины а что мне прибыли, что я служу безпорочно, неподамся вперед ни на палец. По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но Царь жалует, а псарь нежалует. Так то наш Г. Казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату. Когда бы я с ним был заодно, то бы было нежитье, а масленица. — И... полно Клементьичь

пустяки то молоть. Знаеш ли, за что он тебя нелюбит?
 48 за то, что ты про|мен береш со всех, а с ним не делишься. —Потише Кузминична, потише; не равно кто подслушает.—Оба голоса умолкли и я опять заснул.

Поутру узнал я, что в одной избе со мною, ночевал при-
 сяжной с женою, которые до света отправились в Новгород.

Между тем как в моей повозке запрягали лошадей, при-
 ехала еще кибитка, тройкою запряженная. Из нее вышел
 человек закутанной в большую япанчу, и шляпа с разпу-
 щенными полями глубока надетая, препятствовала мне ви-
 деть его лице. Он требовал лошадей без подорожной; и
 как многие повозчики окружив его, с ним торговались, то
 он недожидаясь конца их торга, сказал одному из них
 с нетерпением: запрягай поскорей, я дам по четыре копейки
 на версту. Ямщик побежал за лошадьми. Другие видя, что
 49 дого|вариваться уже было неочем, все от него отошли.

Я находился от него не далее как в пяти сажнях. Он
 подошед ко мне и неснимая шляпы, сказал: милостивый
 государь снабдите чем ниесть человека нещастнаго. Меня
 сие удивило чрезмерно, и я немог вытерпеть, чтоб ему не
 сказать, что я удивляюсь прозбе его о вспомоении, когда он
 нехотел торговаться о прогонах, и давал против других в двое.
 Я вижу, сказал он мне, что в жизнь вашу поперечнаго вам
 ничего не встречалось. Столь твердой ответ мне очень по-
 нравился, и я немедля ни мало вынув из кошелька . . . . .
 неосудите, сказал, более теперь вам служить немогу,
 но если доедем до места, то может быть, сделаю что-
 нибудь больше. Намерение мое присем было то, что бы
 50 сделать его чистосердечным; я и не |ошибся. Я вижу, ска-
 зал он мне, что вы имеете еще чувствительность, что обра-
 щение света и снискание собственной пользы незатворили
 вход ея в ваше сердце. Позвольте мне сесть на вашей по-
 возке, а служителю вашему прикажите сесть на моей.
 Между тем лошади наши были впряжены, я исполнил его
 желание—и мы едем.

Ах государь мой, немогу себе представить, что я не-
 щастлив. Не более недели тому назад я был весел, в удо-
 вольствии, недостатка нечувствовал, был любим, или так
 казалось; ибо дом мой всякой день был полон, людьми за-
 служившими уже знаки почестей; стол мой был всегда как

великолепное некое торжество. Но если тщеславие толикое имело удовлетворение, равно и душа наслаждалась истинным блаженством. По многих сперва бесплодных стараниях, предпринятиях, | и неудачах наконец получил я в жену ту кот[о] 51
рую желал. Взаимная наша горячность услаждая и чувства и душу, все представляла нам в ясном виде. Не зрели мы облачного дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна и приближался час ея разрешения. Все сие блаженство, определила судьба да рушится одним мгновением.

У меня был обед и множество так называемых друзей собравшись, насыщали праздной свой голод на мой щет. Один из бывших тут, которой внутренно меня нелюбил, начал говорить с сидевшим подле него, хотя в полголоса но довольно громко, чтобы говоренное жене моей и многим другим слышно было. Не ужели вы не знаете, что дело нашего хозяина в уголовной палате уже решено.— |

Вам покажется мудрено, говорил спутник мой, обращая 52
ко мне свое слово, что бы человек неслужащей и в положении мною описанном, мог подвергнуть себя суду уголовному. И я так думал долго, да и тогда, когда мое дело прошед нижние суды, достигло до вышшаго. Вот в чем оно состояло: я был в купечестве записан; пуская капитал мой в обращение, стал участником в частном откупу. Неосновательность моя причиною была, что я доверил лживому человеку, которой лично попавшись в преступлении, был от откупу отрешен и, по свидетельству будто его книг, сделался по видимому нанем большей начет. Он скрылся, я остался в лицах и начет положено взыскать с меня. Я сделав выправки, сколько мог, нашел, что начету на мне или совсем бы небыло, или бы был очень малой, и для того просил, чтобы сделали разчет со | мною; ибо я по нем был 53
порукою. Но вместо того, чтобы сделать должное по моему прошению удовлетворение, велено недоимку взыскать с меня. Первое неправосудие. Но к сему присовокупили и другое. В то время как я сделался в откупу порукою, имения за мною никакого небыло, но по обыкновению послано было запрещение на имение мое в гражданскую палату. Странная вещь запрещать продавать то, чего не существует в имении! После того купил я дом, и другия сделал приобретения.

В то же самое время случай допустил меня перейти из купеческого звания в звание дворянское получа чин. Наблюдая свою пользу я нашел случай продать дом на выгодных кондициях, совершив купчую в самой той же палате, где существовало запрещение. Сие поставлено мне в преступление; ибо были люди которых удовольствие по⁵⁴мрачалось блаженством моего жития. Стряпчей казенных дел, сделал на меня донос, что я избегая платежа казенной недоимки, дом продал, обманул гражданскую палату назвавшись тем званием, в коем я был, а не тем, в котором находился при покупке дома. Тщетно я говорил, что запрещение не может существовать на то, чего нет в имени, тщетно я говорил, что по крайней мере надлежало бы сперва продать оставшееся имение и выручить недоимку сей продажею, а потом предпринимать другия средства; что я звания своего не утаивал, ибо в дворянском уже купил дом. Все сие было отринуто, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложной мой поступок лишить чинов,—и требуют теперь говорил повествователь хозяина здешняго в суд, дабы посадить под стражу до окончания дела. |

⁵⁵ Сие последнее поветствуя, рассказывающий возвысил свой голос. Жена моя едва сие услышала, обняв меня вскричала: нет мой друг и я с тобою. — Более выговорить немогла. Члены ея все ослабели и она упала безчувственна в мои объятия. Я подняв ее со стула вынес в спальную комнату и неведаю как обед окончался.

Пришед чрез несколько времени в себя она почувствовала муки, близкое рождение плода горячности нашей возвещающия. Но сколь ни жестоки оне были, воображение, что я буду под стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду с тобою. Сие несчастное приключение ускорило рождение младенца целым месяцом, и все способы бабки и Доктора для пособия призванных, были ⁵⁶ тщетны и немогли воспретить, что бы жена моя не родила чрез сутки. Движения ея души нетокмо с | рождением младенца неуспокоились, но усилившись гораздо, сделали ей горячку. — По что распространяться мне в повествовании? Жена моя на третий день после родов своих умерла. Видя ея страдание, можете поверить, что я ее неоставлял ни на минуту. Дело мое и осуждение, в горести позабыл совер-

шенно. За день до кончины моей любезной, недозрелой плод нашей горячности, так же умер. Болезнь матери его, занимала меня совсем, и потеря сия была для меня тогда невелика. Вообрази, вообрази, говорил поветствователь мой взяв обеими руками себя за волосы, вообрази мое положение, когда я видел, что возлюбленная моя со мною разставалась на всегда.—На всегда! вскричал он диким голосом. Но за чем я бегу? Пускай меня посадят в темницу; я уже нечувствителен; пускай меня мучат, пускай лишают жизни.—О варвары, тигры, | змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте 57 в него томной ваш яд.—Извините мое изступление, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро вообразу ту минуту, когда любезная моя со мною разставалась, то я все позабываю и свет в глазах меркнет. Но окончу мою повесть. В толико жестоком отчаянии, лежащу мне над бездыханным телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей прибежав ко мне.—Тебя пришли взять под стражу, команда на дворе. Беги отсель, кибитка у задних ворот готова, ступай в Москву, или куда хочешь, и живи там, доколе можно будет облегчить твою судьбу.—Я невнимал его речам, но он усилился надо мною и взяв меня с помощью своих людей, вынес и положил в кибитку; но вспомня, что надобны мне деньги, дал мне кошелек, в котором было только пятьдесят | 58 рублей. Сам пошел в мой кабинет, что бы найти там денег и мне вынести; но нашед уже офицера в моей спальне, успел только прислать ко мне сказать, что бы я ехал. Непомню как меня везли первую станцию. Слуга приятеля моего рассказав все происшедшее простился со мною, а я теперь еду, по пословице,—куда глаза глядят.

Повесть спутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикия производились жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны (можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казеннаго требования), отнимали у людей имение, честь, жизнь? Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха | верховныя власти. Ибо 59 справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть безпристрастна.—Но не

могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподроблю все происшествие и представляю не правосудие судивших и невинность страждущаго.—Но жалобницы от меня непримут. Спросят, какое я на то имею право; потребуют от меня верующаго письма.—Какое имею право? Страждущее человечество. Человек лишенный имения, чести, лишенный половины своей жизни, в самовольном изгнании, дабы избежать поносительнаго заточения. И на сие надобно верующее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страдает мой согражданин?—Да и в том нет нужды. Он человек: вот мое право, вот верующее письмо.—О богочеловек! Почто писал ты закон | твой для варваров. Они крестятся во имя твое, кровавыя приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую, и совесть возжигая по мере злодеяния, недал бы им покоя денноночно, доколь страданием своим незагладят все злое, еже сотворили. Таковыя размышления толико утомили мое тело, что я уснул весьма крепко и непросыпался долго.

Возмущенные соки мыслию стремилися, мне спящу, к голове, и тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение. Нецетныя картины представлялись мне во сне, но исчезали, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, некоторое мозговое волокно, тронутое сильно, восходящими из внутренних сосудов тела парами, задрожало долее других на несколько времени, и вот что я грезил. |

Мне представилось, что я Царь, Шах, Хан, Король, Бей, Набав, Султан, или какое то сих названий нечто, сидящее во власти на Престоле.

Место моего возседения было из чистаго злата, и хитро изкладенными драгими разнаго цвета камнями, блистало лучезарно. Ничто сравниться немогло со блеском моих одежд. Глава моя украшалася венцем лавровым. Вокруг меня лежали знаки власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из сребра изваянном, на коем изображались морския и сухопутныя сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было вверху имя мое носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящим. Тут виден был скипетр мой, возлежащей на снопах, обильными класами

отягченных, изваянных из чистаго злата и природе совершенно подражающих. На | твердом коромысле возвешенныя 62
зрелися весы. В единой из чаш лежала книга с надписью
Закон Милосердия; в другой книга же с надписью
Закон Совести. Держава из единого камня изсеченная,
поддерживаема была грудю младенцев из белого мрамора
изсеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал
на раменах сильнаго исполина, возкраие же его поддержи-
ваемо было истиною. Огромной величины змия, из светлыя
стали изкованная, облежала вокруг всего седалища при его
подножии, и конец хвоста в зеве держаща изображала
вечность.

Но неединныя бездыханныя изображения возвещали власть
мою и величество. С робким подобострастием, и взоры мои
ловящи стояли вокруг престола моего чины Государственные.
В некотором отдалении от престола моего, толпилось без-
численное множество народа, коего | разныя одежды, черты 63
лица, осанка, вид и стан, различие их племени возвещали.
Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воли моей
подвластны. По сторонам на несколько возвышенном месте,
стояли женщины в великом множестве в прелестнейших
и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удоволь-
ствие на меня смотреть, и желанія их стремились, на предъ-
упреждении моих, если бы оне возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание;
казалось, что все в ожидании были важнаго какого произ-
шествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества
зависели. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вко-
ренившуюся скуку в душе моей, от насыщающаго скоро
единообразия происходящую, я долг отдал естеству, и рот
разинув до ушей, зевнул во всюочь. Все | вняли чувствованию 64
души моей. Внезапу смятение разпростерло мрачной покров
свой по чертам веселия, улыбка улетала со уст нежности
и блеск радованія с ланид удовольств[в]ия. Изкаженные взгляды
и озирание, являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящія
беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби;
и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием
страха стенание. Уже скорыми в сердца всех стопами ше-
ствовало отчаяние и смертныя содроганія, самыя кончины
мучительнее.—Тронутый до внутренности сердца толико

печальным зрелищем, ланидные мышцы нечувствительно стянулись ко ушам моим, и растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко. Подобно как в мрачную атмосферу густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца | лучь. Летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага, и разделенная в составе своем частию улегчась, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира, и частию удержав в себе одну только тяжесть земных частиц падает низу стремительно. Мрак присудствовавший повсюду в небытии светозарнаго шара исчезает весь вдруг, и сложив поспешно непроницательной свой покров, улетает на крылех мгновенности, неоставляя по себе ниже знака своего присудствования. Тако при улыбке моей развеялся вид печали на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и неосталось косаго вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать: да здравствует наш великий Государь, да здравствует на веки. Подобно тихому полуденному ветру, помавающему листья дерев, и любостра|стное производящему в дубраве шумление, тако во всем собрание радостное шептание раздавалось. Иной в полголоса говорил: он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорила тысячи разных народов своей державе. Другой возкличал: он обогатил Государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие. Женщины с нежностью вещали: он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан избавя их до сосца еще гибельныя кончины. Иной с важным видом возглашал: он умножил государственныя доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание. Юношество с восторгом руки на Небо простирая рекло: он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. | Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех Царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковыя ударяя в тимпан моего уха, громко раздавались в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля душа моя воз-

вышалася над обыкновенным зрениа кругом; в существе своем разширялась и вся объемя, касалася степеней божественной премудрости. Но ничто несравнилося с удовольствием самоодобрения при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал я ити с многочисленным войском на завоевание земли, целым Небесным поясом от меня отделенной. Государь, ответственвал он мне, слава единая имени твоего, победит народы оную землю населяющие. 63
Страх предше|ствовать будет оружию твоему, и возвращуся приносяй дань Царей сильных.— Учредителю плаваная я рек; да корабли мои разсеятя по всем морям, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе. Исполню Государь.— И полетел на исполнение яко ветр определенный надувать ветрила корабельные.— Возвести до дальнейших пределов моя область, рек я хранителю законов, се день рождения моего, да ознаменится он в летописях на веки отпущением повсеместным. Да отверзутся темницы, да изыдут преступники, и да возвратятся в дома свои, яко заблудшие от истиннаго пути.— Милосердие твое, Государь! есть образ всещедрого существа. Бегу возвестити радость скорбящим отцам по чадах их, супругам по супругам их.— Да воздвигнутя, рек я, первому зодчию, великолепнейшия здания | для 69
убежища мусс, да украсятя подражаниями природы разнообразными; и да будут они ненарушимы, яко небесныя жительницы, для них же они уготовляются.— О премудрый отвечал он мне, егда велениям твоего гласа стихии повиновалися, и совокупя силы свои учреждали в пустынях и на делях обширные грады, превосходящие великолепием славнейшия в древности; колико мало важен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют.— Да отверзетя ныне, рек я, рука щедроты, да излиются остатки избытка ꙗна немощствующих, сокровища ненужныя да возвратятся к их источнику.— О всещедрый Владыко, всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищаго, да будет твоя воля.— При всяком моем изречении все предстоящие восклицали радостно и | плескание рук нетокмо 70
сопровождало мое слово, но даже предъупреждало мысль. Единая из всего собрания жена, облегающаяся твердо о столц,

испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования. Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами. Кто сия? вопрошал я близь стоящаго меня. — Сия есть странница нам неизвестная, именует себя Прямовзорой и глазным врачом. Но есть Волхв опаснейший, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит; даже нещадит в ругании своем священныя твоя главы. — Почтож злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра. Сей день, есть день милости и веселия. Приидите сотрудники мои в ношении тяжкаго бремени правления, примите достойное за 71 труды и | подвиги ваши воздаяние. Тогда возстав от места моего, возлагал я различныя знаки почестей на предстоящих; отсутствующие забыты небыли, но те, кои приятным видом, словам моим шли во сретение, имели большую во благодеяниях моих долю.

По сем продолжал я мое слово: пойдем столпы моя державы, опоры моя власти, пойдем усладиться по труде. Достойно бо да вкусит трудившийся плода трудов своих. Достойно Царю вкусити веселия, он же изливает многочисленныя всем. Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству, рек я к учредителю веселий. Мы тебе последуем. — Постой, вещала мне странница от своего места, постой, и подойди ко мне. Я врач присланный к тебе и тебе подобным, да очищу зрение твоё. — Какія бельма сказала она с восклицанием. — Некая невидимая сила, нудила меня 72 ити пред | нее; хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже мне насилие.

На обоих глазах бельма, сказала странница, а ты столь решительно судил о всем. Потом коснулась обоих моих глаз, и сняла с них толстую плену, подобну роговому разствору. Ты видиш сказала она мне, что ты был слеп и слеп совершенно. — Я есмь Истина. Всевышний подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластнаго народа, низпослал меня с небесных кругов, да отжену темноту проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представляются днесь в естественном их виде, взорам твоим. Ты проникнеш во внутренность сердец. Неутайтся более от тебя змия, крыющаяся в излучинах душевных. Ты по-

знаеш верных своих подданных, которыя в дали от тебя, не тебя любят, но любят отечество; | которые готовы всегда на 73
твое поражение, если оно отмстит порабощение человека.
Но не возмутят они гражданского покоя безвременно, и без пользы. Их призови себе в друзей. Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей, позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодеи, затмевующие очи твои, и вход мне в твои чертоги воспреещающие. Един раз являюся я Царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Пребывание мое неест в чертогах царских. Стража обсевшая их вокруг и бдящая денноночно стоглазно, воспрещает мне вход в оные. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то подняв бичь гонения, все тебя окружающие, тщатся меня изгнать из обиталища твоего; бди убо да паки неудалюся от тебя. Тогда | слова 74
ласкательства, ядовитые пары издыхающия, бельма твои паки возродят, и кора светом непроницаемая покрывает твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо; едва на шаг один, взоры твои досязать будут. Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои невозмутятся стенанием; но усладится слух сладкопением ежечасно. Жертвенныя курения обыдут на лесть отверстую душу. Осязанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда нераздерет благотворная шероховатость, в тебе нервов осязательности. Возтрепещи теперь за таковое состояние. Туча вознесется над главой твоей, и стрелы карающаго грома, готовы будут на твое поражение. Но я вещаю тебе, поживу в пределах твоего обладания. Егда восхощешь меня видети, егда осажденная козьями ласкательства душа твоя, взалкает моего взора; воззови | меня из 75
твоя отдаленности; где слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящеш. Неубойся гласа моего николи. Если из среды народныя возникнет муж порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдись и недерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника. Ибо всяк, порицающий Царя в самовластии его, есть странник земли, где всё пред ним трепещет. Угости его вещаю, почти его, да возвратившися возможет он паче и паче гла-

голати нельстиво. Но таковыя твердыя сердца бывают редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище. А дабы бдетельность твоя не усыплялася негою власти, се
 76 кольцо дарую тебе, да возвестит оно тебе твою | неправду, когда на нее дерзать будеш. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можеш быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший устремляющий злость свою на внутренность слабаго. Ты виною будеш, если мать восплачет о сыне своем убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называ[е]мое. Ты виною будеш, если запустеет нива, если птенцы земледельателя лишатся жизни у тощаго без здравья пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящих тебе, возри на исполнение твоих велений, и если душа твоя несодрогнется от ужаса при взоре таковом, то отъиду от тебя и чертог твой загладится навсегда в памяти моей. |

77 Изрекшия странницы лице, казалось веселым и вещественным сияющее блеском. Возрение на нее вливало в душу мою радость. Уже нечувствовал я в ней зыбей тщеславия и надутлости высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание властолюбия ея некасались. Одежды мои, столь блестящия, казались замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделися мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлися того скареднее. Вся внутренность их казалась черною и сгараемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник мой посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности небыло; воины мои
 78 почи|талися хуже скота. Нерадели ни о их здравии ни прокормлении; жизнь их ни вочто вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялася на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужныя и безвременныя строгости. Казна определенная на содержание всеополчения была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлаго раболепия.

Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника, коего я отличными почтил знаками моего благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособием был в насыщении сладострастия своего начальника; и на оказание мужества небыло ему даже случая; ибо он издали невидал неприятеля. От таких то воинов | я ждал себе новых венцов. Отвратил я взор мой от тысячи бедств представившихся очам моим. 79

Корабли мои назначенные, да прейдут дальнейшия моря, видел я плавающими при устье пристанища. Начальник полетевший для исполнения моих велений на крылах ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоаяся негою и любовью в объятиях наемной возбудительницы его сладострастия. На изготованном велением его чертеже, совершенного в мечтании плаванья, уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. Обширныя земли и многочисленные народы израждалися из кисти новых сих путешественников. Уже при блеске ночных светильников начерталося величественное описание сего путешествия и сделанных приобретений, | слогом цветущим и великолепным. Уже золотые дски 83 уготовлялися на одежду столь важнаго сочинения. О Кук! по что ты жизнь свою провел в трудах и лишениях? По что скончал ее плачевным образом? Если бы возсел на сии корабли, то в веселиях начав путешествие, и в веселиях его скончая, столь же бы много сделал открытий, сидя на одном месте (и в моем государст[в]е) толико же бы прославился; ибо ты бы почтен был твоим Государем.

Подвиг мой, коим в ослеплении моем душа моя наиболее гордилася, отпущение казни и прощение преступников, едва видны были в обширности гражданских деяний. Веление мое, или было совсем нарушено, обращая не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным онаго толкованием, и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалось торговлею, и тому, | кто давал больше, стучал молот жалости 81 и великодушия. Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом. Удержи свое милосердие, вещали тысячи гласов, невозвещай нам его великолеп-

ным словом, если нехощеши его исполнити. Несоплощай с обидою насмешку, с тяжестию, ея ощущение. Мы спали и были покойны, ты возмутил наш сон, мы бдеть нежелали; ибо не над чем.—В созидании городов видел я одно расточение государственных казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к разточению нередко присовокуплялося и непонятие о истинном искусстве. Я зрел расположение их внутреннее и внешнее без малейшаго вкуса. Виды оных принадлежали веку
 82 Готфов и Вандалов. В жилище для Мусс уго|тованном незрел я лиующихся благотворно струев Касталии и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи. Зодчие согбенные над чертежем здания, не о красоте онаго помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. Возгнушался я моего пышнаго тщеславия и отвратил очи мои.—Но паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная, на государственных надобности, не может лучше употребиться, как на вспоможение нищаго, на одеяние нагаго, на прокормление алчущаго, или на поддержание погибающаго противным случаем, или на мзду нерадящему о стяжании достоинству и заслуге. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатаго, на льстеца, на вероломнаго
 83 друга, на убийцу иногда тай|наго, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившаго мое пристрастие, на снисходящаго моим слабостям, на жену кичащуюся своим безстыдством. Едва, едва досязали слабые источники моя щедроты, застенчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились из очей моих, и сокрыли от меня толь бедственных представления, безразсудной моей щедроты.—Теперь ясно я видел, что знаки почестей мною раздаваемые всегда доставалися в удел недостойным. Достоинство неопытное пораженное первым блеском сих мнимых блаженств, вступало в единый путь с ласкательством и подлостью духа, на снисkanie почестей, вожденной смертных мечты; но влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало, и довольствоваться было осуждаемо,
 84 собственным своим одобрением, во уверении, что по|чести мирские суть пепл и дым. Видя во всем толикую преврат-

ность от слабости моей и коварства министров моих произтекающую; видя что нежность моя обращалась на жену, ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия, и внешность только свою на услаждение мое устрояющую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение; возревел я яростию гнева. Недостойные преступники, злодеи! вешайте, почто во зло употребили доверенность Господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Возтрепещите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? Се он, его же призову из хижины унижения. Прииди вещал я старцу, коего созерцал в крае обширныя моя области, кроющагося под заросшею мхом хижиною, прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и возтревоженному уму. — Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моя обязанности, познал откуда произтекает мое право и власть. Возтрепетал во внутренности моей, убоился служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. — Еще неопомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем небыло. О если бы оно пребывало хотя на мизинце Царей!

Властитель мира, если читая сон мой, ты улыбнешся с насмешкою, или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною страна, отлетела от тебя далеко, и чертогов твоих гнушается. | 86

ПОДБЕРЕЗЬЕ

Насилу очнуться я мог от Богатырскаго сна, в котором я столько сгрезил. — Голова моя была свинцовой тяжелее, хуже, нежели бывает с похмелья у пьяниц, которые по неделе пьют запоем. Не в состоянии я был продолжать пути и трестися на деревянных дрогах, (пружин у кибитки моей небыло). Я вынул домашней лечебник; искал нет ли в нем рецепта от головной дурноты, происходящей от бреду во сне и наяву. Лекарство со мною хотя всегда ездило в запасе; но по пословице на всякаго мудреца довольно простоты; против бреду я себя непредостерег и от того голова моя, приехав на почтовой стан, была хуже болвана.

Вспомнил я, что некогда блаженной памяти нянюшка моя Клемень|тьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, 87

охотница была до кофею и говаривала, что помогает он от головной боли. Как чашек пять выпью, говаривала она, так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни.

Я взялся за нянюшкино лекарство, но непривыкнув пить вдруг по пяти чашек, поподчивал излишне для меня сваренным, молодого человека, которой сидел на одной со мной лавке, но в другом углу у окна.—Благодарю усердно, сказал он, взяв чашку с кофеем.—Приветливый вид, взгляд неробкой, вежливая осанка, казалось не к стате были к длинному полукафтанию, и к примазанным квасом волосам. Извини меня читатель в моем заключении, я родился и вырос в столице, и если кто некудряв и ненапудрен, того я ни вочто нечту. Если и ты деревенщина и волос непудриш, то | неосуди буде я на тебя невзгляну и пройду мимо.

Слово за слово я с новым моим знакомцом поладил. Узнал, что он был из Новгородской Семинарии, и шел пешком в Петербург повидаться с дядею, которой был Секретарем в Губернском штате. Но главное его намерение было, чтоб сыскать случай для приобретения науки.—Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения, говорил он мне. Одно сведение Латинскаго языка не может удовлетворить разума алчущаго науки. *Виргилия, Горация, Тита Ливия, даже Тацита* почти знаю наизусть, но когда сравню знании Семинаристов с тем, что я имел случай по щастию моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям. Классические авторы нам все известны, но мы лучше знаем критическия объяснения текстов, нежели то, что их доднесь делает приятными, что вечность для них уготовало. Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику, богословию, но, пословам Кутейника в Недоросле, дойдем до конца философскаго учения и возвратимся вспять. Чему дивиться; *Аристотель и Схоластика* до ныне царствуют в Семинар[и]ях. Я по щастию моему знаком стал, в доме одного из Губернских членов в Новгороде, имел случай приобрести в оном малое знание во Французском и Немецком языках и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница в просвещении времен, когда один Латинской язык был в училищах употребителен, с нынешним временем! Какое пособие к учению, когда науки несут тайнства, для сведущих Латинской язык токмо от-

верстыя, но преподаются на языке народном!—Но для чего, прервав | он свою речь продолжал, для чего незаведут ⁹⁰ у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке Российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже, за одного латинщика, нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член понимающий, что есть юриспруденция или законоучение.—Боже мой! продолжал он с восклицанием, если бы привести примеры из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций, Монтескью, Блекстон.—Ты читал Блекстона,—читал первыя две части на Российской язык переведенныя. Нехудо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцов, заставлять их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь. | Как непотужить, повторил ⁹¹ он, что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном.

Вошедшей почталион помешал продолжению нашей беседы. Я успел Семинаристу сказать, что скоро желание его исполнится, что уже есть повеление о учреждении новых Университетов где науки будут преподаваться по его желанию.—Пора, государь мой, пора.....

Между тем как я платил почталиону прогонныя деньги, Семинарист вышел вон. Выходя выронил небольшой пук бумаги. Я поднял упавшее, и неотдал ему. Необличи, меня любезной читатель в моем воровстве; с таким условием, я и тебе сообщу, что я подтибрил. Когдаже прочтешь, то знаю, что кражи моея наружу невыведешь; ибо нетот один вор кто крал, но и тот кто принимал, так писано в законе Руском. Признаюсь, я на руку | нечист; где что немного ⁹² похожее на разсудительное увижу, то тот час стяну; смотри, ты неклади мыслей плохо.—Читай, что мой Семинарист говорит:

Кто мир нравственной уподобил колесу, тот сказав великую истину, неиное что может быть сделал, как взглянул на круглой образ земли и других великих в пространстве носящихся тел, изрек только то, что зрел. Поступая в познании естества, откроют может быть смертныя, тайную связь, веществ духовных или нравственных, с веществами

телесными или естественными; что причина всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного зависит может быть от кругообразного вида, нашего обиталища, и других к солнечной системе принадлежащих тел, равно как и оно кругообразных, и коло|вращающихся. . . .
 93 На мартиниста похоже, на ученика Шведенборга. . . . Нет мой друг! я пью и ем не для того только, чтоб быть живу, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств. И покаюсь тебе, как отцу духовному, я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою, и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, нежели зарывшись в Еврейския или Арабския буквы, в цыфири, или Египетские Иероглифы, потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым духовным Витязям. Когда умру, будет время довольно на неосязательность, и душенька моя на бродится досыта.

Оглянись назад, кажется еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие, и весь, его причет, невежество, рабство, инквизиция, и многое кое что. Давно | ли то
 94 было, как Вольтер кричал против суеверия до безголосицы; давно ли Фридрих неутолимой его был враг нетокмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, державным своим примером. Но в мире сем всё приходит на прежнюю степень, ибо всё в разрушении свое имеет начало. Животное, прозябаемое, рождается, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы, собираются во грады, основывают Царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются. Места пребывания их невидно; даже имена их погибнут. Христианское общество в начале было смиренно, кротко, скрывалось в пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; в изступлении шло стезею
 95 народам обыкновенною; воздвигло начальника, раз|ширило его власть, и Папа стал всеильный из Царей. Лутер начал преобразование, воздвиг раскол, изъялся из под власти его, и много имел последователей. Здание предубеждения о власти Папской рушиться стало, стало исчезать и суеверие; истина нашла любителей, попраля огромной оплот предразсуждений, но не долго пребыла в сей стезе. Вольность мыслей вдалася необузданности. Не было ничего святого, на все посягали.

Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять. Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Недошли еще до последнего края безпрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию. Разверни новейшия таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, немысля о том, был ли в речении смысл. Когда задачею любомудрия почиталось и на решение исследователей истинны, отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ. 96

Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если оставя естественность гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезной бы был труд писателя, показавшаго нам из прежних деяний, шествие разума человеческого, когда сотрясший мглу предубеждений он начал преследовать истину до выпренности ея, и когда утомленный так сказать своим бодрствованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и низпускаться в туманы предразсудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен nebude: ибо обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранит хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества, блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен если в едином хотя сердце посеял добродетель. 97

Щастливыми назваться мы можем: ибо nebude свидетели крайнего посрамления разумныя твари. Ближние наши потомки щастливее нас еще быть могут. Но пары в грязи омерзения почившие, уже воздымаются и предъопределяются объяти зренья круг. Блаженны, если не узрим новаго Магомета; час заблуждения еще отдалится. Внемли, когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация и возстает муж твердый и предприимчивый, на истинну или на прельщение, тогда последует премена Царств, тогда премена в исповеданиях.

На лестнице, по которой разум человеческий низходит долженствует во тьму заблуждений, если покажем что либо смешное и улыбкою соделаем добро, блаженны наречемся. 98

Бродя из умствования в умствование, о возлюбленные, блюдитесь, да не вступите на путь следующих исследований.

Вещал, Акиба: вошед по стезе Равви Иозуа в сокровенное место, я познал тройственное. Познал 1 е: не на Восток и

не на Запад но на Север и Юг обращаться довлеет. Познал 2 е: не на ногах стоящему но возседая надлежит изпражняться. Познал 3 е: не десницею, но шуйцею отирать надлежит задняя. На сие возразил Бен Газас: дотоле обезстудил еси чело свое на учителя, да извергающего присматривал? Ответствовал он: сии суть тайнства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное, и их познаю.

Смотри Белев словарь, статью Акиба. |

НОВГОРОД

Гордитесь, тщеславные созидатели градов, гордитесь, основатели Государств; мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; столпите, камень на камень до самых облаков; изсекайте изображения ваших подвигов, и надписи дела ваши возвещающия. Полагайте, твердыя основания правления, законом непрременным. Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению. Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы вольность Афин и Спарты утверждавшие?—В книгах.—А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия.—Где пышная Троя, где Карфага.—Едва ли видно место, где гордо оне стояли.—Курится ли таинственно единому существу, нетленная жертва во славных храмах древняго Египта?

100 Великолепные оных остатки, служат | убежищем блеющему скоту во время средиденного зноя. Не радостными слезами благодарения всевышнему отцу они орошаемы, но смрадными извержениями скотскаго тела.—О! гордость, О! надменность человеческая, возри на сие и познай, колико ты ползуца!

В таковых размышлениях подъезжал я к Новгороду смотря на множество монастырей вокруг онаго лежащих.

Сказывают, что все сии монастыри, даже и на пятнатцать верст расстоянием от города находящиеся, заключались в оном; что из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно, по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя у их были Князья, но мало имели власти. Вся сила правления, заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече, был истинный Государь. Область
101 Новгородская простиралась | на Севере даже за Волгу. Сие вольное Государство стояло в Ганзейском союзе. Старинная

речь; кто может стать против бога и великаго Новагорода, служить может доказательством его могущества. Торговля была причиною его возвышения. Внутренняя несогласия и хищной сосед совершили его падение.

На мосту вышел я из кибитки моей, дабы насладиться зрелищем течения Волхова. Неможно было, чтобы непришел мне на память поступок Царя Ивана Васильевича по взятии Новагорода. Уязвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель, хотел ее разорить до основания. Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ, так иные повествуют, приносяй на жертву ярости своей, старейших и начальников Новгородских. Но какое он имел право свирепствовать против них; какое он | имел право 102 присвоить Новгород? То ли, что первые великие Князья Российские жили в сем городе? Или что он писался Царем всея Руси? Или что Новгородцы были Славенскаго племени? Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлеется кровию народов? Может ли существовать право, когда нет силы на приведение его в действительность. Много было писано о праве народов; нередко имеют на него ссылку; но законоучители непомышляли, может ли быть между народами судия. Когда возникают между ими вражды, когда ненависть, или корысть устремляет их друг на друга, судия их есть мечь. Кто пал мертв или обезоружен, тот и виновен; повинуется непрекословно сему решению, и апелляции на оное нет.—Вот по чему Новгород принадлежал Царю Ивану Васильевичу. | Вот для чего 103 он его разорил и дымящийся его остатки себе присвоил.—Нужда, желание безопасности и сохранности созидают Царства; разрушают их, несогласие, ухищрение и сила.—Чтож есть право народное?—Народы, говорят законоучители, находятся один в разсуждении другаго в таком же положении, как человек находится в отношении другаго, в естественном состоянии.—Вопрос: в естественном состоянии человека какия суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждащ. Все что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвоет. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит, и приобретет желаемое. Вопрос: если на пути удовлетворения нуждам своим, он обрящет подобнаго себе, если на пример, двое чувствуя голод,

104 восхотят насытится одним куском; | кто из двух большее к приобретению имеет право? Ответ: тот кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: кто сильнее.— Неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного!— Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы, было всегда в исполнении почитаемо пустым словом.— Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте тот пустяками незанимается, и думает, как бы лошадей поскорее промыслить.

Из летописи новгородской.

Новгородцы с великим Князем Ярославом Ярославичем веди войну, и заключили письменное примирение.—

Новгородцы сочинили письмо для защищения своих вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмию печатями.—

105 Новгородцы запретили у себя обращение чеканной монеты, введенной Татарами в обращение.— |

Новгород в 1420* году начал бить свою монету.—

Новгород стоял в Ганзейском союзе.—

В Новгороде был колокол, по звону котораго народ собирался на вече для разсуждения о вещах общественных.

Царь Иван письмом и колокол у Новгородцев отнял.—

— Потом. В 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — году Новгород стоял на прежнем месте.—

Но, не всё думать о старине, не всё думать о завтрешнем дне. Если безпрестанно буду глядеть на небо, несмотря на то что под ногами, то скоро споткнусь и упаду в грязь... размышлял я. Как ни тужи, а Новагорода по прежнему не населиш. Что бог даст в перед.— Теперь пора ужинать. Пойду к Карпу Дементьичу.

106 Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуда бог принес, говорил мне приятель мой Карп Дементьич, прежде сего купец третьей гильдии, а ныне имянитой гражданин. По слову | щастливой к обеду. Милости просим садиться.— Да что за пир у тебя.— Благодетель мой я женил вчера парня своего.— Благодетель твой, подумал я, не без причины он меня так величает. Я ему как и другие пособил записаться в имянитые граждане. Дед мой будто должен был по векселю 1000 рублей; кому, того незнаю, с 1737 году. Карп Дементьич в 1780 вексель где то купил, и какой то приладил к нему протест. Явился он ко мне с искусным стряп-

чим, и в то время взяли они с меня милостиво, одни только проценты за 50 лет, а занятой капитал мне весь подарили.— Карп Дементыч человек признательной.— Невестка водки нечаянному гостю— Я водки не пью.— Дахотя прикушай.— Здоровья молодых. . . . и сели ужинать.

По одну сторону меня, сел сын хозяйской, а по другую посадил Карп Дементыч свою молодую невестку. | ... Прервем речь. Читатель. Дай мне карандаш, и листочик бумажки. Я тебе во удовольствие, нарисую всю честную компанию; и тем тебя причастным сделаю, свадебной пирушке, хотя бы ты на Алеутских островах бобров ловил. Если точных не напишу портретов, то доволен буду их силуетами. Лаватер и по ним учит узнавать кто умен и кто глуп. 107

Карп Дементыч седая борода, в восемь вершков от нижней губы. Нос кляпом, глаза ввалились, брови как смоль, кланяется об руку, бороду гладит, всех величает: благодетель мой.— Аксинья Парфентьевна любезная его супруга. В шестьдесят лет, бела как снег и красна как маков цвет, губки всегда сжимает кольцом; ренского не пьет, перед обедом полчарочки при гостях, да в чулане стаканчик водки. Прикащик мужнин хозяину на щете по|казывает... По приказанию Аксиньи Парфентьевны куплено годового запаса 3 пуда белил Ржевских и 30 фунтов румян листовых. . . Прикащики мужнины Аксиньины камердинеры.— Алексей Карпович сосед мой застойной. Ни уса ни бороды а нос уже багровой, бровями моргает в кружок острижен, кланяется гусем, отряхая голову и поправляя волосы. В Петербурге был сидельцем. На аршин когда меряет, то спускает на вершок; за то его отец любит как сам себя; на пятнадцатом году матери дал оплеуху.— Парасковья Денисовна ево новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит потупя глаза, но во весь день от окошка неотходит и пялит глаза на всякаго мужчину. Под вечерок стоит у калитки.— Глаз один подбит. Подарок ее любезнова муженька, для пер|ваго дни;— а у кого догадка есть, тот знает за что. 108

Но любезный читатель ты уже зеваешь. Полно видно мне снимать силуеты. Твоя правда; другова nebude, как нос да нос, губы да губы. Я и того непонимаю как ты на силуете белилы и румяна распознаешь. 109

Карп Дементыч, чем ты ныне торгуешь? В Петербург неездишь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красок не покупаешь. Мне кажется, что торг твой тебе был не в убыток.—От него то было я и раззорился. Но на силу бог спас. Получив одним годом изрядной барышок, я жене построил здесь дом. На следующей год был льну неурожай, и я немог поставить что за контрактовал. Вот от чего я торговать перестал.—Помню Карп Дементыч что за тридцать тысяч рублей забранных в перед, ты тысячу пуд льну прислал
 10 должникам | на раздел.— Ей больше неможно было, поверь моей совести.— Конечно и на заморские товары был в том году неурожай. Ты забрал тысячу на двадцать... Да, помню; на них пришла головная боль.— Подлинно благодетель, у меня голова так болела; что чуть не треснула. Да чем могут заимодавцы мои на меня жаловаться? Я им отдал все мое имение.—По три копейки на рубль.— Никак нетста, по пятнадцати.— А женнин дом.— Как мне до него коснуться; он не мой.— Скажи же чем ты торгуешь? — Ни чем, ей ни чем. С тех пор как я пришел в несостояние, парень мой торгует. Нынешним летом, слава богу, поставил льну на двадцать тысяч.— На будущее конечно законтрактует на пятьдесят, возмет половину денег вперед, и молодой жене построит дом... Алексей Карпович только что улыбается.—
 11 Старинной шутник, благодетель мой. | Полно молоть пустяки; возьмемся за дело.— Я непью ты знаешь.— Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай, — я почувствовал, что у меня щеки начали рдеть, и под конец пира я бы как и другие напился пьян. Но по щастию, век за столом сидеть нельзя, так как всегда быть умным невозможно. И по той самой причине, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебном пиру я был трезв.

Вышед от приятеля моего Карпа Дементыча, я впал в размышление. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе, охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением, для усугубления быстрого в торговле обращения, чего древним народам на ум не приходило. Но от чего же буде нет честности,
 112 в дающем вексельное обязательство, от чего оно тщетная

только бумашка? Еслибы строгаго взыскания, по векселям несуществовало, уже ли бы торговля исчезла? Не заимодавец ли должен знать кому он доверяет? О ком законоположение более пеущися долженствует, о заимодавце ли или о должнике? Кто более в глазах человечества заслуживает уважения, заимодавец ли теряющий свой капитал, для того что не знал кому доверил, или должник в оковах и в темнице. С одной стороны легковёрность, с другой почти воровство. Тот поверил надеясь на строгое законоположение, а сей... А если бы взыскание по векселям небыло столь строгое? Небыло бы места легковерию, небыло бы может быть плутовства в вексельных делах... Я начал опять думать, прежняя система пошла к чорту, и я лег спать с пустою головою. |

БРОННИЦЫ

113

Между тем, как в кибитке моей лошадей переменили, я захотел посетить, высокую гору, близь Бронниц находящуюся; на которой, сказывают, в древния времена, до пришествия, думаю, Славян, стоял храм, славившийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих, многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известной в Северной древней истории, город Холмоград. Ныне же на месте славнаго древняго капища, построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразил себя преселеннаго в древность, и пришедшаго, да познаю от державнаго божества грядущее, и обрящу спокойствие моей нерешимости. Божественный ужас объемерт мои члены, грудь моя начинает воздыматься, взоры мои тупеют и свет в них меркнет. Мне слышится глас грому подобный, вещаяй: безумный! по что желаш познати тайну, которую я сокрыл от смертных непроницаемым покровом неизвестности? По что, о дерзновенный! познати жаждеш то, что едина мысль предвечная постигать может? Ведай, что неизвестность будущаго, соразмерна бренности твоего сложения. Ведай, что предъзнанное блаженство, теряет свою сладость долговременным ожиданием, что прелестность настоящаго веселия, нашед утомленныя силы, немощна произвести в душе, столь приятнаго

114

дрождания, какое веселие получает от нечаянности. Ведай что предузнанная гибель, отнимает безвременно спокойствие, отравляет утехы, ими же наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал. Чего ищещи чадо безразсудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. 115
 115 Вопросы их во дни печали, и обрящеш утешителей. Вопросы их во дни радости, и найдеш обуздателей наглаго щастия. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой востревоженные мысли; вниди во внутренность свою, там обрящеш мое божество, там услышиш мое вещание. — И треск сильного удара гремящаго во власти Перуна, раздался в долинах далеко. — Я опомнился. — Достиг вершины горы, и узрев церковь возвел я руки на небо. Господи возопил я, се храм твой, се храм вещают истиннаго, единаго бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм заблуждения. Но немогу поверить о всеильный! что бы человек, мольбу сердца своего возсылал ко другому какому либо существу а не к тебе. 116
 116 Молдная десница | твоя, невидимо всюду простертая, и самаго отрицателя всемогущия воли твоя, нудит признавати, природы строителя и содержателя. Если смертный в заблуждении своем, странными, непристойными и зверскими нарицает тебя именованьями, почитание его однако же, стремится к тебе предвечному, и он трепещет пред твоим могуществом. Егова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог Христиан, о бог мой! ты един повсюду. Если в заблуждении своем смертные, казалось, не тебя чтили единаго, но боготворили они твои несравненные силы, твои неуподобляемые дела. Могущество твое везде и во всем ощущаемое, было везде и во всем покланяемо. Безбожник тебя отрицающий, признавая природы закон непрременный, тебе же приносит тем хвалу; хваля тебя паче нашего песнопения. Ибо проникнутый до глубины своей изящностию твоего творения, ему предстоит трепетен. — Ты ищеш отец всещедрый искренняго сердца и души непорочной; они отверсты везде на твое пришествие. Сниди господи и воцарися в них. — И пребыл я несколько мгновений отриновен окрестных мне предметов, низшед во внутренность мою глубоко. — Возвед потом очи мои, обратив взоры на близь стоя-

ция селения; се хижины уничтожения, вещал я, на месте где некогда град великий гордыя возносил свои стены. Ни малейшаго даже признака оных неосталось. Разсудок претит имети веру и самой повести; столь жаждущь он убедительных и чувственных доводов. — И все, что зрим, преидет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто во веки живо. |

С течением времен, все звезды помрачатся,
померкнет солнца блеск; природа обветшав
лет дряхлостью, падет.

Но Ты, во юности бессмертной процветеш,
незыблительный, среди сражения стихиев,
развалин вещества, миров всех разрушенья. (*) |

118

ЗАЙЦОВО

119

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнышняго моего приятеля Г. Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. Редко мы бывали в одном городе; но беседы наши хотя нечасты, были однакоже откровенны. Г. Крестьянкин долго находился в военной службе, и наскучив жестокостями оной а особливо во время войны, где великия насилия, именованна права войны прикрываются, перешел в статскую. По нещастию его, и в статской службе неизбежно того, от чего оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Дознанныя его столь превосходныя качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва нехотел он на себя принять сего звания, но, помыслив несколько, сказал | он мне: мой друг, какое обширное поле, отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моя души! какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, который столь часто тягчит рамена невинности; да опустеют темницы, и да неузрит их оплошная слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да невинится николи. О мой друг! исполнением моя должности, источу слезы родителей о чадах, воздыхания супругов; но слезы сии будут слезы обновления во благо; но изсякнут

120

(*) Смерть Катанова, трагедия Еддесонова. Дейс. V. Явлен. I.

слезы, страдающей невинности и простодушия. Колико мысль сия меня восхищает. Пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, скорое прибытие мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, непредупреждая заключения или обвинения прощением, или разрешением от уз. |

121 С такими мыслями поехал приятель мой к своему месту. Сколь же много удивился я, узнав от него, что он оставил службу, и намерен жить всегда в отставке. Я думал мой друг, говорил мне Г. Крестьянкин, что услаждающую разсудок, и обильную найду жатву в исполнении моего должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу, скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл копотким. Иные почитали меня иногда мздоимцем, за то, что не спешил отягчить жребия несчастных, впадающих в преступление нередко по неволе. До вступления моего в статскую службу, приобрел я лестное для меня на-
 122 звание, человеколюбиваго начальника. Теперь самое то же качество, коим сердце мое толико гордилось, теперь почитают послаблением или непозволительною понаравкою. Ви-
 дел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало; видел их оставляемыми без действия. С презрением взирал, что для освобождения действительнаго злодея, и вреднаго обществу члена, или дабы наказать мнимыя преступления, лишением имени, чести, жизни, начальник мой будучи не в силах, меня преклонить на незаконное очищение злодейства, или обвинение невинности, преклонял к тому моих сочленов, и нередко я видел, благия мои расположения исчезающими, яко дым в пространстве воздуха. Они же, во мзду своего гнуснаго послушания, получили почести, кои в глазах моих, столь же были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко в затруднительных случаях, когда
 123 уверение в невинности названнаго преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибегал к закону, дабы искати в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению, часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон

судит о деяниях, не касаяся причин оных производивших. И последней случай к таковым деяниям относящийся, понудил меня оставить службу. Ибо невозможши спасти виновных, мощною судьбы рукою, в преступление вовлеченных, я не хотел быть участником в их казни. Невозможши облегчить их жребия, омыл руки мои в моей невинности, и удалился жестокосердия.

В губернии нашей жил один дворянин, которой за несколько уже | лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камерлакеем, потом мундшендком; какия достоинства надобны для прехождения сих степеней придворныя службы, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последняго издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в Герольдию, для определения по его чину. Но он чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку, и награжден чином Коллежскаго Ассессора; с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне, нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкаго состояния, добившейся в знатность, или бедняк приобретший богатство, сотрясши всю стыдливости застенчивость, последний и сла|бейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распростертие своея пышности и гордыни. Там скоро Ассессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею. Если бы у нас родился Гогард то бы обильное нашел поле на карикатуры в семействе Г. Ассессора. Но я худой живописец; или если бы я мог в чертах лица читать внутренности человека, с Лаватеровою пронизательностию, то бы и тогда картина Ассессоровой семьи была примечания достойна. Неимея сих свойств заставляю вещать их деяния, кои всегда истинныя суть черты душевнаго образования.

Г. Ассессор произошед из самаго низкаго состояния, зрел себе повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову. Не один он жаловатся может, что употребление власти вскружает го|лову. Он себя почел вышшаго чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва недумал ли он, что власть его над ними, от бога произтекает) да употребляет их в работу по произволению. Он был ко-

рыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, подл, а по тому над слабейшими его, надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежняго помещика были на оброке, он их посадил на пашню; отнял у них всю землю, скотину всю у них купил, по цене какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они неумирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным давал из милости мясечину. Если которой казался ему ленив, то сек розгами, плетью, батожем, или кошками, смотря по мере лености; за действительныя | преступ-
 127 ления, как то, кражу, не уьего но у посторонних, неговорил ни слова. Казалось будто хотел в деревне своей возобновить нравы, древняго Лакедемона или Запорожской сечи. Случилось, что мужики его для пропитания, на дороге ограбили проезжаго, другаго потом убили. Он их в суд за то неотдал, но скрыл их у себя, объявля правительству, что они бежали; говоря, что ему прибыли nebude, если крестьянина его высекут кнутом и сошлют в работу за злодеяние. Если кто из крестьян что нибудь украл у него, того он сек как за леность, или за дерзкой или остроумной ответ, но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, а нашею рогатку. Много бы мог я тебе разказать его мудрых распоряжений; но сего довольно, для познания моего Ироя. Сожительница его полную власть имела над бабами. Помощниками в исполнении ея велений, | были ея сыновья и дочери,
 128 как то и у ея мужа. Ибо сделали они себе правилом, что бы ни для какой нужды крестьян от работы неотвлекать. Во дворе людей было, один мальчик, купленной им в Москве, парикмахер дочернин; да повариха старуха. Кучера у них небыло, ни лошадей; разъезжал всегда на пахотных лошадях. Плетью или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били, или за волосы таскали, баб и девок, дочери. Сыновья в свободное время, ходили по деревне или в поле играть и безчиннич[а]ть с девками и бабами, и ни какая не избегала их насилия. Дочери неимея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых оне многих изувечали. Суди сам мой друг, какой конец мог быть таковым поступкам. Я заметил из многочисленных примеров, что
 129 Руской народ очень терпелив, и терпит до самой | край-

ности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы непреклонился на жестокость. Сие самое и случилось с Ассессором. Случай к тому подал неистойой и безпутной, или лучше сказать, зверской поступок одного из его сыновей.

В деревне его была крестьянская девка, недурна собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну Ассессора, которой употребил все возможное, чтобы ее привлечь к себе в любовь; но крестьянка верна пребывала, в данном жениху ея обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. В воскресенье должно было быть свадьбе. Отец жениха по введенному у многих помещиков обычаю, пошел с сыном на господской двор, и понес повенечные два пуда меду, к своему господину. Сию то последнюю минуту дворянчик и | хотел употребить на удовлетворение своей страсти. Взял с собой 130
обоих своих братьев, и вызвав невесту чрез посторонняго мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот. Небудучи в силах кричать, она сопротивлялася всеми силами зверскому намерению своего молодого Господина. На конец превозможенная всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скаредное чудовище начинал исполнением умышленное, как жених возвратившись из господскаго дома, вошел на двор, и увидя одного из господчиков у клетки, усумнился о их злом намерении. Кликнув отца своего к себе на помощь, он быстрее молнии полетел ко клетю. Какое зрелище представилося ему. При его приближении затворилась клеть; но совокупныя силы двух братьев, немощны были удержать стремления разъяреннаго жениха. Он схватил близъ | лежащей кол, и вскоча в клеть, ударил вдоль 131
спины хищника своей невесты. Они было хотели его схватить, но видя отца женихова, бегущаго с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клетки и побежали. Но жених догнав одного из них, ударил его колом по голове и ее проломил. Сии злодеи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо к отцу, и сказали ему, что ходя по деревне, они встретились с невестою, с ней пошутили; что увидя жених ея, начал их бить, будучи вспомагаем своим отцем. В доказательство, показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца

болезнию своего рождения отец, воскипел гневом ярости. Немедля велел привести пред себя всех трех злодеев, так он называл жениха, невесту и отца женихова. Представшим
132 им пред него, первой вопрос | его был о том, кто проломил голову его сыну. Жених в зделанном неотперся, рассказав все произшествие. Как ты дерзнул, говорил старой Ассессор, поднять руку на твоего господина? А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал на кануне твоея свадьбы, то ты ему за то должен быть благодарен. Ты на ней не женишься; она у меня останется в доме, а вы будете наказаны. По
133 таковом решении, жениха велел он сечь кошками немилосердо, отдав его в волю своих сыновей. Побои вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцом его, то же производить изтызание. Но немог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские дети, хотели вести в дом. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение, выхватил он ее, из рук ее похищающих, и освобожденные
134 побежали оба со двора. Сие видя барские | сыновья перестали сечь старика, и побежали за ними в погоню. Жених видя, что они его настигать начали, выхватил заборину, и стал защищаться. Между тем, шум привлек других крестьян ко двору господскому. Они соболезнуя о участи молодого крестьянина, и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие Ассессор подбежав сам, начал их бранить и перваго кто встретился ударил своею тростию столь сильно, что упал безчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ, и коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы небыть участником в сем убийстве, как то они сами после призналися. В самое то время, случилось ехать тут исправнику той округи, с командою. Он |
134 был частию очевидным свидетелем сему произшествию. Взяв виновных под стражу, а виновных было половина деревни, произвел следствие, которое по степенно дошло до уголовной палаты. Дело было выведено очень ясно, и виновные во всем признавалися; в оправдание свое приводя только мучительские поступки своих господ, о которых уже вся губерния была известна. Таковому делу, я обязан был по долгу моего звания положить окончательное решение, пригово-

рить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе.

Разсматривая сие дело, я не находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне убившие господина своего были смертоубийцы. Но смертоубийство сие небыло ли принужденно? Непричиною ли онаго сам убитой Ассессор? Если в арифметике из двух данных чисел третье следует не|прекословно; то и в сем произ- 135 шествии следствие было необходимо. Невинность убийц для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если идущу мне, нападет на меня злодей, и вознесши над головою моею кинжал, возхочет меня им пронзить; убийцею ли я почтуса, если я предъупрежду его в его злодеянии, и бездыханнаго его к ногам моим повергну. Если нынешняго века скосырь, привлечший должное на себя презрение, восхочет оное на мне отомстить, и встретясь со мною в уединенном месте, вынув шпагу сделает на меня нападение, да лишит меня жизни или по крайней мере да уязвит меня; виновен ли я буду, если извлекши мой меч на защищение мое, я избавляю общество от тревожащаго спокойствие его члена? Можно ли почестъ деяние, оскорбляющим сохранность члена общественн о, если я исполню его для моего спасения, если | оно предъупредит мою пагубу, если без того 136 благосостояние мое будет плачевно на веки?

Исполнен таковыми мыслями, можеш сам вообразить-терзание души моей, при рассмотрении сего дела. С обык, новенною откровенностию сообщил я мои мысли моим сочленам. Все возопили против меня единым гласом. Мягкосердие и человеколюбие, почитали они виновным защищением злодеяний; называли меня поощрителем убийства; называли меня сообщником убийцев. По их мнению при распространении моих вредных мнений, исчезнет домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отъныне жить в деревне покоен? Может ли он видеть, веления его исполняемы? Если послушники воли господина своего, а паче его убийцы, невинными признаваемы будут, то повинование прервется, связь домашняя рушится, будет паки Хаос в на|чальных обществах 137 обитающих. Земледелие умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным поростет злаком; поселяне неимея над собою власти, скитаться будут в лености, тунеядстве и

разъидутся. Города почувствуют властнодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля изсякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшия здания обветшают, законы затмятся и простут недействительностию. Тогда огромное сложение общества, начнет валиться на части, и издыхати в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества зиждутся, обветшает и сокрушится; тогда Владыка народов почтется простым гражданином, и общество у|зрит свою кончину. Сию достойную адския кисти картину, тщилися мои сотоварищи, предлагать взорам всех до кого слух о сем деле доходил. Председателю нашему, вешали они, сродно защищать убийство крестьян. Спросите какого он происхождения? Если неошибаемся, он сам в молодости своей изволил ходить за сохою. Всегда новостатейные сии дворянчики, странные имеют понятия о природном над крестьянами дворянском праве. Если бы от него зависело, он бы, думаем, всех нас поверстал в однодворцы, дабы тем уравнять с нами свое происхождение. Такими то словами, мнили сотоварищи мои, оскорбить меня, и ненавистным сделать всему обществу. Но сим неудовольствовались. Говорили, что я приял мзду, от жены убитого Ассессора, да не лишится она крестьян своих, отсылкою их в работу, и что с¹³⁸ия то истинная была причина | странным и вредным моим мнениям, право всего дворянства вообще оскорбляющим. Немысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление добраго намерения, от онаго меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Незнали они, что нетрепетен всегда предстою, собственному моему суду, что ланиды мои нердели багровым румянцем совести.

Мздоимство мое, основали они на том, что Ассессорша за мужнину смерть мстить нежелала, а сопровождаема своею корыстию, и следуя правилам своего мужа, желала крестьян избавить от наказания, дабы не лишиться своего имения, как то она говорила. С таковою прозьбою она приезжала и комне. На прощение заубиение ее мужа, я с ней был согласен; но разнствовали мы в побуждениях. Она уверяла меня, что с¹³⁹ама до|вольно их накажет; а я уверял ее, что оправдывая

убийцев ее мужа, ненадлежало их подвергать более, той же крайности, дабы паки небыли злодеями, как то их называли несвойственно.

Скоро Наместник известен стал о моем по сему делу мнении, известен, что я старался преклонить сотоварищей моих на мои мысли, и что они начинали колебаться в своих разсуждениях, к чему однако же не твердость и убедительность моих доводов способствовали, но деньги Ассессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими разсуждениями он немог быть согласен, и вознегодовал усмотрев, что они начинали в суждении сего дела преимуществовать, хотя ради различных причин. Посылает он за моими сочленами; увещевает их, представляет гнусность таких мнений, | что они оскорбительны для дворянского общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ее законоположения; обещает награждение исполняющим закон, претя мщением неповинующимся оному; и скоро сих слабых судей не имеющих ни правил в размышлениях, ни крепости духа, преклоняет на прежния их мнения. Неудивился я, увидев в них перемену, ибо не удивился и прежде в них воспоследовавшей. Сродно хвилым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти, и радоваться ей приветствию. 141

Наместник наш, превратив мнения моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал меня к себе, по утру в случившейся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я нехаживал ни когда на сии безразсудныя поклонения, которыя гордость почи|тает в подчиненных должностию, лесть нужными, а мудрец мерзительными и человечеству поносными. Он избрал нарочно день торжественной, когда у него много людей было в собрании; избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеясь, что тем разительнее убедит меня. Он надеялся найти во мне или боязнь души, или слабость мыслей. Против того и другаго устремил он свое слово. Но я за нужное ненахожу пересказывать тебе всё то, чем надменность, ощущение власти, и предубеждение к своему проницанию и учености одушевляло его витийство. Надменности его ответствовал я равнодушием и спокойствием, власти непоколебимостию, доводам дово- 142

дами, и долго говорил хладнокровно. Но наконец содрогшееся сердце, разлило свое избыточество. Чем больше видел я угождении в предстоящих, тем порывистее становился мой язык. Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я наконец сице. Человек рождается в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу, есть существо ни от кого независящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобнаго, словом становится гражданином. Какая же ради вины, обуздывает он свои хотения? по что поставляет над собою власть? по что безпределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своей пользы скажет рассудок; для своей пользы скажет внутреннее чувствование; для своей пользы скажет мудрое законоположение. Следственно, где нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следственно тот, кто восхощет его лишить пользы гражданского звания, есть его враг. Против врага своего, он защиты и мщения ищет в законе. Если закон, или не в силах его заступить, или того нехочет, или власть его неможет мгновенное, в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Ибо гражданин, становяся гражданином, неперестает быть человеком, коего первая обязанность из сложения его произходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние. Убиенной крестьянами Ассессор, нарушил в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилию своих сыновей, когда он к болезни сердечной супругов, присовокуплял поругание, когда на казнь подвигался, видя сопротивление своему адскому властвованию; тогда закон стрегущий гражданина был в отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, неотъемлемая законом положительным в обиде его, приходила в действительность; и крестьяне убившие зверскаго Ассессора, в законе обвинения неимеют. Сердце мое их оправдает опираясь на доводах рассудка, и смерть Ассессора хотя насильственная, есть правильна. Да невозмнит кто либо искать в благоразумии политики,

в общественной тишине, довода к осуждению на казнь убийцев, в злобе дух испустившаго Ассессора. Гражданин, в каком бы состоянии небо родится ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем неизсякнет никогда; и тот, кто дерзнет его | уязвить в его природной, и ненарушимой собственности, тот есть преступник. Горе ему если закон гражданский его не накажет. Он замечен будет, чертою мерзения в своих согражданах, и всяк имеяй довольно сил, да отмстит на нем обиду, им соделанную.—Умолк. Наместник неговорил мне ни слова; изредка подымал на меня поникшие взоры, где господствовала ярость безсилия, и мести злора. Все молчали в ожидании, что оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалось журчание негодования. Все отвращали от меня свои очи. Казалось, что близь стоящих меня, объял ужас. Неприметно удалились они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикаго смещения гордыни с нижайшею подлостью, я удалился из сего собрания лстецов. |

146

147

Ненашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я нехотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем; подал прошение об отставке и получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния, и услаждать мою скуку, обхождением с друзьями.—Сказав сие мы разстались, и поехали всяк в свою сторону.—

Сей день путешествие мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались по минутно; наконец спускаясь с небольшой горы, ось у кибитки переломилась и я далее ехать немог.—Пешком ходить мне в привычку. Взяв посошок, отправился я вперед к почтовому стану. Но прогулка по большой дороге, неочень приятна для петербургскаго жителя, не похожа на гулянье, в летнем саду или в Баба, скоро она меня утомила, и я принужден был сесть. |

148

Между тем как я, сидя на камне, чертил на песке фигуры кой какия, нередко кривобокия и кривоугольные; думал я и то и сё, скачет мимо меня коляска. Сидящей в ней увидев меня велел остановится—и я в нем узнал мсего знакомаго.— Что ты делаеш сказал он мне? — Думу думаю. Времени довольно мне на размышление; ось переломилась.

Что новаго? — Старая дрянь. Погода по ветру, то слякоть, то ведро. А!... Вот новинькое, Дурьиндин женился. — Не правда. Ему уже лет с восемьдесят. — Точно так. Да вот к тебе письмо... Читай на досуге; а мне нужно поспешать. Прости, — и разстались.

Письмо было от моего приятеля. Охотник до всяких новостей, он обещал меня в отсутствии снабжать оными, и сдержал слово. Между тем, к кибитке моей подделали новую ось, которая по щастию была в запасе. — Едучи, я читал:

Петербург.

Любезный мой!

На сих днях совершился здесь брак между 78 летним молодцом и 62 летней молодкою. Причину толь престарелому спарению отгадать тебе трудненько, если оной не скажу. Распусти уши мой друг, и услышиш. — Госпожа Ш... витязь в своем роде не последней, 62 лет, вдова с 25 летняго своего возраста. Была за мужем за купцом неудачно торговавшим; лицом смазлива; оставшись после мужа бедною сиротою, и ведая о жестокосердии собратий своего мужа, незахотела прибегнуть к прошению надменной милостыни, но заблаго разсудила, кормиться своими трудами. Доколе красота юности водилась на ея лице, во всегдашней была работе, и щедрую получала от охотников плату. Но сколь скоро
 150 приметила, что красота ея начинала | увядать, и любовныя заботы уступили место скучливому одиночеству, то взялась она за ум, и ненаходя больше покупецников на обветшалые свои прелести, начала торговать чужими, которые если не всегда имели достоинств[т]во красоты, имели хотя достоинство новости. Сим способом нажив себе несколько тысяч, она с честью изъясась из презрительнаго общества сводень, и начала в рост отдавать деньги, своим и чужим безстыдством нажитыя. По времени забыто прежнее ее ремесло; и бывшая сводня стала, нужная в обществе мотов тварь. Прожив покойно до 62 лет, нелегкое надоумило ее собраться за муж. Все ея знакомые тому дивятся. Приятельница ея ближняя Н... приехала к ней. — Слух носится, душа моя, говорит она поседелой невесте, что ты собралась замуж. Мне кажется
 151 солгано. Какой нибудь насмешник выдумал сию басню. |

Ш.) Правда совершенная. Завтра сговор, приезжай пировать с нами.

Н.) Ты с ума сошла. Неужели старая кровь разыгралась; неужели какой молокосос подбился к тебе под крылошко?

Ш.) Ах матка моя! не кстате ты меня наравне с молодыми считаешь ветреницами. Я мужа беру посебе...

Н.) Да то я знаю, что придет по тебе. Но вспомни, что уже нас любить нельзя и недля чего, разве для денег.

Ш.) Я такого невозьму, которой бы мне мог изменить. Жених мой меня старше 16 годами.

Н.) Ты шутиш!

Ш.) По чести правда; Барон Дурындин.

Н.) Нельзя етому статься.

Ш.) Приезжай завтра в вечеру; ты увидишь, что лгать нелюблю. |

152

Н.) А хотя и так, ведь он не на тебе женится, но на твоих деньгах.

Ш.) А кто ему их даст? Я в первую ночь так необезумею, что бы ему отдать все мое имение; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебряные, и другая дрянь оставшаяся у меня в закладе, которой с рук нельзя сбыть. Вот весь барыш любезнаго моего женишка. А если он неугомонно спит, то сгоню с постели.

Н.) Ему хоть табакерочка перепадет, а тебе в нем что проку?

Ш.) Как матка? Сверх того, что в нынешние времена, не худо иметь хорошей чин, что меня называть будут: ваше Высокородие, а кто по глупее, ваше Превосходительство; но будет таки кто ңибудь, с кем в долги зимния вечера, можно хоть поиграть в бирюльки. А ныне сиди, сиди, все одна; да и того удо|вольствия неимею, когда чхну, чтоб кто говорил: здравствуй. А как муж будет свой, то какой бы насморк ни был, все слышать буду: здравст[в]уй мой свет, здравствуй, моя душинька...

Н.) Прости матушка.

Ш.) Завтра сговор а через неделю свадьба.

Н.) Уходит.)

Ш.) Чхаает.) Небось неворотится. То ли дело, как муж свой будет!

Недивись, мой друг! на свете все колесом вертится. Сего дня умное, завтра глупое в моде. Надеюсь, что и ты много увидишь дурындиных. Если неженидьбою всегда они отличаются, то другим чем либо. А без дурындиных Свет
154 не простоял бы трех дней. |

КРЕСТЬЦЫ

В Крестьяцах был я свидетелем разстания у отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я сам отец и скоро может быть с детьми расставаться буду. Нещастной предрасудок дворянского звания, велит им ити в службу. Одно название сие приводит всю кров в необычайное движение! Тысячу против одного держать можно, что изоста дворянчиков вступающих в службу, 98 становятся повесами, а два под старость, или правильнее сказать два в дряхлыя их, хотя нестарыя лета, становятся добрыми людьми. Прочие происходят в чины, расточают или наживают имение, и проч. — — — Смотри иногда на большего моего сына, иразмышляя, что он скоро войдет в службу, или дру-
155 гими сказать | словами, что птичка вылетит из клетки, у меня волосы дыбом становятся. Недля того, что бы служба сама по себе, развращала нравы; но для того, что бы со зрелыми нравами надлежало начинать службу. — Иной скажет; а кто таких молокососов толкает в шею. — Кто? Пример общий. Штаб Офицер семнадцати лет; Полковник двадцатилетней; Генерал двадцатилетней; Камергер Сенатор, Наместник, начальник войск. И какому отцу незахочется, что бы дети его, хотя в малолетстве, были в знатных чинах, за которыми идут в след богатство, честь и разум. — Смотри на сына моего представляется мне: он начал служить, познакомился с вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть в карты, картами доставать прокормление, говорить обо всем ни чего немысля, тяскаться по | девкам, или врать чепуху барыням. Каким то образом фортуна вертясь на курей ножке, приголубила его; и сынок мой небрея еще бороды, стал знатным боярином. Возмечтал он о себе что умнее всех на свете. Чего добраго ожидать от такого полководца или градоначальника? — Скажи по истинне отец чадолюбивый, скажи о истинный гражданин!

незахочется ли тебе сына тв[о]его, лучше удавить, нежели отпустить в службу. Небольно ли сердцу твоему, что сынок твой, знатной боярин, презирает заслуги и достоинства, для того, что их участь пресмыкаться в стезе чинов, пронырства гнушаяся? Невозрыдаеш ли ты, что сынок твой любезной, с приятною улыбкою отнимать будет имение, честь, отравлять и резать людей, не своими всегда боярскими руками но посредством лап своих любимцев. |

157

Крестицкой дворянин, казалось мне, был лет пятидесяти. Редкия седины едва пробивались сквозь светлорусыя власы главы его. Правильныя черты лица его, знаменовали души его спокойствие, страстям неприступное. Нежная улыбка безмятежнаго удовольствия, незлобием раждаемаго, изрыла ланиты его ямками, в женщинах столь прельщающими; взоры его, когда я вошел в ту комнату где он сидел, были устремлены на двух его сыновей. Очи его, очи благораствореннаго разсудка, казались подернуты легкою пленю печали; но искры твердости и упования пролетали оную быстротечно. Пред ним стояли два юноши, возраста почти равнаго, единым годом во времени рождения, но не в шествии разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя, ускоряла во младшем развержение ума, а любовь братня, умеряла успех в науках во старшем. Понятия

158

о вещах были в них равныя, правила жизни знали они равно, но острота разума и движения сердца, природа в них насадила различно. В старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Взоры младшаго были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных, необманчивый были знак благих советов отчих. — На отца своего взирали они с несвойственною им робостию, от горести предстоящей разлуки происходящею, а не от чувствования над собою власти или начальства. — Редкия капли слез, точились из их очей. — Друзья мои, сказал отец, сего дня мы разстанемся — и обняв их, прижал возрыдавших к перси своей. — Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей неподвижен, как отец, обратясь ко мне: | будь свидетелем, чувствительный путешественник, будь свидетелем мне перед Светом, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я отлучая детей

159

моих от бдящаго родительскаго ока, единственное к тому имею побуждение, да приобретут опытности, да познают человека из его деяний, и наскучив гремлением мирскаго жития да оставят его с радостию; но да имут отишие в гонении, и хлеб насущный в скудости. А для сего то остаюся я на ниве моей. Недаждь, владыко всещедрый, недаждь им скитатися за милостынею вельмож, и обретати в них утешителя! Да будет соболезуяй о них их сердце; да будет им творяй благодостыню, их разсудок. — Возсядите, и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душ ваших долженствует. — Еще повторю вам, сего дня мы 160 разлучимся. — С неизреченным услажде|нием зрю слезы ваши, орошающия ланиты вашего лица. Да отнесет сие души вашей зыбление, совет мой во святая ея, да восколеблется она при моем воспоминовении, и дабуду отсутствен, оградою вам от зол и печалей.

Прияв вас даже от чрева матерня в объятии мои, невосхотел николи, что бы кто либо был рачителем в исполнених, до вас касающихся. Никогда, наемная рачительница некасалася телеси вашего, и никогда, наемный наставник некоснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности, бдело над вами денноночно, да не приблизится вас оскорбление; и блажен нарицаюся, доведши вас до разлучения со мною. Но невоображайте себе, чтобы я хотел изторгнуть из уст ваших благодарность за мое о вас попечение, или же признание, хотя слабое, ради вас мною 161 соделаннаго. Вождаем собственныя корысти | побуждением, предприемлемое на вашу пользу, имело всегда в виду собственное мое услаждение. И так изжените из мыслей ваших, что вы есте под властью моею. Вы мне ничем необязаны. Не в разсудке, а меньше еще в законе, хощу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце. Горе вам, если его в забвении оставите! Образ мой преследуя нарушителю союза наша дружбы, поженет его в сокровенности его, и устроит ему казнь несносную, дондеже невозвратится к союзу. Еще вещаю вам, вы мне ни чем недолжны. Возрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мне ощутит некую нежную склонность, то поживем в дружбе, в сем наивеличайшем на земли благоденствии. — Если же оно без ощущения пребудет — да забвени

будем друг друга, яко же нам неродитися. Дажь всещедрый, сего да не узрю, | отошед в недра твоя, сие пред-
варяй! Недолжны вы мне ни за воскормление, ни за настав- 162
ление, а меньше всего за рождение.— За рождение?—Участ-
ники были ли вы в нем? Вопросаемы были ли да рождени
будете? На пользу ли вашу родитися имели, или во вред?
Известен ли отец и мать рождая сына своего, блажен будет
в житии или злополучен? Кто скажет, что вступая в су-
пружество, помышлял о наследии и потомках; а если имел
сие намерение, то блаженства ли их ради, произвести их
желал, или же на сохранение своего имени. Как желать
добра тому, кого незнаю, и что сие? Добром назваться
может ли желание неопределенное, помаваемое неизвестно-
стию?—Побуждение к супруеству, покажет и вину рождения.
Прельщенный, душевною паче добротою матери вашей, не-
жели лепотою лица, я употребил способ верный на взаим- 163
н[у]ю горячность, любовь | искреннюю. Я получил мать вашу
себе в супруги. Но какое было побуждение нашей любви?
Взаимное услаждение; услаждение плоти и духа. Вкушая
веселие, природой повеленное о вас мы немислили. Рожде-
ние ваше нам было приятно, но не для вас. Произведение
самого себя льстило тщеславию; рождение ваше было новый
и чувственный, так сказать, союз союз сердец подтверждаю-
щий. Он есть источник начальной горячности родителей
к сынам своим; подкрепляется он привычкою, ощущением
своея власти, отражением похвал сыновних к отцу.—Мать
ваша, равнаго со мною была мнения, о ничтожности должно-
стей ваших, от рождения проистекающих. Негордилася она
пред вами, что носила вас во чреве своем, нетребовала
признательности питая вас своею кровию; нехотела почте-
ния за болезни рождения, ни за скуку воскормления сос[ца]ми 164
своими. Она тщилася благую вам дать душу, яко же и сама
имела, и в ней хотела насадить дружбу, но необязанность,
не должность, или рабское повиновение. Недопустил ее рок
зрети плодов ея насаждений. Она нас оставила, с твердостью
хотя духа, но кончины еще нежелала, зря ваше младен-
чество и мою горячность. Уподобляяся ей, мы совсем ее
непотеряем. Она поживет с нами, доколе к ней не отыдем.
Ведаете, что любезнейшая моя с вами беседа есть, беседо-
вати о родшей вас. Тогда мнится душа ея беседует с нами,

тогда становится она нам присудственна, тогда в нас она является, тогда она еще жива.—И отирал вещающий капли задержанных в душе слез.—

Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны и за вскармливание. Когда я угощаю пришельца, 165 когда питаю птенцов пернатых, | когда даю пищу псу, лижущему мою десницу; их ли ради сие делаю?—Отраду, увеселение, или пользу в том нахожу мою собственную. С таковым же побуждением производят вскармливание детей. Родившись в свет вы стали граждане общества, в коем живете. Мой был долг вас вскормить; ибо если бы допустил до вас кончину безвременную, был бы убийца. Если я рачительнее был в вскармлении вашем, нежели бывают многие, то следовал чувствованию моего сердца. Власть моя да пекуся о вскармлении вашем, или небрегу о нем; да сохраню дни ваши или разточителем в них буду; оставляю вас живых, или дам умереть завременно; есть ясное доказательство, что вы мне необязаны, в том что живы. Если бы умерли от моего о вас небрежения, как то многие умирают, мщение закона меня бы не преследовало.—Но скажут обя- 166 заны | вы мне за учение и наставление.—Немоей ли я в том искал пользы, да благи будите. Похвалы воздаваемые доброму вашему поведению, разсудку, знаниям, искусству вашему, распростираясь на вас, отражаются на меня, яко лучи солнечны от зеркала. Хваля вас, меня хвалят. Что успел бы я если бы вы вдали пороку, чужды были учения, тупы в разсуждениях, злобны, подлы, чувствительности неимея. Нетолько сострадатель был бы я в вашем ко-свенном хождении, но жертва, может быть вашего неистовства. Но ныне спокоен остаюся, отлучая вас от себя; разум прям, сердце ваше крепко, и я живу в нем. О друзья мои, сыны моего сердца! родив вас, многия имел я должности в отношении к вам, но вы мне ни чем не-должны; я ищущу вашей дружбы и любви; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни, и невозмущуся 167 при кончине | оставляя вас на веки, ибо поживу на памяти вашей.

Но если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказать ныне вам вину, по что вас так, а не иначе воспитывал, и для чего сему а недругому вас научил; и

для того услышите повесть о воспитании вашем, и познайте вину всех моих над вами деяний.

Со младенчества вашего принуждения вы нечувствовали. Хотя в деяниях ваших вождаемы были рукою моею, неощущали однакоже ни коли ея направления. Деяния ваши были предъзнаты и предваряемы; нехотел я, чтобы робость или послушание повинования, малейшею чертою ознаменовала на вас тяжесть своего перста. И для того дух ваш нетерпящъ веления безрассуднаго, кроток к совету дружества. Но если младенцам вам сушим, находил я что уклонилися от пути мною назначеннаго, | устремляемы случайным ударением, 168 тогда останавливал я ваше шествие, или лучше сказать, неприметно вводил в прежний путь, яко поток, оплоты прорывающий, искусною рукою обращается в свои берега.

Робкая нежность неprisудствовала во мне, когда казалось; нерачил об охранении вас от неприязненности стихий и погоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилось преходящею болью, нежели дебели пребудите в возрасте совершенном. И для того почасту ходили вы босы непокровенную имея главу; в пыли, в грязи возлежали на отдохновение, на скамии или на камени. Неменьше старался я, удалить вас от убийственной пищи и пития. Труды, наши лучшая была приправа в обеде нашем. Воспомните, с каким удовольствием обедали мы в деревне нам неизвестной, ненашед дороги к | дому. Сколь вкусен нам казался тогда, хлеб ржаной и квас деревенской! 169

Неробщите на меня, если будете иногда осмеяны, что неимеете казистаго возшествия, что стоите, как телу вашему покойнее, а некак обычай или мода велит; что одеваетея не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Неробщите если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того что неумеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаєте быстро, что плаваєте неутомляясь, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Неопечальтеся, что вы скакать неумеете, как скоморохи. Ведайте, что лучшее плясание ни чего непредставляет величественнаго; и если некогда тронуты будете зрением онаго, то любострастие будет | тому корень, все 170

же другое оному постороннее.—Но вы умеете изображать, животных и неодушевленных, изображать черты Царя природы, человека. В живописи найдете вы истинное услаждение, нетокмо чувств, но и разума.—Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна согласно вашим нервам, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою.—Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечем. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность того не востребует. Оно, уповаю, не сделает вас наглыми; ибо вы твердой имеете дух, и обидою не сочтете, если осел вас улягнет, или свинья смрадным до вас коснется рылом.

171 —Небойтесь сказать ни кому, что вы корову доить умеете, что шти и кашу сварите, или зажаренной вами кусок | мяса, будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать, и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности.

Во младенчестве и отрочестве, неотягощал я разсудка вашего, готовыми размышлениями, или мыслями чуждыми, неотягощал памяти вашей излишними предметами. Но предложив вам пути к познаниям, с тех пор, как начали разума своего ощущати силы, сами шествуете к отверстой вам стезе. Познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели нетвердя, как то говорят по пословице, как сорока якова. Следуя сему правилу доколе силы разума небыли в вас действующи, не предлагал я вам понятия о всевышнем существе, и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас пред-

172 разсудок и разсуждению бы мешало. Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь разсудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога; уверен во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу, приятнее зрети две непорочныя души, в коих светильник познаний, не предразсудком возжигается, но что они сами возносятся к начальному огню на возгорение. Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение онаго сказано многими. Ибо желал, что бы вы могли сами избирать между млеком и желчию, и с радостию видел, что восприяли вы сосуд утешения неробко.

Преподавая вам сведения о науках, неоставил я ознакомить вас с различными народами, изучив вас языком иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственной, да умеете на оном изъяснить 173
ваши мысли словесно и письменно, что бы изъяснение сие было в вас непринужденно, и поту на лице непроизводило. Аглинской язык, а потом Латинской, старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным.

Но если разсудку вашему предоставляя я, направлять стопы ваши в стезях науки, тем бдительнее тщился быть во нравственности вашей. Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая разсудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение!... душа ваша мерзит его. Вы из природнаго сего чувствительныя твари движения, оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления. |

Ныне настало то время, что чувства ваши дошед до 174
совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом; начинают тревожиться всякою внешностию, и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Ныне достигли времени, в которое, как то говорят, разсудок становится определителем делания и неделания; а лучше сказать, когда чувства доселе одержимыя плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание, или когда жизненныя соки исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраия, ища стезю свойственным для них стремлениям. Я сохранил вас неприступными доселе превратным чувств потрясениям, но несокрыл от вас неведения покровом, пагубных следствий, совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. Вы свидетели были, сколь гнусно избыточество, чувственного насыщения, и возгнушались; свидетели 175
были страшнаго волнения страстей, превысивших берега своего естественнаго течения, познали гибельныя их опустошения, и ужаснулись. Опытность моя носяся над вами, яко новый Егид охраняла вас от неправильных уязвлений. Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты; но яко свет отдаляясь от предмета менее его

освещает, тако и вы отриновенны моего присудствия, слабое оцутите согрение моя дружбы. И для того преподам вам, правила единожития и общежития, дабы по усмирении страстей, невозгнушались деяний во оных свершенных, и не познали, что есть раскаяние.

176 Правила единожития елико то касатся может до вас самих, должны относиться к телесности вашей и | нравственности. Незабывайте никогда употреблять ваших телесных сил и чувств. Упражнение оных умеренное, укрепит их неистощевая, и послужит ко здравию вашему, и долгой жизни. И для того упражняйтесь в искусствах, художествах и ремеслах вам известных. Совершенствование в оных, иногда может быть нужно. Неизвестно нам грядущее. Если неприязненное щастие отъимет у вас все, что оно вам дало; богаты пребудете во умеренности желаний, кормясь делом рук ваших. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о том думать во дни печали. Нега, излечение и неумеренное чувств услаждение, губят и тело и дух. Ибо изнуряяй тело невоздержностию, изнуряет и крепость духа. Употребление же сил укрепит тело а с ним и дух. Если почувствуеш отвращение к яствам, и болезнь постучится у дверей; вос-
177 прями тогда | от одра твоего, на нем же лелееш чувства твои, приведи уснувшие члены твои в действие упражнением, и почувствуеш мгновенное сил обновление; воздержи себя от пищи нужной во здравии, и глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от сытости. Помните всегда, что на утоление глада, нужен только кусок хлеба и ковш воды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, удалится от твоего возглавия, и невозможеш возобновить сил разумных и телесных; беги из чертогов твоих, и утомив члены до усталости, возляги на одре твоем, и почиеш во здравие.

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте; ибо чистота служит ко здравию, а неопрятность и смрадность тела, нередко отверзает неприметную стезю к гнусным порокам. Но небудьте и в сем неумеренны. Негну-
178 шайтесь, по|собить поднимая погрязшую во рве телегу, и тем облегчить упавшаго; вымараете руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижины уничижения; утешайте томящагося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

Ныне достигли вы, повторю, того страшнаго времени и часа, когда страсти пробуждаться начинают, но разумок слаб еще на их обуздание. Ибо чаша разсудка без опытности на весах воли воздымется; а чаша страстей опустится мгновенно долу. И так, к равновесию не иначе приблизиться можно, как трудолюбием. Трудитесь телом; страсти ваши не столь сильное будут иметь волнение, трудитесь сердцем, упражняяся в мягкосердии, чувствительности, соболезновании, щедроте, отпущении, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитесь разумом, | упражняяся в чтении, 179
размышлении, разыскании истинны, или произшествий; и разум управлять будет вашею волею и страстьми. Но невозмните в восторге разсудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсем безстрастну. Корень страстей благ, и основан на нашей чувствительности самою природою. Когда чувства наши, внешния и внутренния ослабевают и притупляются, тогда ослабевают и страсти. Оне благоую в человеке производят тревогу, без нее же уснул бы он в бездействии. Совершенно безстрастный человек есть глупец и истукан нелепый, невозмогаый ни благаго ни злаго. Не достоинство есть, воздержатися от худых помыслов, немогши их сотворить. Безрукой неможет уязвить ни кого, но неможет подать помощи утопающему, ни удержати на бреге падающаго в пучину моря.—И так умеренность во | страсти есть благо; шествие во стезе средою, есть надежно. 180
Чрезвычайность во страсти есть гибель; безстрастие есть нравственная смерть. Яко же шественик отдаляясь среды стези, вдается опасности ввергнутися в тот или другой ров, такого бывает шествия во нравственности. Но буде страсти ваши, опытностию, разсудком, и сердцем направлены к концу благому, скинь с них бразды томнаго благоразумия, не сокращай их полета; мета их будет всегда величие; на нем едином остановиться оне умеют.

Но если я вас побуждаю небыть безстрастными, паче всего потребно в юности вашей, умеренность любовныя страсти. Она природою насаждена в сердце нашем, ко блаженству нашему. И так в возрождении своем никогда ошибиться неможет, но в своем предмете, и неумеренности. И так блюдитесь, да неошибетеса в предмете любви вашей, 181
и да непочтете взаимною горячностию оныя образ. С бла-

гим же предметом любви, неумеренность страсти сея, будет вам неизвестна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила неприрода в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения произтекает. Разуму вашему, едва шествие свое начинающему, сие бы было непонятно, а сердцу вашему, неиспытавшему самолюбивую в обществе страсть любви, повесть о сем, была бы вам неощутительна, а потому и бесполезна. Если желаете о супружестве иметь понятие, вспомните о родшей вас. Представьте меня с нею и с вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимныя лобызания, и приложите картину сию к сердцу вашему. Тогда почувствуете в нем приятное
182 некое | содрогание. Что оно есть? Познаете со временем; а днесь довольны будьте онаго ощущением.

Приступим ныне в крагце к правилам общежития. Предписать их невозможно с точностию; ибо располагаются они часто по обстоятельствам мгновения. Но дабы, колико возможно, менее ошибаться; при всяком начинании, спросите ваше сердце; оно есть благо, и николи обмануть вас не может. Что вещает оно, то и творите. Следуя сердцу в юности неошибетесь, если сердце имеете благое. Но следовати возмнивый разсудку, неимея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец.

Правила общежития относятся ко исполнению, обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи непротивны закону, если закон неполагает добродетели
183 преткновений в ея ше|ствии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известныя нам, многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях, противоречиями. И от того трудно становится, исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко оне находятся в совершенной противоположности.

Понеже добродетель, есть вершина деяний человеческих, то исполнение ея, ни чем не долженствует быть препинаемо. Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского и священнаго, столь святых в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай николи наруше-

ния ея прикрывати робостию благоразумия. Благоденствен без нее будеш во внешности, но блажен николи.

Последуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, мы приобре|тем благоприятство тех, с кем живем. Исполняя 184 предписание закона, можем приобрести, название честнаго человека. Исполняя же добродетель, приобретем общую доверенность, почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный Афинский Сенат, подавая чашу с отравою Сократу, трепетал во внутренности своей, пред его добродетелию.

Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И если бы сам Государь велел тебе нарушить закон, неповинуйся ему, ибо он заблуждает, себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение онаго повелев[а]ет, тогда повинуйся, ибо в России Государь есть источник законов.

Но если бы, закон или Государь, или бы какая либо на земли власть, подвизала тебя на неправду и нарушение | до- 185 бродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживеш на памяти благородных душ, до скончания веков. Убойся заранее, именовать благоразумием, слабость в деяниях, сего перваго добродетели врага. Сего дня нарушиш ее уважения ради каковаго, завтра нарушение ея казаться будет самою добродетелию; и так порок воцарится в сердце твоём, и исказит черты непорочности в душе и на лице твоём.

Добродетели суть или частныя или общественныя. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование, и корень всегда их благ. Побуждения к добродете- 186 лям общественным, нередко имеют начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того ненадлежит останавливаться в исполнении их. Предлог над ним же вращаются, придает им важности. В спасшем Курции отечество свое, от пагубоносныя язвы, никто незрит ни тщеславнаго, ни отчаяннаго, или наскучившаго жизнию, но Ироя. Если же побуждения наши к общественным добродетелям, начало свое имеют в человек-

любовной твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший. Упражняйся всегда в частных добродетелях, дабы могли удостоиться исполнения общественных.

Еще преподам вам, некоторые исполнительныя правила жизни. — Старайтесь паче всего во всех деяниях ваших, заслужить собственное свое почтение; дабы обращая во удивлении взоры свои во внутрь себя, нетокмо немогли бы вы раскаяваться о сделанном, но взирали бы на себя со благоговением.

Следуя сему правилу удаляйтесь, елико то возможно, даже вида раболепствования. Вошед в свет узнаете скоро, что в обществе существует обычай. Посещать в праздничные дни по утрам знатных особ; обычай скаредной, ничего незначащей, показующей в посетителях дух робости, а в посещаемом дух надменности, и слабой разумок. У Римлян было похужее сему обыкновение, которое они называли амбицио, то есть снискание или обхождение; а от туда и любочестие названо амбицио, ибо посещениями именитых людей, юноши снискивали себе путь, к чинам и достоинствам. Тоже делается и ныне. Но если у Римлян обычай сей введен был для того, что бы молодые люди обхождением с испытанными научались, то сомневаюсь, что бы цель в обычае сем, всегда непорочно сохранилася. В наши же времена посещая знатных господ, учения целию своею никто неимеет, но снискание их благоприятства. Итак да непроступит нога ваша, порога отделяющаго раболепство, от исполнения должности. Непосещай николи передней знатнаго боярина, разве по долгу звания твоего. Тогда среди толпы презренной, и тот, на кого она взирает с подобострастием, в душе своей тебя, хотя с негодованием, но от нее отличит.

Если случится, что смерть пресечет дни мои, прежде, нежели в благом пути отвердеете; и юны еще восхитят вас страсти из стези разсудка; то неотчаевайтесь, соглядая иногда превратное ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самих себя, возлюбите добро. Разпутное житие, безмерное любочестие, наглость и все пороки юности оставляют надежду исправления; ибо скользят по поверхности сердца, его неуязвляя. Я лучше желаю что бы во младых летах ваших, вы были разпутны, расточительны, наглы; нежели сребролюбивы, или же чрезмерно бережливы,

щеголеваты, занимаясь более убранством, нежели чем другим. Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве, означает всегда сжатой разсудок. Если повествуют, что Юлий Кесарь был щеголь; но щегольство его имело цель. Страсть к женщинам в юности его, была к сему побуждением. Но он из щеголя, облекся бы мгновенно во смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний.

Во младом человеке, нетокмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснейшими деяниями жизни, прикрывать будете коварство, лож, вероломство, сребролюбие, гордость, | **любомщение**, 190 зверство; то хотя ослепите современников ваших, блеском ясной наружности, хотя ненайдете ни кого столь любящаго вас, да представит вам зеркало истинны; немните однако же, затмить взоры прозорливости. — Проникнет она светозарную ризу коварства, и добродетель черноту души вашей обнажит. Возненавидит ее сердце твое, и яко чувственница уведомить станет прикосновением твоим, но мгновенно, но стрелы ея издалека язвить тебя станут и терзать.

Простите возлюбленные мои, простите друзья души моей; днесь при сопутном ветре, отчальте от берега чуждыя опытности ладью вашу; стремитесь по валам жития человеческого, да научитесь управлять сами собою. Блажени, не претерпев крушения, если достигнете пристанища, его же жаждем. Будьте щастливы во плавании вашем. Се искренное мое | **желание**. Естественныя силы мои изтощав движением 191 и жизнью, изнемогут и угаснут; оставляю вас на веки; но се мое вам завещание. Если ненавистное щастие, изтощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли неостанется, если доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения; тогда вспомни, что ты человек, вспомяни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри. — В наследие вам оставляю слово умирающаго Катона. — Но если во добродетели умрети можеш, умей умереть и в пороке, и будь, так сказать, добродетелен в самом зле. — Если забыв мои наставления, поспешать будеш на злыя дела, обыкшая душа добродетели, востревожится; явлюся тебе в мечте. — Возпрями от ложа твоего, преследуй душевно моему видению. — Если

192 тогда източится слеза из очей | твоих, то усни паки; пробудишься на исправление. Но если среди злых твоих начинаний, вспоминая обо мне, душа твоя незыбнется, и око пребудет сухо . . . Се сталь, се отрава. — Избавь меня скорьби; избавь землю поносных тяжести. — Будь мой еще сын. — Умри на добродетель.

Вещавшу сие старцу, юношеский румянец покрыл сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежного радования, черты лица сияли сверхъестественным веществом. — Он облобызал детей своих, и проводив их до повозки, пребыл тверд до последнего разстания. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они начали от него удаляться; упругая сия душа, смягчилась. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалась; он руки свои простирал в след за отъезжающими; казалось, будто желает остановить стремление коней. Юноши узрев издали родшаго их в такой печали, возрыдали столь громко, что ветер, доносил жалостной их стон до слуха нашего. Они простирали так же руки к отцу своему; и казалось будто его к себе звали. Немог старец снести сего зрелища; силы его ослабели, и он упал в мои объятия. Между тем, пригорок скрыл отъехавших юношей, от взоров наших: пришед в себя старец, стал на колени и возвел руки и взоры на небо: господи, воззопил он, молю тебя, да укрепиши их в стезях добродетели, молю блажени да будут. Веси, николи неутруждал тебя отец всещедрый, бесполезною молитвою. Уверен в душе моей, яко благ еси и правосуден. Любезнейшее тебе в нас, есть добродетель; деяния чистаго сердца суть наилучшая для тебя жертва. . . . Отлучил я ныне от себя сынов моих. . . .
194 Господи да будет на них воля | твоя. — Смущен, но тверд в надеянии своем отъехал он в свое жилище.

Слово Крестецкаго дворянина невыходило у меня из головы. Доказательства его, о ничтожестве власти родителей над детьми, казались мне неоспоримы. Но если в благоустроенном обществе нужно, что бы юноши почитали старцев, и неопытность совершенство, то нет кажется нужды, власть родительскую делать безпредельною. Если союз между отцом и сыном, не на нежных чувствованиях сердца основан, то он, конечно нетверд; и будет нетверд, во преки всех законоположений. Если отец в сыне своем видит своего раба, и

власть свою ищет в законоположении; если сын почитает отца наследия ради; то какое благо из того обществу? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой. . . . Отец обязан сына воскормить и научить, и должен наказан быть за его проступки, доколе он не войдет в совершеннолетие; а сын должности свои да обрящет в своем сердце. Если он ни чего неощущает, то виновен отец, по что ничего не насадил. Сын же в праве требовати от отца вспомоществования, доколе пребывает немощен и малолетен; но в совершеннолети естественная сия и природная связь рушится. Птенец пернатых неищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда сии возмужают. Се есть закон природы. Если гражданские законы от него удалятся, то производят всегда урода. Ребенок любит своего отца, мать или наставника, доколе любление его не обратится к другому предмету. Да неоскорбится сим сердце твое отец чадолюбивый; | естество того требует. Единое в том тебе утешение да будет воспоминая, что и сын сына твоего возлюбит отца, до совершенного только возраста. Тогда же от тебя зависеть будет, обратит его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин. — В таких размышлениях доехал я до почтового стана. |

ЯЖЕЛБИЦЫ

197

Сей день определен мне был судьбою на испытание. Я отец, имею нежное сердце, к моим детям. Для того то слово Крестецкаго дворянина меня столь тронуло. Но потряси меня до внутренности, излило некое усладительное чувство надежды, что блаженство наше в отношении детей наших, зависит много от нас самих. Но в Яжелбицах определено мне было, быть зрителем позорища, которое глубокий корень печали, оставило в душе моей, и нет надежды на его истребление. О юность! услыши мою повесть; познай свое заблуждение; воздержись от произвольных гибели; и пресеки путь к будущему раскаянию.

Я проезжал мимо кладбища. Необыкновенной вопль терзающего на себе власы человека понудил меня | остановиться. Приблизясь, увидел я, что там совершалось погребение.

198

Надлежало уже гроб опускать в могилу, но тот, котораго я издали зрел терзающего на себе власы, повергся на гроб и ухватясь за оной весьма крепко, недозволял оной опускать в землю. С великим трудом, отвлекли его от гроба, и опуствя оной в могилу, зарыли ее поспешно. Тут страждущий вещал к предстоящим: почто вы меня его лишили, почто меня с ним непогребли живаго, и нескончали моей скорби и раскаяния. Ведайте, ведайте, что я есмь убийца возлюбленного моего сына, его же мертвца предали земле. Недивитесь сему. Я прекратил жизни его ни мечем, ни отравою. Нет я более сего сделал. Я смерть его уготовал до рождения его, дав жизнь ему отравленную. Я есмь убийца, каковых много, но есмь убийца лютейший других. Убийца сына моего до рождения его. Я, я един прекратил дни его, изливав томный яд в начало его. Он воспретил укрепиться силам тела его. Во все время жития своего, ненаслаждался он здоровьем ни дня единого; и томящагося в силах своих, разверстие яда пресекло течение жизни. Никто, никто меня не накажет за мое злодеяние!—Отчаяние ознаменовалось на лице его, и бездыханна почти отнесли его с сего места.—

Нечаянный хлад разлился в моих жилах. Я оцепенел. Казалось мне, я слышал мое осуждение. Воспоманул дни, распутныя моя юности. Привел на память все случаи, когда встревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовныя утехы, истинным предметом горячности. Воспоманул, что невоздержание в любострастии навлекло телу моему, смрадную болезнь. О если бы не далее она корень свой испускала! | О если бы она с утолением любострастия прерывалася! Прияв отраву сию в веселии, не токмо согреваем ее в недрах наших, но даем ее в наследие нашему потомству.— О друзья мои возлюбленные, о чада души моей! Неведаете вы, колико согреших пред вами. Бледное ваше чело, есть мое осуждение. Страшусь возвестить вам о болезни, иногда вами ощущаемой. Возненавидите, может быть меня, и в ненависти вашей будете справедливы. Кто уверит вас и меня, что вы не носите в крови вашей сокровеннаго жала, определеннаго, да скончат дни ваши безвременно. Прияв сей смрадный яд в тело мое в совершенном возрасте, затверделость моих членов противилася его распространению; и борется с его

смертоносностию. Но вы прияв его от рождения вашего, нося его в себе, как нужную часть сложения; как воспротивитесь разрушительному его созжению? Все ваши болезни суть следствия сея отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблуждении моего юношества, призовите на помощь врачебное искусство, и если можете, не ненавидьте меня. 201

Но теперь отверзается очам моим, все пространство сего любострастного злодеяния. Согрешил предомною, навлекши себе безвременную старость и дряхлость в юношеских еще летах. Согрешил пред вами, отравив жизненные ваши соки, до рождения вашего, и тем уготавил вам томное здравие, и безвременную, может быть, смерть. Согрешил, и сие да будет мне в казнь, согрешил в горячности моей, взяв в супружество мать вашу. Кто мне порукою в том, что не я был причиною ее кончины? Смертоносный яд, източаясь в веселии, преселился в чистое ея тело, и отравил непорочны[я] ея члены. Тем смертоноснее он был, чем был сокровеннее. Ложная стыдливость воспретила мне ее в том предостеречь; она же неостерегалася отравителя своего, в горячности своей к нему. Воспаление, ей приключившееся, есть плод, может быть, уделенной ей мною отравы.... О возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидеть! 202

Но кто причиною, что сия смрадная болезнь, во всех Государствах делает столь великия опустошения, нетокмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая дни грядущих? Кто причиною, разве неправительство? Оно дозволюя разпутство мздоимное, отверзает нетокмо путь ко, многим порокам; но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников, и в некоторых Государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовных страсти, то бы нередко были чувствуемы, сильные в обществе потрясения. Увозы, насилия, убийство, нередко бы источник свой имели в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самыя основания обществ.—И вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите скаредные учителя, вы есте наемники мучительства; оно проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы. Бойтся оно даже посторонния тревоги. Желалобы, чтоб везде одинако 203

с ним мыслили, дабы надежно лелеяться в величестве и утопать в любострастии... Я не удивляюсь глаголам вашим. Сродно рабам желати, всех зреть в оковах. Одинаковая участь облегчает их жребий, а превосходство чье либо, тягчит их разум и дух. |

204

ВАЛДАИ

Новой сей городок, сказывают, населен при Царе Алексее Михайловиче взятыми в плен Поляками. Сей городок достопамятен в рассуждении любовнаго расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто небывал в Валдаях, кто незнает Валдайских баранок и Валдайских разурмяненных девок? Всякаго проезжающего наглыя Валдайския и стыд сотрясшия девки останавливают, и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью, на щет своего целомудрия. Сравнивая нравы жителей, сея в города произведенныя деревни, со нравами других Российских городов, подумаеш, что она есть наидревнейшая и что развратные нравы, суть единые токмо | остатки ея древняго построения. Но как немного более ста лет как она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые его жители.

Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник условясь о пробывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен приносить жертву всеобожаемой Ладе. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ея, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят совлекши с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища, предавали смерти, дабы воспользоваться его именем. Неведаю, правда ли сие, но то правда, что наглость Валдайских девок сократилася. И хотя они неоткажутся и

206

ныне удовлетворить желаніям путешественника, но прежней наглости в них невидно.

Валдайское озеро, над которым построен сей город, достопамятно останется в повествованіях жертвовавшего монаха жизнью своею, ради своей любовницы. В полуторе версте от города, среди озера, на острове, находится Иверской монастырь, славным Никоном Патриархом построенный. Один из монахов сего монастыря, посещая Валдаи, влюбился в дочь одного Валдайскаго жителя. Скоро любовь их стала взаимною, скоро стремились они к совершению ея. Единожды насладившись ея веселием, не в силах они были противиться ея стремленію. Но состояніе их подало оному преграду. 207
Любовнику нельзя было отлучаться часто из монастыря своего; любовнице нельзя было посещать кельи своего любовника. Но горячность их все преодолела; из любострастнаго монаха она сделала неустрашимаго мужа, и дала ему силы почти чрезыестественныя. Сей новый Леандр, дабы наслаждаться веселием ежедневно в объятіях своей любовницы, едва ночь покрывала черным покровом все зримое, выходил тихо из своей кельи и совлекая свои ризы, преплывал озеро до противустоящаго берега, где восприемлем был в объятія своей любезной. Баня и в ней утѣхи любовныя для него были готовы; и он забывал в них опасность и трудность преплыванія, и боязнь, если бы отлучка его стала известна. За несколько часов до разсвѣта, возвращался он | в свою келью. Тако препроводил он долгое время в сих 208
опасных преплываніях, награждая веселием ночным скуку дневнаго заключенія. Но судьба положила конец, его любовным подвигам. В одну из ночей, когда сей неустрашимый любовник отправился чрез валы на зрѣніе своей любезной, внезапно возстал вѣтр ему противной, будущу ему на среде пути его. Все силы его немощны были, на преодоленіе разъяренных вод. Тщетно он утомлялся напрягая свои мышцы; тщетно возвышал глас свой, да услышан будет в опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамерился он возвратиться к монастырю своему, дабы, имея попутной вѣтр, тем легче онаго достигнуть. Но едва обратил он шествіе свое, как валы, осилив его утомленные мышцы, затопили его в пучине. На утрѣ тело его найдено на отдаленном берегу. Если бы я писал | Поэму на сие, то 209

бы читателю моему представил любовницу его в отчаянии. Но сие было бы здесь излишнее. Всяк знает, что любовнице, хотя на первое мгновение, скорбно узнать о кончине любезнаго. Неведаю и того, бросилась ли сия новая Геро в озеро; или же в следующую ночь, паки топила баню для путешественника. Любовная летопись гласит, что Валдайския красавицы от любви неумирали... разве в больнице.

Нравы Валдайские переселилися и в близъ лежащей почтовой стан, Зимногорье. Тут для путешественника такая же бывает встреча; как и в Валдаях. Прежде всего представлятся взорам разурмяненные девки с баранками. Но как молодья мои лета уже прошли, то я поспешно разстался, с мазаными Валдайскими и Зимногорскими Сиренами. |

Доехав до жилья, я вышел из кибитки. Неподалеку от дороги над водою, стояло много баб и девок. Страсть господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ея стремлению направила стопы мои к толпе сельских сих красавиц. Толпа сия состояла более нежели из тридцати женщин. Все они были в праздничной одежде, шеи голая, ноги босья, локти наруже, платье заткнутое спереди за пояс, рубахи белья, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное. Приятности, загрубевшия хотя, от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости; красота юности в полном блеске, в устах улыбка, или смех сердечной; а от него виден становился ряд зубов, белее чистейшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголих с ума свели. Приезжайте сюда любезныя наши боярыньки Московские и Петербурския, посмотрите на их зубы, учитесь у них как их содержать в чистоте. Зубнаго врача у них нет. Несдирают они каждой день лоску с зубов своих ни щетками ни порошками. Станьте, с которою из них вы хотите, рот со ртом; дыхание ни одной из них незаразит вашего легкаго. А ваше, ваше может быть, положит в них начало.... болезни.... боюсь сказать какой; хотя незакраснеетесь, но расердитесь.— Разве я говорю неправду?— Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, ме-

сячных, недельных или чего боже спаси, ежедневных любовников. Познакомясь сего дня и совершив свое желание, завтра его не знает; да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем заразилась.—А ты голубушка моя пятнадцати летняя девушка, ты еще непорочна может быть; но на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка из докторских рук невыживал; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старика Генерала, и спешит тебя выдать за муж, для того только, чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому. А за стариком то жить не худо, своя воля; только бы быть за мужем, дети все его. Ревнив он будет, тем лучше; более удовольствия в украденных утех; с первой ночи приучить его можно, не следовать глупой старой моде, с женою спать вместе.—

И неприметил, как вы, мои любезныя городския сватьюшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч. меня долго задержали. Вы право того не стоите. У вас на щеках/ румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности...сажа. Все равно румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам. Правда, есть между ими на вас похожия, но есть такиа, каковых в городах слыхом неслыхано и видом невидано... Посмотрите, как все члены у моих красавиц круглы, рослы, неискривлены, неиспорчены. Вам смешно что у них ступни в пять вершков, а может быть и в шесть. Ну любезная моя племянница, с трех вершковой твоею ножкою, стань с ними рядом, и бегите в запуски; кто скорее дост[и]гнет высокой березы, по конец луга стоящей? а—а—его нетвое дело.—А ты сестрица моя голубушка, с трех четвертным своим станом в охвате, ты изволиш издеваться, что у сельской моей русалки, брюшко на воле выросло. Постой моя голубушка, посмеюсь и я над тобою. Ты уж десятой месяц за мужем, и уж трех четвертной твой стан изуродовался. А как то дойдет до родов, запоешь другим голосом. Но дай бог, что бы обошлось все смехом. Дорогой мой зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнурованья бросил в огонь. Кости из всех твоих платьев повытаскал, но уже поздно. Сросшихся твоих на криво составов тем неспрямит.—Плачь

мой любезной зять, плачь. Мать наша, следуя плачевной и смерти разрешающихся от бремени жен ознаменованной моде, угодовала за многия лета тебе печаль, а дочери своей болезнь, детям твоим слабое телосложение. Она теперь возносит над главою ея смертоносное острие; и если оно не коснется дней твоя супруги, благодари слу|чай; а если вериш, что провидение божие отом заботилося, то благодари и его, коли хочеш. — Но я еще с городскими боярыньками. — Вот что привычка делает; отвязаться от них нехочется. И право с вами бы неразстался, если бы мог довести вас до того, чтобы вы лица своего и искренности нерумянили. Теперь прощайте. —

Покуда я глядел на моющих платье деревенских нимф, кибитка моя от меня уехала. Я намерялся ити за нею в след, как одна девка по виду лет двадцати, а конечно не более семнадцати, положи мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поравнявшись с ней, начал я с нею разговор. — Нетрудно ли тебе нести такую тяжелую ношу, любезная моя, как назвать незнаю. — Меня зовут Анною, а ноша моя нетяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя барин непопро|сила мне пособить. — К чему такая суровость, Аннушка душа моя, я тебе худова не желаю. — Спасибо, спасибо; часто мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй проходи своею дорогою. — Анютушка я право нетаков, как я тебе кажуся, и нетаков, как те, о которых ты говориш. Те, думаю, так не начинают разговора, с деревенскими девками; а всегда поцелуем; но я хотя бы тебя поцеловал, то конечно бы так, как сестру мою родную. — Неподъезжай пожалуй; рассказы таковыя я слыхала; а коли ты худова немыслиш, чего же ты от меня хочеш? — Душа моя, Аннушка, я хотел знать, если у тебя отец и мать, как ты живеш, богато ли или убого, весело ли, если у тебя жених? — А на что это тебе барин. От роду в первой раз такая слышу речи. — Из сего судить можеш Анюта, что я ненегодьяй, нехочу тебя обругать или обезчестить.]

217 Я люблю женщин для того, что они соответственное имеют сложение моей нежности; а более люблю сельских женщин, или крестьянок для того, что они незнают еще притворства, неналагают на себя личины притворныя любви, а когда любят, то любят от всего сердца, и искренно...

Девка в сие время смотрела на меня выпяля глаза с удивлением. Да и так быть должно; ибо кто незнаёт, с какою наглостию дворянская дерзкая рука поползается, на непристойныя и оскорбительныя целомудрию шутки с деревенскими девками. Они в глазах дворян старых и малых, суть твари созданныя на их угождение. Так они и поступают; а особливо с несчастными, подвластными их велениям. В бывшее Пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ; некаякая крестьяне (повесть сия нелжива) связав своего господина везли | его на неизбежную казнь. 218
 Какая тому была причина. Он во всем был господин доброй и человеколюбивой, но муж небыл безопасен в своей жене, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву безчестия, ту которую он того дня назначил. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злобствовавших. Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! но почто неповедали вы сего, законным судиям вашим? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодей сей спасен. Блажен, если близкой взор смерти, образ мыслей его переменил, и дал жизненным его сокам, другое течение. — Но крестьянин в законе мертв, сказали мы.... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет.... |

Если барин ты нешутишь, сказала мне Анюта, то вот что я тебе скажу; у меня отца нет, он умер уже года с два, есть матушка да маленькая сестра. Батюшка нам оставил пять лошадей, и три коровы. Есть и мелкаго скота и птиц довольно; но нет в дому работника. Меня было сватали в богатой дом за парня десятилетняго; но я незахотела. Что мне в таком ребенке; я его любить небуду. А как он придет в пору, то я состареюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того то незахотелось ити к нему в семью. Я хочу себе ровню. Мужа буду любить, да и он меня любить будет, в том несомневаюсь. Гулять с молодцами нелюблю, а за муж барин хочется. Да знаешь ли для чего? говорила Анюта | потупя глаза. — Скажи душа 220
 моя Анютушка, нестыдись; все слова в устах невинности, непорочны. — Вот что я тебе скажу. Прошлым летом, год

тому назад, у соседа нашего женился сын на моей подруге, с которой я хаживала всегда в посиделки. Муж ее любит, а она его столько любит, что на десятом месяце после венчанья, родила ему сынка. Всякой вечер она выходит пестовать его за ворота. Она на него ненаглядится. Кажется, будто и паренек то матушку свою уж любит. Как она скажет ему, агу, агу, он и засмеется. Мне то до слез всякой день; мне бы уж хотелось самой иметь такова же паренька. . . Я немог тут вытерпеть и обняв Анюту поцеловал ее от всего моего сердца. — Смотри барин какой ты обманщик, ты уж играешь со мною. Поди сударь прочь от меня, оставь

221 бедную сироту, сказала Анюта заплакав. Кабы | батюшка жив был и его видел, то бы даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею. — Неоскорбляйся моя любезная Анютушка, неоскорбляйся, поцелуй мой неосквернит твоей непорочности. Она в глазах моих священна. Поцелуй мой есть знак моего к тебе почтения и был изторгнут восхищением глубоко тронутая души. Небойся меня, любезная Анюта, неподобен я хищному зверю, как наши молодые господчики, которые отъятие непорочности не во что вменяют. Если бы я знал, что поцелуй мой тебя оскорбит, то кленусь тебе богом, что бы недерзнул на него. — Разсуди сам барин, как неосердиться за поцелуй, когда все они уж посулены другому. Они заранее все уж отданы, и я в них невластна. — Ты меня восхищаешь. Ты уже любить умеешь. Ты нашла сердцу своему другое ему соответствующее. Ты будешь

222 блаженна. Ни что нераз|вратит союза вашего. Небудешь ты окружена соглядателями, в сети пагубы уловить тебя стрегущими. Небудет слух сердечного друга твоего, уязвлен прельщающим гласом, на нарушение его к тебе верности призывающим. Но почто же моя любезная Анюта, ты лишена удовольствия наслаждаться счастьем в объятиях твоего милого друга? — Ах барин, для того, что его неотдают к нам в дом. Просят ста рублей. А матушка меня неотдает; я у ней одна работница. — Да любит ли он тебя? — Как же нетак. Он приходит по вечерам к нашему дому и мы вместе смотрим на паренька моей подруги. . . . Ему хочется такова же паренька. Грусно мне будет; но быть терпеть. Ванюха мой хочет ити на барках в Питер в работу, и неворотится, покуда не выработает ста рублей для своего

выкупа. — Непускай его любезная Аню|тушка, не пускай его; 223
он идет на свою гибель. Там он научится пьянствовать,
мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего он и
тебя любить перестанет. — Ах барин нестращай меня,
сказала Анята, почти заплакав. — А тем скорее Анята,
если ему случится служить в дворянском доме. Господской
пример заражает верхних служителей, нижние заражаются
от верхних, а от них язва разврата, достигает и до деревень.
Пример есть истинная чума; кто что видит, тот то и де-
лает. — Да как же быть? Так мне и век за ним небывать
замужем. Ему пора уже жениться; по чужим он негуляет;
меня неотдают к нему в дом; то высватают за него другую,
а я бедная умру с горя..... Сие говорила она проливая
горькия слезы. — Нет моя любезная Анятушка, ты завтра
же будешь за ним. Поведи меня к своей матере. | — Да 224
вот наш двор, сказала она, остановясь. Проходи мимо,
матушка меня увидит, и худое подумает. А хотя она меня
и небыет, но одно ея слово мне тяжелее всяких побоев. —
Нет моя Анята, я пойду с тобою;.. и недожидаясь ея
ответа, вошел в ворота и прямо пошел налестницу в избу.
Анята мне кричала в след, постой барин, постой. Но я ей
невнимал. В избе я нашел Анятину мать, которая квашню
месила; подле нее на лавке сидел будущей ея зять. Я без
дальних околичностей ей сказал, что я желаю, чтобы дочь
ее была за мужем за Иваном, и для того принес ей то, что
надобно для отвлечения препятствия в сѣм деле. Спасибо
барин, сказала старуха, в этом теперь уж нет нужды. Ва-
нюха теперъ пришед сказывал, что отец уж отпускает его
ко мне в дом. И у нас в вос[к]ресенье будет свадьба. —
Пускай же посуленное от меня | будет Аняте в приданое. — 225
И на том спасибо. Приданова бояре девкам даром недают.
Если ты над моей Анятой что сделал, и за то даешь ей
приданое, то бог тебя накажет за твое безпутство; а денег
я невозьму. Если же ты доброй человек и неругаешься
над бедными, то взяв я от тебя деньги, лихие люди мало
ли что подумают. Я немог надивиться, нашел толико бла-
городства в образе мыслей у сельских жителей. Анята
между тем вошла в избу, и матери своей меня расхвалила.
Я было еще попытался дать им денег, отдавая их Ивану,
на заведение дому; но он мне сказал: у меня Барин есть

две руки, я ими дом и заведу. Приметив, что им мое присутствие было неочень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке.

Едущу мне из Едрова, Анюта из мысли моей невыходила. Невинная ея откровенность, мне нравилась безмерно. 226
Благородной по[с]тупок ея матери меня пленил. Я сию почтенную мать с засученными рукавами за квашню, или с подойником подле коровы, сравнивал с городскими матерями. Крестьянка нехотела у меня взять, непорочных, благоумышленных ста рублей, которая в соразмерности состояний должны быть для Полковницы, Советницы, Майорши, Генеральши, пять, десять, пятнадцать тысяч или более; если же Госпоже Полковнице, Майорше, Советнице или Генеральше, . . . (в соразмерности моего посула Едровской ямщицихе), у которой дочка лицом недурна, или только что непорочна, и того уже довольно, знатный боярин, седмидесятой, или чего боже сохрани, седмьдесят второй пробы, посулит пять, десять, пятнадцать тысяч или глухо знатное приданое, или 227
сыщет чиновнаго жениха, или | выпросит в почетныя девицы; то я вас вопрошаю городския матушки, неёкнет ли у вас сердечко? незахочется ли видеть дочку в позлащенной карете, в бриллиантах, едущую четвернею, если она ходит пешком, или едущею цугом, вместо двух замореных клячь, к[о]торыя ее таскают? Я согласен в том с вами, что бы вы обряд и благочиние сохранили, и нетак легко здалися, как феатральныя девки. Нет мои голубушки, я вам даю сроку на месяц или на два, но не более. А если доле заставите воздыхать первостатейнаго бесплодно, то он будучи занят делами Государственными, вас оставит, дабы не терять с вами драгоценнейшаго времени, которое он лучше употребить может на пользу общественную.—Тысяча голосов на меня поднимаются; ругают меня всякими мерскими названиями; мошеник, плут, кан. . . бес. . . ипр. ипр. . . . | Голубушки мои успокойтесь, я вашей чести непоношу. Уже ли все таковы? Поглядитесь в сие зеркало; кто из вас себя в нем узнает, та брани меня без всякаго милосердия. Жалобницы и на ту я неподам, суда по форме говорить с ней не стану.—

Анюта, Анюта, ты мне голову скружила! Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад. Твоя от[к]рoвенная невин-

ность любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия. Для чего первой мой в жизни поцелуй небыл тот, которой я на щеке твоей прилепил, в душевном восхищении. Отражение твоея жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избегнул скаредностей, житие мое исполнивших. Я бы удался от смрадных наемниц любострастия, почтил бы ложе супружества, ненарушил бы союза родства, моею плотскою несытостью; дев|ственность была бы для меня святая свя- 229
 тых, и ея коснуться недерзнул бы. О моя Анютушка! сиди всегда у околицы, и давай наставления твоею незастенчивою невинностью. Уверен, что обратишь на путь доброделания, начинающего с онаго совращатися, и укрепишь в нем к совращению наклоннаго. Невозтревожся, если закоренелый в развратности, поседевшей в объятиях безтудства мимо тебя пройдет, и тебя презрит; нетщися воспретить его шествию, услаждением твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не может благодетельное жало невинных добродетели, положить на нем глубокия черты. Конец ея скользнет, по поверхности гладко затверделаго порока. Блюди, да о нее острие твое непритупится. Но пропусти юношу, опасными лепоты прелестями облеченнаго; улови его в твои сети. Он горд, над|менен, порывист, нагл, дерзновенен, обидящ, уязвляющ, 230
 кажется. Но сердце его уступит твоему впечатлению, и отверзется на восприятие твоего благотворнаго примера.—Анюта я с тобой немогу разстаться, хотя уже вижу двадцатой
 столп от тебя.—

Но что такое за обыкновение, о котором мне Анюта сказывала? Ее хотели отдать за десятилетняго ребенка. Кто мог такой союз дозволить? По что неополчится рука законы хранящая, на искоренение толикаго злоупотребления? В христианском законе брак есть таинство, в гражданском, соглашение или договор. Какой священнослужитель может неравной брак благословить, или какой судия может его вписать в свой дневник? Где нет соразмерности в летах, там и брака быть неможет. Сие запрещают правила естественности, яко вещь бесполез|ную для человека; сие запреща- 231
 ть долженствовал бы закон гражданский, яко вредное для общества. Муж и жена в обществе, суть два гражданина,

делающие договор в законе утвержденной, которым обещаются прежде всего на взаимное чувств услаждение (да недерзнет здесь ни кто оспорить первейшаго закона сожития, и основания брачного союза; начало любви непорочнейшая; и твердый камень основания супружняго согласия) обещаются жить вместе, общее иметь стяжание, возвращать плоды своя горячности, и дабы жить мирно друг друга неузвлять. При неравенстве лет, можно ли сохранить условие сего соглашения? Если муж десяти лет, а жена двадцати пяти, как то бывает часто во крестьянстве; или, если муж пятидесяти а жена пятнадцати или двадцати лет, как то бывает во дворянстве, может ли быть взаимное чувств

232 услаждение. Скажите вы мне мужья старички, но скажите по совести, стоите ли вы названия мужа. Вы можете только возжечь огонь любовной, не в состоянии его утушить. Неравенством лет нарушается единый из первейших законов природы; то может ли положительной закон быть тверд, если основания неимеет в естественности? Скажем яснее он и несуществует. — Возвращать плоды взаимной горячности. — Но может ли тут быть взаимность, где с одной стороны пламя, а с другою нечувствительность? Может ли быть тут плод, если насажденное древо лишается благодетельнаго дождя и питающия росы? А если плод когда и будет, но будет он тощ, невзрачен и скорому подвержен глению. — Неузвлять друг друга. — Се правило предвечное, верное, буде щастливою в супругах симпатию, чувства их

233 равномерно услаждаются, то союз брачный будет благополучен; малыя домашния волнения скоро утихают при нашествии веселия. И когда мраз старости, подернет чувственное веселие, непроницаемою корою, тогда напоминовение прежних утех успокоит брызгливую древность лет. — Одно условие брачнаго договора может и в неравенстве быть исполняемо. Жить вместе. — Но будет ли в том взаимность. — Один будет начальник самовластный, имея в руках силу, другой будет слабый подданнык и раб совершенный, веление господя своего исполнять только могущий. — Вот Анята благия мысли тобою мне внушенныя. Прости любезная моя Анятушка, поучения твои вечно пребудут в сердце моем впечатленны, и сыны сынов моих, наследят в них.

Хотилловской ям был уже в виду, а я еще размышлял о Едровской девке, и в восторге души моей воскликнул громко: о Анята! Анята! Дорога была негладка, лошади шли шагом; повозчик мой вслушался в мою речь, оглянувшись на меня: видно Барин, говорил он мне улыбаясь и поправляя шляпу, что ты на Анятку нашу призарился. Да уж и девка! Неодному тебе она нос утерла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет, хоть бы кого... 'А как пойдет в поле жать... загляденье. Ну... брат Ванька щастлив. — Иван брат тебе? — Брат двоюродной. Да веть и парень! Трое вдруг молодцов стали около Анятки свататься; но Иван всех отбаярил. Они и тем и сем, но нетутта. А Ванюха тотчас и подцепил... (Мы уже въезжали в околицу)... Тото, Барин! Всяк пляшет да некак скоморох. — И к почтовому двору подъехал. |

Всяк пляшет, да некак скоморох, твердил я вылезая из кибитки... Всяк пляшет да некак скоморох, повторил я наклоняясь, и подняв развертывая..... |

ХОТИЛЛОВ

236

Проект в будущем

Доведя постепенно любезное отечество наше, до цветущаго состояния, в котором оно ныне находится; видя науки, художества и рукоделия, возведенныя до высочайшия совершенства степени, до коей человеку достигнути дозволяется; видя в областях наших, что разум человеческий вольно разпростирая свое крылие, безпрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию, и надежным ныне стал стражею общественных законоположений. Под державным его покровом свободно и сердце наше в молитвах, ко всевышнему творцу возсылаемых. С неизреченным радованием сказати может, что отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предразсудках и суевериях основано, | но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшия за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно

237

братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществах, отъемлют корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховных власти, яко веления нежных родителей к своим чадам, предъупреждает даже и безхитросныя злодеяния. Ясность в положениях о приобретении и сохранении имений, недозволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока, и всеми зрима, и всеми свято почитаема. Оскорбления частныя между нами редки и дружелюбно примиряются. Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внешних врагов неимея; доведя общество до вышшаго блаженства гражданского сожития; неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния; и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшаго потомства, треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверской обычай, поработать себе подобнаго человека, возродившейся в |знойных полосах Ассии обычай диким народам приличный; обычай, знаменующий сердце окаменелое, и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы Сыны славы, мы именем и делами словуты в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошед[ш]их веков, ко стыду сего разумнаго времяточия, сохранили его нерушимо даже до сего дня.

Известно вам из деяний отцев ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвигаемы человеколюбием, дознав естес[т]венную связь общественного союза, старались положить предел стол glavному сему злу. Но державныя их подвиги утщетились, известным тогда гордыми своими преимуществами в госу-

дарстве нашем, чиновостоянием, | но ныне обветшалым 241
и в презрение впадшим, дворянством наследственным. Державные предки наши, среди могущества сил скипетра своего, немощны были на разрушение оков гражданския неволи. Нетокмо они немогли исполнити своих благих намерений, но ухищрением помянутаго в государстве чиновостояния, подвинуты стали на противныя разсудку их и сердцу правила. Отцы наши зрели губителей сих, со слезами может быть сердечными, сожимающих узы, и отягчающих оковы, наиполезнейших в обществе сочленов. Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них непознаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отече[с]тва! возрите окрест вас, и познайте заблуждение ваше. Служители божества предвечнаго, подвизаемые ко благу обще[с]тва и ко блаженству человека, единамыслием с нами, изъясняли вам в поучениях своих, во имя 242
всещедраго бога, ими проповедуемаго; колико мудрости его и любви противно властвовать над ближним своим, самопроизвольно. Старались они, доводами в природе и сердце нашем почерпнутыми, доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. Еще глас их, торжественно во храмах живаго бога, вопиет громко: опомнитесь заблудшие, смягчитесь жестокосердые; разрушьте оковы братии вашей, отверзите темницу неволи, и дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же всещедрым уготованы, яко же и вы. Они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые с вами у них члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково.

Но если служители божества представили взорам вашим, неправоту | порабождения, в отношении человека; за долг наш 243
вменяем мы, показать вам вред оной в обществе, и неправильность онаго, в отношении гражданина. Излишне казалось бы, при возникшем столь уже давно, духе любомудрия, изыскивать или поновлять доводы, о существенном человека а потому и граждан равенстве. Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствами благородства а не предразсуждениями, доказательства о первенственном равенстве, суть движения его сердца обыкновенныя. Но се нещастие смертнаго на земли: заблуждати среди света, и не зрети того, что прямо взорам его предстоит.

В училищах, юным вам сущим, преподали вам, основания права естественного и права гражданского. Право естественное показало вам человекoв, мысленно вне общества, при-
 243 явших одинаковое от природы слож|ение, и потому имеющих одинаковыя права, следственно, равных во всем между собою, и единые другим неподвластных. Право гражданское, показало вам человекoв, променявших безпредельную свободу, на мирное оныя употребление. Но если все они положили свободе свой предел, и правило деяниям своим; то все равны от чрева матерня в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следственно и тут один другому неподвластен. Властитель первый в обществе, есть закон; ибо он для всех один. Но какое было побуждение вступить в общество; и полагати произвольныя пределы деяниям. Разсудок скажет, собственное благо, сердце скажет, собственное благо, нерастленный закон гражданский скажет, собственное благо. Мы в обществе живем, уже
 244 многие степени усовершенствования протекшем, и по тому запамя|товали мы начальное онаго положение. Но возрите на все новые народы, и на все общества естества, если так сказать можно. Во первых порабощение есть преступление; во вторых един злодей или неприятель испытует тягость неволи. Соблюдая сии понятия, познаем мы, колико удалилися мы от цели общественной, колико отстоим еще, вершины блаженства общественнаго, далеко. Все сказанное нами, вам есть обычно, и правила таковыя изсосали вы со млеком матерним. Един предразсудок мгновения, единая корысть, (да неуязвитесь нашими изречениями,) единая корысть отъ-емлет у нас взор, и в темноте беснующим, нас уподобляет.

Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец наша тощеты, насытитель нашего глада; тот кто дает нам здравие, кто житие наше |
 245 продолжает, неимея права распоряжати ни тем, что обра-ботывает, ни тем, что производит. Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде неделатель ея? Представим себе мысленно, мужей пришедших в пустыню, для сооружения общества. Помышляя о прокормлении своем, они делят поросшею лаком землю. Кто жребий на уделе получает? Нетот ли, кто ее вспахать возможет; нетот ли, кто силы и желание к тому имеет достаточныя? Младенцу или старцу,

разслабленному, немощному и нерадивому, удел будет бесполезен. Она пребудет в запустении, и ветер класов на ней невозвест. Если она бесполезна делателю ея, то бесполезна и обществу; ибо избытка своего делатель обществу неотдаст, неимея нужного. Следственно, в начале общества, тот кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее, пользуется | ею исключительно. Но 246
коликo удалился мы, от первоначального общественнаго положения, относительно владения. У нас, тот кто естественное имеет к оному право, нетокмо от того исключен совершенно, но работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другаго! Просвещенным вашим разумама, истины сии немогут быть непонятны, но деяния ваши, в исполнении сих истин, препинаемы, сказали уже мы, предразсуждением и корыстию. Неужели, сердца ваши любовию человечества полные, предпочтут корысть чувствованиям, сердце услаждающим? Но какая в том корысть ваша? Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданскаго звания, и частию в законе мертвы, назваться блаженными? Можноли назвать блаженным, гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он | блажен, ибо неимеет понятия 247
о лучшем со[с]тоянии.

Мы постараемся опровергнуть теперь, сии зверския властителей правила, яко же их опровергали некогда, предшественники наши, деяниями своими неуспешно.

Блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем непустеют и во градех гордыя воздымаются здании. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя, нетокмо силою своею, но и словом своим, над мнением других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Воззрим, на подлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Про|странный воинский стан. Царствует в нем 248
тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй, зрится, в рядах их. Единое веление, единое руки манование начальника, движет весь стан, и движет его

стройно. Но можем ли назвать воинов блаженными? Превращенные точноию воинскаго повиновения в куклы, отъ-
 249 емлется у них даже движения воля, толико живым веществам
 свойственная. Они знают только веление начальника, мыслят,
 что он хоцет, и стремятся, куда направляет. Толико все-
 силен жезл над могущественнейшею силою государства.
 Свокупны, возмогут вся, но разделенны и на едине, пасутся,
 яко скоты, аможе пастырь пожелает. Устройство на щет
 свободы, столь же противно блаженству нашему, как и самые
 узы. — Сто невольников, пригвожденных ко скамьям карабля,
 249 весла|ми двигаемаго в пути своем, живут в тишине и устрой-
 стве; но загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь, от-
 чаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кон-
 чину; но и ту им оспоривают. Конец страдания их, есть
 блаженство; а блаженство неволи несродно, и потому они
 живы. И так да неослепимся, внешним спокойствием государ-
 ства и его устройством, и для сих только причин, да непочтем
 оное блаженным. Смотри всегда на сердца сограждан. Если
 в них найдеш спокойствие и мир, тогда сказать можеш
 воистинну: се блаженны.

Европейцы опустошив Америку, утучнив нивы ея кровию
 природных ея жителей, положили копец убийствам своим,
 новою корыстию. Запустелья нивы, сего обновленнаго силь-
 250 ными природы потрясениями полукружия, почувствовали
 соху недра их раздирающую. Злак на тучных лу|гах вы-
 роставший, и изсыхавший бесплодно, почувствовал бьилие свое,
 острием косы подсекаемо. Валяются на горах гордые дрeвеса,
 издревле вершины их осенявшия. Леса бесплодныя и горькия
 дебри, претворяются в нивы плодоносныя и покрываются
 стовидными произращениями единой Америке свойственными,
 или удачно в оную преселенными. Тучные луга потапты-
 251 ваются многочисленным скотом, на яству и работу челове-
 ком определяемым. Везде видна строящая рука делателя,
 везде кажется вид благосостояния и внешний знак устрой-
 ства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, де-
 нивую природу давать плоды свои в толиком обилии.
 Заклав Индийцов единовременно, злобствующие Европейцы,
 проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кро-
 тости и человеколюбия, к корени яростнаго убийства за-
 воевателей прививают хлад|кровное убийство порабощения,

приобретением невольников куплею. Сии то несчастныя жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутыя своих домов и семейств, преселенныя в неведомыя им страны, под тяжким жезлом благоустройства, вздирают обильныя нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ея непоросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнообразными. Назовем блаженною странною, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысящи неимеют надежнаго пропитания, ни собственнаго от зноя и мраза укрова. О дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения! Возтрепещите о возлюбленные мои, да не скажут о вас: „премени имя, повесть о тебе вещает“. |

Мы дивимся и ныне еще огромности Египетских зданий. 252
Неуподобительныя пирамиды, чрез долгое время доказывать будут, смелое в созидании Египтян зодчество. Но для чего, сии столь нелепыя кучи камней были уготованы? На погребение надменных Фараонов. Кичливые сии властители, жадая безсмертия, и по кончине хотели отличествовати внешностию своею от народа своего. И так огромность зданий бесполезных обществу, суть явныя доказательства его порабощения. В остатках погибших градов, где общее блаженство некогда водворялось, обрящем развалины училищ, больниц, гостинниц, водоводов, позорищ и тому подобных зданий; во градах же, где известнее было я, а не мы, находим остатки великолепных Царских чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое; выбор наш nebude затруднителен. |

Но что обретаем в самой славе завоеваний. Звук, гремя- 253
ние, надутлость, и истощение. Я такую славу, применю к шарам в 18-м столетии изобретенным; из шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючим воздухом, и возлетают с быстротою звука, до выспренних пределов эфира. Но то, что их составляло силу, източаетя из среды тончайшими скважинами непрестанно, тяжесть горе вращавшаяся, приемлет естественный путь падения долу; и то, что месяцы целые сооружалось со трудом, тщанием и иждивением, едва часов несколько может веселить взоры зрителей.

Но вопросы чего жаждет завоеватель; чего он ищет опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из всех, от Александра, Великим названного; но велик по истине, не в делах своих, но в силах душевных и разорениях. О Афиняне! вещал он, колико стоит мне, быть хвалиму вами. Несмысленной, возри на шествие твое. Крутой вихрь твоего полета, преносся чрез твою область, затаскивает в вертение свое жителей ея, и влача силу государства во своем стремлении, за собою оставляет пустыню и мертвое пространство. Неразсуждаеш ты о ярый вепрь, что опустошая землю свою победою, в завоеванной ни чего необрящеш тебя улаждающаго. Если приобрел пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан, в коей они сокрыватися будут; населяя новую пустыню, превратиш страну обильную в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыни соделал селидьбы, если другия населения, тем сделал пустыми? Если же приобрел населенную страну, то изчисли убийства твои, и ужаснися. Изкоренить долженствуеш ты, все сердца, тебя в громоносности твоей возненавидевшия; немни убо, что любити можно, его же бояться нудяться. По истреблении мужественных граждан, останутся и будут подвластны тебе робкия души, рабства иго воспряти готовыя; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет, нельсти себе, убийство и ненависть. Мучитель пребудеш на памяти потомков; казниться будеш, ведая, что мерзят тебя новые рабы твои, и от тебя кончины твоея просят.

Но нисходя к ближайшим о состоянии земледелателей понятиям, колико вредным его находим мы для общества. Вредно оно в размножении произрастений и народа, вредно примером своим, и опасно в беспокойствии своем. Человек в начинаниях своих двигаемый корыстию, | предприимлет то, что ему служить может на пользу, ближайшую или дальнюю, и удаляется того, в чем он необретает пользы, ближайшей или дальновидной. Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того все то, на что несвободно подвигаемся, все то, что недля своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и

криво. Таковых находим мы земледельцев, в государстве нашем. Нива у них чуждая, плод оныя им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво; и нерадеют о том, незапустеет ли среди делания. Сравни сию ниву, с данною надменным владельцем, на тощее прокормление делателю. Нежалеет сей о трудах своих, ея ради предпринимаемых. Ни что неотвлекает его от делания. Жестокость времени | 257 он одолевает бодрственно; часы на упокоение определенные, проводит в трудах; во дни на веселие определенные, онаго чуждается. Зане рачит о себе, работает для себя, делает про себя. И так нива его, даст ему плод сугубый; и так все плоды трудов земледельцев, мертвеют, или паче невозраждаются, они же родились бы, и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа дает меньше плода, то недостигающия своя цели земныя произведения, толикоже препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там хотя бы и было кому есть, nebude; умрут от истощения. Тако нива рабства неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ея. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежд, присовокупили работу до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях; тогда со ужасом узришь, возникшее губительство неволи, которое тем только различествует от побед и завоеваний, что недает тому родиться, что победа посекает. Но от нее вреда больше. Легко всяк усмотрит, что одна опустошает случайно, мгновенно; другая губит долговременно и всегда; одна, когда прейдет полет ея, скончаеает свое свирепство; другая там только начнется, где сия кончится, и прмениться не может разве опасным всегда потрясением всея внутренности.

Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства возрение. С одной стороны родится надменность, а с другой робость. Тут никакой неможно быть связи, разве | 258 насилие. И сие, собираясь в малую среду, властодержавное свое действие простирает всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и острие в руках имеющие, сами ключимые во узах, наияростнейшие оныя бывают проповедники. Кажется, что

дух свободы, толико в рабах изсякает, что нетокмо нежелают скончать своего страдания, но тягостно им зрети, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляют, если возможно человеку любити свою пагубу. Мне мнится в них зрети змию, совершившую падение перваго человека. — Примеры властвования суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоглавнаго чудовища, изсосающаго пищу общественную, уготованную на прокормление граждан, мы поползнулись, может быть, на действия самовластия, и хотя намерения наши были всегда благи и к блаженству целаго стремились; но поступок наш державный, полезностию своею оправдаться не может. И так ныне молим вас, отпущения нашего неумышленного дерзновения.

Неведаете ли любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в которой мы вращаемся опасности. Загрубелыя все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение неприходящия, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ни что уже в разлитии его противиться ему невозможно. Таковы суть братья наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас мечь и отраву. Смерть и пожигание, нам будет посул за нашу суровость и безчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежния повествования. Даже обольщение, колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем текут ему во след, и ничего толико нежелают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другаго средства к тому неумыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола ни возраста. Они искали паче веселие мщениа, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец, или любитель челове-

чества, возникши на | пробуждение несчастных, ускорит его 262
мах. Блюдитесь.

Но если ужас гибели, и опасно[с]ть потрясения стяжаний, подвигнуть может слабого из вас, не уже ли небудем мы то-лико мужественны в побеждении наших предразсуждений, в попании нашего корыстолюбия и неосвободим братию нашу из оков рабства, и не возстановим природное всех равенство? Ведая сердце ваших расположение, приятнее им убедиться доводами, в человеческом сердце почерпнутыми, нежели в изчислениях корыстолюбиваго благоразумия, а менее еще в опасности. Идите возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о премене их жребия. Вещайте с ощущением сердечным: подвигнутые на жалость вашею участию, соболезнуя о подобных нам, дознав ваше равенство с нами, и убежденные общею пользою, пришли мы да лобзаем бра-| тию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико времени 263
от вас отделявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, возторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитейший в летописях наших. Забудьте наше прежнее злодейство на вас, и да возлюбим друг друга искренно.

Се будет глагол ваш; се слышится он уже во внутренности сердец ваших. Немедлите возлюбленные мои. Время летит; дни наши преходят в недействии. Да нескончаем жизни нашея, возъимев только мысль благую, и невозможши ее исполнить. Да невоспользуется тем потомство наше, да непожнет венца нашего, и с презрением о нас да не скажет: они были.

Вот что я прочел в замаранной грязию бумаге, которую поднял | я перед почтовою избою, вылезая из кибитки моей. 264

Вошед в избу я спрашивал, кто были проезжие незадолго передомною. Последней из проезжающих, говорил мне почтолион, был человек лет пятидесяти; едет по подорожной в Петербург. Он у нас забыл связку бумаг, которую я теперь за ним в след посылаю. Я попросил почтолиона, что бы он дал мне сии бумаги посмотреть и развернув их узнал, что найденная мною к ним же принадлежала. Уговорил я его, чтобы он бумаги сии отдал мне, дав ему за то награждение. Разсматривая их узнал, что оне принадлежали искрен-

нему моему другу, а по тому непочел я их приобретение кражею. Он их от меня доселе нетребовал, а оставил мне на волю, что я из них сделать захочу.

265 Между тем, как лошадей моих перепрягали, я любопытствовал раз|сматривая доставшияся мне бумаги. Множество нашел я подобных той, которую читал. Везде я обретал разположения человеколюбиваго сердца, везде видел гражданина будущих времен. Более всего видно было, что другой поражен был несоразмерностию гражданских чиновостояний. Целая связка бумаг и начертаний законоположений, относилася к уничтожению рабства в России. Но другой ведая, что вышшая власть недостаточна в силах своих, на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям, к постепенному освобождению земледельцов в России. Я здесь покажу шествие его мыслей. Первое положение относится к разделению сельскаго рабства и рабства домашняго. Сие последнее уничтожается прежде всего, и запрещается поселян и всех по деревням в ревизии написанных брать в дома. Буде поме|щик возьмет земледельца, в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, нетребуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положение, относится к собственности и защите земледельцов. Удел в земле ими обрабатываемой, должны они иметь собственностью; ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его онаго да не лишит самопроизвольно. Возстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпу|скую, известную сумму. 267 Запретить произвольное наказание без суда — Изчезни варварское обыкновение, разрушья власть тигров! вещает наш законодатель. . . . За сим следует совершенное уничтожение рабства.

Между многими постановлениями, относящимися к возстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была не к стати нынешним вре-

менам, и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовет меня к отъезду; и для того я за благо положил, лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущаго на почте, что бы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном? нежели заниматься тем, что несуществует. |

268

ВЫШНИЙ ВОЛОЧОК

Никогда непроезжал я сего новаго города, что бы не посмотреть здешних шлюзов. Первой, которому на мысль пришло, уподобиться природе в ея благодеяниях, и сделать реку рукодельную, дабы все концы единыя области, в вящее привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства. Когда нынешния державы, от естественных и нравственных причин разпадутся, позлащенные нивы их порастут тернием, и в развалинах великолепных чертогов, гордых их правителей, скрываться будут ужи, змеи и жабы; любопытный путешественник обрящет глаголющие остатки величия их в торговле. Римляне строили большия дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных сообщени|ях, каковыя есть в Европе, они неимели 269 понятия. Дороги, каковыя у Римлян бывали, наши небудут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильныя морозы, а каналы и без обделки нескоро заровняются.

Немало увеселительным было для меня зрелищем, вышневолоцкой канал, наполненный барками, хлебом и другим товаром нагруженными, и приуготовляющимися к прохождению сквозь слюз для дальнейшего плавания до Петербурга. Тут видно было, истинное земли изобилие, и избытки земледельца; тут явен был во всем своем блеске, мощный побудитель человеческих деяний, корыстолюбие. Но если при первом взгляде, разум мой усладился видом благосостояния, при раздроблении мыслей скоро увяло мое радование. Ибо вспомянул, что в России многие земледельцы, недля себя работают; и так изобилие земли во многих кра|ях России до- 270 казывает, отягченный жребий ея жителей. Удовольствие мое переменилося в равное негодование с тем, какое ощущаю ходя в летнее время по таможенной пристани, взирая на

корабли, привозящие к нам избытки Америки, и драгия ея произрашения, как то сахар, кофе, краски и другия, неосушившиеся еще от пота, слез и крови их омывших при их возделании.

Вообрази себе, говорил мне некогда мой друг, что кофе налитой в твоей чашке, исахар разпущенной в оном, лишали покоя тебе подобнаго человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов, причиною его слез, стенаний, казни и поругания; дерзай жестокосердой усладить гортань твою.—Вид прещения сопутствовавший сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя за-
271 дрожала и кофе пролился. |

А вы о жители Петербурга, питающіеся избытками изобильных краев отечества вашего, при великолепных пиршествах, или на дружеском пиру, или на едине, когда рука ваша вознесет перьвой кусок хлеба определенной на ваше насыщение, остановитесь и помыслите. Не то же ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки. Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнялися нивы, на которых оной возрос. Блаженны, если кусок хлеба вами алкаемый, извлечен из класов родившихся на ниве, казенною называемой, или по крайней мере, на ниве оброк помещику своему платящей. Но горе вам, если раствор его составлен из зерна лежавшаго в житнице дворянской. На нем почили скорбь и отчаяние; на нем знаменовалось проклятие всевышняго, егда во гнѣве своем рек: проклята земля в делах своих. Блюдитесь да неотравлены будете, вожделенною
272 вами пищею. Горькая слеза нищаго, тяжко на ней возлегает. Отрините ее от уст ваших; поститесь, се истинное и полезное может быть пощение.

Поветствование о некотором помещике докажет, что человек корысти ради своей забывает человечество в подобных ему, и что за примером жестокосердия, не имеем нужды ходить в дальныя страны, ни чудес искать за тридевять земель; в нашем царстве они в очью совершаются.

Некто ненашед в службе, как то по просторечию называют, щастия, или нежелая онаго в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, на пример во сто или в двести душ, определил себя, искать прибытка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился

наидействи|тельнейшим образом, всевозможное сделать употре- 273
 бление, естественных сил своих крестьян, прилагая оныя к
 обработыванию земли. Способом к сему надежнейшим, почел
 он уподобить крестьян своим орудиям, ни воли ни побужде-
 ния неимеющим; и уподобил их действительно в некотором
 отношении нынешняго века воинам, управляемым грудю,
 устремляющимся на бою грудю, а в единственности ничего
 незначащим. Для достижения своєї цели, он отнял у них
 малой удел пашни и сенных покосов, которые им на необхо-
 димое пропитание, дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние,
 за все принужденныя работы, которыя они от крестьян тре-
 буют. Словом сей дворянин некто, всех крестьян, жен их и
 детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы
 они неумирали с голоду, то выдавал он им определен|ное 274
 количество хлеба, под именем месячины известное. Те, кото-
 рые неимели семейств, месячины не получали, а пообык-
 новенно Лакедемонян пировали вместе на господском дворе,
 употребляя, для соблюдения желудка в мясоед пустыя шти,
 а в посты и постные дни, хлеб с квасом. Истинные розговины
 бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам, производилася так же приличная и
 соразмерная их состоянью, одежда. Обувь для зимы, то есть,
 лапти делали они сами; онучи получали от господина своего;
 а летом ходили босы. Следственно, у таковых узников не-
 было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволе-
 ние держать их, господин у них неотымал, но способы к
 тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот
 держал несколько птиц, которых господин | иногда бирал 275
 себе, платя за них цену по своей воле.

При таком заведении неудивительно, что земледелие
 в деревне Г: некто, было в цветущем состоянии. Когда у всех
 худой был урожай, у него родился хлеб сам четверть; когда
 у других хорошей был урожай, то у него приходил хлеб сам
 десят и более. В недолгом времени к двум стам душам, он
 еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и поступая
 с сими равно как и спервыми, год от году умножал свое
 имение, усугубляя число стениящих на его нивах. Теперь он счи-
 тает их, уже тысячами, и славится как знаменитый земледелец.

Варвар! недостойн ты носить имя гражданина. Какая
 польза государству, что несколько тысяч четвертей в год,

276 более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются на равне с волом, определенным | тяжкую вздирати борозду? Или блаженство граждан в том почитаем, чтоб полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты? что бы один благословлял правительство, а не тысячи? Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежем, и заслуживает строгаго в законе наказания. И суть люди, которые взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благе общем. Вместо вашего поощрения к таковому насилию, которое вы источником государственнаго богатства почитаете, прострите на сего общественнаго злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы, и развеите пепл по нивам, на них же совершалось 277 его мучительство, ознаменуйте | его, яко общественнаго татя, дабы всяк, его видя, нетолько его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы незаразиться его примером. |

278

ВЫДРОПУСК

Здесь я опять принялся за бумаги моего друга. В руки мне попалося, начертание положения, о уничтожении придворных чинов. |

Проект в будущем

Вводя, нарушенное в обществе естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши не последним способом почли к тому, умаление прав дворянства. Полезно государству в начале своем, личными своими заслугами; ослабело оно в подвигах своих наследственностию, и сладкий при насаждении, его корень, произнес наконец плод горький. На месте мужества, водворилася надменность и самолюбие, на месте благородства души и щедроты, посеялися раболепие и самонедоверение, истинныя скряги на великое. Жительствуя 279 среди | столь тесных душ, и подвизаемые на малости, ласкательством наследственных достоинств и заслуг, многие Государи возмнили что они суть боги, и вся его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло. Тако и быть должествует

в деяниях наших, но токмо на пользу общую. В таковой дремоте величания власти, возмечтали Цари, что рабы их и прислужники, ежечасно предстоя взорам их, заимствуют их светозарности; что блеск царский преломляясь, так сказать, в сих новых отсветках, многочисленнее является и с сильнейшим отражением. На таковой блуждения мысли, воздвигли Цари придворных истуканов, кои истинные феатральныя божки, повинуются свистку или трещетке. Пройдем степени придворных чинов, и с улыбкою сожаления отвратим взоры наши, от кичащихся служением своим; но возрыдаем, видя 280 их предпочитаемых заслуге. Дворецкой мой, конюшей, и даже конюх и кучер, повар, крайчий, птицелов с подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тот кто меня бреет, тот, кто чешет власы главы моея, тот, кто пыль и грязь отирает с обуви моею, о многих других неупомяная, равняются или председательствуют служащим отечеству силами своими душевными и телесными, нещады ради отечества, ни здоровья своего, ни крови, возлюбляя даже смерть, ради славы государства. Какая вам в том польза, что в доме моем господствуют чистота и опрятность? Сытее ли вы накормитесь, буде кушанье мое лучше вашего приготовлено, и в сосудах моих лиется вино, изо всех концев вселенныя? Укроетесь ли в шествии вашем, от неприязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? | Лучшей ли даст нива 281 вам плод, луга ваши больше ли позеленеют, буде потопчутся на ловитве зверей, в мое увеселение? Вы улыбнетесь с чувствованием жалости. Но нередкой в справедливом негодовании своем скажет нам: тот, кто рачит о устройстве твоих чертогов, тот, кто их нагревает, тот, кто огненную пряность полуденных растений, сочетает с хладною вязкостию северных туков, для услаждения разслабленнаго твоего желудка и оцепенелаго твоего вкуса; тот, кто воспеняет в сосуде твоем сладкий сок Африканскаго винограда; тот, кто умащает окружие твоей колесницы, кормит и напаяет коней твоих; тот, кто во имя твое кровавую битву ведет со зверями дубравными и птицами небесными; все сии тунеядцы, все сии лелеятели, как и многие другие, твоя надменности, высятся надо мною, над источившем потоки кровей на ратном поле, 282 над потерявшим нужнейшия члены тела моего, защищая грады твои и чертоги, в них же сокрытая твоя робость заве-

сою величавости, мужеством казалася; над провождающим дни веселий, юности и утех, во сбережении малейшия полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налогов; над нерачившем о имени своем, трудяся деннонощно в снискании средств, к достижению блаженств общественных; над попирающим родство, приязнь, союз сердца и крови, вещая правду на суде во имя твое, да возлюблен будеши. Власы белеют в подвигах наших, силы изтощаются в подъемлемых нами трудах, и при возкраии гроба едва возмогаем удостоиться твоего благоволения; а сии упитанные тельцы сосцами нежности и пороков, сии незаконные сыны отечества наследят в стяжании нашем. |

283 Тако и более еще по справедливости возглаголют от вас многие. Что дадим мы, Владыки сил, в ответ? Прикроем безчувствием уничижение наше, и видится воспаленна ярость в очах наших на вещающих сице. Таковы бывають нередко ответы наши вещаниям истины. И никто да не удивится сему, когда наилучший между нами дерзает таковая; он живет с ласкателями, беседует с ласкателями, спит в лести, хождает в лести. И лесь и ласкательство соделают его глуха, слепа и неосязательна.

Но да не падет на нас таковая укоризна. С младенчества нашего возненавидев ласкательство, мы соблюли сердце наше от ядовитой его сладости, даже до сего дня; и ныне новый опыт в любви нашей к вам и преданности явен да будет. Мы уничтожаем ныне сравнение царедворскаго служения, 284 с военным и гражданским. Истребися на памяти обыкновение во стыд наш толико лет существовавшее. Истинныя заслуги и достоинства, рачение о пользе общей, да получают награду в трудах своих и едины да отличаются.

Сложив с сердца нашего столь несносное бремя, долго-временно нас теснившее, мы явим вам наши побуждения на уничтожение толь оскорбительных для заслуги и достоинства чинов. — Вещают вам и предки наши тех же были мыслей, что Царский престол, коего сила во мнении граждан коренится, отличествовать долженствует внешним блеском, дабы мнение о его величестве было всегда всецело и ненаруσιμο. От туда пышная внешность властителей народов, от туда стадо рабов их окружающих. Согласиться всяк должен, что тесные умы и малыя души внешность поражать может. Но

чем народ просвещеннее, то есть, чем | более особенников 285
 в просвещении тем внешность менее действовать может.
 Нума мог грубых еще Римлян уверить, что Нимфа Егерия
 наставляла его в его законоположениях. Слабые Перуанцы
 охотно верили Манко Капаку, что он сын солнца, и что
 закон его с небеси истекает. Магомет мог прельстить ски-
 тающихся Аравитян своими бреднями. Все они употребляли
 внешность; даже Моисей принял скривил заповедей, на горе
 среди блеску молнии. Но ныне буде кто прельстити восхощет,
 не блистательная нужна ему внешность, но внешность дово-
 дов, если так сказать можно, внешность убеждений. Кто бы
 восхотел ныне послание свое утвердить с выше, тот употре-
 бит более наружность полезности и тою все тронутся. Мы
 же устремляя все силы наши на пользу всех и каждого,
 по что нам блеск внешности? не полезностию ли наших | по- 286
 становлений ко благу государства текущую облистает наше
 лице; всяк взирающий на нас узрит наше благомыслие,
 узрит в подвиге нашем свою пользу, и того ради нам поклон-
 нится, не яко во ужасе шествующему, но сидящему во бла-
 гости. Если бы древние Персы управлялися всегда щедротою,
 небы возмечтали быти Ариману или ненавистному началу
 зла. Но если пышная внешность нам бесполезна, колико
 вредны в государстве быть могут ея оберегатели. Единствен-
 ною должностию во служении своем имея угождение нам,
 колико изыскательны будут они во всем том, что нам нра-
 вится может. Желание наше будет предъупреждено; но не-
 токмо желанию недопустят возродиться в нас, но даже и
 мысли, зане готово уже ей удовлетворение. Возрите со ужа-
 сом на действие таковых угождений. Наитвердейшая душа 287
 во правилах своих позыбнется, | приклонит ухо ласкательному
 сладкопению, уснет. И се сладостныя чары обыдут разуми
 сердце. Горесть и обида чуждыя, едва покажутся нам прехо-
 дящими недугами; скорбети о них, почтем или неприличным,
 или же противным, и воспретим даже жаловатися о них.
 Язвительнейшия скорби и раны и самая смерть, покажутся
 нам необходимыми действиями течения вещей, и являся нам
 позади непрозрачныя завесы, едва возмогут ли в нас произ-
 вести то мгновенное движение, какое производят в нас феа-
 тральныя представления. Зане стрела болезни, и жало зла, не
 в нас дрожит вонзенное.

Се слабая картина всех пагубных следствий пышнаго Царей действия. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться от возмущения благонамерений наших? Неблаженны ли, если и заразе примера, положили преграду? Надежны в благосердии
 288 нашем, надежны не в разврате со вне, надежны во умеренности ваших желаний, возблагоденствуем с нова, и будем примером позднешему потомству, како власть со свободою сочетать должно, на взаимную пользу. |

389

ТОРЖОК

Здесь на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения, завести в сем городе свободное книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволения ненужно; ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в ценсуре; и вот его о том, размышлении.

Типографии у нас всем иметь дозволено, и время то прошло, в которое боялися поступаться оным дозволением частным людям; и для того, что в вольных типографиях ложныя могут печатаны быть пропуски, удерживались от общаго добра и полезнаго установления. Теперь свободно иметь всякому орудии печатания, но то, что печата[та]ть можно, состоит под опекою. Ценсура сделана нянькою разсудка, остроумия,
 290 воображения, всего великаго и изящнаго. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править немогут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенной на возрасте будет каляка. Недоросль будет всегда Митрофанушка, без дятки неступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной ценсуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее. Послушаем Гердера.

„Наилучшей способ поощрять доброе есть непротивствие, „дозволение, свобода в помышлениях. Розыск вреден в Цар-
 291 „стве науки: он сгущает воздух и запирает | дыхание. Книга „проходящая десять ценсур прежде, нежели достигнет света, „неесть книга, но поделка святой Инквизиции; часто изу-

„родованной, сеченной батожьем, с кляпом во рту узник, „а раб всегда. . . . В областях истинны, в царстве мысли и „духа; не может никакая земная власть давать решений, „и недолжна; не может того правительство, менее еще „его цензор, в клубе ли он или с тямляком. В царстве „истинны, он не судия но ответчик, как и сочинитель. Испра- „вление может только совершиться просвещением; без главы „и мозга нешевельнется ни рука ни нога. . . Чем государство „основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и „тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться „и стрястися от дуновения каждого мнения, от каждой на- „смешки разъяренного | писателя; тем более благоволит оно 292 „в свободе мыслей и в свободе писаний, а от нее под конец „прибыль конечно будет истинна. Губители бывают подозри- „тельны; тайные злодеи робки. Явной муж, творяй правду „и твердый в правилах своих, допустит о себе глагол „всякий. Хождает он во дни, и на пользу себе строит кле- „вету, своих злодеев. Откупы в помышлениях вредны. . . . „Правитель государства да будет безпристрастен во мнениях, „дабы мог объяти мнения всех и оныя в государстве своем „дозволять, просвещать и наклонять к общему добру: от „того то истинно Великие Государи столь редки“.

Правительство дознав полезность книгопечатания, оно дозволило всем; но паче еще дознав, что запрещение в мыслях утщтит благое намерение вольности книгопечатания, по- ру|чило цензуру или присмотр за изданиями, управе благочи- 293 ния. Долг же ея в отношении сего, может быть только тот, что бы воспрещать продажу язвительных сочинений. Но и сия цензура есть лишняя. Один несмысленной урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред, и на многия лета остановку в шествии разума; запретит полезное изобре- тение, новую мысль и всех лишит великаго. Пример в малости. В управу благочиния принесен для утверждения, переводромана. Переводчик следуя Автору говоря о любви назвал ее: лукавым богом. Мундирной цензор, исполненный духа благого- вения, сие выражение почернил, говоря: „неприлично божество называть лукавым“. Кто чего не понимает, тот в то да неме- шается. Если хочеш благоразтвореннаго воздуха, удали от себя коптильню; если хочеш света, удали | затмение; если хочеш, 294 что бы дитя небыло застенчиво, то выгони лозу из училища.

В доме, где плети и батожье в моде, там служители пьяницы, воры и того еще хуже. (*)

Пуускай печатают все кому что на ум ни взойдет. Кто себя в печати найдет обиженным, тому да дастся суд по форме. Я говорю несмехом. Слова не всегда суть деяния, размышлении же не преступлении. Се правила наказа, о новом уложении. Но | брань на словах и в печати всегда брань. В законе никого бранить не велено, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли то почитать, того в законе нет. Какой вред может быть, если книги в печати будут без клейма полицейскаго? Нетокмо не может быть вреда, но польза; польза от первого до последняго, от малаго до великаго, от Царя до последняшаго гражданина.

Обыкновенныя правила Ценсуры суть: почеркивать, марать, недозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению, всякая личность, противное благонравию, устройству и тишине общей. Разсмотрим сие подробно. Если безумец в мечтании своем, нетокмо в сердце но громким гласом речет, „несть бога“; в устах всех безумных раздается громкое и поспешное эхо, „несть бога, несть бога“. Но чтож из того. Эхо, звук; ударит в воздух, позыбнет его и исчезнет. На разуме редко оставит черту, и то слабую; на сердце же никогда. Бог всегда пребудет бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаеш, что хулением всевышний оскорбится; урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещетку, или биющему в набат, доверия не даст. Возгнушается метатель грома и молнии, ему же все стихии повинуются, возгнушается колеблющий сердца из за пределов вселенныя, дать мстити за себя и самому Царю, мечтающему быти его на земле преемником. — Ктож может быть судиею в обиде отца предвечнаго? — Тот его обижает,

---

(*) Такого же роду ценсор, недозволял, сказывают, печатать те сочинения, где упоминалося о бже, говоря, я с ним дела никакого не имею. Если в каком либо сочинении порочили народныя нравы того или другаго государства, он недозволенным сие почитал, говоря, Россия имеет тракт дружбы с ним. Если упоминалося где о Князе или Графе, того недозволял он печатать, говоря, сие есть личность, ибо у нас есть Князья и Графы между знатными особами.

кто мнит, возможет судити о его обиде. Тот даст ответ пред ним. |

Отступники откровенной религии, более доселе в России 297
делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, Афеисты. Таковых у нас мало; ибо мало у нас еще думают о метафизике. Афеист заблуждает в метафизике, а раскольник в трех пальцах. Раскольниками называем мы, всех Россиян, отступающих в чем либо от общаго учения Греческия церккви. Их в России много, и для того служение им дозволяется. Но для чего недозволять всякому заблуждению быть явному. Явнее оно будет, скорее сокрушится. Гонении делали мучеников; жестокость была подпорою самаго Христианскаго закона. Действия расколов суть иногда вредны. Возпрети их. Проповедаются они примером. Уничтож пример. От печатной книги раскольник небросится в огонь, но от ухищреннаго примера. Запрещать дурачество, есть то же, что его поощрять. 298
Дай ему | волю; всяк увидит, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы все Евины дети.

Но запрещая вольное книгопечатание, робкия правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порицателей. Кто в часы безумия нещадит бога; тот в часы памяти и разсудка непощадит незаконной власти. Небоййся громов всесильнаго, смеется виселице. Для того то вольность мыслей, правительствам страшна. До внутренности потрясенный вольнодумец, прострет дерзкую но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ея личину и покров, и обнажит ея состав. Всяк узрит бранныя его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору, сила возвратится к источнику, истукан падет. Но если власть не на тумане мнений возсѣдает, если престол ея на искренности и истинной любви общаго блага возник; неутвердится ли паче, когда 299
основание его будет явно; невозлюбится ли любящий искренно? Взаимность есть чувствование природы, и стремление сие почилло в естестве. Прочному и твердому зданию довольно его собственнаго основания; в опорах и контрфорсах ему нужды нет. Если позыбнется оно от ветхости, тогда только побочныя тверди ему нужны. Правительство да будет истинно, вожди его нелицемерны; тогда все плевелы, тогда все изблевании, смрадность свою возвратят на извергателя их; а истинна пребудет всегда чиста и беловидна. Кто возмущает словом,

(да назовем так в угодность власти, все твердя размышления, на истинне основанныя, власти противные,) есть такой же безумец, как и хулу глаголай на бога. Буде власть шествует стезею, ей назначенной; то невозмутится от пустаго звука клеветы, яко же господь сил | нетревожится хулением. Но горе ей, если в жадно[с]ти своей ломит правду. Тогда и едина мысль твердости ее тревожит; глагол истинны ее сокрушит, деяние мужества ее развеет.

Личность, но язвительная личность есть обида. Личность в истинне, столь же дозволительна, как и самая истинна. Если ослепленный судия судит в неправду; и защитник невинности издаст в свет его коварный приговор; если он покажет его ухищрение и неправду; то будет сие личность, но дозволенная; если он его назовет судиею наемным, ложным, глупым, есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станет именованиями смрадными, и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно; то сие есть личность, но язвительная и недозволенная. Но не правительства, дело вступаться за | судию, хотя бы он поносился и в правом деле. Не судия да будет в том истец, но оскорбленное лице. Судия же пред светом и пред поставившим его судиею да оправдится едиными делами. (*) Тако долженствует судить о личности. Она наказания достойна, но в печатании более пользы устроит, а вреда мало. Когда все будет в порядке, когда решения всегда будут в законе, когда закон основан будет на истинне, и заклеплется удручение, тогда разве, тогда личность может сделать разврат. Скажем нечто о благонаравии, и сколько слова ему вредят.

Сочинения любострастных, наполненные похотливыми наертаниями, дышущия развратом, коего все листы и строки, стрекательною наготою зияют, вредны для юношей и не-

---

(*) Г. Дикинсон, имевший участие в бывшей в Америке перемене, и тем прославившийся, будучи после в Пенсильвании Президентом, не возгнушался сражаться с наступавшими на него. Изданы были против него наижесточайшие листы. Первейший градоначальник области, низшел в ристалище, издал в печать свое защищение, оправдался, опроверг доводы своих противников, и их устыдил. . . . Се пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет пред светом, печатным сочинением. Если кто свирепствует против печатных строки, тот заставляет мыслить что, печатанное истинно, а мстящий таков как о нем напечатано.

зрелых чувств. Разпламеняя возпаленное воображение, тревожа спящая чувства и возбуждая покоящееся сердце, безвременную наводят возмужалость, обманывая юныя чувства в твердости их и заготовляя им дряхлость. Таковыя сочинения могут быть вредны; но не оне разврату корень. Если читая их, юноши пристрастятся к крайнему услаждению любовной страсти; то немогли бы того про|извести в действии, небы были торгующия своею красотою. В России таких сочинений в печати еще нет, а на каждой улице в обеих столицах видим разкрашенных любовниц. Действие более развратит, нежели слово и пример паче всего. Скитающиеся любовницы, отдающия сердца свои с публичнаго торга наддателю, тысячу юношей заразят язвою и все будущее потомство тысящи сея; но книга не давала еще болезни. И так цензура да останется на торговых девок, до произведении же развратнаго хотя разума, ей дела нет. Заключение сим: цензура печатаемаго принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец, или употребит листы на обертки. Равно как ободрение феатральному сочинению дает публика, а не Директор феатра. Так и выпускаемому в мир сочинению, цензор ни славы не даст ни безславия. Завеса поднялась, взоры | всех устремились к действию; нравятся, плещут; 300-
нравится, стучат и свищут. Оставь глупое на волю суждения общаго; оно тысящу найдет ценсоров. Наистрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика. Один раз им воньмут, потом умрут они и невоскреснут во веки. Но если мы признали бесполезность цензуры, или паче ея вред в царстве науки; то познаем обширную и безпредельную пользу вольности печатания.

Доказательства сему кажется ненужны. Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всем безпрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истинна не затмится. Недерзнут правители народов удалиться от стези правды, и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение | обнажатся. 305-
Возтрепещет судия, подписывая неправедный приговор, и его раздерет. Устыдится власть имеющий, употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей. Тайный грабеж назовется грабежем, прикрытое убийство, убийством. Убоятся все

злые строгаго взора истинны. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем небудет. Ныне поверхность только гладка, но ил на дне лежащий мутится, и тмит, прозрачность вод.

Прощаясь со мною, порицатель цензуры дал мне небольшую тетрадку. Если, читатель ты нескучлив, то читай что перед тобою лежит. Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист, и скачи мимо. |

Краткое повествование о происхождении цензуры

Если мы скажем, и утвердим ясными доводами, что цензура с Инквизициею принадлежат к одному корню; что учредители Инквизиции изобрели цензуру, то есть рассмотрение приказное книг до издания их в свет; то мы хотя ничего не скажем новаго, но из мрака протекших времен, извлечем, в добавок многим другим, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оков, которыми отягчался в разныя времена разум человеческий, что они подстригали ему крылие, да не обратит полет свой к величию и свободе.

Проходя протекшия времена и столетия, мы везде обретаем терзающие черты власти, везде зрим силу возникающую на истинну, иногда суеверие ополчающееся на суеверие. | Народ Афинский, священнослужителями возбужденный, писания Протагоровы запретил, велел все списки оных собрать и сжечь. Не он ли в безумии своем, предал смерти, на незагладимое во веки себе поношение вочеловеченную истинну, Сократа. В Риме находим мы, больше примеров такового свирепствования. Тит Ливий повествует, что найденные во гробе Нумы писания были сожжены повелением Сената. В разныя времена случалось, что книги гадательные велено было относить к Претору. Светоний повествует, что Кесарь Август таковых книг велел сжечь до двух тысячъ. Еще пример несообразности человеческого разума! Не уже ли запрещая суеверныя писания, властители сии думали, что суеверие истребитсѧ? Каждому в особенности своей, воспрещали прибегнуть к гада-
нию, совершаемому, нередко на обуздание токмо мгновенное, грызущей скор|би; оставляли явныя и государственныя гада-

ния, Авгуров и Аруспициев. Но если бы во дни просвещения возмнили, книги учащая гаданию или суеверие проповедающие запрещать или жечь, не смешно ли бы было, что бы истинна приняла жезл гонения на суеверие? чтоб истинна искала на поражение заблуждения, опоры власти и меча, когда вид ея один, есть наижесточайший бичь на заблуждение?

Но Кесарь Август не на гадания одни простер свои гонения, он велел сжечь книги Тита Лабиеция. „Злодеи его, говорит Сенека ритор, изобрели для него сие новаго рода наказание. Неслыханное дело и необычайное, казнь извлекать из учения. Но по щастию государства сие разумное свирепствование изобретено после Цицерона. Что быть бы могло, если бы Троеначальники за благо положили осудить разум Цицерона?“ Но мучитель скоро отмстил за Лабиеция | тому, 336 кто исходатайствовал созжение его сочинений. При жизни своей видел он, что и его сочинения преданы были огню. (*) „Незлому какому примеру тут следовано, говорит Сенека, его собственному. (**)“ Дажь небо, что бы зло всегда обращалося на изобретателя его, и что бы воздвигший гонение на мысль, зрел всегда свои осмеянными, в поругании, и на истребление осужденными! Если мщение когда либо извинительно быть может, то разве сие. |

Во времена народнаго правления, в Риме гонения таковаго 337 рода обращалося только на суеверие, но при Императорах простерлось оно на все твердыя мысли. Кремуций Корд, в истории своей назвал Кассия; дерзнувшаго осмеять мучительство Августово на Лабиеиевы сочинения, последним Римлянином. Римский Сенат, ползая пред Тиверием, велел во угождение ему, Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной остались списки. „Тем паче, говорит Тацит, смеяться можно над попечением тех, кои мечтают, что всемогуществом своим, могут истребить воспоминание следующаго поколения. Хотя

(*) Сочинения Ария Монтана, издававшего в Нидерландах первой реестр запрещенным книгам, вмещены были в тот же реестр.

(**) Кассий Север, друг Лабиеция видя писан и его в огне, сказал: теперь м н і сжечь надлежит: ибо я их наизусть знаю. Сие подало случай при Августе к законоположению о поносительных сочинениях; которое по природному человеку обезьянству, принято в Англии и в других государствах.

власть бешенствует на казнь разсудка, но свирепствованием своим себе устроила стыд и посрамление, им славу“.

311 Неизбавилися созжения книги Иудейския при Антиохе Епифане Царе Сирском. Равной с ними подвержены | были части сочинения Христиан. Император Диоклитиан, книги священнаго писания велел предать созжению. Но Христианский закон одержав победу над мучительством, покорил самих мучителей, и ныне остается во свидетельство неложное, что гонение на мысли и мнения, нетокмо не в силах оныя истребить, но укоренят их и распространят. Арнобий, справедливо встает противу такового гонения и мучительства. „Иные вещают, говорит он, полезно для государства, что бы Сенат истребить велел писания, в доказательство Христианскаго исповедания служащая, которыя важность опровергают древния религии. Но запрещать писания, и обнародованное хотеть истребить неестъ защищать богов, но бояться истинныя свидетельствованія“. Но по распространении Христианскаго исповедания, священнослужители онаго, тѣликоже стали | злобны против писаний, которые были им противны и не в пользу. Недавно порицали строгость сию в язычниках, недавно почитали ее знаком недоверения к тому, что защищали, но скоро сами ополчились всемогуществом. Греческие Императоры, занимаясь более церковными прениями, нежели делами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигли гонение на всех тех, кто деяния и учения Иисусовы понимал с ними различно. Таковое гонение разпростерлося и на произведение разсудка и разума. Уже, мучитель Константин, Великим названный, следуя решению Никейскаго собора, предавшему Ариево учение проклятию, запретил его книги, осудил их на созжение, а того, кто оныя книги иметь будет, на смерть. Император Феодосий II проклятыя книги Нестория велел все собрать и предать огню. На Халкидонском соборе 313 то же положено о | писаниях Евтихия. В Пандектах Юстиниановых сохранены некоторыя таковыя решения. Несмысленные! неведали, что истребляя превратное или глупое истолкованіе Христианскаго учения, и запрещая разуму трудиться в изследовании каких либо мнений, они останавливали его шествіе; у истины отнимали сильную опору, различіе мнений, пренія, и невозбранное мыслей своих изречение. Кто может за то поручиться, что Несторий, Арий, Евтихий и другіе

Еретики, быть бы могли предшественниками Лутера, и если бы вселенские соборы небыли созданы, что бы Декарт родиться мог десять столетий прежде? Какой шаг вспять сделан ко тьме и невежеству!

По разрушении Римския Империи, монахи в Европе были хранители учености и науки. Но никто у них не оспаривал свободы писать, что они желали. В 768 году Амвросий Оперт монах Бенедиктинской, посылая толкование свое на Апокалипсис, к Папе Стефану III, и прося дозволения о продолжении своего труда и о издании его в свет, говорит: что он первой из писателей просит такового дозволения. „Но да не исчезнет, продолжает он, свобода в писании, для того, что уничтожение поклонилось непринужденно“. Собор Санский в 1140 году осудил мнения Абелардовы, а Папа сочинения его велел сжечь. 314

Но ни в Греции ни в Риме, ни где примера не находим, что бы избран был судия мысли, что бы кто дерзнул сказать, у меня просите дозволения, если уста ваши отверзать хотите на велеречие; у нас клеймится разум, науки и просвещение и все что без нашего клейма явится в свет, объявляем за ранее, глупым, мерзским, негодным. Такое постыдное изобретение предоставлено было Християнскому священству, и ценсура была современна Инквизиции. |

Нередко проходя историю, находим разум суеверию, изобретения наиболее современниками грубейшему невежеству. В то время, как боязливое недоверие к вещи утверждаемой, побудило монахов учредить ценсуру, и мысль истреблять в ея рождении, в то самое время дерзал Колумб в неизвестность морей на искание Америки; Кеплер предугадывал бытие притяжательной в природе силы, Ньютоном доказанной; в то же время родился, начертавший в пространстве путь небесным телесам, Коперник. Но к вьщшему сожалению о жребии человеческого утешения скажем, что мысль великая рождала иногда невежество. Книгопечатание родило ценсуру; разум философский в XVIII столетии, произвел Иллюминатов. 315

В 1479 году нагодим, древнейшее доселе известное дозволение на печатание книги. На конце книги под | заглавием: „Знай сам себя“, печатанной в 1480 году присоединено следующее: мы Морфей Жирандо, божиим милосердием, 316

Патриарх Венецианский, первенствующий в Далматии, по прочтении вышеписанных Господ, свидетельствующих о вышеписанном творении, и по таковому же онаго заключению и присоединенному доверению, так же свидетельствуем, что книга сия православна и богобоязлива. Древнейший монумент ценсуры, но недревнейший безумия!

Древнейшее о ценсуре узаконение, доселе известное, находим в 1486 году, изданное в самом том городе, где изобретено книгопечатание. Предупреждали монашеския правления, что оно будет орудием сокрушения их власти, что оно ускорит развержение общаго разсудка, и могущество на мнении, а не на пользе общей основанное, в книгопечатании
317 обрящет свою кончину. Да позволят | нам здесь присовокупить памятник, ныне еще существующий на пагубу мысли и на посрамление просвещения.

Указ о неиздании книг греческих, латинских и пр. на народном языке, без предварительнаго ученых удостоения 1486 года. (*)

Бертольд, божиею милостию, святяя Маинцкия Епархии Архиепископ, в Германии Архиканцелер и Курфирст. Хотя для приобретения человеческого учения чрез божественное печатания искусство, возможно с избытком и свободнее получать книги до разных наук касающияся; но до сведения нашего дошло, что некоторые люди, побуждаемые суетныя славы или богатства желанием, искусство сие употребляют во зло, и данное для научения в житии человеческом, обращают на пагубу и злоречие. |

Мы видели книги до священных должностей и обрядов исповедания нашего касающияся, переведенныя с Латинскаго на Немецкой язык, и неблагопристойно для святаго закона в руках простаго народа обращающияся, чтож сказать наконец о предписаниях святых правил и законоположений; хотя они людьми искусными в законоучении, людьми мудрейшими и красноречивейшими, писаны разумно и тщательно, но наука сама по себе толико затруднительна, что красноречивейшаго и ученейшаго человека едва на оную достаточна целая жизнь.

Некоторые глупые, дерзновенные и невежды, попускаются переводить на общий язык таковыя книги. Многие ученые

(*) Кодекс дипломатический изданный Гуденом. Том IV.

люди читая переводы сии, признаются, что ради великой несвойственности и худаго употребления слов, они непонятнее подлинников. Что же скажем о сочинениях до других наук касающихся, в которыхя | часто вмешивают ложное, 319 надписывают ложными названиями, и тем паче славнейшим писателям приписывают свои вымыслы, чем более находится покупателей.

Да вещают таковые переводчики, если возлюбляют истинну, с каким бы намерением то ни делали, с добрым или худым, до того нет нужды; да вещают, Немецкий язык удобен ли к преложению на оной того, что Греческие и Латинские изящные писатели, о вышних размышлениях Христианскаго исповедания и о науках писали, точнее и разумнейше? Признаться надлежит, скудости ради своей, язык наш на сказанное недостаточен весьма, и нужно для того, что бы они неизвестныя имена вещам, в мозгу своем сооружали; или если употребят древния, то испортят истинный смысл; чего наипаче опасаемся в писаниях священных в разсуждении их важности. Ибо грубым | и неученым людям, и женскому полу, в руки которых попадутся книги священные, 320 кто покажет истинный смысл? Разсмотри святаго Евангелия строки, или послания Апостола Павла, всяк разумный признается, что много в них прибавлений и исправлений писцовых.

Сказанное нами довольно известно. Что же помыслим о том, что в писателях Кафолическия церкви находится зависящее от строжайшаго разсмотрения? Много в пример поставить можем, но для сего намерения довольно уже нами сказаннаго.

Понеже начало сего искусства, в славном нашем граде Маинце, скажем истинным словом, божественно явилося, и ныне в оном исправленно и обогащенно пребывает; то справедливо, что бы мы в защиту нашу приняли важность сего искусства. Ибо должность наша есть, сохранять святыя писания в нерастленной непорочности. Сказав таким образом, 321 о заблуждениях и о продерзостиах, людей наглых и злодеев, желая елико нам возможно, пособием господним, о котором дело здесь, предъупредить и наложить узду, всем и каждому, церковным и светским нашей области подданным, и вне пределов оныя торгующим, какого бы они звания и

состояния ни были; сим каждому повелеваем, чтобы никакое сочинение в какой бы науке, художестве или знании ни было, с Греческаго, Латинскаго, или другаго языка переводимо небыло на Немецкой язык, или уже переведенное, с переменою токмо заглавия, или чего другаго, небыло раздаваемо или продаваемо, явно или скрытно, прямо или посторонним образом, если до печатания или после печати до издания в свет, небудет иметь, отверстаго дозволения на печатание, или издание в свет от любезных | нам светлейших и благородных Докторов и Магистров университетских, а именно: во граде нашем Маинце, от Иоганна Бертрама де Наумбурка в касающемся до богословии, от Александра Дидриха в законоучении, от Феодорика де Мешедя во врачебной науке, от Андрея Елера во словесности, избранных для сего в городе нашем Ерфурте Докторов и Магистров. В городе же Франкфурте, если таковые на продажу изданные книги, небудут смотрены и утверждены почтенным и нам любезным одним богословии Магистром и одним или двумя Докторами и Лиценциатами, которые от думы онаго города, на годовом жалованье содержимы быть имеют.

Если кто сие наше попечительное постановление презрит, или против таковаго нашего указа, подаст совет, помощь или благоприятство, своим лицом или посторонним; | тем самым подвергает себя осуждению на проклятие; да сверх того лишен быть имеет тех книг, и заплатит сто золотых гульденов пени в казну нашу. И сего решения, никто без особаго повеления, да нарушить не дерзает. Дано в замке С. Мартына, во граде нашем Майнце, с приложением печати нашей. Месяца Январия, в четвертый день 1486 года.

Его же о предьидущем, каким образом отправлять цензуру. Лета 1486 Бертольд и пр. Почтеннейшим ученым и любезнейшим нам во Христе И. Бертраму богословии, А. Дидриху законоучения, Ф. де Мешедя врачевания Докторам и А. Елеру словесности Магистру, здравие и к нижеписанному прилежание.

Известившись о соблазнах и подлогах, от некоторых в науках переводчиков и книгопечатников произшедших, и желая оным предва|ритель, и заградить путь по возможности, повелеваем, да никто в Епархии и области нашей, не дерзает переводить книги на Немецкой язык, печатать или печатныя

раздавать, доколе таковыя сочинения или книги, в городе нашем Майнце, небудут рассмотрены вами, и касательно до самой вещи, доколе небудут в переводе и для продажи вами утверждены, согласно с выше объявленным указом.

Надеяся твердо на ваше благоразумие и осторожность, мы вам поручаем: когда назначаемые к переводу, печатанию или продаже сочинения или книги, к нам принесены будут, то вы рассмотрите их содержание, и если нелегко можно дать им истинной смысл, или могут возродить заблуждения и соблазны, или оскорбить целомудрие, то оные отвергните; те которые вы отпустите свободными, имеете вы подписать своеручно, а именно на конце двое от | вас; 325 дабы тем виднее было, что те книги вами ссмотрены и утверждены. Богу нашему и Государству любезную и полезную должность отправляйте. Дан в замке С. Мартына. 10 Января 1436 года.

Разсматривая сие новое по тогдашнему времени законоположение, находим, что оно клонилось более на запрещение, что бы мало было книг печатано на Немецком языке, или другими словами, что бы народ пребывал всегда в невежестве. На сочинения на Латинском языке писанные, цензура кажется нераспространялася. Ибо те, которые были сведущи в языке Латинском, казалось, были уже ограждены от заблуждения, ему неприступны, и что читали, понимали ясно и некриво. (*) | И так сеященики хотели, что бы 326 одни причастники их власти, были просвещенны, что бы народ науку почитал божественнаго происхождения, превыше его понятия, и несмел бы оныя коснуться. И так изобретенное на заключение истинны и просвещения в теснейшия пределы, изобретенное недоверяющею властью ко своему могуществу, изобретенное на продолжение невежества и мрака, ныне во дни наук и любомудрия, когда разум отряс несродные ему путы суеверия, когда истинна блистает столично паче и паче, когда источник учения протекает до дальнейших отраслей общества, когда старания правительств стремятся на истребление заблуждений, и на отверстие безпреткновенных путей разсудку к истинне; постыдное монашеское изобре-

---

(*) Сравнить с ними можно, дозволение иметь книги иностранные всякаго рода, и запрещение таковых же на языке народном.

327 ние трепещущей власти, принято ныне по есеместно, укоренено и благою приемлется преградою блуждению. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностию дать истинне опору, вы заблуждением хотите просвещать народы. Блюдитесь убо, да невозродится тьма. Какая вам польза, что властвовать будете над невеждами, тем паче загрубелыми, что не от недостатка пособий к просвещению, невежды пребыли в невежестве природы, или паче в естественной простоте, но зделав уже шаг к просвещению, остановлены в шествии и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая в том вам польза бороться самим с собою, и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о сем священство. Вы заранее уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себе оковы, если не всегда оковы священнаго суеверия, то суеверия политическаго, не столь хотя смешнаго, но столь же пагубнаго. |

328 По щастию однако же общества, что неизгнали из областей ваших книгопечатание. Яко древо во всегдашней весне насажденное, нетеряет своя зелени, тако орудия книгопечатания, остановлены могут быть в действии, но неразрушены.

Папы уразумева опасность их власти, от свободы печатания родиться могущей, неукоснили законоположить с ценсуре; и сие положение прияло силу общаго закона на бывшем вскоре потом соборе в Риме. Священный Тиверий, Папа Александр VI, первый из Пап законоположил о ценсуре в 1507 году. Сам согбенный под всеми злодеяниями, неустыдился пещися о непорочности исповедания Христианскаго. Но власть когда краснела! Буллу свою начинает он жалобою на диавола, которой куколь сеет во пшенице, и говорит: „Узнав, что посредством сказаннаго искусства, многия книги и сочинения | в разных частях света, наипаче в Кельне, Майнце, Триере, Магдебурге напечатанныя, содержат в себе разныя заблуждения, учения пагубныя, Христианскому закону, враждебныя, и ныне еще в некоторых местах печатаются, желая без отлагательства предварить сей ненавистной язве всем и каждому сказаннаго искусства печатникам и к ним принадлежащим, и всем кто в печатном деле обращается в помянутых областях, под наказанием проклятия и денежныя пени, определяемой и взыскиваемой почтенными братьями нашими, Кельнским, Маинцким, Трирским и Магдебург-

ским Архиепископами или их наместниками в областях их, в пользу Апостольской камеры; Апостольскою властью наистрожайше запрещаем, что бы недержали книг, сочинений или писаний, печатать или отдавать в печать без доклада вышесказанным Архиепископам или Наместникам, и без их 330
особливого и точного безденежно испрошенного дозволения; их же совесть обременяем, да прежде нежели дадут таковое дозволение, назначенное к печатанию прилежно рассмотрят, или чрез ученых и православных велят рассмотреть, и да прилежно пекутся, что бы небыло печатано противнаго вере православной, безбожное и соблазн производящаго“. А дабы прежняя книги, не соделали более нещастий, то велено было рассмотреть все о книгах реестры, и все печатныя книги, а которыя что либо содержали противное Кафолическому исповеданию, те сжечь.

О! вы цензуру учреждающие, вспомните, что можете сравниться с Папою Александром VI и устыдитесь.

В 1515 году Латеранский Собор о цензуре положил, что бы никакая книга небыла печатана, без утверждения священства.

Из предъидущаго видели мы, что цензура изобретена священством, и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятием и денежным взысканием, справедливо в тогдашнее время казаться могла ужасною, нарушителю изданных о ней Законоположений. Но опровержение Лутером власти Папской, отделение разных исповеданий от Римския церкви, прения различных властей в продолжение тридесятилетней войны, произвели много книг, которыя явились в свет без обыкновеннаго клейма цензуры. Везде однако же духовенство, присвоило себе право производить цензуру над изданиями; и когда в 1650 году, учреждена была во Франции цензура гражданская, то богословской Факультет Парижскаго Университета, новому установлению противуречил, ссылаясь, что двести лет он пользовался сим правом. | 331

Скоро по введении (*) книгопечатания в Англии учреждена цензура. Звездная палата, неменьше ужасная в свое время 331

(*) Виллиам Какстон Лондонской купец, завел в Англии книгопечатницу при Едуарде VI в 1474 году. Первая книга, печатанная на Аглинском языке, была Разсуждение, о шашечной игре, переведенное с Французскаго языка. Вторая, Собрание речений и слов философов, переведенное Лордом Риверсом.

в Англии, как в Испании Инквизиция, или в России Тайная Канцелярия, определила число печатников и печатных станов; учредила освобождателя, без дозволения котораго ничего печатать несмели. Жестокости ея, против писавших о правительстве, нещетны, и история ея оными наполнена. И так, если в Англии суеверие духовное, не в силах было наложить на разум тяжкую узду цензуры, возложена она суеверием политическим. Но то и другое пеклися, да власть будет всецела, да очи | просвещения, покрыты всегда пребудут туманом обаяния, и да насилие царствует на щет разсудка.

Со смертью Графа Страфорда рушилась звездная палата; но ни уничтожение сего, ни судебная казнь Карла I, не могли утвердить в Англии вольности книгопечатания. Долгой Парламент возобновил прежния положения против ея зделанныя. При Карле II и при Якове I, они паки возобновлены. Даже по совершении премены в 1692 году узаконение сие подтверждено, но на два только года. Скончавшись, в 1694 году, вольность печатания утверждена в Англии совершенно, и цензура зезнув в последней раз, издохла. (*) |

334 Американския правительства, приняли свободу печатания между первейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область в основательном своем законоположении, в главе I, в предложительном объявлении прав жителей Пенсильванских, в 12 статье говорит: „народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения; следозательно свобода печатания никогда не долженствует быть затрудняема“. В главе 2, о образе правления, в отделении 35: „печатание да будет свободно для всех, кто хочет изследовать, положения законодательнаго собрания, или другой отрасли правления“. В проект о образе правления в Пенсильванском государстве, напечатанном дабы жители онаго могли сообщать свои примечания в 1776 году в Июле. Отделение 35. „Свобода печатания, отверста да
335 будет всем желающим изследовать законодательное правительство, и общее собрание да некоснется оныя ни каким положением. Ни какой книгопечатник, да непотребуется

(*) В Дании вольное книгопечатание было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай к Датскому Королю во свидетельство остались, что похвалою, даже мудрому законоположению, спешить ненадлежит.

к суду за то, что издал в свет примечания, ценения, наблюдения о поступках общаго собрания, о разных частях правления, о делах общих или о поведении служащих, поколику оное касается до исполнения их должностей“. Делаварское Государство в объявлении изъяснительном прав, в 23 статье говорит: „Свобода печатания, да сохраняема будет ненарушимо“. Мариландское Государство, в 38 статье теми же словами объясняется. Виргинское, в 14 статье говорит сими словами: „Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной“.

Книгопечатание, до перемены 1789 года, во Франции последовавшей, нигде толико стесняемо небыло, как в сем 336 государстве. Стоглазый Арг, сторучный Бриарей, Парижская полиция свирепствовала против писаний и писателей. В Бастильских темницах, томилися нещастные, дерзнувшие оуждать, хищность Министров и их распутство. Если бы язык французский, небыл толико употребителен в Европе, небыл бы всеобщим, то Франция стена под бичем цензуры, недостигла бы до того величия в мыслях, какое явили многие ея писатели. Но общее употребление французскаго языка побудило завести в Голандии, Англии Швейцарии и Немецкой земле книгопечатницы, и всё, что явиться не дерзало во Франции, свободно обнародовано было в других местах. Тако сила кичася своими мышцами, осмеяна была и неужасна; тако свирепства пенящиеся челюсти праздно оставалися, и слово твердое ускользало от них непоглощено. |

Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, 337 когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможнаго, цензура во Франции неунничтожена. И хотя всё там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, да возплачут Французы о участи своей, и с ними человечество! мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их Государь, насильственно взяли печатную книгу, и сочинителя оной отдали под суд, за то, что дерзнул писать против народнаго собрания. Лафает был исполнителем сего пригозора. О Франция! ты еще хождаеш близ Бастильских пропастей.

Размножение книгопечатниц в Немецкой земле, сокрывая от власти орудия оных, отъемлет у нее возможность свирепствовать против разсудка и просвещения. Малыя Немецкия правления, хотя вольности книгопечания, стараются положить преграду, но безуспешно. Векерлин, хотя мстящею властью, посажен был под стражу, но Седое Чудовище осталось у всех в руках. Покойной Фридрих II Король Прусской, в землях своих печатание зделал почти свободным; некаким либо законоположением, но дозволением токмо, и образом своих мыслей. Чему дивится, что он неуничтожил цензуры; он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всеисилие. Но воздержись от смеха.—Он узнал, что указы им изданные, некто намерен был собрав напечатать. Он и к оным приставил двух ценсоров, или правильнее сказать браковщиков. О властвование! о всеисилие! ты мышцам своим недоверяеш. Ты боишься собственного своего обвинения, боишься, что бы язык твой тебя неспрашил, чтобы рука твоя тебя незаушила! — Но какое добро сии насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, но вред. Скрыли они от глаз потомства нелепое какое либо законоположение, которое на суд будущей, власть оставить стыдилась; которое оставшия явным, было бы может быть уздою власти, да недерзает на уродливое. Император Иосиф II рушил от части преграду просвещения, которая в Австрийских наследных владениях, в царствованиис Марии Терезии, тяготила разсудок; но немог он страсти с себя бремени предразсуждений, и предлинное издал о цензуре наставление. Если должно его хвалить за то, что невозбранял опорочивать свои решения, находить в поведении его недостатки, и таковыя порицания издавать в печати; но похулим его за то, что на свободе в изъяснении мыслей, он оставил узду. Сколь легко употребить можно оную во зло!...(*) Чему дивиться, скажем и теперь, как прежде: Он был Царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей если не в Царской?

В России..... Что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время. А теперь не производя цензуры над почтовыми лошадьми, я поспешно отправился з путь. |

(*) В новейших известиях читаем, что наследник Иосифа II, намерен возобновить ценсурную комиссию, предместн.ком его уничтоженною.

МЕДНОЕ

341

„Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли“. . . . Хоровод молодых баб и девок — пляшут — подойдем по ближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. — Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задержались печалию, и радостный глас нехитростного веселия, до сердца моего не проник. О мой друг! где бы ты ни был, внемли, и суди.

Каждую неделю два раза, вся Российская Империя извещается, что Н: Н: или Б: Б: в несостоянии или нехочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про. . . . или раздарено, потеряно в огне, или воде, или Н: Н: или Б: Б: | другими какими либо случаями вошел 342 в долг или под взыскание. То и другое на равне в ведомостях приемлется. — Публикуется — „Сего. . . дня по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда, или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г. . . недвижимое имение, дом состоящей в. . . части, под Но. . . и при нем, шесть душ мужескаго и женскаго полу; продажа будет при оном доме. Желющие могут осмотреть заблаговременно“.

На дешевое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются. В зале где она производится, стоят неподвижны, на продажу осужденные. Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угодать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцем господина своего он был в Крымском походе, при | 343 Федмаршале Минихе; в Франкфуртскую баталию он раненаго своего господина, унес на плечах из строю. Возвратясь домой был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве, он спас его от утопления, бросясь за ним в реку, куда сей упал переержая на пороме, и с опасностью своей жизни, спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был задолги, в бытность свою в гвардии унтер офицером. — Старуха 80 лет; жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою, и имела надзирание за домом, досамаго того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своя, ничего у господ своих неутра-

тила, ни чем непокорыстовалась, никогда нелгала, а если иногда им досадила, то разве своим праводушием. — Женщина лет в 40 вдова, кормилица молодого своего барина. И до
 344 днесь чув|ствует она еще к нему некоторую нежность. В жилах его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери. Сия зачала его в веселии, о младенчестве его нерадела. Кормилица и нянька его были его воспитанницы. Оне с ним расстаются как с сыном. — Молодица 18 лет дочь ея и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на нее, посмотри на румяные ея ланиты, на слезы лиющияся из ея прелестных очей. Не ты ли, невозможши прельщением и обещаниями уловить ея невинности, ни устрашить ея непоколебимости угрозами и казнию, на конец употребил обман, обвенчав ее за спутника твоих мерзостей, и в виде его наслаждался веселием, котораго она делить с тобой гнушалась. Она узнала обман твой. Венчанкой с нею некоснулся болез ея
 345 ложа и ты лишен став твоея утехи, | употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги. . . . но сего неокончаем. На челе ея скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцево зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, что бы непасть в руки ему подобнаго. — Младенец. . . . Твой сын варвар, твоя кровь. Иль думаешь, что где небыло обряда церковнаго, тут нет и обязанности. Иль думаешь, что данное по приказанию твоему благословение, наемным извещателем слова божия, сочелование их утвердило, иль думаешь, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаньями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодейств и
 346 растле|ний совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей, при его свидетелях, недостойных своего сана. — Дитина лет в 25, венчанной ея муж, спутник и наперстник своего господина. Зверство и мщение в ево глазах. Раскаывается о своих к господину своему угождениях. В кармане его нож; он его схватил крепко; мысль его отгадать не трудно. . . . . Безплодное рвение. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно,

согнет выю твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь, все будет против тебя. Твой разум чужд благородных мыслей. Ты умереть не умеешь. Ты склонишься и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы возхотел противиться, умрешь в оковах томною смертью. Судии между вами нет. Незахочет мучитель твой сам тебя наказывать. Он будет твой обвинитель. Отдаст | тебя градскому правосудию. — Правосудие! — где обвиняемый неимеет почти власти оправдаться. — Пройдем мимо других несчастных, выведенных на торжище. 347

Едва ужасоносный молот испустил тупой звук, и четверо несчастных узнали свою участь — слезы, рыдание, стон пронзили уши всего собрания. Наитвердейшие были тронуты. Окаменелыя сердца! по что бесплодное соболезнавание? О Квakerы! если бы мы имели вашу душу, мы бы сложилися и купив сих несчастных, даровали бы им свободу. — Жив многия лета в объятиях один другаго, несчастные сии к поносной продаже, возчувствуют тоску разлуки. Но если закон, иль лучше сказать, обычай варварской, ибо в законе того неписано, дозволяет толикое человечеству посмеяние, какое право имеете продавать сего младенца? Он незаконнорожденной. Закон | его освобождает. Пойдите я буду доноситель; я избавлю его. Если бы с ним мог спасти и других! О щастие! по что ты так обидило меня в твоём разделе? Днесь жажду вкусити прелестнаго твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть к богатству. — Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последню гривну из кошелька, побегал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг. — Что тебе сделалось? ты плачешь! Возвратись, сказал я ему; не будь свидетелем срамнаго позорища. Ты проклинал некогда обычай, варварской в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, повторил я, не будь свидетелем нашего затмения, и да невозвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседа с ними о наших нравах. — Немогу сему я верить, | сказал мне мой друг; невозможно, что бы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение. — Недивись, сказал я ему, установление свободы в исповедании, обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают 348

приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения. |

350

ТВЕРЬ

Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется далеко еще отстоит величия. Поезия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов уразумев смешное в Польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великаго примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По нещастию случилось, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все в след за ними, невоображают, что бы другие стихи быть могли, как Ямбы, как | такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания незаслужили. Если бы Ломоносов преложил Иова, или псамопевца Дактилями или если бы Сумароков, Семиру или Дмитрия написал Хорейми, то •и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами опричь Ямбов, и более бы славы в осмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани, свойственным Епопеи стихосложением. Недивлюсь, что древней трех на Виргилия надет Ломоносовским покровом; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в Ямбах явился, но в стихах, подобных его, Эксаметрах, и Костров хотя не стихотворец а переводчик, сделал бы Епоху в нашем стихосложении | ускорив шествие самой Поезии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков, остановили Российское стихосложение. Неутомимой возовик ТрEDIAKовский, немало к тому способствовал своею Телемахидою. Теперь дать пример несаго стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении, глубокий пустили

корень. Парнасс окружен Ямбами, и Рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать Дактилями, тому тот час Тредияковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе неродится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредияковского выруют из порозшей мхом забвения могилы, в Телемахиде найдутся добрые стихи, и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет при|выкшее ухо ко краесловию. Слышав долгое время 353 единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе Французской язык будет в России, больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволению. Сверх же того в стихотворении так, как и во всех вещах, может господствовать мода и, если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно; а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота непоблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Волтер, Шекеспир, Тассо и многие другие, читаны будут доколе неистребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами, о разных стихах Российско|му языку свойственных. Что такое Ямб, Хорей, 354 Дактиль, или Анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было неизлишнее, если бы я мог дать примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что либо сделать, то я бы сказал, что Российское стихотворство, да и сам Российской язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда Ямбами. Гораздо бы Епической поеме свойственнее было, если бы перевод Генриады небыл в Ямбах, а Ямбы некраесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрек пирной мой товарищ, одним духом и с толикою поворотливостию языка, что я неуспел ни чего ему сказать на возражение, хотя много кой чего имел на защищение, Ямбов и всех тех, которые ими писали. |

Я и сам, продолжал он заразительному последовал 355 примеру, и сочинял стихи Ямбами, но то были оды. Вот оста-

ток одной из них, все прочия сгорели в огне; да и оставшуюся таже ожидает участь, как и сосестр ея постигшая. В Москве нехотели ее напечатать, по двум причинам, первая, что смысл в стихах неясен, и много стихов топорной работы, другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле. Я еду теперь в Петербург, просить о издании ея в свет, ласкаяся яко нежной отец своего дитяти, что ради последней причины, для коей ее в Москве печатать нехотели, снисходительно возрят на первую. Если вам не в тягость будет, прочесть некоторыя строфы, сказал он мне подавая бумагу.— Я ее развернул и читал следующее. Вольность.... Ода.... За одно название отказали мне издание сих стихов. | Но я очень помню, что в Наказе о сочинении новаго уложения, говоря о вольности, сказано: „вольностию должно называть то, что все одинаковым повинуются законам“. Следственно о вольности у нас говорить вместно.

1

О! дар небес благословенный,
 Источник всех великих дел;
 О! вольность, вольность, дар безценный!
 Позволь, чтоб раб тебя воспел.
 Исполни сердце твоим жаром,
 В нем сильных мышц твоих ударом,
 Во свет, рабства тьму, претвори
 Да Брут и Телль, еще проснутся,
 Седяй во власти, да смятутся
 От гласа твоего Цари.

Сию строфу обвинили для двух причин, за стих, „во свет рабства тьму претвори“. Он очень туг и труден на изречение ради частаго повторения буквы Т, и ради соития частаго согласных букв, „бства тьму претв.“ на десять согласных три гласных, а на Российском языке толико же можно писать сладостно, как и на Италианском.... Согласен.... хотя иные почитали стих сей удачным находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия... Но вот другой, „да смятутся от гласа твоего Цари“. Желать смятения Царю, есть то же, что желать ему зла; следова-

тельно..... Но я нехочу вам наскучить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Многие признаюсь из них были справедливы. Позвольте что бы я вашим был чтецом.

2

Я в свет изшел, и ты сомною....

Сию строфу пройдем мимо. Вот ее содержание:
Человек во всем от рождения свободен.... |

3

358

Но чтож претит моей свободе,
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно.
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив.
Пароска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм.
Там жертва лжива некурится,
Там надпись пламенная зрится:
„Конец, невинности бедам“.

5

359

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй;
Безжалостно и хладноправно,
Глухое божество . . . . .

И пр. изображается закон в виде божества во храме, коего стражи суть истина и правосудие.

6

Возводит строгия зеницы,
 Льет радость, трепет, вокруг себя;
 Равно на все взирает лица,
 Ни ненавидя, ни любя.
 Он лести чужд, лицепрятства,
 Породы, знатности, богатства,
 Гнушаясь жертвенныя тли;
 Родства незнает, не приязньи
 Равно делит и мзду, и казни;
 Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
 Как гидра, сто имея глав, |
 Умильно и в слезах всечасно,
 Но полны челюсти отрав.
 Земныя власти попирает,
 Главою неба досязает
 Его отчизна там гласит.
 Призраки, тьму повсюду сеет
 Обманывать и льстить умеет,
 И слепо верить всем велит.

360

8

Покрывши разум темнотою,
 И всюду вея ползкий яд;.....

Изображение священнаго суеверия, отъемлющаго у человека чувствительность, влекущее его в ярем порабощения и заблуждения во броню его облекшее:

Бояться истинны велел...

Власть называет оное, изветом божества; разумок обманом.

9

Возрим мы в области обширны,
Где тусклой трон стоит рабства; |

В мире и тишине суеверие священное и политическое, ³⁶¹
подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут.
Одно сковать разумок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую рекут.

10

Покоя рабского под сенью,
Плодов златых невозростет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там непрозябет.

И все злые следствия рабства, как то беспечность
леность, коварство, голод и пр.

11

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, Царь,
На громном троне, властно севши,
В народе зрит лиш подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
„По воле, рек, щажу злодея, |
„Я властью могу дарить;
„Где я смеюсь, там все смеется;
„Нахмурюсь грозно, все смятется.
„Живеш тогда, велю коль жить“.

362

12

И мы внимаем хладнокровно...
...Как, алчной змий, ругаяся всем, отравляет, дни веселия
и утех. Но хотя во круг твоего престола все стоят пре-
клонше колена; трепещи, се мститель грядет, прорицая
вольность.....

13

Возникнет рать повсюду бранна,
 Надежда всех вооружит;
 В крови мучителя венчанна,
 Омыть свой стыд уж всяк спешит.
 Мечь остр, я зрю везде сверкает;
 В различных видах смерть летает;
 Над гордою главою паря.
 Ликуйте склепанны народы; |
 Се право мщенье природы
 На плаху возвело царя,

353

14

И нощи се завесу лживой,
 Со треском мощно разодрав,
 Кичливой власти и строптивой,
 Огромной истукан поправ;
 Сковав сторучна исполина,
 Влечет его, как гражданина,
 К престолу, где народ возсел:
 „Преступник власти мною данной!
 „Вещай злодей, мною венчанной,
 „Против меня возстать как смел?

15

„Тебя облек я во порфиру
 „Равенство в обществе блюсти,
 „Вдовицу призирать и сиру,
 „От бед невинность чтоб спасти,
 „Отцем ей быть, чадолюбивым;
 „Но мстителем непримиримым,
 „Пороку, лже и клевете;
 „Заслуги честью награждати,
 „Устройством зло предъупреждати,
 „Хранити нравы в чистоте. |

16

364

Покрыл я море кораблями.....

Дал способ к приобретению богатств и благоденствия.
Желал я что бы земледелец небыл пленник на своей ниве,
и тебя бы благословлял.....

17

„Своих кровей я безъпощады
„Гремящую воздвигнул рать;
„Я медны изваял громады,
„Злодеев внешних чтоб карать.
„Тебе велел повиноваться
„С тобою к славе устремляться.
„Для пользы всех, мне можно все.
„Земныя недра раздираю,
„Металл блестящий извлекаю,
„На украшение твое.

18

„Но ты забыв мне клятву данну,
„Забыв, что я избрал тебя;
„Себе в утеху быть венчанну
„Возмнил, что ты господь, не я; |
„Мечем мои разторг уставы;
„Безгласными поверг все правы,
„Стыдиться истинне велел.
„Разчистил мерзостям дорогу,
„Взывать стал не ко мне но к богу,
„А мной гнушаться восхотел.

365

19

„Кровавым потом доставая
„Плод, кой я в пищу насадил,
„С тобою крохи разделяя,
„Своей натуги нещадил;
„Тебе сокровищей всех мало!
„На чтож скажи их неостало,
„Что рубище с меня сорвал?

„Дарить любимца полна лести!
 „Жену чуждающуюся чести!
 „Иль злато богом ты признал?

20

„В отличность знак изобретенный
 „Ты начал наглости дарить;
 „В злодея меч мой изощренный,
 „Ты стал невинности сулить; |
 366 „Сгруженные полки в защиту,
 „На брань ведеш ли знамениту,
 „За человечество карать?
 „В кровавых борешься долинах,
 „Дабы упившись в Афинах,
 „Ирой, зевав, могли сказать.

21

„Злодей злодеев всех лютейший...
 Ты все совокупил злодеяния, и жало свое в меня устремил...
 Умри, умри же ты сто крат“.
 Народ вещал.....

22

Великий муж, коварства полный,
 Ханьжа, и льстец, и святотать!
 Един ты, в свет столь благотворный
 Пример великий, мог подать.
 Я чту Кромвель в тебе злодея,
 Что власть в руке своей имея,
 Ты твердь свободы сокрушил.
 Но научил ты в род и роды,
 Как могут мстить себя народы,
 Ты Карла, на суде, казнил..... |

23

И се глас вольности раздается во все концы.....
 На вече весь течет народ;
 Престол чугунный разрушает,
 Самсон как древле сотрясает,

Исполненный коварств чертог.
 Законом строит твердь природы.
 Велик, велик, ты дух свободы,
 Зиждителен, как сам есть бог!

24

В следующих одиннадцати строфах, заключается описание царства свободы, и действия ея; то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие.....

34

Но страсти изощряя злобу.....
 Превращают спокойствие граждан в пагубу.....
 Отца на сына воздвигают,
 Союзы брачны раздирают,
 И все следствия безмернаго желанія властвовать..... |

35, 36, 37

368

Описание пагубных следствий роскоши. Междоусобий.
 Гражданская брань. Марий, Сулла, Август.....
 Тревожну вольность усыпил.
 Чугунный скипетр обвил цветами...
 следствие того, порабощение.....

38, 39

Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство.....

40

Начто сему дивиться, и человек родится на то что бы умереть..... Следующия 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее чем будет пространнее. Но время еще непришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклепы тяжкой ночи.
 Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову, и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность.....

369

Но человечество возревет в оковах, и направляемое надеждою свободы, и неистребимым природы правом, двинется.... И власть приведена будет в трепет. Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая власть,

Развеется в одно мгновенье.

О день избраннейший всех дней!

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность возсияла.

Вот и конец, сказал мне новомодной стихотворец. — Я очень тому порадовался, и хотел было ему сказать, может быть неприятное на стихи его возражение, но колокольчик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карапкаться на пегаса, когда он с норовом. |

ГОРОДНЯ

Въезжая в сию деревню, не стихотворческим пением, слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцов. Встав из моей кибитки отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину, приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче узнал я, что рекрутской набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетняго парня вопила. Любезное мое дитетко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительской? Поля наши поростут травкою; мохом наша хижина.
371 Я бедная престарелая мать твоя, скитаться дол|жна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то нестоль сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто

примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери сырой земле. Кто придет вспомнить меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той.

Подле старухи стояла девка, уже взрослая. Она также вопила. — Прости мой друг сердечной, прости мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи ни веселья. Непозавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою ни мужнею женою. Хотя бы безчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты мой милой друг, | хотя бы одну уснул ночиньку, уснул бы на белой моей груди. А вось ли бы бог меня помиловал, и дал бы мне паренька на утешение. 372

Парень им говорил: Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас Государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому неумирать, тот жив будет. А восьлибо я с полком к вам приду. А восьлибо дослужуся до чина. Некрушися моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. — Рекрута сего отдавали из Экономического селения.

Со всем другого рода слова, внял слух мой в близь стоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро, и весело на окрест стоящих взирающего.

Услышал господь молитву мою, вещал он. Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь | буду хотя 373
знать, что жребий мой зависеть может от добраго или худаго моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женскаго. Одна мысль утешает, что без суда батожем наказан не буду!

Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину, необыкновеннаго удовольствия. На вопрос мой о сем, он отвечивал: Если бы, государь мой, с одной стороны, поставлена была виселица, а с другой глубокая река и стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было ити на право или на лево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать разсудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избрал бы броситься в реку, в надежде

374 что преплыв на другой брег опасность уже минется. Ни кто несогласился бы испытать, | тверда ли петля, своей шеєю. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертию, под батошьем, под кошками, в кандалах, в погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнем поруганин; государь мой, хотя холопей щитаєте вы своим имением, нередко хуже скотов но к нещастию их горчайшему они чувствительности нелишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковыя слова в устах крестьянина; но слышав их, для чего неудивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян?

И по истинне неожидал я сказаннаго, от одетаго в смурой кафтан со бритым лбом. Но желая удовлетворить моему любопытству, я просил его, что бы он уведомил меня, как 375 будучи толь низкаго состояния, он достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными.

Если вы непоскучаете слышать моей повести, то я вам скажу, что я родился в рабстве; сын дядки моего бывшего господина. Сколь восхищаюсь я, что неназовут уже меня Ванькою, ни поносительным именованием, ни позыва не делают свистом. Старой мой барин, человек добросердечной, разумной и добродетельной, нередко рыдавший над участию своих рабов, хотел за долговременныя заслуги отца моего отличить и меня, дав мне воспитание наравне с своим сыном. Различия между нами почти небыло разве только то, что он на кафтане носил сукно моего потоне. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставлении нам во всем были одинаковы, и без хвастовства скажу, что во многом я лучше 376 успел своего молодого господина. |

Ванюша, говорил мне старой барин, щастие твое зависит совсем от тебя. Ты более к учености и нравственности имееш побуждений, нежели сын мой. Он по мне будет богат, и нужды неузнает, а ты с рождения с нею познакомился. И так старайся быть достоин моего о тебе попечения. — На семнадцатом году возраста молодого моего барина стправлен был он и я в чужие краи с надзирателем, коему предписано было, меня почитать сопутником, а не слугою. Отправляя меня старой мой барин сказал мне:

надеюся, что ты возвратишься к утешению моему и своих родителей. Раб ты в пределах сего государства, но вне оных ты свободен. Возратясь же в оное, уз рождением твоим на тебя наложенных, ты необрящеш. Мы отсутственны были пять лет, и возвращались в Россию; молодой мой барин в радости ви|деть своего родителя, а я признаюсь, ласкаясь пользоваться сделанным мне обещанием. Сердце трепетало вступая опять в пределы моего отчества. И по истинне предчувствие его было неложно. В Риге молодой мой господин, получил известие о смерти своего отца. Он был оною тронут, я приведен в отчаяние. Ибо все мои старания, приобрести дружбу и доверенность молодого моего барина всегда были тщетны. Он нетолько меня нелюбил, из зависти может быть, тесным душам свойственной, но ненавидел.

377

Приметив мое смятение, известием о смерти его отца произведенное, он мне сказал, что сделанное мне обещание не позабудет, если я того буду достоин. В первый раз, он осмелился мне сие сказать, ибо получив свободу смертию своего отца, он в Риге же отпустил своего надзирателя, заплатив ему за труды | его щедро. Справедливость надлежит отдать бывшему моему господину, что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оныя помрачают.

378

Чрез неделю после нашего в Москву приезда, бывшей мой господин, влюбился в изрядную лицом девицу; но которая с красотою телесною, соединяла скареднейшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличностию почитала только внешность, знатность, богатство. Чрез два месяца она стала супругою моего барина, и моя повелительница. До того времени я нечувствовал перемены в моем состоянии, жил в доме господина моего, как его сотоварищ. Хотя он мне ничего неприказывал, но я предъупреждал его иногда желаний, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порог дому, в котором она определялася начальствовать, как я почувствовал тягость моего жребия. Первой вечер по свадьбе и следующий день, в которой я ей представлен был супругом ея как его сотоварищ, она занята была обыкновенными заботами нового супружества; но в вечеру когда при довольно многолюдном собрании, пришли все к столу, и сели за первой ужин у новобрачных,

379

и я по обыкновению моему, сел на моем месте на нижнем конце, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, если он хочет, чтоб она сидела за столом с гостями, то бы холопей за оной несажал. Он взглянув на меня и движем уже ею, прислал ко мне сказать, что бы я из за стола вышел; и ужинал бы в своей горнице. Вообразите, колико чувствительно мне было сие уничижение. Я скрыв
 330 однако же, изступающия из | глаз моих слезы, удалился. На другой день несмел я показаться. Ненаведывая обо мне, принесли мне обед мой и ужин. То же было и в следующие дни. Чрез неделю после свадьбы, в один день, после обеда новая госпожа осматривая дом и распределяя всем служителям должности и жилище, зашла в мои комнаты. Оне для меня уготованы были старым моим барином. Меня небыло дома. Неповторю того, что она говорила будучи в оных, мне в посмеяние, но, возвратясь домой мне сказали ея приказ, что мне отведен угол в нижнем етажѣ, с холостыми официантами; где моя постеля, сундук с платьем и бельем уже поставлены; все прочее она оставила в прежних моих комнатах, в коих поместила своих девок.

331 Что в душе моей происходило слыша сие удобнее чувствовать, если кто может, нежели описать. Но | дабы не занимать вас излишним может быть повествованием, госпожа моя вступив в управление дома, и не находя во мне способности к услуге, поверстала меня в лакеи и надела на меня ливрею. Малейшее мнимое упущение сея должности, влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мне неродиться! Колико крат негодовал я на умершаго моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование. Лучше бы мне было возрасти в невежестве, недумав никогда, что есмь человек всем другим равный. Давно бы, давно бы избавил себя ненавистной мне жизни, если бы неудерживало прещение вышняго над всеми судии. Я определил себя сносить жребий мой терпеливо. И сносил нетокмо уязвления телесныя, но и те, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступил я своего обета, и неотъял
 332 у себя томныя остатки плачевнаго жития, при случившемся новом души уязвлении.

Племянник моей барыни, молодец осм[н]адцати лет, сержант Гвардии, воспитанный во вкусе Московских щегольков,

елюбился в горнишную девку своей тетушки, и скорѣ овладев, опытною ея горячностью, сделал ее матерью. Сколь он ни решителен был в своих любовных делах, но при сем произшествии несколько смутился. Ибо тетушка его узнав о сем запретила вход к себе своей горнишной; а племянника побранила с легка. По обыкновению милосердых господ, она намерилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдав ее за конюха за муж. Но как все они были уже женаты, а беременной для славы дома надобен был муж, то хуже меня из всех служителей ненашла. И о сем госпожа моя, в присутствии своего супруга мне возвестила, яко отменную мне милость. Немог я более терпеть поругания. — Безчеловечная женщина! во власти твоей состоит меня мучить и уязвлять мое тело; говорите вы, что законы дают вам над нами сие право. Я и сему мало верю; но то твердо знаю, что вступать в брак никто принужден быть неможет. — Слова мои произвели в ней зверское молчание. Обратясь потом к супругу ея. — Неблагодарный сын человеколюбиваго родителя, забыл ты его завещание, забыл и свое изречение; но неводи до отчаяния души, твоя благороднейшей, страшись! — Более сказать я немог, ибо по повелению госпожи моей, отведен был на конюшню, и сечен нещадно кошками. На другой день, едва я мог встать от побоев с постели; и паки приведен был пред госпожу мою. Я тебе прошу, говорила она, твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушке, она тебя просит | и я любя ее в самом ея преступлении, хочу ето для нее сделать. Мой ответ, сказал я ей, вы слышали вчера, другаго неимею. Присовокуплю только то, что просить на вас буду начальство, в принуждении меня к тому, к чему неимеете права. — Ну так пора в солдаты, вскричала яростно моя госпожа. . . . Потерявшей путешественник в страшной пустыне свою стезю, меньше обрадуется сыскав опять оную, нежели обрадован был я, услышав сии слова: в солдаты, повторила она, и на другой день то бы[ло] исполнено. — Несмысленная! она думала, что так, как и поселянам, поступление в солдаты есть наказание. Мне было то отрада, и как скоро мне vybrили лоб, то я почувствовал, что я переродился. Силы мои обновилися. Разум и дух паки начали действовать. О! надежда сладостное нещастному чувство, пребуди во

383.

384.

385 мне. — Слеза тяжкая, но не | слеза горести и отчаяния изступила из очей его. — Я прижал его к сердцу моему. Лице его новым озарилось веселием. Невсе еще изчезло; ты вооружаешь душу мою, вещал он мне, против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое неизбежно.....

От сего несчастнаго я подошел к толпе, среди которой увидел трех скованных человек крепчайшими железамн. Удивления достойно, сказал я сам себе взирая на сих узников, теперь унылы, томны, робки, нетокмо нежелают быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вместить их в сие состояние; но обыкнув в сем тяжком во исполнении звании, становятся бодрн, предприимчивн, гнушаяся даже прежняго своего состояния. Я спросил у одного близъстоящаго, которой по одежде своей приказным 386 служителем быть казался. — Конечно бояся их побегу заключили их в толь тяжкия оковы. — Вы отгадали. Они принадлежали одному помещику, которому зандобилися деньги на новую карету, и для получения оной, он продал их для отдачи в рекруты казенным крестьянам.

Я.) Мой друг ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать немогут своей братии.

Он.) Не продажею оно и делается. Господин сих несчастных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю; они будто по желанию приписываются в государственные крестьяне к той волости, которая за них платила деньги, а волость по общему приговору отдает их в солдаты. Их везут теперь с отпускными, для приписания в нашу волость.

387 Вольные люди, ничего непроступившие в оковах, продаются как скоты! О законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем | слогe. Не явное ли се вам посмеяние? Но паче еще того, посмеяние священнаго имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим главы наши, главы безчеловечных своих господ, и кровию нашу обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их, изторгнулися великие мужи, для заступления избитаго племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, но взор проникает густую завесу врмени, от

очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие. — С негодованием отошел я от толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имели твердости, утщетили бы удручительные помыслы своих тиранов... Возвратимся... Друзья мои, сказал | я пленникам в отечестве своем; ведаете ли вы, 388 что если вы сами нежелаете вступить в воинское звание, ни кто к тому вас теперь принудить не может. — Перестань барин шутить над горькими людьми. И без твоей шутки, больно было разставаться одному с дряхлым отцем, другому с малолетними сестрами, третьему с молодою женою. Мы знаем, что господин нас продал, для отдачи в рекруты за тысячу рублей. — Если вы до сего времени неведали, то ведайте, что в рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать немогут; что вам от барина дана отпуская; и что вас покупщики ваши хотят приписать в свою волость, будто по вашей воле. — О если так барин, то спасибо тебе; когда нас поставят в меру, то все скажем, что мы в солдаты нехотим и что мы вольные люди. — Прибавьте к | тому, что вас продал ваш господин, 389 не в указанное время и что отдают вас насильным образом. (*) — Легко себе вообразить можно радость, распростершуюся на лицах сих несчастных. Вспрынув от своего места, и бодро потрясая свои оковы, казалось, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть. Но разговор сей ввел было меня в великия хлопоты, отдатчики рекрутские вразумев моей речи, воспаленные гневом, прискочив ко мне, говорили барин не в свое мешается дело, отойди пока сух; и сопротивляющагося начали меня толкать столь сильно, что я с поспешностию принужден был удалиться от сея толпы.

Подходя к почтовому двору, нашел я еще собрание поселян, окружающих человека в разодранном сертуке, несколько, 390 казалось, пьянаго, кривляющагося на предстоящих, которые глядя на него хохотали до слез. — Что тут за чудо спросил я у одного мальчика, чему вы смеетесь? — А вот рекрут иноземец, по русски неумеет пикнуть. — Из редких

(*) Во время рекрутскаго набора запрещается в продаже крестьян совершать купчия.

слов им изреченных, узнал я, что он был Француз. Любопытство мое паче возбудилось; и желал узнать, как иностранец мог отдаваем быть в рекруты крестьянами? Я спросил его на сродном ему языке. — Мой друг, какими судьбами ты здесь находишься?

Француз.) Судьбе так захотелось; где хорошо, тут и жить должно.

Я.) Да как ты попался в рекруты?

Фран.) Я люблю воинскую жизнь, мне она уже известна, 391 я сам захотел. |

Я.) Но как то случилось, что тебя отдают из деревни в рекруты. Из деревень берут в солдаты обыкновенно одних крестьян, и русских; а ты я вижу не мужик, и не русской.

Фран.) А вот как. Я в Париже с ребячества учился перукмахерству. Выехал в Россию с одним господином. Чесал ему волосы в Петербурге целой год. Ему мне заплатить было нечем. Я оставив его; не нашед места, чуть не умер с голоду. По щастию мог попасть в матрозы на корабль, идущей под Российским флагом. Прежде отправления в море приведен я к присяге, как Российской подданной, и отправился в Любек. На море часто корабельщик бил меня линьком, за то, что был ленив. По неосторожности моей упал с вантов на палубу и выломил себе три пальца, что меня 392 на|всегда сделало неспособным управлять гребнем. Приехав в Любек, попался Прусским наборщикам, и служил в разных полках. Нередко за леность и пьян[с]тво бит был палками. Заколов будучи пьяной своего товарища, ушел из Мемеля, где я находился в гарнизоне. Вспомнил что я обязан в России присягою; и яко верной сын отечества отправился в Ригу с двумя талерами в кармане. Дорогою питался милостынею. В Риге щастие и искусство мое мне послужили; выиграл в шинке рублей с двадцать и купив себе за десять, изрядной кафтан, отправился лакеем с Казанским купцом в Казань. Но проезжая Москву, встретился на улице с двумя моими земляками, которые советовали мне оставить хозяина, и искать в Москве учительскаго места. Я им сказал, что худо читать умею. Но они мне отвечали: ты говоришь по французки, | то и того довольно. Хозяин мой не видал, как 393 я на улице от него удалился, он продолжал путь свой, а я остался в Москве. Скоро мне земляки мои нашли учи-

тельское место за сто пятьдесят рублей, пуд сахару, пуд кафе, десять фунтов чаю в год, стол, слуга и карета. Но жить надлежало в деревне. Тем лучше. Там целой год не знали, что я писать неумею. Но какой то сват того господина, у котораго я жил, открыл ему мою тайну, и меня свезли в Москву обратно. Ненашед другаго подобнаго сему дурака, немогши отправлять мое ремесло с изломанными пальцами, и боясь умереть с голоду, я продал себя за двести рублей. Меня записали в крестьяне и отдают в рекруты. Надеюсь, говорил он важным видом, что сколь скоро будет война, то дослужуся до генеральскаго чина; а небудет войны, то набью карман (коли можно) | и увенчан лаврами, 394
отведу на покой в мое отечество.

Пожал я плечами не один раз, слушав сего бродягу, и с уязвленным сердцем лег в кибитку, отправился в путь. | 395

ЗАВИДОВО

Лошади уже были впряжены в кибитку, и я приготовлялся к отъезду, как вдруг сделался на улице великой шум. Люди начали бегать из краю в край по деревне. На улице видел я воина в гранодерской шабке, гордо разхаживающаго, и держа поднятую плеть кричащаго: Лошадей скореея; где староста? его Превосходительство будет здесь чрез минуту; подай мне старосту.... Сняв шляпу за сто шагов староста бежал во всю прыть, на сделанной ему позыв.—Лошадей скореея.—Тот час батюшка; пожалуйста подорожную.—На. Да скореея же, а то я тебя.... говорил он подняв плеть над головою дрожащаго старосты. Недокончанная сия речь столь же была выражения исполнена, как у Виргилия в Енеиде, речь Еола к ветрам | „Я вас“.... и сокращенной 396
видом плети властновелительнаго гранодера староста, столь же живо ощущал мощь десницы грозящаго воина, как бунтующие ветры, ощущали над собою власть, сильной Еоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорил, „его Превосходительству с честною его фамилией потребно „пятьдесят лошадей, а у нас только тридцать на лицо, дру„гия в разгоне—Роди старой чорт. А небудет лошадей, то „тебя изъуродую.—Да где же их взять, коли взять негде.— „Разговорился еще.... А вот лошади у меня будут“.... и

схватя старика за бороду, начал его бить по плечам плетью нещадно.— „Полно ли с тебя. Да вот три свежие, говорил „строгий судья ямского стана, указывая на впряженных в мою „повозку. Выпряги их для нас.—Коли барин та их отдаст.—
 397 „Как бы он не|отдал. У меня и ему то же достанется. Да „кто он таков?—Невесть какой то.....“ как он меня величал, того незнаю.

Между тем я вышел на улицу, воспретил храброму предтече его Превосходительства, исполнить его намерение, и выпрягая из повозки моей лошадей, меня заставить ночевать в почтовой избе.

Спор мой с гвардейским полканом, прерван был приездом его Превосходительства. Еще издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт, и зрению уже неприметное обращение колес подымающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его Превосхдительства закрыта была непроницаемым облаком от взоров ожидающих его, аки громовой тучи ямщиков. Дон-Кишот конечно нечто чудесное бы тут увидел; ибо не|сущееся пыльное облако под знатною его Пре-
 398 восходительства особою, вдруг остановясь разверзлося, и он предстал нам от пыли серовиден, отродию черных подобным.

От приезду моего на почтовой стан, до того времени как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целой час. Но пов[о]зки его Превосходительства, запряжены были не более как в четверть часа..... и поскакали они на крылех ветра. А мои клячи, хотя лучше казались тех, кои удостоилися вести Превосходительную особу, но не бояся гранодерскаго кнута, бежали посредственною рысью.

Блаженны в единовластных правлениях вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа им повинуется. Даже несмысленные скоты угождают их желаниям, и дабы им в путешествии зевая ненаскучилось, скачут они не жалея ни|ног ни легкаго, и нередко от на туги око-
 399 левают. Блаженны повторю я имеющие внешность к благоговению всех влекущую. Кто ведает из трепещущих от плети им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят, безгласным в придворной грамматике называется; что ему ни А,... ни О,... во всю жизнь свою сказать не уда-

лося (*); что он одолжен, и сказать стыдно, кому сеоим возвышением; что в душе своей он скареднейшее есть существо; что обман, вероломство, предательство, блуд, отравление, татьство, грабеж, убийство не больше ему стоят, как выпить стакан воды; что ланиды его никогда от стыда не краснели, разве от гнева или пощечены; что он друг всякаго придворнаго истопника, и раб едва, едва при дворе нечто значущаго. Но властелин и презирающ, неведающих 400 его низкости и ползущества. Знатность, без истиннаго достоинства, подобна колдунам в наших деревнях. Все крестьяне их почитают и боятся, думая, что они чрезвычайные повелители. Над ними сии обманщики властвуют по своей воле. А сколь скоро в толпу, их боготворящую, завернется мало кто грубейшаго невежества отчуждившийся, то обман их обнаруживается, и таковых дальновидцов они нетерпят в том месте, где они творят чудеса. Равно берегись и тот; кто посмеет обнаружить колдовство вельмож.

Но где мне гнаться за его Превосходительством. Он поднял пыль столбом, которая по пролете его исчезла, и я приехав в Клин, нашел даже память его погибшую с шумом. | 401

КЛИН

Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь... Поющей сию народную песнь, называемую Алексеем божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтоваго двора, окруженной толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия в лице его зримаго, заставляли взирающих на певца, предстоять ему со благоговением. Неискусной хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проницал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные во благогласии уши, жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези, или Тоди. Никто из предстоящих, неостался без зыбления 402 внутрь глубокаго, когда Клинской пе|вец, дошед до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом, из

(*) См. рукописную Придворную Граматику Фон-Визина.

рекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнились изтупающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ея улыбка; на лице отрочества явились робость, неложной знак болезненного, но неизвестнаго чувствования; даже мужественной возраст, к жестокости толико привыкшей, вид восприял важности. О! природа возопил я паки....

Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Колико сердце оно обновляет, и онаго чувствительность. Я рыдал в след за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как изторгнутыя из сердца Вертером.....
 403 О! мой друг, мой друг! почто и ты незрел сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствования, была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия все предстоящие давали старику, как будто бы награду за его труд. Он принимал все денешки и полушки, все куски и краюхи хлеба, довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестясь и говоря к подающему: „Дай бог тебе здоровья“. Я нехотел отъехать, небыв сопровождаем молитвою сего конечно приятнаго небу старца. Желал его благословения, на совершение пути и желания моего. Казалось мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ, облегчает стезю в шествии и отъезд терние сомнительности. Подошед к нему, я в дрожащую
 404 его руку, толико же дрожащею от бояз|ни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, неуспел он изрещи обыкновеннаго своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения, лежащаго в его горьсти. И сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему, вещал я сам себе, подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает может быть мою гордость. Он несопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба, певшему старцу!—Не пятак ли? сказал он, обращая речь свою неопределенно как и всякое свое слово.—Нет дедушка, рублевик, сказал

близь стоящей его мальчик.—По что такая милостыня? сказал слепой опуская места своих очей и ища казалось, мысленно вообразити себе то | что в горьсти его лежало. 405 По что она немощному ею пользоваться. Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Неимея в нем нужды, я мог бы снабдить им немощаго. Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? невижу куда его и положить; подаст он может быть случай к преступлению. Полушку немного прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возми его назад доброй господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора.— О истинна! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываеш в укоризну.—Возми его назад, мне право он ненадобен, да и я уже его нестою; ибо неслужил избраженному на нем Государю. Угодно было создателю, что бы еще в бодрых | моих летах, лишен я был вождей моих. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил. . . . Я был воин; на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я нещадил никогда у ног моих лежащаго неприятеля, и просящаго безоруженному, помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств, пролетевшим мимо очей, в силе своей пушечным ядром. О! вы последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество!—Возвратил он мне мой рубль, и сел опять на место свое покойно.

Прими свой праздничной пирог дедушка, говорила слепому подошедшая женщина, лет пятидесяти.—С | каким 407 восторгом он принял его обеими руками.—Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду, ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Незабыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойнаго твоего отца, что бы ты до гроба моего меня забывала? Я друзья мои, избавил отца ее, от обыкновенных нередко побой крестьянам, от проходящих солдат. Солдаты хотели что то у него от-

нять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика, и его избавил от побой; может быть чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. | Вот чего не забывает она каждой день и каждой праздник. Дсло мое было невеликое но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ни что не пропадает.

Не уже ли ты меня, столько пред всеми обидиш, старичок сказал я ему, и одно мое отвергнеш подаяние? Не уже ли моя милостыня есть милостыня грешника. Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточеннаго сердца.—Ты огорчаеш давно уже огорченное сердце, естественною казнию, говорил старец; не ведал я, что мог тебя обидить, неприемля на вред послужить могущаго подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочеш мне что дать, дай что может мне быть полезно..... Холодная у нас была весна, у меня болело горло—платчишка не было чем повязать шеи—бог помиловал, болезнь миновалась..... Нет ли старинькаго у тебя платка? | Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминование нищаго.—Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепаго..... И разстался с ним.

Возвращаяся чрез Клин, я уже ненашел слепаго певца. Он за три дни моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел заболев перед смертию на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило слушав сие. |

ПЕШКИ

Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но по пословице голод не свой брат, принудил меня зайти в избу; и доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и протчаго Французскаго кушанья на отраву изобретеннаго, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, которая со мною ехала в запасе.

Пообедав сей раз, горазде хуже нежели иногда обедают многие Полковники, (неговорю о Генералах) в дальних походах; я по похвальному общему обыкновению, налил в чашку приготовленного для меня кофию, и услаждал прихотливость мою, плодами пота несчастных Африканских невольников.

Увидев предо мною сахар, месившая квашню хозяйка, подослала ко мне маленькова мальчика попросить | кусочик сего боярского кушанья.—Почему боярское? сказал я ей, давая ребенку остаток моего сахара; не уже ли и ты его употреблять неможешь?—Потому и боярское, что нам купить его не на что, а бояре его употребляют для того, что несами достают деньги. Правда что и бурмистр наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но так же на наши слезы.—Разве ты думаешь; что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать?—Невсе; но все господа дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы?—Говоря сие показывала она мне состав своего хлеба. Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несеяной муки.—Да и то слава богу, при нынешних неурожаях. У многих соседей наших, и того хуже. Чтож вам бояре в том прибыли что вы едите сахар а мы голодны? | Ребята мрут, мрут и взрослые. Но как быть потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит.—И начала сажать хлебы в печь.

Сия укоризна, произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением душевныя скорби, исполнила сердце мое грустию. Я обозрел в первый раз внимательно, всю утварь крестьянския избы. Первой раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило.—Четыре стены до половины покрытыя, так как и весь потолок сажую; пол в щелях, на вершок покрайней мере порозшей грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым всякое утро зимою и летом наполняющей избу; окончины в коих натянутой пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три; (щастлива изба, коли в одном из них, всякой день есть пустыя шти!) | Деревянная чашка, и крушки тарелками называемые; стол топором срубленной, которой скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней, или телят, буде есть, спать с ними вместе глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К щастию кадка с квасом на укус похожим и на дворе

баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки с лаптями для выхода.— Вот в чем почитается по справедливости, источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотреблении законов, и их шароховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние.— Звери алчные, пиявицы ненасытные, что
 414 крестьянину мы оставляем: то чего | отнять не можем, воздух. Да один воздух. Отъемлем нередко у него, нетокмо дар земли хлеб и воду, но и самый свет.— Закон запрещает отъяти у него жизнь.— Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны почти всеисилие; с другой немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения, и пожеланию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать несмеет. Се жребии заклепаннаго во узы, се жребии заключеннаго в смрадной темнице, се жребии вола во ярме.....

Жестокосердый помещик посмотри на детей крестьян тебе подвластных. Они почти наги. От чего? не ты ли родших их в болезни и горести, обложил сверх всех полевых работ, оброком? Не ты ли | несотканное еще полотно определяеш себе в пользу. На что тебе смрадное рубище, кото-
 415 рое к неге привыкшая твоя рука, подъяти гнушается? едва послужит оно на отирание служащаго тебе скота. Ты собираеш и то, что тебе ненадобно, несмотря на то что неприкрытая нагота твоих крестьян, тебе в обвинение будет. Если здесь нет на тебя суда, но пред судиею, неведающим лицепрятия, давшим некогда и тебе путеводителя благаго, совесть, но коего развратной твой разсудок давно изгнал из своего жилища, из сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездием. Неусыпной сей деяний твоих страж, уловит тебя на едине, и ты почувствуеш его кары. О! если бы они были тебе и подвластным тебе на пользу..... О! если бы человек входя по часту во внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои | деяния. Претворенный
 416 в столп неподвижный, громopodobным ея гласом, не лускался бы он натайныя злодеяния; редки бы тогда стали губительствы опустошении..... и пр. и пр. и пр. !
 417

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Здесь я видел так же изрядной опыт, самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда, и слез боязливой невесты, скоро в радость претворится определенных, зрелись на челе, определенных вступать в супружество, печаль и уныние. Они друг друга ненавидят, и властью господина своего, влекутся на казнь, к олтарю отца всех благ, подателя нежных чувствований и веселий, зиждителя истинного блаженства, творца вселенныя. И служитель его примет изторгнутую властью клятву и утвердит брак! И сие назовется союзом божественным! И богохуление сие останется на пример другим! И неустройство сие в законе останется ненаказанным!... По что удивляться сему? Благословляет | брак наемник; 418 градодержатель для охранения закона определенный, дворянин. Тот и другой имеют в сем свою пользу. Первой ради получения мзды; другой, дабы истребляя поносительное человечеству насилие, нелишится самому лестнаго преимущества управлять себе подобным самовластно.—О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и ввучат моих.....

Я тебе читатель позабыл сказать, что парнасской судья, с которым я в Твери обедал в трактире, мне сделал подарок. Голова его над многим чем испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочеш, суди сам; а мне скажи на ушно каково тебе покажется. Если читая, тебе захочется спать; то сложи книгу, и усни. Береги ее для безсонницы. | 419

СЛОВО О ЛОМОНОСОВЕ

Приятность вечера после жаркаго летняго дня, выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невской монастырь, и долго гулял в роще позади его лежащей. (*) Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи, едва, едва ли на синем своде была чувствительна. (**) Возвращаясь домой, я шел мимо Невскаго кладьбища. Ворота были от-

(*) Озерки.

(**) Июнь.

верзсты. Я вошел... На сем месте вечнаго молчания, где наитвердешее чело поморщится несомненно, помыслив, что тут долженствует быть конец всех блестящих подвигов; на месте незыблемаго спокойствия, и равнодушия непоколебимаго, могло ли бы, казалось, совместно быть кичение, тщеславие и надменность. Но гробницы великолепные? Суть знаки несомненные, человеческия гордыни; но знаки желанія его жити вечно. Но се ли вечность, которая человек толико жаждущ? ... Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою, в дальнейшее потомство. Не камень со изсечением имени твоего, пренесет славу твою в будущія столетія. Слово твое живущее присно и во веки в творениях твоих, слово Российскаго племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных, за неозримый горизонт столетій. Пускай стихии свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь, и поглотят великолепны[й] сей град, откуда громкое твое пение раздавалося во все концы обширныя России; пускай яростный некий завоеватель, истребит даже имя любезнаго твоего отечества: но доколе слово Российское, ударять будет слух, ты жив будеш и не умреш. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так умерети. Но если кто умеет изчислить меру сего продолжения, если перст гаданія, назначит предел твоему имени, то не се ли вечность? ... Сие изрек я в восторге, остановясь пред столпом, над тлением Ломоносова воздвигнутым. — Нет, не хладный камень сей поветствует, что ты жил на славу имени Российскаго, не может он сказать, что ты был. Творения твои, да поветствуют нам о том, житие твое да скажет по что ты славен.

Где ты, о! возлюбленный мой! где ты? Прииди беседовати со мною о великом муже. Прииди да соплетем венец насадителю Российскаго слова. Пускай, другіе раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы, воспоем песнь заслуге к обществу.

Михайло Васильевичъ Ломоносов родился в Холмогорах... .
 422 Рожденный от человека, которой немог дать ему воспитанія, дабы посредством онаго, понятие его изострилося и украсилося полезными и приятными знаніями; определенный по состоянію своему, препровождать дни свои между людей, коих окружность мысленныя области, недалее их ремесла

простирается; сужденный делить время свое, между рыбным промыслом, и старанием получить мзду своего труда; разум молодого Ломоносова, не мог бы достигнуть той обширности, которую он приобрел трудясь в испытании природы, ни глас его той сладости, которую он имел от обхождения чистых Мусс. От воспитания в родительском доме, он приял мало-важное но ключь учения, знание читать и писать, а от природы любопытство. И се природа твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою в души наши, стремится к познанию вещей; а кипящее сердце славолюбием, не может терпеть пут, его стесняющих. Рёзет оно, клокочет, стонет, и махом прерывая узы, летит стремглав, (нетпретк[н]овення,) к предлогу своему. Забыто все, один предлог в уме; им дышем, им живем.

423

Невыпуская из очей своих вожделенного предмета, юноша собирает познание вещей, в слабейших ручьях протекшаго наук источника, до нижайших степеней общества. Чуждый руководства, столь нужного, для ускорения в познаниях, он первую силу разума своего, память, острит и украшает тем, что бы разумок его острить долженствовало. Сия тесная округа сведений, кои он мог приобрести на месте рождения своего, не могла усладить жаждущаго духа, но паче возгла в юноше непреодолимое к учению стремление. Блажен! что в возрасте, когда волнение страстей изводит нас в первые из нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремление его обратилось к познанию вещей.

424

Подстрекаем науки алчбою, Ломоносов оставляет родительской дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих Мусс, и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божию.

Преддверие учености, есть познание языков; но представляется, яко поле тернием насажденное, и яко гора строгим камнем усеянная. Глаз не находит тут приятности разположения, стопы путешественника, покойныя гладости на отдохновение, ни зеленеющагося убежища утомленному тут нет. Тако учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным журчанием исходящаго из нея воздуха утомляется, и язык новообразно извиваться | принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет, разумок без действия ослабевает, воображение теряет свое крылие; единая память бдит и острится, и

425

все излучины и отверствия свои, наполняет образами неизвестных доселе звуков. При учении языков все отвратительно и тягостно. Если бы неподкрепляла надежда, что, приучив слух свой к необыкновенности звуков, и усвоив чуждые произношения, неоткроются потом приятнейшия предметы, то неуповательно восхотел ли бы кто вступить в столь строгий путь. Но превзошед сии трудности, коликратно награждается постоянство в понесенных трудах. Новые представляются тогда естества виды, новая цепь воображений. Познанием чуждаго языка становимся мы гражданами тоя области, где он употребляется, беседуем с жившими за многия тысячи веков, усвоаем их | понятия; и всех народов и всех веков изобретения и мысли, сочetoваем и приводим в единую связь.

Упорное прилежание в учении языков, сделало Ломо[но]-сова согражданином Афин и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слепец, от чрева матерня света незревший, когда искусною глазоврачевателя рукою, возсияет для него величество дневнаго светила; быстрым взором протекает он, все красоты природы, дивится ея разновидности и простоте. Все его пленяет, все поражает. Он живет обычных всегда во зрени[и] очей, чувствует ея изящности, восхищается и приходит в восторг. Тако Ломо[но]сов получивши сведение Латинскаго и Греческаго языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научался он чувствовать изящности природы; с ними научался познавать все уловки искусства, крыющагося всегда | в одушевленных стихотворством видах, с ними научался изъявлять чувства свои, давать тело мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятии чуждыя, кои преобразовавшись в душе его и разуме, в новом виде явились в его творениях, или родили совсем другие, уму человеческому доселе неведомые. Представил бы его ищущаго знания в древних рукописях своего училища, и гоняющагося за видом учения, везде где казалось быть его хранилище. Часто обманут бывал в ожидании своем но частым чтением церковных книг, он основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство Российскаго слова. |

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетворение. Он ученик стал славнаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблуждения, преподанныя ему в монашеских училищах, он твердыя и ясныя полагал степени к восхождению во храм любомудрия. Логика научила его рассуждать; математика верныя делать заключения и убеждаться единою очевидностию; метафизика преподала ему гадательныя истинны вѣдущия часто к заблуждению; физика и химия, к коим может быть ради изящности силы воображения прилежал отлично, ввели его в жертвенник природы и открыли ему ея таинства; металлургия и минералогия яко последственныя предъидущих, привлекли на себя его внимание; и деятельно хотел Ломоносов познать правила в оных науках руководствующия.

Изобилие плодов и произведений понудило людей менять их на тако|выя, в коих был недостаток. Сие произвело 429 торговлю. Великия в меновном торгу затруднения, побудили мыслить о знаках всякое богатство и всякое имущество представляющих. Изобретены денги. Злато и серебро яко драгоценнейшия по совершенству своему металы, и доселе украшением служившия, преобразены стали в знаки всякое стяжание представляющие. И тогда только по истинне, тогда возгорелась в сердце человеческом, ненасытная сия и мерзительная страсть к богатствам, которая яко пламень вся пожирающий, усиливается получая пищу. Тогда оставив первобытную свою простоту, и природное свое упражнение земледелие, человек предал живот свой свирепым волнам, или презрив глад и зной пустынный, претекал чрез оныя в неведомыя страны, для снискания богатств и сокровищ. Тогда презрев свет солнечный, жи|вый нисходил в могилу, 430 и разторгнув недра земная прорывал себе нору, подобен земному гаду, ищущему в нощи свою пищу. Тако человек сокрываясь в пропастях земных искал блестящих металов, и сокращал пределы своея жизни на половину, питаяся ядовитым дыханием паров из земли исходящих. Но как и самая отрава став иногда привычкою, бывает необходимою человеку в употреблении, так и добывание металов сокращая дни ископателей, неотвергнуто ради своея смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшим образом большее число металов повозможности.

Сего то хотел познать Ломоносов деятельно, и для исполнения своего намерения отправился в Фрейберх. Мне мнится зрю его пришедшаго к отверстию, чрез которое
 431 изтекает изторгнутый из недр | земных металл. Приемлет томное светило, определенное освещать его в ущелинах, куда солнечные лучи досязать немогут николи. Исполнил первый шаг; что делаешь вопиет ему разсудок? Неужели отличила тебя природа своими дарованиями для того только, чтобы ты употреблял их на пагубу своей собратии. Что мыслишь низходя в сию пропасть? Желает ли снискать вящее искусство извлекати серебро и золото? Или не ведаешь какое в мире сотворили они зло? Или забыл завоевание Америки? . . . Но нет, низходи, познай подземныя ухищрения человека, и возвратясь в отечество, имей довольно крепости духа, подать совет зарыть и заровнять сии могилы, где тысячи в животе сущии, погребаются.

Трепещущ нисходит в отверстие, и скоро теряет из виду живоносное светило. Желал бы я последовать ему
 432 в подземном его путеше|ствии, собрать его размышлении, и представить их в той связи, и тем порядком, какими они в разуме его возрождались. Картина его мыслей была бы для нас увеселительною и учебною. Проходя первой слой земли, источник всякого прозябения, подземный путешественник обрел его несходственным с последующими; отличающимся от других, паче всего своего, плодоносною силою. Заключал может быть из того что поверхность сия земная не из чего инаго составлена, как из тления животных и прозябений, что плодородие ея, сила питательная и возобновительная, начало свое имеет в неразрушимых и первенственных частях всяческаго бытия, которыя неперемения своего существа, переменяют вид только свой, из сложения случайнаго рождающийся. Проходя далее, подземный путешественник зрел землю всегда разположенную слоями.
 433 В слоях на|ходил иногда остатки животных в морях живущих, находил остатки растений, и заключать мог, что слоистое разположение земли начало свое имеет в наплавном положении вод, и что воды переселяясь из одного края земнаго шара к другому, давали земле тот вид, какой она в недрах своих представляет. Сие единовидное слоев разположение, теряясь из его зрака, представляло иногда ему

смешение многих разнородных слоев. Заключал из того что свирепая стихия огонь, проникнув в недра земныя, и встретив противубодрствующую себе влагу, ярясь мутила, трясла, валила и метала всё что ей упорствовать тшилося своим противодействием. Смутив и смешав разнородныя, знойным своим дохновением возбудила в первобытностях металов, силу притяжательную и их соединила. Там узрел Ломоносов сии мертвыя по себе | сокровища в природном их виде, 434
вспомнул алчбу и бедствие человеков, и с сокрушенным сердцем оставил сие мрачное обиталище, людской ненасытности.

Упражнялся в познании природы, он неоставил возлюбленнаго своего учения стихотворства. Еще в отечестве своем, случай показал ему что природа назначила его к величию, что в обыкновенной стезе шествия человеческого он скитаться nebude. Псалтирь Симеоном Полоцким в стихи преложенная, ему открыла о нем таинство природы, показала что и он стихотворец. Беседуя с Горацием, Виргилием и другими древними писателями, он давно уже удостоверился, что стихотворение Российское весьма было несродно благогласию и важности языка нашего. Читая немецких стихотворцов, он находил что слог их был плавнее Российскаго, что стопы в стихах были | разположены по свойству языка 435 их. И так он вознамерился сделать опыт сочинения, новобразными стихами, поставив сперва Российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанныя. Сие исполнил он написав оду, на победу одержанную Российскими войсками над Турками и Татарами и на взятие Хотина, которую из Марбурга он прислал в Академию наук. Необыкновенность слога, сила выражения, изображения едва недышущия; изъумили читающих сие новое произведение. И сие первородное чадо стремящагося воображения по непроложенному пути, в доказательство, с другими купно послужило, что когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет, не одной тропинкою, но многими стезями вдруг.

Сила воображения и живое чувствование неотвергают разыскания подробностей. Ломоносов давая приме|ры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах языка свойственных. Восхотел их извлечь из самаго слова, 436

незабывая однакоже что обычай первой всегда подает в сочетании слов пример, и речении из правила исходящия, обычаем становятся правильными. Раздробляя все части речи, и сообразуя их с употреблением их, Ломоносов составил свою грамматику. Но не довольствуясь преподавать правила Российскаго слова, он дает понятие о человеческом слове вообще, яко благороднейшем по разуму даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей. Се сокращение общей его грамматики: Слово представляет мысли; орудие слова есть голос; голос изменяется образованием или выговором; различное изменение голоса изображает различие мыслей; и так слово есть, изображение наших мыслей, посредством | образования голоса чрез органы, на то устроенные. Поступая далее от сего основания, Ломоносов определяет неразделимыя части слова, коих изображения называют буквами. Сложение нераздельных частей слова производит склады, кои опричь образовательнаго различия голоса, различаются еще так называемыми ударениями, на чем основывается стихосложение. Сопряжение складов производит речения, или знаменательныя части слова. Сии изображают или вещь или ея деяние. Изображение словесное вещи, называется имя; изображение деяния глагол. Для изображения же сношения вещей между собою и для сокращения их в речи, служат другия части слова. Но первыя суть необходимы и называться могут главными частями слова, а прочия служебными. Говоря о разных частях слова, Ломоносов находит, что некоторыя из них имеют в себе отмены. | Вещь может находиться в разных в разсуждении других вещей положениях. Изображение таковых положений и отношений именуется падежами. Деяние всякое разлагается по времени; оттуда и глаголы разположены по временам, для изображения деяния в какое время оное происходит. Наконец Ломоносов говорит о сложении знаменательных частей слова, что производит речи.

Предпослав такое философическое разсуждение о слове вообще, на самом естестве телеснаго нашего сложения основанном, Ломоносов преподает правила Российскаго слова. И могут ли быть они посредственны, когда начертавший их разум, водим был в грамматических терниях светильником остроумия? Негнушайся великой муж сея хвалы. Между

согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебе славу. Заслуги твои о Российском слове 'суть | многообразны; и ты почитаешься в малоприятельном сем своем 439 труде, яко первым основателем истинных правил языка нашего, и яко разыскателем естественнаго разположения всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверие чтения твоея риторики, а та и другая руководительницы, для осязания красот изречения творений твоих. Поступая в преподавании правил, Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим, в стезях тернистых Гелликона, показав им путь к красноречию, начертывая правила риторики и поэзии. Но краткость его жизни, допустила его из подъятаго труда, совершить одну только половину.

Человек рожденный с нежными чувствами одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, изторгается из среды народныя. Восходит на лобное место. Все | 440 взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние горшее самая смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо, и другие. Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения в их чувствах, сила доводов в их остроумии. Удивляясь толико отменным в слове мужам, и раздробляя их речи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумию и воображению, думали, что путь к прелестям проложить можно томными предписаниями. Сие есть начало риторики. Ломоносов следуя незамечая того, своему воображению исправившемуся беседою с древними писателями, думал так же, что может сообщить согражданам своим, жар души его исполнявший. | И хотя он тщетный в сем пред- 441 прият труд, но примеры приводимые им для подкрепления и объяснения его правил, могут несомненно руководствовать, пускающемуся в след славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетной его был труд в преподавании правил тому, что более чувствовать должно нежели твердить; Ломоносов надежнейшия любящим Российское слово, оставил примеры в своих творениях. В них сосавшия уста сладости Цицероновы и Демосфеновы, растворяются на велеречие. В них на каждой строке, на каждом препинании, на каждом

слоге, по что не могу сказать при каждой букве, слышен стройной и согласной звон столь редкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласия речи.

Прияв от природы право неоцененное действовать на
 442 своих совре[мянников, прияв от нее силу творения, повер-
 женный в среду народныя толщи, великий муж действует
 на оную, но и не в одинаком всегда направлении. Подо-
 бен силам естественным действующим от средоточия, ко-
 торыя простирая действие свое во все точки окружности,
 деятельность свою присну везде соделовают. Тако и Ломо-
 носов действуя на сограждан своих разнообразно, разно-
 образныя отверзал общему уму стези на познании. Повлекши
 его за собою во след, расплетая запутанный язык на веле-
 речие и благогласие, неоставил его при тощем без мыслей
 источнике словесности. Воображению вещал: лети в безпре-
 дельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы
 одушевленнаго, и вождаяся вкусом украшай оными самую
 неосязательность. И се паки, гремевшая на Олимпийских
 443 играх Пиндарова труба, возгласила хвалу всевы[шняго во след
 Псалмопевца. На ней возвестил Ломоносов величие предвеч-
 наго, возседающаго на крыле ветренней, предшествуемаго
 громом и молниею, и в солнце являя смертным свою су-
 щ[е]с[т]венность, жизнь. Умеряя глас трубы Пиндаровой, на
 ней же он воспел бренность человека и близкой предел его
 понятий. В бездне миров безпредельной, как в морских вол-
 нах малейшая песчинка, как во льде нетающем николи,
 искра едва блестящая, в свирепейшем вихре как прах тонь-
 чайший, что есть разум человеческий?—Се ты о Ломоно-
 сов, одежда моя тебя не сокроет.

Не завидую тебе, что следуя общему обычаю ласкати
 царям, нередко недостойным нетокмо похвалы стройным
 гласом воспетой, но ниже гудочнаго бряцания; ты льстил
 похвалою в стихах Елисавете. И если бы можно было без
 444 уязвления истинны и потомства, простил бы | я то тебе ради
 признательныя твоя души ко благодеяниям. Но позавидует,
 немогущий во след тебе ити писатель Оды, позавидует
 прелестной картине народнаго спокойствия и тишины, сей
 сильной ограды градов и сел, царств и Царей утешения;
 позавидует безчисленным красотам твоего слова; и если
 удастся когда либо достигнуть непрерывнаго твоего в стихах

благогласия, но доселе неудалось еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своим сладкопением, пускай потомкам нашим покажешься ты нестроен в мыслях, избыточен в существенности твоих стихов!... Но возри: в просторном ристалище, коего конца око недосязает, среди толпящейся многочисленности, на возглавии, впереди всех, се врата отверзающ к ристалищу, се ты. Прославиться всяк может подвигами, но ты был первый. Самому | всесильному 445 нельзя отнять у тебя того, что дал. Родил он тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя. О! вы доселе бесплодно трудившиеся над познанием существенности души, и как сия действует на телесность нашу, се трудная вам предлежит задача на испытание. Вещайте, как душа действует на душу, какая есть связь между умами? Если знаем, как тело действует на тело прикосновением, поведайте, как неосязаемое действует на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновение. Что оно существует, то знаете. Но если ведаете, какое действие разум великаго мужа имеет над общим разумом, то ведайте еще, что великий муж может родить великаго мужа; и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова. | 446

Но если действие стихов Ломоносова, могло размашистой сделать шаг в образовании стихотворческаго понятия его современником, красноречие его чувствительнаго или явнаго ударения не сделало. Цветы собранные им в Афинах и в Риме, и столь удачно в словах его пресажденные, сила выражения Демосфенова, сладкоречие Цицероново, бесплодно употребленные, повержены еще во мраке будущаго. И кто? он же пресытившись обильным велеречием похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник. Далеко ли время сие, или близко, блудящий взор скитаяся в неизвестности грядущаго, ненаходит подножия остановиться. Но если мы непосредственнаго от витийства Ломоносова не находим отродя, действие его благогласия и звонкаго препинания безстопной речи было однако же всеобщее. Если не было ему по|следователя в витийстве гра- 447жданском, но на общий образ письма оно распространилось. Сравни то, что писано до Ломоносова и то, что писано после его, действие его прозы будет всем внятно.

Но незаблуждаем ли мы в нашем заключении? За долго до Ломоносова находим в России красноречивых пастырей церкви, которые возвещая слово божие пастбе своей, ее учили, и сами словом своим славились. Правда они были; но слог их небыл слог Российской. Они писали как можно было писать до нашествия Татар; до сообщения Россиян с народами Европейскими. Они писали языком Славенским. Но ты зревший самага Ломоносова и в творениях его учааяся может быть велеречию, забвен мною небудеш. Когда Российское воинство поражая гордых Оттоманов пре-
 443 высило чаяние всех, на подвиги его взирающих оком равнодушным или завистливым, ты призванный на торжественное благодарение, богу браней, богу сил, О! ты в восторге души твоей к Петру взывавший над гробницею его, да придет зрети плода своего насаждения: „Воз стани Петр, воз стани“ когда очарованное тобою ухо, очаровало по чреде око, когда казалось всем, что приспевый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаеш, силою вышшею одаренный; тогда бы и я вещал к Ломоносову, зри, зри и здесь твое насаждение. Но если он слову мог тебя научить... В Платоне душа Платона, и да восхитит и увидит нас, тому учило его сердце.

Чуждый раболепствования нетокмо в том, что благоговение наше возбуждать может, но даже и в люблении нашем, мы отдавая справедливость великому мужу, невозмним быти ему богом всезидущим, непосвятим его истуканом на
 449 поклоне|ние обществу, и небудем пособниками в укоренении какого либо предразсуждения, или ложнаго заключения. Истина есть вышшее для нас божество, и если бы всеильный восхотел изменить ея образ, являясь не в ней, лице наше будет от него отвращенно.

Следуя истине, небудем в Ломоносове искать великаго деписателя, несравним его с Тацитом, Реналем, или Робертсоном; непоставим его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся в химии. Если сия наука была ему любезна, если многие для жития своего провел он в изследовании истинн естественности, но шест[в]ие его было шествие последователя. Он скитался путями проложенными, и в нечисленном богатстве природы, ненашел он ни малейшия былинки, которой бы незрели лучшие его очи, несоглядал он ниже грубейшия пру-

жины в | вещественности, которую бы необнаружили его предшественники. 450

Уже ли поставим его близь удостоившагося наилестнейшия надписи, которую человек низ изображения своего зреть может? Надпись начертанная не ласкательством, но истинною дерзающею на силу: „Се изторгнувший гром с небеси, и скиптр из руки царей“. За то ли Ломоносова близь его поставим, что преследовал электрической силе в ея действиях; что неотвращен был от изследования о ней, видя силою ея, учителя своего пораженного смертно. Ломоносов умел производить электрическую силу, умел отвращать удары грома, но Франклин в сей науке есть зодчий, а Ломоносов рукодел.

Но если Ломоносов недостиг великости в испытаниях природы, он действия ея великолепныя, описал нам слогом чистым и внят|ным. И хотя мы ненаходим в творениях его до естественныя науки касающихся, изящнаго учителя естественности, найдем однакоже учителя в слове, и всегда достойный пример на последование. 451

И так, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова в достойную его лучезарность, мы неищем здесь вменить ему и то в достоинство, чего он не сделал или на что не действовал; или только разложая неистовое слово, вождаемся изтуплением и пристратием. Цель наша не сия. Мы желаем показать, что в отношении Российской словесности, тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первой виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм немог. Бакон Веруламский недостоин разве напоминовения, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Недостойны разве признательности | мужественныя писатели, возстающие на губительство и всесилие, для того, что немогли избавить человечества из оков и пленения? И мы непочтем Ломоносова, для того, что неразумел правил позорищнаго стихотворения и томился в Епопеи, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда пронизателен в суждениях, и что в самых одах своих, вмещал иногда более слов, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатия времен, когда небыло бытию опоры, и вся терялося в вечности и неизмеримости; всё източнику сил возможно было, вся красота вселенныя существовала в его мысли, но действия 452

453
небыло, небыло начала. И се рука всемогущая, толкнув
вещественность в пространство, дала ей движение. Солнце
возсияло, луна прияла свет, и телеса, крутящиеся горе обра-
зовались? Первый мах в творении всемогущий был; вся чудес-
ность мира, вся его | красота суть только следствия. Вот
как понимаю я действие великия души над душами современ-
ников или потомков; вот как понимаю действие разума над
разумом. В стезе Российской словесности, Ломоносов есть
первый. Беги толпа завистливая, се потомство о нем судит,
оно нелицемерно.

Но любезной читатель я с тобою закалялся..... Вот
уже Всесвятское..... Если я тебе ненаскучил, то подожди
меня у околицы, мы повидаемся на возвратном пути. Теперь
прости—Ямщик погоняй.

МОСКВА! МОСКВА!!!....

[А ТЕПЕРЬ УВЫ !..]

А теперь увы! плачевныя перемены! с Нероном ты сравнился, и что всего страннее, теж самые учинил ты пороки, которыми Нерон всему Риму сделался ненавистным, тебя так же, как Нерона чудовищем жаждущим человеческой крови нарицают. Отсель по справедливости все твое трепещет царство, и добродетельные и порочные от твоей ярости цепенеют. Всяк знает, что не утомимая крови жажда начавшаго ее пить никогда удовольствована быть не может. Знаем, что ласковые и по природе тихие звери, как скоро напиются крови, делаются свирепейшими, так о тебе; коего кротость прежде сего весь свет превозносил хвалами заключаем, что от пролития христианской крови ты разсвирепел и впредь свое безчеловечие обуздывать едва ли будеш. Лучше бы тебе мщение отложить до утра, ежели нетерпеливость нудила тебя употребить таковую строгость, то б хорошее и кроткое природы твоя разположение, или совесть тебя удержали; нежели от внезапнаго огорчения неразсудному твоего сердца следовать воспалению и отступив от здраваго разсудка и презрев человечество чрезвычайным пылать гневом.

Вижу, что тщетно мое изобличение, не действительны слова и духовное мое врачество тебя не исцеляет, и так удались отсюда зараза святяги церкви, чтоб от долгаго твоего сдесь пребывания воздух священннй храм сей окружающнй, ядовитым твоим не заразился дыханием, или самый храм, не терпя гнуснаго твоего сдесь присутствя, разорвав крепкия свои связи не пременял места. Удались отсюда и поди в свои чертоги, орошай слезами одр твой, ударяй руками в перси, посыпь пеплом главу твою, или скажу тебе кратко: последовал ты Давиду в беззаконии следуй ему и в покаянии.

К о н е ц

[ПОЛОЖИВ
НЕПРЕОБОРИМУЮ
ПРЕГРАДУ...]

Положив непреборимую преграду между вами и мною, о возлюблённые мои, преграду которую единое монаршее милосердие разрушить может; лишенный жизнедательного для меня веселия слышати глаголы уст ваших; лишенный утешения вас видеть; неимея даже и той малейшия отрады беседовати с вами в разлучении; я простру к вам мое слово; безнадежен, о бедствие! достигнет ли оно вашего слуха. Всечасно хотя тщуся, напрягая томящееся воображение, сделать вас мысли моей присудственными, всечасно плачевной стон и восклицание имен ваших ударяет в безчувственные стены моего пребывания; но вся мечта ежеминутно сокрушается, и бедствие умножаяся бедствием, преломляет сердце и терзает душу.

Почти младенцам вам сущим я старался внятным вам сделать, что добродетель есть вершина всех наших деяний, и наилучшее украшение жития человеческого. А дабы сии понятия, врожденными так сказать в вас были, то старался я всякими способами возбудить в вас мягкосердие, которое можно назвать физическим корнем добродетели. Я видел уже в вас начало благое, моих трудов. Щастие недопустило меня видеть, дальнейшия в том успехи; и надежнейшую дать мягкосердию опору, разсудок благорасположенный. Отче всеблагий! призри на них оком милосердым. . . . .

Шествие природы есть постепенно а потому твердо. Следуя ей стезям неослабевайте упражняйтесь в мягкосердии, и яко упражнение в телодвижениях укрепляет телесныя силы, тако упражнение в размышлениях укрепляет силы разумныя, тако упражнение в мягкосердии укрепит корень добродетели. Заматерев в сем благсм подвиге, колико блестящия произойдут из того следствия. Милосердие, человеколюбие, благодеяние, милость будут обыкновенныя души ваша движения; и о! сладостное помышление, вам самим все сие будет нечувствительно.

Пройдите все языки и все столетия, найдете ли где либо чтобы доброделание было ненавистно, чтобы человеколюбие было порок, чтобы милосердие было презренно. Различны их виды и образы, но корень благ повсюду одинаков ибо природа себе неизменна нигде. Дикий американец преторгающий жизнь изнемогшаго своего родителя, когда далное предприятие путешествия чем подвигается на толико варварское убийство? Мягкосердием. Любомудрие не престаёт поощрять нас к оному доводами; воспитание тщится оное в нас сделать привычкою; слово украшает его цветами витийства и стихотворения; а христианский закон оное освятил. Повсюду и во всех состояниях оно славится; Закон же Христов подвижников мягкосердия причитал к лику праведных. Вина сему отменному почитанию везде одинакова: дабы человек легко к соращению со стези доброделания удобный, благоуязвлялся изящным примером и неослабевал бы в добродетели.

Проходя повествования дел человеческих, вам замечали, удостоившиеся напоминовения потомства; читали вы иногда вымышленные примеры добродетелей; прочтите ныне, если сие до вас когда либо достигнет, пример отличнаго мягкосердия, соблюденный в священных христианских книгах. Чрез весь век свой упражнялся в доброделании, человек о котором будет слово, заслужил название Милостиваго, и церковь причла его к лику праведных. По истинне достоин тот к оному причтен быть, ктѣ забывая даже свое благосостояние, старается ежечасно облегчать бедствия себе подобных.

Филарет праведный родился в Галлатии, во дни Греческаго Царствия, от родителей благородных, почти убогих, но отличавшихся всегда своим безпримерным благоденствием и странноприимством. Предки его во время двенадцати первых римских Кесарей, были почтены первыми в Государстве чинами; немалое во всех тогдашних произшествиях имели участие; знатны, почитаемы, богаты чрезъмерно, властительны. Но прияв христианскую веру, претерпели изгнание, лишились всего имущества и еле живот спасти могли, живучи в убожестве и неизвестности. С того времени нестяжали ни почестей ни богатства, хотя им уже то было при христианских Царях, невозбранно; посветя себя сельскому жительству упражнялись в земледелии, и приобретаемые избытки употребляли на угощение странных и пришельцов. В сем дому

обитала по истинне благодать вышняго, ибо стяжание онаго было незлобие и кротость. В таком семействе воспитан был Филарет. Благому примеру навывшая душа изъдетства, укоренилась во благоделании, и явила свету деяния во благосердии, почти невероятные.

Отец Филаретов щастливыми некоторыми оборотами мог сделать больше приобретений нежели его предки. Неотступая от призрения странных, он думал что наилучшее употребление своего имения будет то, которое он обратит на воспитание любезнаго своего Филарета. Утвердясь в сем намерении, он сына своего отправил в Афины. Если разум его предузнавать немог каков будет плод, его о сыне попечения, душа его то предчувствовала, в чем и вера Христова его утверждала. Упование возлагая на отца всех благ, он хотя со слезами разстался с Филаретом но в твердом уверении что благонамерение его nebude тщетно.

Афины далеко уже тогда низпали от той славы, которую ей приобрели знаменитые мужи в ней бывшия в разныя времена. Неощутительна уже была в ея беседах древняя афическая сланость, и многожды уже невежество и суеверия возгнездившия в Портике простирали черное свое крылие. Но Отечество Фемистокла, Аристиды, Платона и Сократа, долго пребыло твердынею учености; простирая владычество любомудрия на своих победителей. Афины были и в сие время училищем любомудрия и словесности, водворяя славных витий, софистов и учителей христианских.

Из сельскаго своего пребывания в котором он был воспитан, Филарет к жертвеннику любомудрия, принес незлобие, благонаравие, кротость, навык человеколюбия и правила Христова евангелия. Чуждый всякия учености отец его преподавал ему учения любомудрия своим примером; изъ устно же наставлял его заповедям Христовым. Он ему вещал: чадо возлюбленное помни всесчаство что умеренность желаний что любовь к ближнему, сделают человека щастливым во всяком состоянии. Послушай словес Христовых, и кого он учил блаженными быти: Блаженны нищие духом, блаженны кроткия, блаженны алчущия и жаждующия правды, блаженны милостивии; блаженны чистые сердцем; блаженны миротворцы. Радуйтесь и веселитесь, глаголет богочеловек, мзда ваша многа. О! чадо возлюбленное, коликое утешение, когда душа

ничем нетревожится и волнуется тогда токмо когда устремляется на благоденствие! Коликое услаждение подавать пищу алчущему и жаждущему питие! Мать в простоте души своей Филарету твердила: возлюбленной! се слова священного писания: блажен иже и скоты милует. Возможно ли чтобы натаковых началах, любомудрие произрастило плевелы!

Филарет упражняяся во всех частях философии, наипаче прилепился к учению о душе или психологии, к богословии или науке о познании бога и к нравственному любомудрию. Но коль много он удивился нашед, что всё ему преподаваемое было уже для него не новое, что всё что другие называли, понятие, в нем было то чувствование, которое он почитал в себе врожденным, ибо навык оному от сосца почти матерня.

Все вещи, говорил Филарету учитель его Феофил, суть или сами по себе, или от других. Одни суть причины, другия: действия. Но восходя от одной причины, к другой, постепенно дойдем до крайния или вышшия всех, которую именуем богом. Из самого сего понятия следует что первейшая причина отличествует от всех других, что все другия суть ограничены тем самым что они существуют не сами собою, и что первая причина есть неограничена ибо она существует сама по себе.—

Отче, ответствовал Филарет, с того времени как разсудок стал во мне деятелен, я мысль мою обращал на вещи окрест меня находящияся, и на самого себя. Легко приметно мне стало что всё на земле существующее подвержено перемене, все рождается, и все гибнет, но в превращениях сих есть правило неперменное от котораго ничто удалятся неможет. Я приметил что тела небесныя следуют начертанному пути и от него неустраиваются. Вопросил я сам себя кто жидет всё, кто живит, кто разрушает, дабы оживить паки; кто путь измерил телесам небесным. Потом вопросил себя паки, ты жив, но кем, и как, кто жизнь тебе дал, и почто она скончается. Силу сию вся содержащую вся жидущую, всему предел положившую, вся оживляющую в коей теряется и самое разрушение, отче, я чувствовал от млечных ногтей. Именовали мне бога, творца, вседержителя; я давно уже его ощущал в себе и душа моя к нему прильпе.

Все вещи, говорил Феофил, суть сложны, или единственны, то есть несложны. Все сложные суть протяженны;

к сим принадлежат все телеса, ибо суть протяженны. Всякое протяжение можно делить на части. Возми мысленно малейшую часть тела, дели ее на части, разум не найдет в разделении сем предела и какую бы я часть себе невообразил, вообразить могу оныя половину. Следует что всякое тело может разделится, разрушится, изменить свой вид, умереть. По сему человек, яко вещество сложенное, умирает. 5

Напротив того если воображу себе вещество несложное, то немогу найти в нем частей; оно будет неразделимо, не может разрушится, следует не может умереть. Какая же суть вещи в коих частей воображать неможно. Опричь мафематической точки в умозрении только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обретаем, мысль. Напряги все мышцы свои, устремися на разрушение мысли; силы твои немощны и тщетно старание. Мысль нераздельна, ибо несложна. Что же мысль или несложное производит. Конечно несложное, ибо невозможно чтобы сложенное, несложность производило. Мысль производящее существо именуем мы душою. А поелику душа есть несложна, то и неразделима, не может разрушится, не умрет. Познай, о человек твое величество, ты сопричаствен божеству; если тело твое разрушится то мысль твоя вечна и душа безсмертна. 10 15 20

Отче, вещал Филарет, доселе я не чувствовал печали. Но отлученный от возлюбленных моих родителей, вспоминая о них душа моя терзается, горит желанием быть с ними. Углубленный сам в себя, все окрестные предметы почти исчезают из очей моих; я чувствую нечто отделяющееся от меня. Мысль мгновенно прелетает в жилище родивших меня. Я с ними беседую, лобызаю их чело. Но все мгновенно исчезает. Зрю окрест себя; я несходил с места. Два существа я в себе чувствовал одно было в Афинах, другое — с моими возлюбленными. 25 30

Возтечем мыслию, вещал Феофил, в те времена, когда человек скитался по невозделанным нивам, житию общественному был чужд. Опричь заблудших в пустынях, мы дикаго человека находим обществующаго. Он поемлет себе жену; и так первое основание к общежитию есть любовь. О человек! познай, колико природа до тебя была всещедра; первое твое побуждение к общественному бытию она основала на усладительнейшем из всех чувствований, и сие чувствование 40

излияно щедрою рукою на всех животных, побуждая их обществуванію, хотя временному. И так человек в пустынном почти состояніи, имел обязанности, имел права.—Право, обязанность между супругов? прервал Филарет, мне
5 кажется сии слова здесь употреблены несвойственно. Я не женат, но мне кажется что у мужа с женою обязанность должна быть согласие, право любовь взаимная. Вот что я видел ежечасно между моими престарелыми родителями. Один в разсужденіи другаго, принужденія неощущал; чего
10 один хотел, другаго желанія туда же обращались.

За правами супругов, продолжал Феофил, следуют права и обязанности взаимныя родителей и чад. Любезной старец, прервал паки Филарет, давно ли ты лишился своих родителей?

15 Феоф.: Щастіе недопустило меня пользоваться их о мне призрением. Родив меня, мать моя скончалась в третій день; отецъ немог пренести сея печали, по прошествіи года скончался. И так невкусив млека матерня, я осиротел сугубо питаюсь наемными сосцами.

20 Фил.: Любезной старец, в какомъ возрастѣ твои чада?

Феоф.: Едва не нищенское состояніе в которомъ я остался по кончинѣ моихъ родителей, воспретило мнѣ вступить в супружество, и носить сладостное именованіе супруга и отца.

Ахъ любезной старецъ, сказал Филарет, вниди в дом
25 отца моего. В немъ узришь всё собраніе сихъ любезнейшихъ законоположеній чадолубивой природы; румяною но незагладимую чертою ознаменованныхъ на сердцахъ родителей и чад. Внемли: о хотя я малъ былъ но помню, какъ бы теперь то видел. Мнѣ уже исполнилось семь летъ; играя на дворѣ при
30 глазахъ моихъ родителей, я нечаянно запнулся и вывихнулъ ногу. О если бы ты видел, сетованіе возлюбленныхъ моихъ родителей, о моей болѣзни; о если бы ты видел ихъ скорбь; попеченіе ихъ было неусыпно; лишились они пищи и покоя доколе я не получилъ отъ болѣзни облегченія. Какъ
35 назовешь сие, любезной старецъ? Обязанность. Присовокупи, присовокупи и другое къ тому именованію назови горячность. Ахъ какъ нелюбить, какъ нечтить, кто насъ любитъ до изступленія! Мою къ нимъ обязанность ношу я въ моемъ сердцѣ непрестанно; и если бы не была на то ихъ воля, я бы упрекалъ себе мое
40 отъ нихъ отсутствіе.

Таким то образом Филарет шествуя в учении любомудрия, доводами укреплял свои чувствования, а из чувствований своих новья почерпал доводы, к утверждению умозрительных истинн любомудрия.

Филарету сотовариществовал во учени[и] его Проб; юноша 5 знатныя породы, котораго отец имел чин Патриция. Одинаковые склонности, одинаковое незлобие души, скоро из товарищей зделали друзей искреннейших. Хотя состояния их были неравны, но в храме любомудрия, сие неравенство, терялося совсем из виду, и там где отличествовать могли 10 только остроумие, прилежание, и качества душевные, знатность и богатство своей цены неимели.

Филарет с Пробом были нераздельны. Жили они вместе, пили и ели вместе, учились вместе, беседовали вместе; радость и печаль были взаимны между ими, и привычка 15 укрепляя склонность их сердец, явила свету пример дружества отличныя твердости.

Лета их учения приходили уже к окончанию, и последняя месяцы казались Филарету столетиями, столь сильно возродилося в нем желание видеть давших ему жизнь. О! день 20 вожделенный, о минута блаженная в которую я вас узрю возлюбленные мои родители. Боже, вещал Филарет проливая слезы, боже, сохрани жизнь угодников твоих. Царь всещедрый, дай зрети их, да облобызаю еще уморщенные в благих подвигах их чела. Но почто смущаюся в моем на- 25 деянии, неужели возвращение мое будет столь бедственно, что их неузрю..... Нет, нет; в боге мое упование; беги мысль лютая, отчаяние исчезни.

В таких размышлениях проходил последний год пребывания Филаретова в Афинах. Помаваемый неизвестно[сти]ю 30 будущаго и нетерпением он твердость обретал в щедроте предвечнаго отца.

Проб получил нечаянное известие, что отец его поболее мало дней скончался. Мать его извещая его о сем, звала его к себе поспешно, для того что одержима была отчаянною 35 болезнью. Письмо уже писано было не ею но сестрою Проба. Спеши любезной брат, спеши, может быть радость о твоём возвращении даст силы родшей нас, и сохранит ея жизнь. Проб получил другое письмо от епарха Константинопольскаго: Государь сожалел о смерти твоего родителя, 40

помня его великия заслуги, и желая утешить изнемогающую его супругу а твою мать, возводит тебя в отцовское достоинство.

Лице возрыдавшего Проба, при чтении известия о кончине отца своего и о болезни матери, начало паки оживляться румянцем веселости. Он отирал текуция еще из очей его слезы, объял выю любезнаго своего Филарета, мой друг возлюбленной, если Проб щастлив, Филарет неотречется блаженству его быть сопричастен. Видя друга своего безмолвна; Проб вещал с сокрушением: мысль твою понимаю. Но укоризна твоя несправедлива. Ужели мой друг думал что чин Патриция во мне произвел радость. О возлюбленной, продолжал Проб проливая слезы, как мог ты мыслить, чтоб друг Филаретов радовался наследию отца своего. Мысль возвышения моего для того вознесла мгновенно мое сердце, что всех благ, всех радостей Пробу в удел доставшихся, Филарету будет половина. Филарет, горестным видом отвечивал, о Проб, любезной Проб, не спеша радостию. Жизнь наша есть мгновение, щастие зыбь морская.

Проб оставая Афины, звал Филарета с собою, а Филарет горя желанием видеть своих родителей, охотно за ним следовал. Возвратившись в Константинополь Проб неимел удовольствия закрыть очей умирающей своей матери. За день до его приезда она скончалася. Увы, воскликнул Проб, почто мы не поспешили, почто..... Жизни нашей, вещал Филарет, мой друг, ты сам то знаешь, предел неотвратимой. Немошны силы естественныя продлить ея или сократить на одну минуту. Болезнь матери твоей, была конечная, определенная естественно, да течение ея жизни скончает. Ужели бы ты пожелал, чтобы всесильный творяй чудеса, жизнь матери твоей продлил на один день токмо, да ты ее живу обрящеш. Но дерзая на таковое желание, не помыслиш, что болезненное терзание родшей тебя продлилось бы, и для чего? В твое утешение. О! юноша зри здесь самолюбие твое сокровенное под покровом сыновния любви. Таким образом Филарет утешая своего друга, на все испытания житейския находил всегда оправдающую божественное провидение причину, и невознегодовал николи.

Проб сопряженный с Филаретом дружбою, давно уже помышляя как бы в теснейший с ним вступить союз, и смертию

своих родителей став начальник своего дома, вознамерился возлюбленному своему Филарету отдать сестру свою в супружество. Коликим чувствованиям, вещал Проб сам себе, я тем удовлетворить могу. Осиротевшей сестре моей дам надежную опору, другаго я дам отца; друг мой мне будет брат, и на что бы его согласия я получить не мог, отдавая ему сестру мою, дам ему и половину, большую половину моего имения. 5

Легко к сему супруеству Проб мог склонить сестру свою Феозбу. Воспитанная во благонравии и в послушании к родителям своим, брата своего почитая теперь своим отцем, она тем более непрекословна была к сему союзу, что в Филарете видела друга возлюбленного своего брата и юношу всеми отличными качествами украшенного. Филарета, нашел Проб, равно к сему наклонна, ибо благая его душа, видя красоту, благонравие, целомудрие и кротость младой Феозбы, любовь уязвлена стала. Колико лестно Филарету, вещал он Пробу, когда сей сделал ему предложение о женидбе, колико лестно другу твоему пременить имя сие и называться твоим братом. О мой возлюбленной, ты ведаеш, что душа моя давно уже к твоей прилепилася, но теперь и паче будет с нею во едино. Но сколь сердце мое ни горит желанием совершить твое намерение, позволь чтобы я отдал сию щастливую для нас минуту позволь, и за сие на меня не сетуй, позволь чтобы небыло еще к тому моего согласия. — Мой друг любезнейший, вскричал вострепетав Проб, что слышу я, Филарет ли сие вещает. — Несмущайся, возлюбленной, Филарет пребудет всегда тебе и себе неизменен. Требуя моего на женидбу согласия уже ли ты забыл, что большее моего согласия на сие нужно, и необходимо. Если в воле моей иногда направлять мои желании, и разсудку подлежит устремлять их к пути благому; определение желаний не в моей еще руке, ибо я состою под властью. Запомнил разве Проб, что родители мои живы. . . . . О любезнейший мой, сказал Проб, опомнившись и лобызая своего друга; ступай, поспешай, все к отъезду твоему уже готово. Мой друг, вещал Филарет, я уже наказания достоин. Сочти сколько дней я у тебя умедлил. Непростительной поступок; недолженствует дружба совершатся нащет благоговения к родителям. Проб лобызал только своего друга, и понуждал его к отъезду. 40

Отпустив Филарета, Проб горя нетерпением быть ему родственником, вознамерился его предъупредить и совершить брак сестры своей в селе Филаретовых родителей. Сим способом предварю всем его отговоркам и возражениям, в верном
 5 уповании что родители друга моего невосхотят оскорбить сердца любящего их сына и желающего нарецися его братом. Исполнен сего намерения, он вслед почти за Филаретом отправил всё что нужно могло быть для совершения великолепнейшия свадьбы. Всё что в тогдашнее время про-
 10 изводили Европа Азия и Африка изящнаго и драгоценнаго все было собрано, и в добавок всему Проб наполнил брачныя сосуды многими тысячами сребра и золота. Но бояся, что Филарет непримет его безвременных даров и всё посланное велел вручить отцу его и матери, сопровождая сие
 15 письмом следующим: Проб патриций, благочестивым родителям возлюбленнаго Филарета. Друг Филаретов к родителям своего друга неможет иначе быть как почитать их с сыновним благоговением. С таковыми мыслями устроено сие мое к вам послание. Неотвергните благочестивые старцы сих
 20 недостойных вас даров, но примите их как приходящих от чистейшия души. Малейшее чем я мог пред вами изъявить мою дружбу к вашему сыну суть сии дары, но лучшее, что он мне дать может есть название брата, взять сестру мою себе в жену, которая целуя вас просит на то вашего благосло-
 25 вения. Мир вам и здравие.

Между тем Филарет разставшись со своим другом поспешил в село своих возлюбленных родителей. На меже отделяющей селидбы их от соседей построена была при дороге гостинница, в которой отец и мать Филаретовы, в свободные
 30 часы от сельских упражнений ходили сами на угощение убогих, нищих и странных. Уже солнце лучи свои скрывало в нощную тень. Родители Филаретовы угостив и снабдив всем нужным для дальнаго пути проходящаго убогаго намерены были возвратится в дом свой, и стояли у ворот гостинницы. Видят
 35 приближающуюся блестящую колесницу. Куда лежит сей путь, говорила мать, дорога проселочная, какому вельможе нужда довела направить стопы своя в здешнюю весь? Отец неотвествовал ни слова, стоял в изумлении. Неуспели они ничего примыслить, как Филарет, скочив с остановив-
 40 шейся колесницы висел уже на их выях. — Филарет — сын

возлюбленной! — Дражайшая мои! О koliko небо до меня было всещедро. Вас вижу, вас лобызаю, о koliko отсудствие тягостно любящему сердцу. — Любезной Филарет — чадо моего сердца. Престарелые родители не в силах были произносить других слов. Сладостныя минуты, веселие неизреченное! Чем уста безмолвнее, тем сердце в чувствованиях избыточнее. 5

Услаждаясь беседою своих родителей Филарет забыл на время о своей женидбе. Но по осми днях его в доме отчем пребывания достигло онаго послание Проба. Отец Филаретов прочитав письмо, пошел к сыну которой тогда сидел с матерью своею. Немог я мыслить чтобы Филарет мой любезной, потаил от меня что либо, но и тем важнейшее что оно до блаженства его касается. Немог Филарет вообразить себе чтобы Проб недождавшись его ответа сам пошлет к отцу его на испрошение дозволения о его браке. Робким взором, и прослезившимися очами смотрел он на отца своего, стараяся понять его мысль. Прочти, вещал старец, и недав ему письмо докончить чтением, о любезной мой, благословение наше всегда с тобою, да благословит тебя всевышний на благое сие дело. Филарет упал к ногам своих родителей, его благословляющим. 10 15 20

Проб получив соизволяющее набрак сыновней ответствие от отца Филаретова, немедля ни мало отправил сестру свою к ея жениху, снабдив ея богатым приданым и укрепив ей с будущим ея супругом большую половину своего имения. Сам принужден был остаться в Константинополе ради усмирения случившагося в народе смятения, обещава за сестрою следовать, не теряя драгоценнаго времени. 25

Феозва принята была сугубо с честью и любовию от родителей Филаретовых, от Филарета же встречена яко любезнейшая невеста и сестра друга безпримернаго. Наслаждаясь взаимными чувствованиями сердца услаждающими, все они нетерпеливо ожидали приезда Проба. Время им к тому назначенное давно уже протекло. Разные слухи достигшия до них о бывших в столице возмущениях их тревожили. Наконец к неизреченной их печали они получили известие, что в царствии последовала перемена; что Проб со многими другими послан от новаго Царя в дальнейшия страны в заточение и лишился оставшаго всего своего имения. 30 35 40

Феозва желая исполнить приказание своего брата и повинувшись уже начинающейся к будущему ея супругу горячности, ускорила совершением брака; и скорбя с Филаретом о возлюбленном их брате искала отраду во взаимной их горяч-

5 ности.

Филарет однакоже бояся что бы злоключение его друга непростерлося на его сродников, продал все приданое жены своя имение и селидбы своего отца, и переселился со всею

10 семьею в Пафлагонию, в весь нарицаемую Амния, и дабы жить в неизвестности переменил название своего рода.

Разпоряжая своим именем Филарет купил многия села, земли, устроил сады и дом невеликолепной но снабженной всем что к нужде и спокойствию жития нашего потребно. Оставшия же деньги отдал в торг купцам тирским и алек-

15 сандрийским.

Всевышний венчая горячность Филарета и Феозвы благословил плодом их супружество. Феозва по прошествии года родила сына, и через несколько лет двух дочерей. Отец и мать Филаретовы благословив своих внучат на шестом году

20 по женидбе их сына представились, окончав безболезненно жизнь проведенную в смирении и незлобии.

Филарет и Феозва упражняяся в воспитании своих детей следовали примеру отшедших к богу старцев в угощении пришельцов и в снабжении нищих. Дети их предъуседали

25 в учении и добрых поступках, и пришед в совершенный возраст вступили в супружество купно по воле родителей своих и следуя своей склонности. И Филарет и Феозва наслаждалися видева благое успехи во внучатах. Все жили в одном родительском доме; ибо Филарет отдавая дочерей своих

30 в супружество избрал себе в зятя юношей богатых добрыми качествами паче нежели имуществом.

Благословил бог Филарета богатством, и казалось чем он был щедролубивее, тем имение его множилось. Плодоносные годы, доброе хозяйство и разсмотрительное земледелие ода-

35 ряли его обильнейшими жатвами. Чесность, верность и щастие в торгу, воздали ему сотичную мзду от употребленных капиталов...

ВАРИАНТЫ

ВАРИАНТЫ „ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ“¹

- ²²⁷ *б* хотя *А* *Б* хотя и.
- ²²⁸ 7 улыбаяся *А* усомняся. 17 Морфея *Ан* *Б* Морфея. Я заснул. 22 умерение *Б* утоление. 23 пустынный *Б* путник. 25 приятною *Ан* *Б* сносною. 25 - 26 веселости *Ан* *Б* приятности. 26 сон и мечта *Ан* *Б* единое воображение. 36 спрашивал я у повощика *Б* спросил я у извозчика. 36 из задумчивости *Б* из моей задумчивости. 37 хотя *Б* хотя и.
- ²²⁹ 2-3 на почте *Б* по дорогам. 4 генеральской *Б* генеральские. 10 выпей *Б* и выпей. 13 обернув *Б* обертев. 14-15 Если лошади. . . в конюшне *Б* нет. 16-17 вознамерился *Б* захотел. 20 следующего стана *Б* следующей перемены. 24 увидя *Б* и увидя. 26 палками *Б* и палками. 27 Со гневом *Г.* комисар *Б:* нет. 27 спать *Б* опять 27 - 28 его так же *Б* очень. 28 поподчивать *Б* *Г.* комисара поподчивать. 28 как *Б* как и 29 в обмане приличались *Б* невежливы бывали. 38 народных *Б* нет.
- ²⁸⁰ сварлив *А* бурлив *Б* и бурлив. 7 начинает *Б* начнет. 8 - 9 и возвращающейся. . . оплеух *А* и возвращающейся обогрениной в крови от оплеух *Б* возвращающейся обогрен кровию. 9 - 10 многое. . . Российской *А* многое мне открывает доселе сокровенное *Б* многое мне отверзает доселе сокровенное. 12 произвела опять *Б* произвела. 13 объяв человека *Б* объяв у человека. 13 в пелены *Б* в плен. 15 скуки *Б* скуку. 18 - 19 взоры свои *Б* взор свой. 20 приносится *А* *Б* Тебе приносится. 22 себе *Ан* *Б* тебе. 31 ее не проходимую *Ан* дорогу непроходимую. . . Есть ли бы г. наместники товар не лицом только продать хотели и для всякого гражданина по большой дороге (*конец на утраченном листе*) *Б* ее не проходимую. . . Есть ли бы г. наместники не лицом только продавать хотели и для всякого гражданина по большой дороге проезжающего, поступали бы с исправниками земскими по капральски, как то они сами поступают, то дороги наши в рассуждении короткого времени, в которое они портятся, были бы наилучшие в свете. Но в самодержавном правлении государь подобен солнцу в естестве: где оно греет, там есть и жизнь где ево нет, там все умирает. Самодержавный государь один в государстве своем имеет право следовать рассудку, все другие обязаны следовать повелению, всегда следовать тому, как другой мыслит, а не так, как самому хочется. Скучно, и от того дорога, по которой я ехал, была

¹ *А* — рукопись Центрального Исторического Архива в Москве; *Ан* — начальный текст этой рукописи, *Б* — рукопись Института Литературы Академии Наук СССР. Цифры на полях обозначают страницу текста нашего издания, другие цифры (курсивом) — строку.

- дурна. — Но клячи почтовые, с помощью всеильного кнута, до почтового стану меня доташили. 33-34 отдохнуть... проезжающего Б отдохнуть и выпить чаю. Нашел тут проезжающего.
- 281 11 великороссийское дворянство Б великороссийское почтенное дворянство. 14 А Б: благородия нет. 16 вам А Б вашему высокородию. 16 сколько Б сколь. 19 Княжеские и Царские Б Княжения царские. 22-23 путь... всем А Б путь достоинствам и заслугам. 23 дворянского А Б важного дворянского. 23 и древнее Б но древнее. 25 Наша Мать Б милосердная наша мать. 31 приложится А тем приложится. 32 По сей А и по той.
- 282 2 прямо Б очень прямо. 3 поняа А поняв. 4 из кошелька... и дав Ан Б из кошелька 2 рубля и дав. 4 что приехав Б (на поле зачеркнута: худо) чтобы приехав 10 равно А Б все равно 11 и Б нет. 13 Бревешками Б Бревенками. 16 что удары А Б что и удары. 17-18 духовныя Б душевныя. 18 и для Б для. 25 Нива, конечно Ан Нива, сказал я, конечно Б Нива, конечно, сказал я. 28 борозду А Б бразду. 29 говорил Б говорит. 30 борозду А Б бразду. 33 умирать А Б умереть. 36 шесть Б семь. 37 под вечером Б под вечерок по воскресеньям. 37 возим Ан ходим. 37 оставшее Б нет. 37 в лесу Ан Б нет. 38 коли Ан Б когда. 38 бабы и девки Ан бабы да девки.
- 283 2 крестяся А нет. 3 коли Б когда. 3 мужички Б мужики. 5 не кленет Б не проклянет. 6 Первьинькому то Б Первенькому та. 9 умрет Б умрем. 11 Так ли Ан Так ето Б Так и. 12 А (рукой Радищева) так же работать Б нет. 12-13 на пашне Ан Б на пашне то. 14 Да хотя А Б Да веть хоть 15 А (рукой Радищева) заплатит Ан платит. 16 не уступит А не спустит. 17 оброк Ан Б оброк только. 19 берут Б дерут. 20 деревни А Б нет. 21 называем А Б зовем. 21 отдавать Б отдать. 23-24 ни в работу Ан Б или на работу. 24 все А и все Б а все. 23-24 А (рукой Радищева) для того что он подушныя платит за нас Ан а подушныя плати. 26 На дурнаго прикащика А на прикащика злого. 27 наемника А Б етого. 28 законы запрещают Ан законы не велят Б закон запрещает. 29 Правда Б В правде. 31 новою борозду А бразду Б новою бразду. 34-35 Сравнил... помещичьими Ан между крестьянами казенными и помещичьими. 35 в деревнях Ан в деревнях и селах. 36 а другие Б другие. 38 мертвы Б мертвы так сказать. 40 когда Б то есть когда.
- 284 2 на Б я на. 3 вижу я Б вижу. 4 Б: взор мой обратил. 5 сидя Б сидел. 5 мной Б мной и. 12-13 Б: твоя бедной. 13 воспрещает пользоваться Б воспрещает спать, воспрещает пользоваться. 14-15 несчастному, сном Б несчастному? 16 я его... батожьем Б я не деруся. 17 и лоскут Б или лоскут. 18 тебе дают право Б тебе право дали. 22 тот и меня ударить может Б то и меня ударять. 25 бы соразмерно Б соразмерно. 25-26 Б: власть дал. 27 священное имя Б священное столь имя. 29 следующего Б почтового. 33 в избу Б ко мне.
- 285 3 Систербек Б Сестребек. 5 насыщаяся Б насыщался. 6-7 Б: каменной крепости Кронштатской одеждою и строениями стремительно возвышающимся. 9 намереваемаго строения Б намереваемых строений. 10 кончился Б окончил. 12 лучше ощущать А больше чувствовал Б более чув-

- ствовал. 14 Б: хотя один. 16 видеть Б видать. 17 С... А Систербек Б Сестребек. 19 дремоту А сон. 20 едвали восприяло Б вдали воспрещало. 22 преселяло Б преселило. 23 разгнал А разгнав. 24 и отягченным взорам моим представлялися А и представило отягощенным взорам моим. 26 на главу Б на голову. 26 Зерцаловидная Б Зеркаловидная. 27 рябеть Б реветь. 30 что других А Б что то, что других. 31 А (вписано рукой Радищева) Вернет. 31 усиливаясь Ан Б усиливался. 33 непрозрачных Б и непрозрачных. 38 Б: Мы носились на удачу, следуя по неволе направлению ветра 38 берега А брега. 40 в отчаяние А нас в отчаяние.
- 286 1-2 за то Б все то. 2 распостирала Б распостирало. 2 ужасного своего величества Ан Б ужасное свое величество. 6 носимые Б носимое. 6 наше Б наше затрещав. 10 Б: совсем почти 11 очистилось Ан Б очищалось. 16 избавления Б извлечения 18 я мог достаточные Б я достаточен был. 23 С... А Систербек Б Сестребек. 25 угрожала Б угрожало 25 потоплением Б затоплением. 27-28 человек Б человеком. 32 изчерпаемо Ан Б исчерпано. 33 накаплилося Б наполнялося. 34 вблизи Ан в зади. 36 удаляясь А (рукой Радищева) удалялось бы. 37 и избегая А Б избегая. 38-39 морских происшествий А морского жития 39 обыкший Б нет.
- 287 1 или Б нет. 9 наконец Б Но наконец. 10 камни Ан Б с камня на камень гораздо. 11 и сядя Б садился. 19 без чуда Б (но без чуда). 25 Б: наши силы. 27 персты Б свои персты. 27-28 робкия души Ан Б робкого души сложенья. 33 отгадывай А Б угадывай. 37 в воде Ан в оной. 40 представляло Б представило.
- 288 2-3 противоположенного Б противоположного. 5 двигались А Б двигались. Надежда не покидает человека до самой крайности. 6 приближаясь Ан приближаясь к нам. 7 взорам Ан глазам. 10 денный влетев Ан светлый влетев Б светлый влетел. 11 в среду мрака Б в средину мраку 16 будем исторгнуты из Ан исторгнуты будем Б исторжены будем. 18 паки... Сие А и различие мнения уснувшее с опасностью и с прохождением ее возбуждающееся, но оно Б и различия мнсения уснувшие с опасностью и с прохождением ее возбуждающееся, и оно. 22 настижении Б достижении. 25 гибели Ан Б погибели. 33 оставя Ан оставив Б оставил. 36 и моей Б и в моей. 37 вспрынув Б вспрынул, 38 неотдыхая Б не отдыхав. 40 С... А Б Сестребеку.
- 289 1 места Ан Систербека. 3 С... А Б Сестребек. 5 нигде неможно мне лучше А где лучше мне было. 8 Рассказав ему Ан Я ему рассказав Б Я ему рассказал. 11-12 двадцать Ан Б пятнадцать. 12 ты Б то ты. 14 плечо неочень А плечи не очень Б плеча и очень. 20 по заливу Ан Б по Систербецкому заливу. 28 мое А мой. 31 Страшная Б Странная. 33 все исчезнет Б все исчезло. 35 завременно Б довременно.
- 240 2 темнице Б темницу. 2 Субаба Б Субаба. Чем же мы можем преимуществовать перед непросвещенными азийскими правлениями? 24 Калкуту Б Каликуту. 27 тесную Б темную. 36 Благоговениель Б Благоговением. 3-4 до С... Б до Сестребека. 5 претерпевшим Б претерпевшим крушение. 8 сказал Б сказал ему. 37 возсылает или Б или воссылает. 14 Ты бы велел Б Вы бы велили. 14 голове Б голове. 15 спиш Б спите. 17 слышал Б услыша. 18 то Б это. 18 Я вышел Ан Б Тут я вышел.

- 19 Должность ли *Б* Должность. 22 убивать *Б* убивает. 21 Окончать *Ан* Но и окончить. 21 плюнул *Б* плюнув. 22 вышел *Б* пошел. 22 Сто *Б* и сто.
- 241 2 мщение *Б* мучение. 3-4 смирился *Ан* *Б* успокоился. 6-7 дал отдохновение *А* покоил. *Б* упокоил. 12 начальника *Ан* Систеребецкого начальника. 13 то *Б* что. 13-14 должности... спасать *Ан* *Б* законе сего не написано. 14 некто *Ан* *Б* один шалун. 15 Не въеду николи *Б* Не поеду. 18 *А*: в городе поселился. 20-21 незнаюг... неизвестно *А* имени не знают человека. 24 Еще *Б* нет. 26 частныя *Б* частые. 29 малая дробинка *Б* малой дробинкой. 30 пошел *Б* стал.
- 242 2-3 было темно *Ан* не было свету. 4 положив *Б* положил. 6 *А* (вписано рукой *Радищева*) долго нежится не позволила *Ан* (зачеркнуто) и долго спать. 6 Проснувшись *Б* Проснулся. 15 *Б*: употребляли оные. 15 Палкан *Ан* Полкан витязи. 18 Не перебивай... речи *Ан* Перестань же перебивать мою речь. 20 устерсы *Б* устрицы. 25 *Б*: у него стало 28-29 мучениками *А* мученики. 29 будет *А* буду.
- 243 3 то возвращайся... не медли *Ан* не медли ни мало. 3 медли *Б* медля. 4 неозно *Б* ни одно. 7 Высокопревосходительство *Б* Превосходительство. 10 ста пятидесяти *Ан* ста рублей. 16 (толи .. порядке) *А* нет. 17 слышен *А* нет. 18 выговорить *А* лишь выговорить. 19 Высокопревосходительство *А* Превосходительство. 21 в год *А* на год. 21 Петербург *А* один Петербург. 22 раз *Б* раз угодно. 22 упомянуть *А* и упомянуть. 23 представление *А* в военную коллегияю. 24 удостоиваю *А* представляю. 27 Высокопревосходительства *А* Превосходительства. 32 По представлению *Б* По предписанию.
- 244 4 и я *Б* а я. 8 Из нее *Б* и из нее. 8 в большую япанчу *Б* в большой епанче. 11 лице *Б* в лице. 11 Он *Б* Сей человек. 12 повозчики окружив его *Б* мужики окружили его и 15 *Б*. уже договариваться. 17 *Б*: не далее я находился от него. 30 что *Б* и что. 33 служителю *Б* человеку. 34 *Б*: наши лошади. 40 почестей *Б* почести. 40 был всегда *Б* был.
- 245 3 стараниях *Б* стараниях и. 4 и неудачах *Б* неудачных. 4 *Б*: я наконец получил. 5 и *Б* нет. 6 всё представляла *Б* все представляло. 7 дня *Б* дни. 7 *Б*: мы достигли. 18 Вам *А* *Б* Вам, государь мой. 20 описанном *Ан* *Б* описанном находящийся. 23 пуская *Б* и пуская. 23 мой *Ан* *Б* свой. 24 участником *Б* участник. 27 от откупу *А* *Б* нет. 27 будто *Б* нет. 31 согсем бы *Б* совсем. 31 был *Б* и было. 34 *Б*: с меня недоимку взыскать. 40 купил... и *Б* я купил дом, мызу и.
- 246 3 нашел случай *Б* упустил способ. 3 дом *Б* дом свой. 3 выгодных *Б* выгодных для меня. 6 помрачалось... жития *Б* блаженною моею жизнию может быть помрачалось. 8 избегая *Б* избегал. 12 *Б*: на то существовать. 13 покрайней мере *Б* нет. 14 выручить *Б* выручать. 14 сей продажею *Б* нет. 15 своего *Б* моего. 19 в суд *Б* к суду. 24 Безчувственна *Ан* *Б* без чувства. 31 и я *Ан* что и я. 36 усилившись гораздо *Ан* *Б* гораздо усилились и. 36 сделали *Б* сделав. 37 По что *Ан* Но по что. 37 мне в повествовании *А* в моем повествовании. 38 после *Б* нет. 40 Дело... осуждение *Ан* *Б* и дело мое и мое осуждение.
- 247 4 образи *А* *Б* вообрази, государь мой. 6 *Б*: расставалася со мною. 8-9 нечувствителен *Ан* *Б* нечувствителен буду. 11 Извините *Ан* *Б* Извините, государь мой. 11 изступление *Б* преступление. 12 Сколь *Б* ибо

- сколь. 15 В толико был Б Как я находился в таком. 15 лежашу мне Б нет. 15 бездыханным Б нет. 17 прибежав Б прибежал. 19 хочешь Ан Б еще далее. 23 деньги Б были деньги. 24 Сам Б а сам. 25 спальне Б спальней. 28 рассказав А Б рассказал. 28 все Б мне. 28 простился А Б и простился. 29 А Б: *заглавие* Подберезье *между* 29 и 30 *строками* (в Б *зачеркнуто карандашом*). 32 производился Б производили. 37 могло А мог. 38 достигнуть А доставить.
- 248 1 - 2 жалобницы Б жалобницу 15 усугубил бы Б усугубил. 17 денноночно Б денно и пощно. 17 незаглядят А Б не заглядили бы. 18 сотворили Б сотворяли. 18 толико утомили. А утомили столь. 19 непросыпался Б не проснулся. 20 долго А Б когда лошадей переменяли. 23 Нецетные Б. Несчастные. 24 исчезали Б исчезли 25 некоторое Б нет. 29 Набаб А Набаб, князь. 29 Султан Ач Б Султан, Инка. 29 нечто Ан Б нечто, не знаю что. 37 - 38 и прочее... везде Ан и проч., везде Б и прочая, всего рода везде. 39 сими Б громкими сими.
- 249 8 сильного А Б мощного. 9 истинною Ан Б истинною с ее зеркалом. 16 В некотором отдалении Б В некоторой отдаленности. 16 - 17 безчисленное А Б неисчисленное. 18 племени А поколений. 19 уверяло Б уверило. 23 и Б нет. 23 стремились Б стремились казалось. 23—24 на предъупреждении моих Ан Б предупреждать мои. 25 присутствовало Ан царствовало. 28 Обращенный Ан Углубленный. 30 отдал А Б отплатил. 31 во всю мочь Ан во весь рот Б во весь голос.
- 250 2 произвели Б произвело. 4 в... атмосферу Ан в средину мрачной атмосферы Б в средине мрачной атмосферы. 5 отягченную Ан Б отягченной. 7 - 8 стремительно Б медленно. 13 знака Б знаки. 15 поселившийся Б поселившаяся. 16 проникла Б проникала. 16 и А и ниже. 21 Б: раздавалось шептание. 23 тысячи Б тысячу. 25 Б: торговлю внутреннюю и внешнюю. 28 полезных Ан многих полезных. 28 сосца Б солнца. 31 Юношество Б Юноши. 32 рекло Б рекли. 34 Б: служителем его. 37 Б: раздавались громко.
- 251 2 вся объемля А объемля вся Б объемля всё. 2 касалась степеней Б казалось степени. 3 несравнилось Ан Не сравниться Б не сравнится. 11 разсеется А рассеянные. 12 да узрят их А узрят. 12 мой Ан мой имя мое. 12 известен Ан известно. 15 Возвести А извести. 16 хранителю Ан к первому хранителю Б первому хранителю. 16 - 17 А Б: моего рождения. 18 - 19 да... свои Б да воспримутся паки в дому своем. 22 Да воздвигнутся Б нет. 23 первому Б к первому. 23 зодчию Б зодчию да воздвигнутся. 25 да будут оне ненарушимы яко небесныя Б да будет оно ненарушимо, якоже и небесныя. 28 учреждали Б рождали. 29 - 30 Б: великолепием славнейшие в древности превосходящие. 30 маловажен будет сей Б маловажный сей будет. 32 припасы Б припася. 33 рек я Б рек я к хранителю государственной казны. 34 сокровища Б и сокровища. 37 Б: воля твоя. 38 нетоко Б не только. 40 столп Б стол.
- 252 3-4 Б: стояли обнаженными главами. 7 носяй Б нося. 12 правления Б управления. 13 возстав от А встав с. 14 я Б нет. 14 почестей Б почести. 18 продолжал Б продолжая. 18 я А Б нет. 19 опоры моей Б опора моей. 20 трудившийся А трудивыйся Б трудолюбивый. 23 Мы тебе АБ Мы за тобой. 25 и тебе Б и к тебе. 34 Всевышний Б Всевечный.

- 253 2 Б: всегда готовы. 3 твое поражение А твою казнь. 3 если оно А если она. 7 Они то Б Они. 8 Б: воспевающие в твои чертоги. 11 Пребывание Ан Но пребывание. 12-13 денноночно Б денноночно. 15 изгнать Ан Б изженуть. 16 бди Ан стреги. 16 от тебя А тебя. 18 непроницаемая Б непроницаемым. 20 досягать Ан Б проникать. 20 Б: тебе являться. 22 Б: сладкопением. Ежечасно жертвенные. 24 всегда А нет. 24 нераздерет Ан не разорвет. 28 твоего обладания Ан твоея власти. 30 моего взора Ан истинны. 32 николи А никогда. 33 порицающий Б проницающий. 34 той есть А Б той и есть. 40 да... возможен Ан Б да возвратившуся ему возможен.
- 254 2 явится на Ан Б явится в. 4 дарю А дарю. 4 Б: твою неправду, когда на нее дерзать будешь, да известит оно тебе. 11 убийство Ан Б толикое убийство. 19-20 Изрекшия... блеском А Б Изрекшей страннице казалось, что лице ея весельем и вещественным сияло блеском. 24 Б: Столь блестящие мои одежды. 26 стояли Б стояли погрязшие. 27 являлися А Б казалися. 27 того Б мне. 28 ненасытности Ан Б ненасытмости. 33 почиталися АБ почитаемы были. 33 ни Б ни о. 36 умирали Б умирала.
- 255 4 пособием Б, пособник. 6 А Б: ибо он не видал неприятеля ниже издали. 8 очам Б еще очам. 11 я Б нет. 12 для исполнения Ан на исполнение. 15 На Б Но. 15 Б: велением его изготовлялся чертеж. 17 климату Б всякими климату. 17 свойственными Б не свойственными. 19 путешествователей А землеописателей. 20 начерталося Б начертавалося. 24 ты Б нет. 25 ее А жизнь. 26 начав Б начал. 27 бы много Б много бы. 27 сидя Ан сном. 28 (и в моем... прославился) А Б и слава твоя (в моем государстве) толико же бы возгремела. 31 преступников Ан преступлений. 31 едва Б едва ли. 35 сделалоя Б делалоя. 36 давал Б даст. 36 молот Б молотом.
- 256 2 с обидою А Б к обиде. 2 с тяжестию А Б к тяжести. 3 блеть Б бдети. 5 государственныя Б государственной. 8 искусстве Б ивеществе. 9 оных... веку А Б их равнялись векам. 14 здания Б своего дела. 14 онаго Б вещи. 15 ею Б его. 16 мои А Б свои. 17 уязвило Б уязвляло. 17 излиание Б и влияние. 27 снисходящаго Б снисходящегоо. 28 Едва, едва Б Едва. 29 щедротъ, Б милости. 32 Б: видел я. 32 почестей Б почести. 34 сих Б нет. 36 почестей Б почести.
- 257 8 ныне Б нет 8-11 Б: Се он, его же воззову из хижины уничтожения. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? 11 Прииди Б Прииду. 13 облегчить А Б да облегчишь. 14 и возврати Б возвратити. 15 обратил А Б впервых обратил. 15 я Б нет. 23 ведай Б то ведай. 26 я Б нет. 31 нет ли Б нет. 33 всегда Б нет.
- 258 1 говаривала Б говорила. 19 науки Б ночки. 24 знании Б знаки. 30 ифику Б и физику.
- 259 12 Блекстон Ан Пуфендорф, Блекстон. 14 заставлять Б заставить. 14 наших. А нет. 16-17 Как... он Ан и еще заставить потужить. 30-31 так... Руском А нет (В тексте + и на поле выноски с + зачеркнута). 33 ты Ан и ты. 39-40 тайную А тайную ныне.
- 260 4 обиталища Ан обиталища или. 5 коловращающихся А коловратно вертящихся. 7-8 чтоб... того Б нет. 12 цыфири Б цыфры. 17 близко А

- так близко. 19 рабство *Б* рабство и. 22 страшнее *Б* страннее. 27 Царства *Б* Царство. 36 предубеждения *Б* предупреждения.
- 261 5 смысл *Ан* истинный смысл *Б* смысл, когда. 13 полезной *Б* полезен. 14 деяний *Ан* происшествий. 15 предубеждений *Б* предупреждений. 15 он *А* нет. 17 начинал *А* начинает. 17 силы *А* мысли. 20 и *А* и к. 24 *Щ*аствливыми *Б* *С*частливые. 27 предъопределяются *Б* представляются. 27 объяти *Б* объятии. 30 суждениях *Б* осуждениях. 39 Равви *Б* Раввина.
- 262 1 Запад *Б* Север. 1 Север *Б* Запад. 19 где Карфага *Б* где Тир где Карфагена? 25 тела *Б* дела. 33 Князья *Б* многие Князья. 33 мало. . . власти *Б* их можно было почитать полководцами, только мало власти имеющими. 34 посадниках *Б* посадцких. 36 на Севере *Б* нет. 37 стояло *Б* состояло.
- 263 2 его *Б* его на Севере. 12 старейших *Б* старейшин. 12 Новгородских. Но *Б* Новгородских. Были и есть люди, которые его гнев почитали и почитают справедливым. Новгородцы в их мнении были бунтовщики. Но какое оному доказательство? 16 Руси *Б* Росски. 21 но *Б* ли. 26 нет *Б* нет. Сей Государь столько успел в своем предприятии, что в новгородцах не осталось ни малейшей искры духа свободы, за которую они с толиким сражались жаром. С вещевым колоколом рушилось в них даже и зыбление, так сказать, вольности, нередко по усмирении бури остающееся, и, действительно, не видно, чтобы после того новгородцы сделали какое покушение на возвращение своей свободы. 28 его *Б* нет. 35 него *Б* небо. 37 присвоает *Б* присвоит.
- 264 1 большее *Б* больше. 2 право *Б* права 4 сие есть. . . неужели *Б* нет. 4 се основание *Б* се есть основание. 6 было *Б* было бы, 8 и *Б* а. 28 в перед *Б* впредь. 39 то *Б* та.
- 265 5 Здоровья *Б* За здоровья. 8 бумашки *Б* бумаги. 13 узнавать *Б* основать. 2) полчарочки *Б* полчарки. 21 щете *Б* счет. 23 листовых *Б* миртовых. 25 уже *Б* нет.
- 266 2 кофе *Б* кофию. 7 за контрактовал *А* по контракту. 17 Как *А* Да как. 18 он не мой *А*: *вставлено рукой Радищева и зачеркнуто*. 19 пришед *Ан* пришел не. 19 несостояние *Ан* состояние. 21 будущее *А* будущей. 27 я *А* рукой *Радищева* уже *вм. зачеркн.* наконец. 34 размышление *А* недоумение. 35 обязательствам *Ан* обстоятельствам. 40 в дающем *Б* ведающем.
- 267 1 взыскания *Б* законовзыскания. 7 в оковах и в темнице *А* влекомый в темницу. 11 не было бы *Б* нет. 12 думать *А* думать снова. 23 Холмоград *Б* Колмоград. 29 воздыматься *Б* воздыматься, глаза становятся неподвижными, власы главы моей воздымаются. 30 вещаяй *Б* вещай. 31 которую *Ан* еже. 38 душе *Б* душе твоей. 38 столь *Б* нет.
- 268 1 Ведай *А* *Б* Ведай еще. 3 если *А* егда. 4 чадо *Ан* *Б* дитя. 6 утешителей *А* *Б* утешителя. 7 их *А* нет. 7 обуздателей *А* обуздателя. 10 вещание *Б* извещение. 11 удара *А* грома. 12 долинах *Б* окрестных долинах. 14 возопил я *А* нет. 14 вещают *Ан* вещающ *Б* вещает. 16 заблуждения *Б* идолослужения. 17 человек *А* человек в восторге своем. 18 какому либо *Б* нет. 18 к тебе *Б* тебе. 25 Егова *Б* Егова Фоги. 28 чтили *Б* боготворили. 29 они *Б* нет. 29 твои *Б* или твои. 31 ощущаемое. . . всем *Б* нет. 31 покланяемо *Б* покланяемое. 33 хвалу *Б* хвалы. 33 тебя *Б* нет. 34 своя, изящностию *Б* своей изящности. 40 мои *Б* свои окрест меня.

- 269 12 незыблнный Б незыблем. После 13 Б: Но что ты, где ты, что ты в нас и что мы в тебе, не ведаю, Всесильный, не ведаю, и смиренный в неведении моем не дерзаю поднять тяжкую завесу, от бранных моих взоров тебя сокрывающую. 15 давншнего Б давншнего. 16 приятеля Б знаконца и приятеля. 16 знаком был Б познакомился еще. 17 Редко мы Б после того мы редко. 19 долго Б служил долго. 19 находился Б нет 26 - 27 Б: он не хотел принять на себя. 35 чадах Б чадах. 36 благо Б благо.
- 270 3 скорое Б нет. 3 прибытие Б присутствие. 4 заключения или обвинения Б заключение или обвинение. 6 приятель мой Б Г. Крестьянкин. 7 много Б нет. 8 службу Б должность свою. 8 намерен. Б намеревается. 8 всегда Б нет. 13 место Б оную. 16 отягчить Б тягчить. 17 Б: нередко в преступление. 18 Б: я приобрел. 23 делало Б соделало. 26 чести Б чести и. 27 Б: не в силах будучи. 31 получили А Б получали. 39 извлекала Б извлекали.
- 271 1 производивших Б производившим. 3 невозможши Б не могли. 4 вовлеченных А Б впадших. 6 омыл Б омыв. 6 руки Б руке. 6 мои А Б свои. 9 уже лет А Б лет уже. 10 службу А свою службу. 12 сих степеней А сии степени Б сей степени 15. Но он А Б Но он видно лучше сам. 18 в то место Б нет. 21 знатность, или Б знатность чина. 25 гордыни Б гордости. 25 Ассессор Б нет. 25 нашел Б нашел он. 26 поселился Б и поселился. 27 у нас родился Б у нас был какой либо. 28 карикатуры Б карахтеры. 28 Ассессора Б Коллежского Ассессора. 29 чертах лица Б лицах. 29 - 30 внутренности Б внутренность. 30 Лаватеровую Б Лавитеровую. 31 Б: и тогда бы. 31 Ассессоровой семьи Б Г. Ассессора. 31 кои. . . образования Б нет. 35 подобных Б подобных людей. 39 он Б нет.
- 272 6 по цене, какую сам определил Б по определенной им цене. 9 Б: из милости давал. 14 нравы Б нрав. 15 его Б нет. 16 проезжаго Б одного проезжаго 18 если Б если у него. 19 его Б нет. 20 Б: у него что нибудь украл. 22 колодки, кандалы Б тяжелые оковы. 25-26 Помощниками Б Помощники. 26 велений Б служения. 27 сделали Б делали. 28 - 29 Его дворе. . . мальчик Б Дворовых людей у него не было. 30 да повариха Б кухарка. 30 у них Б у него. 31 всегда Б везд. 32 крестьян сами А Б всегда его. 33 дочери А Б дочерей, а парней сыновья. 34 Сыновья Б нет. 35 играть и Б играть. 36 их Б нет. 37-38 они многих изувечали А Б многим повывкололи глаза. 39 из Б во 39 примеров Б примерах.
- 273 1 но Б и. 1 когда А Б когда один раз. 1 положит Б послужит. 1 своему терпению А Б своей терпеливости. 1 ничто А Б ничто на свете. 2-3 жестокость Б жалость. 6 крестьянская Б нет. 7 сговоренная А Б которая была сговорена. 9 все возможное А все на свете. 10 ее Б своему. 11 в крестьянстве А нет. 11 возможно А Б не не возможно. 12 жениха А Б женихов. 13 сыном А Б женихом. 14 повенечные Б подвенечные. 14-15 к своему господину А барину своему. 26 он А карандашом. 27 затворилась А Б они затворили. 30 кол А Б березовый кол. 35 ее А Б ему ее. 35 отместить Б отместить. 36 ходя А Б они ходили. 37 они встретились А Б и встретясь 38 увидя Б нет. 39 В А Б чему в.
- 274 7 твоего А Б своего. 9 ты. . . быть А Б ты бы за то был. 9 ты Б что. 9 не женился Б женился. 10 Б: останется у меня. 13 неробким Б и неробким. 16 в дом А Б в покой его господина. 17 А Б он выхватил. 19 и

- Б нет.* 19 в погоню *А Б нет.* 20 настигать начали *А Б* настигали. 21 шум *Б нет.* 23 озлобленное *А Б* огорченное 24 начал *А Б* и начал. 25 и. . . ударил *А Б* ударил первого. 26 сильно *А Б* сильно по голове. 26 упал *А* он упал. 28 сказать *А* заключу повесть. 29 Толико *Ан Б* Они столько. 29 они *Б нет* 29 ни один *Б* наедине. 33 частию *А Б* отчасти. 33 *Б*: очевидной свидетель. 33 Взяв *Б* и взяв. 34 виновных *Ан Б* виноватых. 34 виновных *Ан Б* виноватых. 36 *Б*: выведено было. 37 признавались *Б* признались.
- 275 6 смертоубийство сие *Б* смертоубийство. 6 принужденно *Б* сии принужденно. 7 онаго *А* ему. 8 числ *Ан* чисел. 8 непрекословно *Б* непрекословенно. 9 Невинность *Ан Б* и невинность. 13 я почтуса *А Б* почестся могу. 16 оное на *Ан Б* его. 19 мое *А Б нет.* 30 злодеяний *Б* в злодеянии. 31 убийцев *А* губителей. 32 исчезнет *А* исчезает. 34 покоен *Б* покойно. 35 его *Б нет.* 35 невинными *Б* невинны. 38 орудия. . . знаком *А* орудия оного сокрушаются, земля запустеет, бесплодным знаком поростут нивы. 38 - 39 нива запустеет *Б* нивы запустеют.
- 276 2 *А Б*: Ремесло будет гражданам чуждо. 6 Тогда *Б* Тогда то. 9 жидутся *А Б* жидется. 14 крестьян *А Б* крестьян против их господина. 18 праве *Ан* после праве *зачеркнуто* понятия. 21 оскорбить *А* оскорблять. 24 своих *Б* его. 24 *Б*: их отсылаю. 26 *Б*: дворянства всего. 29 им *Б* мне. 30 Не знали *Б* и не знали. 31 моему *Ан Б* своему. 32 совести *Ан* от совести *Б* в совести. 33 основали *Б* основывали 38 ко мне *А Б* ко мне и я с ней. 38 за *А Б нет.* 22 убиение *А Б* убиения 38 я с ней *А Б нет.*
- 277 1 не *Б нет.* 1 их *Б* их не. 2 дабы паки не были *А Б* чтобы впредь быть 4 известен *Б* известен стал. 5 сотоварищей *Б* товарищей. 8 Ассессорши *АБ* г-жи Ассессорши. 11 усмотрев *Б* усмотрел. 12 *А Б*: различных ради хотя причин. 16 обещает *Б* обещывает. 17 - 18 *Б*: оному непопинующимся. 18 *Б*: слабых сих 19 крепости *Б* твердости. 39 я *Б нет.*
- 278 6 Все. . . члены *Б нет.* 6 все имеем *Б* все имеют. 10 послушен *А* послушным. 11 Какие же *Ан Б* Но какие же. 14 - 16 *А*: на поле карандашом Городовое Положение. 19 гражданского *Ан* гражданского права. 20 ищет в законе *Ан Б* просит у власти закона, 21 заступит *Б* защитить. 21 нехочет *Б* захощет. 24 благосостояния *Ан Б* благосостояния вверенным от него общественной власти. 26 первая обязанность *АБ* первой закон 26 из. . . производящая *Б нет.* 27 сохранность. *Б* его сохранность. 28 на рушил *Б* нарушал. 32 своему *Б* его. 32 тогда *Б нет.* 36 *Б*: его обиде 38 оправдает опираясь *А* оправдывает, опираюсь.
- 279 1 довода *Ан* искать довода. 3 родится *Б* родиться. 3 ни *Б* не. 4 а *Б* и. 8 - 9 мерзения в *Б* мерзости во. 10 им *Б нет.* 12 *А Б*: где ярость безумия и мести злора господствовали, 13 что *А* что яко. 14 я *А нет.* 15 Все *Ан Б* Все от меня. 17 удалились. *А* удалялся. 17 они *Ан Б* от меня. 22 об *А Б* о моей. 23 плачевную *Б нет.*
- 281 10 невозьму *А* и не беру. 20 отдать *Ан* отдала. 20 мое *Ан* свое. 22 оставшаяся *Б нет.* 24 то *А* то и. 24 *А*: с постели сгоню.
- 282 7 разстания *А* расставания. 8 я *А Б* я и. 10 в службу *Б* в службу — в службу. 12 тысячу *Ан* сто. 17 *Б*: моего большого. 19 у *Ан Б* то у. 21 себе *Ан Б* себе, то есть исполнение возможного. 21 бы *Б нет.* 21 зрелыми *А Б* зрелыми бы. 24 двадцатилетней *Б* двадцатипятилетней. 26 - 28

- дети. . . разум *Б* на его миллом дитятке не было овешенных шелковых лоскутков. 30 щеголями *Б* щеголями, забыл он меня и букварь свой. 31 карты *Б* карты на чужие деньги и. 32 прокормление *Б* свое пропитание. 32 ни чего немысля *Б* и ничего не стыдся. 33 барыням *Б* барыням, а букварь свой, повторяю, забыл. 34 курей *Б* курьей. 35 стал знатным боярином *Б* чрез гвардейскую службу или адъютантство или бог весть как начал ездить в шесть лошадей, уже и. 35 Возмечтал *Б* возмечтал что. 36 о себе *Б нет* *Б* ожидать *Б* ждать. 37 - 38 по истинне *Б нет*. 38 гражданин *Б* гражданин, скажи, о человек.
- 283 1 сынка *Б* сына. 3 боярин *Б* барин. 4 пресмыкаться *Б* пресмыкается. 5 гнушася *Б* гнушася. 7 боярскими *Б* барскими. 8 любимцев *Б* раболопцов и отходя от века сего дает в наследие внукам твоим село, зовомое село крови. — Но послушаем Крестецкого дворянина. 9 казалось *Б* казался. 9 был *Б нет*. 11 Правильныя. . . его *Б нет*. 17 казались подернуты *Б* казалось подернуты были. 17 юноши *Б* юноши его сыны. 22 - 23 во младшем. . . умеряла *Б нет*. 23 Понятия *Б* Понятие. 24 равныя *Б* равное 25 движения *Б* движение. 25 - 26 *Б*: насадила в них. 27 *Б* начатки *Б* качества. 27 непоколебимости *Б* непоколебимость. 29 оных *А нет*. 29 - 30 необманчивый были. *А*: хотя листы целы, но в рукописи нет: чивый были. 30 были *Б* был. 37 неподвижен *Б* неподвижим.
- 284 1 - 2 *А Б* единственное мое побуждение есть к тому. 3 человека. . . деянии *А Б* свет. 3 - 4 наскучив. . . жития *Ан Б* да наскучит им его гремление и. 4 по *Б нет*. 8 утешителя *Б* утешителей. 10 еже *Б* уже. 12 разлучимся *Ан* расстанемся. 15 отсутствен *Ан* отсутствуем *Б* отсутствен вас. 15 оградою *Б* ограда 15 вам от *Б нет*. 20 и *Б нет*. 22 бдело *Б* бдели. 23 доведши *Ан* доведый. 25 из уст ваших *Ан Б* от вас. 25 о вас *А нет*. 27 Вождаем *Б* Возбуждаем. 28 *Б*: имел в виду всегда. 31 не *Б* ни. 32 нашего *А Б* между нами. 33 если *А Б* егда. 34 нарушителю *Б* нарушителя. 38 *Б*: оцудит ко мне.
- 285 2 сие *Б* сия. 4 меньше *Б* менее. 6 пользу ли *Б* пользу. 9 если *Б* если не наделенное. 10 их ради произвести им *А Б* ради его производить, 12 кого *Б* чего. 16 - 17 взаимню *А Б* взаимную. 18 себе *А* к себе. 20 *А Б*: немыслили мы о вас. 22 рождение *Ан* и рождение. 23 чувственный *Ан Б* чувствительный. 24 Он *А* и. 27 со мною *АБ* со мною о ничтожности должностей ваших, от рождения проистекающих *Ан* происходящей. 29 что. . . своем *А* обременена будучи тяжестью вашего тела *Б* обременена быв тяжестью вашего тела. 32 *Б*: дати вам. 33 насадить *А Б* найти вашу. 35 плодов *А* плоды. 38 отыдем *Б* отыдем сами. 39 Ведайте *А* Сами ведайте *Ан Б* Ведайте сами. 39 любезнейшая *Б* любезная. 40 родшей *Б* рождении.
- 286 3 задержанных *Б* задерживаемых. 7 мою *Б* свою. 9 вскармление *Б нет*. 9 - 10 *Б*: детей, родившихся в свет. 17 завременно *Б* безвременно. 18 живы *Б* вы живы. 22 *Б*: искал я в том. 23 искуству *Б* и искуству. 24 распростираяся *Б* распространяся. 28 Нетолько *Б* Не токмо. 32 родив *Ан* я родив. 36 - 37 на памяти *Б* и в памяти. 39 *Б*: вину ныне вам.
- 287 3 принуждения *Б* понуждения. 4 вожаемы были *Б* во всем вожаемы были *Ан* и направляемы. 6 предваряемы *А Б* предваряемы. И тако достигли времени во оное же, как то говорят рассудок становится опреде-

лителем делания и неделания, а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраия, ища стезю собственным стремлениям (см. стр. 289). 7 малейшею чертою *А* малейшую черту *Б* малейшего чертою. 7 ознаменовала *Б* ознаменовало. 8 тяжесть *А* и тяжкого. 8 нетерпящ *А* *Б* и ныне нетерпящ. 9 кроток *Б* короток. 10 уклонялся *Б* уклонился. 12 останавливал *я* *Б* останавливая. 13-14 *Б*: прорывавший оплоты. 18 оскорбилось *Б* оскорблялося 20 в грязи *А* грязи. 22 и пития *Б* или пития. 23 наша *А* нет. 23 *А*: (исправлено рукой *Радищева*) лучшею была приправою. 25 дороги *А* *Б* настоящей дороги. 27 что *Б* или что. 30 кудрятся *Б* кудрявою. 31 Неробщите *А* нет. 31 небрежены *Б* пренебрежены. 32-33 не умеете. . . красоту *А* *Б* худо умеете плясать. 34 неумоляясь *Б* неумоимо. 34 подымаете тяжести *Б* поднимаете тяжесть. 37-38 *Б*: как скomorохи не умеете. 39 если некогда *Б* ежели когда. 40 онаго *Б* плясания. 40 будет *Б* оного будег.

283 1 оному *Б* оному будег. 1-3 изображать. . . человека *А* *Б* чергы вещей, животных и человека изображать на бумаге или полотне. 5 возбуждала *Б* возбуждало. 7 *Б*: мягкосердие делает. 7 нас *Б* вас. 7 Научил *А* *Б* Изъучил. 8 *А* *Б*: мечем сражаться. 9 сохранность *Б* совратность. 10 не востребует *Б* не потребует. 10 Оно *А* *Б* Но сие. 10 наглыми *А* *Б* подлыми. 11: *А* *Б* дух имеете. 14 за жаренной вами *Б* жарите. 15 будет *Б* и будет. 15 *Б*: умеет сам. 16-17 зная вас *Б* зная. 22 Познания *Б* и познания. 24 нетвердя *А* *Б* нетверды. 24 по пословице, как *А* по слову и 26 вам *А* *Б* ему. 27 *Б*: вы бы. 28 не жели *Б* нет. 29 *Б*: узрел *я*. 30 ваших вождаетесь *Б* нет. 31 понятий *Б* понятия. 33 светильник познаний *А* *Б* светильники науки. 34 возжигается *А* возжигаемый *Б* возжигаемы. 38 вы *А* нет.

239 1 науках *А* *Б* науке. 1-2 *Б*: вас ознакомить. 2 различными *Б* разумными. 2 изъучив *Б* изжил. 4-5 *Б*: изъяснить на оном свои мысли. 5 что *А* *Б* и что. 11 *я* *А* нет. 14 мгновения *Б* мгновенный. 23-28 Ныне. . . стремлениям *А* *Б* нет, перенесено на стр. 287, а в тексте и на поле +. Взято в прямые скобки. 36 Опытность *А* Но опытность.

290 2 *И* для того *А* *И* тако да. 4 свершенных *Б* совершенных. 23 члены *Б* чувства. 25 сделает *Б* соделает.

201 1 повторю *Б* повторяю *я*. 4 воздымется *Б* воздымается. 6 Трудитесь *Б* Трудится. 7 трудитесь *Б* трудится. 8 чувствительности *А* чувственности. 8 соболезновании *Б* соболезнования. 9 отпущении *Б* отпущения. 10 Трудитесь *Б* Трудится. 11 истинны *Е* нет. 12 страстьми *Б* страстью. 13 корени *А* корень. 14 быть со всем *Б* быть во всем. 20 невозмогай *А* невозмогаемый. 29 такого. . . нравственности *А* нет. 29 шествия *А* шествие. 32 мета *Б* места. 34 безстрастными *Б* бесстрастному. 35 потребно *Б* потребна. 37 возрождении *Б* воздержании. 40 да *А* нет. 40 образ *А* представление.

292 5 Разуму *А* Но разуму. 12 наши *А* наша. 12 лобызания *А* лобызания ваши. 15 онаго *А* его. 17 они *А* нет. 25-26 обычаев. . . народных *А* представляемы обычаем и нравам народным. 26 закона *А* закона благого, на что нет ни обычая, ни закона, то есть. 37 *А*: препинаемо быть не долженствует. 38 обычаев и нравов *А* обычай и нравы.

- 293 6 общую А нам общую. 7 даже и в тех Ан в том самом. 13 закон Ан и закон. 19 неколебим Б непоколебим. 27 ради Б нет. 27 завтра А по завтра. 33-34 к добродетелям общественным А добродетелей общественных. 35 ненадежит А поддежит. 37 важности Ан вещества. 39 наскучившаго А наскученного.
- 294 2 Упражняйтесь А Упражнись. 3 могли А мог. 14 показующей Ан означающий Б и оказующие. 14-15 посещаемом А посещенном Б посещаемых. 16 называли А называли ambitio 17 или обхождение А нет. 18 названо А называлося ambitio. 26 раболепство Б раболепства. 35 самих А самого.
- 295 6 мгновенно Ан в мгновение. 11 прикрывать А сокрывать. 13 хотя А если. 13 ваших Ан ваших на время. 14 хотя А если. 17 коварства Ан твоего. коварства. 18 чувственница Ан чувственница (sensitive). 23 опытности Ан опасности. 32 вспомни Ан да вспомни. 33 венец Ан ветер. 38 душа Ан душа в
- 296 4 Избавь А Избавь немедля. 11 разстания Ан расставания. 13 смягчилась Ан смушалась. 16 родшаго Ан родившего. 23 возвел А воздев. 27 яко Б что. 32 Крестецкаго Б Крестецкого.
- 297 5 проступки Б поступки. 8 по что Б что. 18 Единое Б Едина. 27 Крестецкаго Б Крестецкого.
- 298 5 се А оную. 22 Воспомянул Б нет. 27 болезнь А болезнь (далее *зачеркнуто*) ея же все гнушаются; ео же все юноши отравляются. 29 утолнением Б утомлением. 37 сокровеннаго жала, определеннаго А сокровенное жало, определенное.
- 299 6 не Б нет. 8 Согрешил Б Согреших. 10 Согрешил Б Согреших. 11 уготовил А уготовив. 12 сие Б я и сие. 15 источаяся А истощаяся. 18-19 предостеречь А уведомить. 20 Воспаление Ан Воспаление после родов. 21 ей Б ее. 30 говорят Б нет. 32 сильныя Ан Б мощные. 33 насилия Ан насилия грабительства. 35 обществ Б общества. 40 Желало бы Б Жалобы. 40 одинако Б одинаково.
- 300 4 чье либо А нет. 5 и дух Ан и дух, не дерзающий уподобиться томукого выше себя ощущает. 28 встречает Б нет.
- 301 1 и ныне А нет. 12 состояние А положение. 18 веселием А нет. 24 боязнь Б болезнь. 24 если бы А егда. 28 положила Ан положила уже на мере. 31 будущу ему Ан будущему. 31 среде Б среди. 32-33 на... вод А да достигнет берега. 37 ветр А ветер. 37 достигнуть Ан достигнуть берега. 38 валы А разъяренные валы. 40 берегу А бреге.
- 302 4 бросилась Б бросалась. 4 Геро А Героиня. 5 Б: баню топила 7 больнице Б больницах. 9 Зимногорье Б Зимогорье. 13 Зимногорскими Б Зимногородскими. 15 из Ан из моей. 19 толпа сия Ан она. 24 красота Б красот.
- 303 9 женишка Ан жениха. 11 с Ан и с. 15 с Ан и с. 16 спать Ан не спать. 18 меня Б нет. 21 или сажа Ан или сажа в глазах разума. 23 есть Ан есть уж. 24 невидано Ан не видано. Но я еще с вами болтаю. 25 рослы Б нет. 29 с ними А с нею. 6 то Б нет. 40 неспрямит Ан непопрямить. 40 плачь Б нет.
- 304 8-9 боярыньками А барыньками. 9 отвязаться Ан и отвязаться. 17 Поровнявшись А Я, поравнявшись. 27 всегда Ан всегда начинают. 40 когда А если.

- 805 1 выпяля глаза *А* написано рукой *Радищева* и зачеркнуто. 14-15 ту... назначил *А* им того дня не означенную. 16 лишив *Б* лишил. 16 команда *Ан* компаний. 21 близкой *Б* близко и. 22 его *Ан* его не. 22 и *Ан* и не. 23—24 сказали... восхочет *Ан* следовательно против господина своего — возрыдав скажу — судиться не может (*далее зачеркнуто*). Средство к сему, конечно, будет то, чтобы и помещичьи крестьяне судимы были в расправах и выбираемы были в заседатели нижних судов. 30 десятилетнего *А* десяти лет от роду. 32 то я *А* то я скоро. 35 к нему в *Ан* в ету. 38 для *Ан* барин для. 40 непорочны *Ан* непорочны суть.
- 806 3 столько *Ан* так. 4 родила *Ан* она родила 6 то *Ан* его 30 нарушение *Б* разрушение.
- 807 18 *А*: слово ее одно. 21 ей *Б* ее. 23 ее зять *Ан* ее зять. Они удивились моему приходу. 32 ты *А* вы. 32 сделал... даеш *А* сделали... даете. 33 тебя *А* вас. 33 твое *А* ваше.
- 808 4 из мысли моей *Б* с мыслью моих. 12 пять, десять *Б* пятьдесят.
- 809 8 плотскую *Б* плотскую. 11 околицы *А* перевоза. 12 невинностию *Ан* невинностию. Уверен в сердце моем. 14 закоренелый *Б* закоренелый. 15 поседевшей *Б* поседевши. 17 шествию *Б* шествию и. 22 пропусти *Ан* не пропусти миновати прелестей твоих. 37 запрещают *Б* запрещает.
- 810 3 первейшаго... союза *А* первейший закон сожития, на коем основано общество. 13 своя *Б* нет. 15 его *Ан* той. 16-19 Неравенством... не существует *А* Итак единый из первейших законов природы нарушается. Мудрый законодатель утверждает только закон естественной: тем и положительной бывает тверже. 23 плод *Ан* он. 24-25 *А*: тлению подвержен. 28 утихают *А* остывают. 29 подернет *Ан* подернет чувствительность. 31 брызгливую *Ан* бережливую. 39 наследят *Ан* да наследят.
- 811 1 *Ан* (*заглавие*) Хотел о в. Проект в будущем. 13 Они *А* Те. 19 подняя развертывая *А* подымая. 30 ко всевышнему *А* всевышнему. 32 может *Б* можем. 37 родившись *А* и родившись.
- 812 1 единому *Б* к единому. 6 корень *Б* и корень. 6-7 в наказаниях *А* *Б* нет. 23 треть *Б* пред. 23 общников *Б* сообщников. 25 рабства и *А*: написано рукой *Радищева* и зачеркнуто. 26 полосах *Б* полюсах. 28 окаменелое *Б* окамененное. 40 известным *Б* известными.
- 813 1 чиновостоянием *Б* чиновостояниями. 14 *А*: ваше заблуждение. 24 ко *А* нет. 15-16 единомыслием с нами *Б* с нами единомышленно. 27 и чувства *А*: рукой *Радищева* и зачеркнуто. 29 вашим *Б* нашим.
- 814 3 показало *Ан* показывало. 3-4 принявших *Б* принявших. 4 одинаковое... сложение *А* *Б* одинаковые члены от природы. 4 и *Б* а. 8 *Б*: они все. 9 и *А* *Б* и дали. 10 равны *Б* равные. 16 нерастленный *А* *Б* неповрежденный 20 и *Б* нет. 24 отстоим *Б* отстоит. 24 вершины *Б* вершина. 29 нас *Б* вас. 31 тшеты *Б* тшеты. 32 тот кто *А* *Б* он. 32 кто *А* *Б* он 34 Кто *Ан* *Б* Но кто. 37-38 поросшею *Б* поростшую.
- 815 1 удел *Б* удел в ниве. 5 тот *А* *Б* един. 6 *Б*: на владение ее имел. 7 обрабатывающий *А* *Б* обработавый. 9 У нас *А* нет. 10 оному *Б* тому. 15 предразсуждением *Б* предрассуждениям. 16-17 *А* *Б*: услаждающим сердца чувствованиям. 18 Может ли *Ан*. Но может ли. 18 две трети *А* третья часть. 19 частию *Б* часть *А*: на поле *NB* 21 Ненасытец *Б* Нена-

- сытитель. 22 блажен *А* *Б* блажен быть может. 22 неимет *Б* имеют. 26 своими *А* *Б* нашими. *А*: на поле *Б*. 31 простирает *ЛВ* простирается. 32 оно *Б* нет. 34 мгновнными *Б* мгновения. 38 *А* *Б*: повсжд/ тишина.
- ¹³⁶ 5 направляет *Б* направляют. 6 над *Б* под. 6 силою *Ан* *Б* властью. 7 разделены *Б* разделяны. 8 на щет *Б* найдете. 10 пригвожденных *Б* пригвожденные. 12 загляни *А* *Б* загляните. 18 Смотри *Б* Смотри. 22 убийствам *Б* убивствам. 23-24 сильными *Б* мощными. 26 иссыхавший *Б* иссыкавший. 28 осенявшия *Б* осенившие, везде видима строящая рука делателя, везде внешности знак блаженства. 28 горькия *Б* горные. 29 претворяются *Б* претворялися. 32-33 человеком *Б* человекам. 33 определяемым *Б* определенным. 35 скупую *Б* скупую и. 37 Индейцов *Б* Индейцов. 40 *Б*: хладнокровие, убийство, порабощение.
- ³¹⁷ 1 приобретением *А* приобретенных. 2 знойных *Б* законных. 2 берегов *Б* бреггов. 5 *А* *Б*: Америки нивы. 5 гнушающейся *Б* гнушающихся. 9 а *Б* и. 23 порабощения *Ан* *Б* порабощения. Охотно уподоблю их одеждам позлащенным, полумертвое тело расслабленного прикрывающим. 25 училищ *А* нет 26 водоводов *А* нет *Б* водометов. 32 надутость *Ан* надутливость. 32 славу *Ан* *Б* славу охотно. 32 применю *Б* пременю. 33 из *Ан* они из. 34 они *Ан* нет.
- ³¹⁸ 1 жаждет *Б* жаждает. 11 вебрь *Б* ветр. 12 завоеванной *Б* завоевании. 14-15 населяя *А* *Б* а населяя. 15 *А* *Б*: страну обильную превратишь. 16 соделал *Б* сдедал. 21 бояться *Б* бояться 24 глубоко *А* *Б* далеко и. 26 на... будеш *Б* нет. 27 рабы *Б* раби. 29 *Б*: земледелателей о состоянии. 32 и *Б* нет. 33 двигаемый *А* двигаем.
- ³¹⁹ 3 обрабатывают *А* обрабатывает. 3 нерадеют о том *А* не радит он о том да. 3 о том *Б* о том да. 4 ли *А* *В* нет. 4 с данною *Б* зданною. 5 владельцем *Б* владельцам. 5 делателю *Б* делателя. 6 *Б*: Нежалеть он трудов их предпринимает ея ради. 6 сей *А* оп. 7 Жестокость *Б* Жестокости. 9 онаго *А* оных *Б* оным. 10 работает для себя *Б* нет. 14 если *А* егда. 14 нив. *Б* нивы. 14 было *Б* быв. 16 если *А* егда. 16 меньше *А* *Б* менее. 17 своя цели *А* зачеркнуто. 17 земныя *Ан* земли. *А* на поле *НВ*. 18 препятствуют *А* вредны. 18 размножению *А* *Б* и в размножении. 19 небудет *Ан* *Б* то они не будут. 20 нива *А* *Б* и нива. 21 определены были *Б* определен был. 21 природою *Ан* *Б* естеством. 23 и *Б* нет. 23 одежд *А* *Б* одеяния. 24 Умножь оскорбления *Б* Умножа оскорблениями. 24 *Б*: и силы и уязвления. 25 тогда *А* *Б* и тогда отверделым оком. 26 возникшее *А* *Б* нет. 26 которое *Б* которая. 31 прейдет *Б* придет. 32 неможет *Б* не может. 38 поборники *Б* поборника. 39 власть *Б* суть власть. 39 и острие *Ан* мудрые *Б* нет. 39 имеющие *Б* имущие *А* на поле *ЛВ* 40 *Б*: бывають поборники оныя проповедники. 40 проповедники *А* поборники.
- ³²⁰ 1 толико *Б* тайно 8-9 пищу... уготованную *А* *Б* млеко от общества уготованное. 13 вас *Ан* *Б* вас вины. 13 *Ан* *Б*: нашего отпущения. 13-14 неумышленного дерзновения *А* проступка. 15 Неведаете *Б* Но ведаете. 18 укрепят *Б* утверждают. 19 чувствование *А* *Б* чувство. 19 Поток *Б* Потом. 20 находиг *А* ему 21 оплот *Б* оплоты. 25 Мы *А* Се. 26 посул *Б* после. 27 разрешении *Б* разрушении. 28 мщении *Б* отмщении. 29 прежняя *А* *Б* плачевные. 29 повествования *Ан* *Б* повествования прошедшего

- столетия. *А* повествования прошедших столетий. 33 в *Б* и в. 34 они *Б* они в остервенении своем. 38 *Б*: постепенно горе. 38 - 39 *Б*: вращается уже
- 321 2 *Б*людитесь *А Б* *Б*людитесь да опять посечены не будете. *А* на поле *ЛВ* 3 потрясения *Б* потеряния *А* на поле *ЛВ* 7 оков *А Б* темниц. 7 не-
восстановим *Б* восстановиом. 7 всех *Б* всем. 8 им убедиться *Б* они да убе-
дятся. 11 опасности *Б* боязни. 11 жилища *Б* жилище. 12 о *Б* им о.
14 ваше *Б* их 17 забыли *Б* зарыли. 17 существовавшее *Б* нет. 18 о победе
нашей *Б* победу нашу. 25-26 жизни нашей *Б* жизнь нашу. 26 только *Б*
едину только. 29 они были *Б* были... дано в... 18... года. 30 грязно
Ан Б в грязи. 31 поднял *Б* подняв. 31 перед *Б* пред. 31 вылезая *А Б*
выходя. 33 из проезжающих *Б* нет. 34-35 едет... в *А Б* в подорожной
написан он студентом, едет в. 37 развернув их *А* просматривая. 38 най-
денная *А Б* и найденная. 38 Уговорил я *А Я* уговорил. 39 его *А Б* по-
чталиона. 40 Разсматривая их узнал *А Я* узнал развернув их *Б Я* узнал
рассматривая их.
- 322 1 по тому *Б* по том. 2 кражею *А Б* кражею, ибо я его том уведомил.
3 захочу *Б* хочу. 6 читал *А* я читал. 7-8 гражданина *А* согражданина.
11 относилася *Б* относилися. 12 вышшая *Б* вышняя. 21 Дозволить *Б* До-
звольте. 28 во звание *Б* во звании. 31 Дозволить *Б* Дозвольте. 32 Дозво-
лить *Б* нет. 35 наш *Б* нам.
- 323 11 реку *Б* руку. 12 рукодельную *Б* рукодельну. 12 вящее *Б* вящею.
17 ужи *Б* нет. 18 обрящет *Б* обрящает. 29 и *Б* нет. 30 - 31 побудитель *Б*
победитель. 33 увяло *Б* увядало.
- 324 2 друга *Ан* прочее. 10 прещения *А* прещения во благе. 11 - 12 Рука моя
задрожала *А* Руки мои задрожали. 20 Блаженны *А* Блажен. 20 вами *А*
тобою. 26 делах *Б* делех. 27 *А*: Блюдись да не отравлен будешь. 28 вами
А тобою. 29 Отриньте *А* Отринь. 29 ваших *А* твоих. 29 поститесь *А*
постися. 31 некотором помещике *А* кротком человеке по имени но не в
действиях. 32 своей *А* нет. 32 подобных *Б* подобном. 33 неимеем *Б* не
имеет. 38 приобрел *А Б* и приобрел. 39 прибытка *Ан* прибытка упраж-
няяся. 40 определял *Б* определил.
- 325 1 - 2 употребление *А* употребление из. 20 разве *Б* нет. 27 умереннее *А*
умерен. 28 бирал *Б* брал к. 34 десять *А* двадцать.
- 326 4 а желудка пусты *Б* о желудка пусты. 31 посеялися *Б* поселилися
32 самонедоверение *Б* самонедоверие. 35 что... боги *Б* быти им богами.
- 327 4 что блеск царский *А* и блеск их. 7-8 кои... трещетке *А Б* коих долж-
ность и изящность должности относится к мямическому действию. 11 Дво-
рецкой мой *Ан* Дворецкой мой, помощники его. 13 горничные мои *Ан*
комнатные *Б* комнате. 17 нещада *Ан* не для них, но *Б* не для нас, но-
17 отечества *Б* общества. 19 - 20 господствуют *Б* государствуют. 21 буде
Ан что. 22 лиется вино *Б* лиются вина. 23 неприязненности *Б* неприят-
ности. 25 луга *А* и луга *Б* или луга. 25 больше *А Б* вяще. 28 нам *А*
Б мне. 28 тот *А* и тот. 35 - 36 зверями дубравными *Б* зверьми дубравами.
37 и *Б* нет. 40 сокрытая *Б* сокрыты.
- 328 1 величавости *Ан* величавости, которою ты. 1 мужеством *Ан Б* муже-
ствен. 1 казалася *Ан Б* казался. 9 возкраин *Б* озирании. 9 возмогаем *Б*
возможем. 14 Владыки *Б* Владыке. 15 видится воспаленна *Ан Б* да воспал-
лится. 18 когда *А* егда. 18 дерзает *Б* дерзнет. 20 соделают *Ан* соделы-

- вают *Б* соделоваает. 23 соблюли *Ан Б* соблюдали. 26 Мы *А И* тако 29 и достоинства *А* рукой *Радищева* и зачеркнуто. 38 От туда *А Б* Откуда. 38 народов *Ан* народа. 38 от туда *А Б* откуда.
- 329 2 *Б*: менее внешность. 5 Манко Капаку *Б* Пашакоману. 6 *Б*: прельстить мог. 8 принял *А* приял. 12 с выше *Ан Б* вьще. 21 или *Б* и али. 27 желанию *Б* желания. 31 чары *Б* хоры. 32 и *А Б* нет. 32 обида *Б* обиды. 33 них *Ан Б* них и. 36 *Б*: вещей течения. 38-39 феатральныя представления *Б* феатральное представление.
- 330 1 Се *Ан Б* Вот. 2 если *А* егда. 2 укрыться *АБ* укрытися. 3 если *А Б* егда. 6 ваших *Б* наших. 11 скитание *Б* снискание. 12-13 свободное *Ан* вольное. 15 в *Ан Б* и в. 15 о *Б* в. 16 иметь *Б* заводить. 19 пропуски *Ан Б* пропуски и страха ради будущего зла, которое не есть зло. 29 каляка *А* калека. 31 своим *Ан* своим именем. 37 достигнет *Б* достигает. 37 света *А* света в мире. 38 поделка *А Б* подделка. 38 святой Инквизиции *А Б* святого Розыска. 38 часто *Б* часть.
- 331 6 но *Б* не. 7 главы *Б* головы. 8 нешевелнется *Б* не шевелитеса. 15 Явной *Ан* Являй. 17 он *Б* нет. 21 к *Б* их к. 22 столь *Ан* толь. 22 редки *Ан Б* редки. Мудрый правитель (боюсь назвать великим: ибо прилагая таковыя именованія государю живу, почтен буду или рабом, или льстецом, или ханжею, или корыстолюбом; хвалитель будет скаредной подлец, а хвалимый в опасности будет замараться в хвале мерзав [далее на утраченном в *Ан* листе] ца и пред светом всегда потеряет). 23 Правительство *Б* Мудрый правитель отечества нашего. 24 дозволило *Б* дозволил. 25-26 поручило *Б* поручил. 30 величайший *Б* величайшее. 31 запретит *Б* запретить. 32 лишит *Б* лишитъ. 34-35 лукавым *Б* шутовым. 35 богом *Б* (сюда примечание стран. 332). 35 духа *Б* духом. 37 лукавым *Б* шумным.
- 332 2 *Б*: и того еще хуже воры. 3 *Б*: что кому. 10 какой *Ан Б* но какой 15 почеркивать *Б* почернивать. 16 драть *Ан Б* удручать, драть. 24 же *Б* нет. 25 ощущаем *Б* ощущает. 26 оскорбится *А Б* оскорбляется. 29 не даст *Ан Б* не даст и. 30 повинуются *Ан Б* повинуются, предшествует страх и трепет, он же сердца колеблет. 30 возгнушается... сердца *Ан Б* нет. 31 дать *Ан Б* возгнушается дать.
- 333 3 *Б*: в России доселе. 5 мало *А* еще мало. 5 у нас еще *А* нет. 6-7 трех пальцах *Ан Б* часовнике, часовник же читают все. 8 в... общего *А* от. 8 от *Б* нет. 9 того *Б* того им. 9 им *Б* их. 10 недозволяет *Б* не дозволяет. 10 быть *Б* быти. 11 Явнее оно будет *Ан* Оно будет явнее. 11 скорее *Б* и скорее. 11 скорее сокрушится *Ан* и упадет. 14 печатной *Б* напечатанной. 17 увидит *Б* увидя. 22 Небойся... Всесильного *Б* Небойся грома. 26 невыбкую *Ан* незыблемую. 27 узрит *Б* узрит состав, всяк узрит. 27 его *Ан Б* ее. 28 ему *А Б* ей. 32 явно *Б* явна. 33 чувствование *Б* чувствие. 35 собственнаго *Б* нет. 35 и контрфорсах *А* взято в прямые скобки. 36 Если *Ан Б* егда. 36 позыбнется оно *Б* позыблетса он. 36 только *Б* нет.
- 334 1 власти *Б* истинной власти. 6 ломит *Б* любит. 8 мужества *Ан* мужественнее. 21 лице *Б* сюда примечание о *Дикинсоне*. 32 *Дикинсон Б* *Экинсон*. 32 бывшей *Б* вышней 24 устроит *Б* острогы.
- 335 27 во веки *Ан* для будущих времен *А* на поле *Л*. 34 велико *Б* велико и 39-40 назовется *Б* называется

- 336 9 - 10 о происхождении цензуры *Ан* о ценсуре. 17 - 18 отягчался *Б* отличался. 25 Протагоровы *Б* Пифагоровы. 28 больше *Б* более.
- 337 3 гаданию *Б* гадания. 5 приняла *Б* принесла. 21 - 22 на мысль. . . поругании *Б* нет. 37 Кассий *Б* Какия. 26 только *А* токмо.
- 338 2 им *Б* а им 2 славу *А*: далее зачеркнуто: (а) 4 Сирском *А* далее: (б) 5 Христиан *А* далее зачеркнуто: (в) 6 созжению *А* далее зачеркнуто: (г) 17 Но по *Б* и по. 22 ополчились *Ан* ополчились против. 26 *А* различно с ними. 29 запретил *Б* нет. 32 огню *А* здесь (а), на поле (а) смотри Baillet jugement des savants Т. 1. 34 таковыя *Ан* их таковые. 37 мнений *А* мнения.
- 339 1 Лутера *Ан* *Б* Лютера. 10 его *Б* оного. 12 продолжает *А* говорит, 13 непринужденно *А* далее зачеркнуто (а). 16 примера *А* примеру. 19 разум *Ан* разум и. 24 современна *А* предтечею. 19 неизвестность морей *Б* неизвестном мире. 31 доказанной *Ан* утвержденной. 32 Коперник *Б* нет.
- 341 26 писателях *Б* писаниях. 40 они *А* сей.
- 342 1 были *А* был. 8 - 9 отверстаго. . . в свет *А* ниже после сл. Магистров. 12 касающемся *Б* касающихся. 25 и *А* нет. 31 Лета 1486 *А* 1486 года.
- 343 6 назначаемые *Б* назначенные. 6 печатанию *Б* к печатанию. 12 на конце *Б* наконец. 16 1486 года *А* нет. 33 столично *Б* отлично. 17 старания *Б* старание.
- 344 17 - 18 областей ваших *А* области вашей. 24 Тиверий *А* Нерон. 29 куколь *А* волчец. 32 напечатанныя *Б* печатные. 33 учения *Ан* и учения. 35 сей ненавистной *А* сему ненавистному. 35 язве *А* нет.
- 345 1 - 2 их. . . камеры *А* и сию пению определяем наистрожайше Апостольской камере. 3 чтобы не дерзали *А* дабы не могли. 11 производящаго *А* производящее. 12 прежняя *А* уже прежние. 14 содержали *А* содержат. 16 - 17 что. . . устыдитесь *Ан* что папа Александр VI о ней законоположил и с ним сравниться устыдитесь. 33 правом *А* далее (а) 34 введении *А* сноски (б) на поле (б) примечание о Какстоне. 35 не меньше *А* не менее.
- 346 14 Парламент *Б* Парламент. 35 зделанныя. При *Б* сделанные при. 39 ненадежит *Б* не надобно. 20 приняли *Б* принесли. 30 В проекте *Б* Проект.
- 347 4 должностей *А* должностей; но да не распространится сия свобода на подавание наставлений неприятелю в войне с нами находящемуся; на уведомления о силах наших, о слабостях, распоряжениях, или на другие сведения, научающе неприятеля ко вреду государства. 8 - 9 объясняется. . . словами *Б* нет. 10 государственной *А* государственной и стесняется токмо в самодержавных правлениях. 11 - 12 *А*: последовавшей во Франции. 13 Парижская *А* французская. 12 явили *Б* явился. 21 пенящихся *Б* пенящихся. 28 Но *Б* Но не .
- 348 5 Векерлин *Б* Вемерлин: 26 с себя *Б* с себя переменить. 26 бремени *Б* нет. 26 предразсуждени *Б* предрассуждения.
- 349 3 подойдем *Б* пойдем. 5 читал *А* читав. 13 раздарено, *А* *Б* раздарено, прокляняю. 17 - 18 или городского магистрата *Б* нет 20 мужескаго и женскаго *Б* мужеска и жевска. 21 Желаящие *А* *Б* Желаящие купить. 25 неподвижны *А* *Б* недвижимые. 25 на продажу *Б* к продаже. 25 осужденные *А* *Б* приговоренные. 26 75 *Б* 70. 26 - 27 угодать *Б* угодить. 32 он *Б* нет. 32 сей *А* *Б* он. 37 барин *Б* господина, а. 37 была *Б* нет.

- 350 1 непокорыстовалась Б покорыстовалась. 2 иногда им А Б когда им и. 2 праводушием Б простодушием. 7 нерадела А не пеклася. 8 его А Б нет. 10 изверг А Б изверг рода человеческого. 10-11 Посмотри. посмотри А Смотри. . . смотри. 13 обещаниями А обеща[ниями не дописано, далее л. 150: уловить] 16 котораго Б которое. 23 отцево А Б его. 24 руки А Б руки другого мучителя. 28 сочетование Б сочетание. 38-39 нетрудно Ан можно.
- 351 4 возхотел Б хотел. 11 ужасоносный Б ужасноносный. 12 узнали Б узнали судьбу. 12 участь Б нет. 12-13 пронзили Б пронзил. 14-15 Квакеры! если Ан Б агличане, сами. 16 свободу Ан Б вольность. 18-19 иль лучше сказать Б или 20 дозволяет Б нет. 23 Если бы А Б О, если бы. 28 последнюю. . . кошелка Ан Б последний рубль. 31 свидетелем А свидетель. 40 обидит А Б обижает. 40 одних Ан Б одних только.
- 852 4 отчинники. Б вотчинники. 7 мой Б мой за столом. 8 далеко Б доколе. 10 стихосложение А стихотворение. 15 По нещастию А К несчастью общему. 17 все Ан все им. 17 в след Б следуют. 17 за ними Ан идут. 18 стихи Ан Б стихи и. 18 могли А Б могут. 20-21 стихосложений Б стихотворений. 27 описав Б описал бы. 28 Епопеи Б Епохеи. 31 Б: подобных его стихах. 32-33 стихосложения Б стихотворения. 33 ускорив Б ускорим. 34 остановили А Б установили. 36 Телемахидою Б Телемахидою. Если бы он из Финелодова романа извлек так сказать эссену, оставив все скучное и поеме неприметное, то и он бы мог иметь подражателей. Ан Если бы он из Фенелодова романа извлек, так сказать, эссенцию, оставив все скучное и псе́ме неприличное, то и он бы мог иметь подражателей. 37 дать Б сделать. 38 стихосложении Б стопосложением.
- 353 3 присгавят Б представят: 4 Б: казаться будет долго. 4 неродится Б не будет. 4-5 Мильтона, Шекспира и Вольтера Б Мильтоном, Шекспиром и Больтером. 9 ко красесловию А рукой Радичева на поле Ан Б к рифмам 9 долгое время А Б несколько лет. 10 А Б: окончание в стихах. 10 безрифмие Ан Б без рифмы. 11 Таково Ан Б и таково. 11 и Б нет. 6-7 больше. . . употреблении А господствующим языком. 8 как Б нет. 12-13 в себе Б нет. 20 Тассо Б Тако. 20-21 А: род человеческий не истребится 26 стихосложения Б стихотворения. 26 А: неизлишнее было бы. 31 переводы Б переводя. 31 стихотворных сочинений Ан Б с иных языков. 33-34 некраесловные Ан Б без рифм. 35 пирной Б мирной. 36 и Б нет. 38 которые А кои Б кто.
- 354 1 одной Ан Б один. 1 оставшуюся таже Б оставшегося туже. 2 постигшая Ан постигшая, ибо Б постигшие. 2-3 А Б: ее не хотели напечатать в Москве. 3 первая Б 1-я. 4 другая Б 2-я. 9 возрят Б возреть. 9 первую Б перед. 11 читал А чел. 11 следующее Ан Читал я в слух. 11-12 Вольность. . . стихов Б нет. 12 издание Ан название.
- Варианты оды приводятся исключительно по А и Ан, так как Б воспроизводится полностью в отделе стихов. В списке Б ода следует непосредственно за словами „Я ее развернул и читал следующее“ (печ. текст 354, 11). В списке Б дан полный текст оды — 54 строфы. Вслед за текстом оды в списке Б идет разговор путешественника с автором оды, соответствующий в печатном тексте месту*

от 354, 11 до 355, 3, но дающий другую редакцию этого места; даем варианты этого отрывка.

13 уложения Б уложения [вставлено карандашом] где. 13 говоря Б говорится. 14 вольности Б вольности [зачеркнуто карандашом] и. 14 вольностию А Б вольность. 15 Следственно Б следовательно. 18-27 (первая строфа оды) Б нет. 29 рабства тьму Б [карандашом переставлено] тьму рабства. 29 туг Б тут [исправлено карандашом] туг. 32 три гласных Б нет, 33 Италианском Б латинском.

856 1 следовательно... но *An ergo* следовательно [зачеркнуто: и другое]. Но продолжайте беспрепятственно Б чудо. — Но продолжайте беспрепятственно. [Очевидно, переписчик вместо *ergo* написал чудо]. 3 Позвольте... чтением А нет Б [отсюда до конца главы:] строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 41, 42 прочитав я ему сказал: если вы, государь мой, ни за чем другим едете в Петербург, как дабы истребовать дозволение на напечатание ваших стихов, то возвратитесь в покое домой и потщитесь исправить их от двух погрешностей: от нелепости выражений и сказать вам могут, от нелепости мыслей. — Он поглядев на меня с презрением: „прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее... Читайте: сие должно было быть для великого поста, некоторым случаем не dokonчено. Да будет оно пример, как можно писать не одними ямбами“. Развернув, прочел следующее:

„Творение Мира“
Песнословие
Хор

Тако предвечная мысль, осеняясь собою и проч.

Вы уже улыбаясь начинаете, вам кажется уже, что читаете Телемахиду. Но смейтесь, как хотите; чудище обло, огромно, стризевно и лаяя не столь дурной стих. Но о сем теперь не к стати, продолжайте и смейтесь“. [Далее идет текст „Творения Мира“, ср. здесь стр. 18—21 и 448, а затем следует:]

— Конца нет. — Что ж вы скажете о употреблении в одном сочинении разного рода стихов? Но сие смешение не только прилично малому и для пения определенному стихотворению, то удачно будет и в епопеи. Не мой сей есть совет, но Мармонтелев. — Я собрав мои мысли, хотел ему на его стихи сказать нечто, может быть, ему и неприятное. Но колокольчик на дуге возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, оставляя Пегаса в парнасской конюшне, и для того я поспешно с новомодным моим стихоплетчиком простился.

В списке Б сохранились рудименты работы Радищева над сокращением текста оды «Вольность» для включения ее в Путешествие; это — изложения частей оды, намеченных к сокращению; такие изложения в списке Б даны в виде примечаний внизу страницы при полном тексте оды; эти примечания полностью соответствуют в печатном тексте следующим местам: 356, 28—33 (Изображение... обманом. В списке Б слово ярем по ошибке заменено словом храм); 357, 15—16 (И все... голод и пр. В списке

- Б* это примечание — к 11 строфе); 357, 30—33 (как алчный... вольность. В списке *Б* это примечание — к 13 строфе); 359, 3—5 (Дал... благословлял. В списке *Б* это примечание — к 17 строфе); 361, 6—8 (В следующих... величие. В списке *Б* пропущено слово благоденствие; это примечание дано здесь после строфы 24); 360, 32 (И се... концы... В списке *Б* это примечание дано перед началом строфы 25).
- 354 14 вольностию *А* вольность
- 355 1 Следовательно... Но *Ан* ergo следовательно (зачеркнуто) и другое. Но продолжайте беспрепятственно [я не хочу]. 3 Позвольте... чтецом *А* нет. 18 Вот... закон *А* Родился в обществе закон 25 Яснейша дня *А* Яснейших дней.
- 356 16 имея *А* имей. 24 всем *А* нам
- 357 14 - 15 И все... и пр. *А* Там нивы запустеют тучны | Коса и серп там неспоручны, | В сохе уснет ленивый вол. | Блестящий меч померкнет славы | Минервин храм стал обветшалый, | Коварства сеть простерлась в дол. 18 Схватив *А* Приняв
- 359 2 *А* написана вся строфа сполна (см. полный текст), зачеркнута и отчеркнута сбоку. 11-16 Тебе... твое *А* перечеркнуто и там же чернилами отчеркнута сбоку. 25 мерзостям *А* клевете
- 362 23 куче *Б* толпе.
- 263 2 сырой *Б* нет. 3 могилую *Ан* *Б* моим гробом. 3 нее *Б* него. 12 уснул бы *Б* нет. 22 слова *А* *Б* стенания. 29-30 женскаго *А* госпожи моей *Б* господина моего. 33-34 необыкновенного... удовольствия *А* необыкновенного в отдаваемом в солдаты удовольствия о своем состоянии *Б* необыкновенного в отдачном в солдаты удовольствии о своем состоянии. 36 другой *Б* другой бы была. 40 другой *Б*. другой опречь меня.
- 364 1 преплав *Б* переплав. 1 брег *Б* берег. 9 *А*: на поле перечеркнуто: *Б*. Дворянин имеет по наследству право к благородным мыслям. 19 моей повести *А* обо мне повесть. 22 поносительным именованием *А* кликнут малой. 27 почти не было *А* мало было. 31 успел *Б* нет. 34-35 богат *А* достаточен. 57 молодаго *А* младого.
- 365 4 наложенных *А* возложенных. 4 отсутственны *Ан* отсутствуемы. 8 моего отечества *А* общества моего 11 я *Б* и. 13 нетолько *А* толико. 14 но ненавидел *А* нет. 15 о *Б* нет. 16 сделанное мне обещание *А* обещание отца своего в рассуждении меня. 27-28 внешность *А* внешность природы.
- 366 1 моему *Ан* своему. 5 движем *Б* движим. 10 мой *Б* нет. 28 мне неродиться *Ан* если бы я не родился. 30 мне было *Б* было мне. 32 давно бы *Б* нет. 35 мою *А* и мою *Б* нет.
- 367 2 сколь *Б* сколько. 19 и *Б* нет. 23 с постели *А* с одра моего. 23 и *А* нет. 24 мою *А* свою 31 госпожа *А* госпожа, сведите его опять на коношню.
- 368 2 моему *Ан* своему. 5 небезконечно *А* бесконечно *ЛВ*. Преподавать учение рабам, кажется, надлежит, по человечеству. Но следствия того (*Ан* бывают) горьки. 14 гнушася *Б* гнушаются. 14 состояния *А* состояния. Из сего можно познавать дух Россиянина и чем он движим быть может. О, правители, коликократно вы его не исполняете [зачеркнуто]. 17 отгадали *Ан* отгадали, государь мой. 18 одному *Ан* здешнему. 29-30 про-

- даются как скоты *А* (на поле рукой *Радищева*). 34 разбили *А* разбив. 36 свои *А* своя мозгом нашим. 40 завесу *А* запону.
- 369 б *я А* я пребывающим в отчаянии. б отечестве своем *Б* отечество свое.
- 7 воинское *Б* военное. 8 к тому *Б нет*. 22 себе *Б нет*. 36 у *Б нет*.
370. 12-13 из деревни в рекруты *Б нет*. 13 я вижу *Б нет*. 15 перукмахерству *А Б* парикмахерству. 15 одним *Ан* одним знатным. 28 я *А нет*. 30 питался *А* питался я. 31 *А*: мое и искусство. 32 выиграл *Б* выиграв. 32 двадцать *А* двадцать денег. 34 встретился *А* встретил я. 34-35 с... земляками *А* двух своих земляков.
- 371 2 кафе *Б* кофию. 11 дослужуся... чина. *А* заслужу крест Георгиевский. 12 то *А нет*. 13 в мое отечество *А* в Лангедок. 14 *А* слушав сего бродягу не один раз. 15 в кибитку *Ан* в кибитку, которая со свежими лошадьми ко мне подъехала. 17 Лошади... впряжены. *А* Лошади мои почти уже были впряжены и за сто верст хотя от Москвы (*Ан* но) я помышлял (*Ан* уже), где мне приехав (*Ан* в нее) пристать можно будет; рассматривал, что полезнее и почтительнее для меня быть может, взъехать на почтовой двор в Ямской или во французской трактир; с которого кончить в Москве мое пребывание: начать ли скакать по улицам сломи голову и заезжая на каждой знакомой двор оставлять изображенное на карте знамение моего имени; или объездить все соборы, церкви, часовни, где есть мощи и чудотворные образа, поставить по свечке и отпеть по молебну; или явиться прежде всего в управу благочиния, дабы поскорее узнали в городе через газеты, что я прибыл в столичный город; в сем последнем я ошибался, ибо по имени означену быть в газетах надлежит принадлежать к первым пяти классам, а я будучи не пятиклассный был бы означен просто дыфирью, а как изображение иероглифы их есть Арабское, то Арабский язык будучи мало в Москве известен никто бы под дыфирью не узнал, что газетчик Арабскою иероглифою меня разумеет. Но из размышлений моих... 17-18 приготовлялся *Б* приготовился. 29 сокращенной *Б* уstraшенной. 32 остроги *Б* строги.
- 372 4 та *Б* то. 22 черных подобным *Б* черноподобных лиц. 25 Превосходительства *Ан* Сиятельства. 28 Превосходительную *Ан* Сиятельную. 37 трепещущих *Ан* путешествующих.
- 373 4 убивство *Б* буйство. 5 ланиды *Б* ланиты. 7 едва *Б нет*. 29 предстоять *Б* предстоят. 31 слушателей *Б* слышателей. 32 взрощенные во *Б* возвращенные в. 36 гласом *Ан* гласом едва.
- 374 5 отлетела *Б* отлетала. 8 привыкшей *Б* привыкшии. 13 Вертером *Б* Ветром. 20 сопровождая *Б* сопровождал. 23 я *Б нет* 27 боязни *Б* болезни. 30 подающему *Ан* подающему ему. 37-38 *А*: завидовал полушку и краюшку хлеба давшим.
- 375 5 сколь *Б* сколько. 5 за него *Б нет*. 18 бодрых *Б* добрых. 18 моих *А* своих. 19 прещение *А* доднесь его прещение. 20 воин *Ан* вот. 21 сражался *А* сражаяся. 24-25 недарил *А нет*. 38 незабывала *Б* не позабывала. 39 побой *Б* побоев. 40 *А*: от проходящих солдат крестьянам. 40 Солдаты *Б* Они.
- 376 2 сержантом *Б* сержант. 4 побой *Б* побоев, а. 12 та *А* то. 15 *А*: говорил старец, естественною казнию. 20 шеи *А* шею. 24 платок *А нет*. 24 моей *А нет*. 24 шеи *Б* шеи своей и. 25 слепаго *А* слепого. Помни обо мне.

- вспомни, старичек, хоть один раз. 26 Возвращаясь А возвращаясь. 30 во гроб А в могилу. 31 А: слышав сие происходило. 36 фрикесе Б фиркасе. 36 кушанья... изобретенного А изобретения на отраву.
37. 2 многие Б нет. 3 общему А нет Б общественному. 5 мою А свою, 5 плодами пота Ан потом. 6 предо Б передо. 9 сахара Б сахару. 13 то А нет. 21 что... голодны А: *рукой Радищева на поле и зачеркнуто*. 27 Первой раз А Первой раз может быть. 28 доселе... скользило А его доселе не могло тронуть. 37 праздникам А сюда строки 1-3 со стр. 378 (Посконная... выхода). 40 кадка Б когда.
- 378 1 Посконная Б Поскойная. 2 онучки Б онучи и. 10 Да А нет. 11-12 А: Жизнь закон отъяти у него запрещает. 13 отъяти Б отнять. 13-19 С одной... в ярме Ан Обвинитель и судия его господин (*далее зачеркнуто*) Врач его, его господин, не лекарство в болезни предписующей, но умеренность в пище, оставляя ему на прокормление столько, чтобы он не в один день умер. 14 всесилие Б веселие. 25 гнушается Ан возгнушается. 26 отирание А очищение. 29 Если А нет. 29 здесь... суда А взято в прямые скобки. 31 давно Б давно давно. 37 Претвсрэнный Б Претворенными. 39-40 губительствы... и пр. и пр. и пр. А на земли гибели и опустошении, коих причины скрываются от нас в ноши неведения.
- 379 4 и Б из. 5 определенных Б имеющихся. 5 зрелись А зрелось. 8-9 чувствований А чувств. 11-12 и утвердит... божественным А сохранить ложе брачное непорочно. 17 мзды А достойной мзды. 22-28 Я тебе... бессонницы А Погруженный в сих мыслях я, выехав с почтового стана, при близался уже к Москве. Проехал уже Всесвятское и сравнялся с краем прекрасной рощи, по конец его стоящей. Вдруг услышал выстрел и после того стенание болящего человека. На мысль пришло мне, что некто, может быть, неосторожною какогонибудь стрелка ранен. Трепещущ от сей мысли я выскочил из кибитки и поспешил на помощь страждущего. Но совсем я ошибся в моем заключении. При входе в рощу я обрел человека изрядно одетого, сидящего на земли; подле него к сосне привязана была оседланная лошадь. В правой руке держал он пистолет, коим произведен был выстрел, и сквозь его кавтан на разорванном рукаве видны были капли крови. — Какой несчастной случай допустил тебя уязвить самого себя, говорил я сидящему в задумчивости. Конечно, неосторожно пущенной курок был тому причиною. Позволь, я сниму с тебя кавтан. Я потщусь, если могу подать тебе облегчение.
- Благодарю тебя за предлагаемую услугу. Но пользоваться ею не желаю. Правда твоя, что несчастной случай причиною, что рука моя уязвлена, но заряд не ей был определен, а сюда (указывая лоб), признаюсь, робость и недовольное, может быть, размышление о мужественности виною тому, что выстрел был неудачен. В пользу мне (Ан может быть) послужит, ибо я не робею. — Я хотел было воспользоваться болезнью его и спасти его от отчаяния, выхватил у него из руки пистолет. — Сей отдам тебе непрекословно. Но не трудись тщетно о мне. Вот другой, да и сам отойди подальше (устремляя на меня), если желаешь мне мешать. На что жизнь тому, кому она стала в тягость? На что она, коли нет в ней более приятностей? Я родился в изобилии, возрожден в неге, не ведал нужды

николи, был почитаем, отличен и в уважении; касался, казалось, воскраяя сосуда сладостей, любил и был любим. Но всё сие исчезло яко прах и сон. — Нищ, презрен в горячности моей, уготован на поруганье, что остается делать тому, кто лишен и надежды? Не шевелись, потряс он с угрозою своим смертоносным орудием, ежели не хочешь быть моим предтечею к смерти. — Отчаянному сему движение мое при последнем его изречении казалось, что я хочу его лишить последнего его убежища. — Конечно, злой дух тебя напра... (*Утрачены дальнейшие два листа*) и от того, что сердце его терзается мздою, а не добрым именем. К нареканю общему уху его привыкло; к общему к нему мерзению присовокупится только мерзение судии его. Но похи[ти]тель казны нередко бывает любим в обществе всеми, имея сам к себе не лестное почтение, казнится единою мыслию потерять общее уважение. Для сохранения сего ты меня здесь видишь. Ведаю, что Кесарь, похитив казну общественную, преступником не почитается ни от кого; ведаю, что Филипп Орлеанский, вводя бумагу на пособие деньгам, ограбил Францию, но не был наказан. Ведаю, что (*Ан покойный*) Султан Турецкий давял богачей, когда имеет (*Ан имел*) нужду в деньгах и преступником не почитается. Но что мне в примерах? Добро на сем свете не есть добро само по себе, но добро в отношении. Мое блаженство теперь еще в моих руках; и дабы и ты не был жесток, сохраняя еще мне жизнь...

С проворством несказанным вложив пистолет в рот, спустил взведенный курок и приник к земле, не произнося ни малейшего стога.

Я с поспешностию удалился от сего полоумного, и въезд мой в Москву был скорбен.

Москва! Москва!

На поле: Печатать позволено 22 июля 1789 года. Никита Рылеев.

379 29 [*Обложка*] Слово похвальное

Ломоносову

[*Рукой Радищева:* Начато] в 1780-м году

[*Рукой Радищева:*] Окончено в 1788 году

С позволения упрзвы благочиния

379 33 сокрыло *Б* скрыло. 35 кладбища *Ан* монастыря. 35 Ворота *Ан* Двери.
380 3 - 4 на *Б* но на. 6 Но... Суть *Б* Гробницы великолепные. 7 по *Б* нет.
7 жити *Б* жития. 8 *А* толико человек. 10 дальнейшее потомство *А* дальнейшие потомства. 14 обновленное *А* насаженное. 16 и *А* пускай.
18 концы *А* нет. 22 кто умеет *А* умеешь. 23 гадания *А* возможного. 30 Приди *А* Приди. 17 Приди *А* Приди. 35 Михайло... Холмогорах *А* нет. 35 Рожденный *А* перед тем перечеркнуто: ника природы на поле ристания, в смрадном рубище сияет его лице перед сынами богатства и власти; стопы его тверды и надежны. Он низлагает гадов, что зависть нищих духом в побеге ему преткновением противустать тшятся; лучем славы далеко всех за собою оставив венчается. 36 которой немог *А* не могшего. 37 дабы посредством онаго *А* посредством коего бы 39 дни свои *Ан* век свой. 40 ремесла *А* рукомесла.

- 381 1 сужденный *А* и 1 время свое *Ан* дни свои. 11 пут *Б* путь 24 возмужалости *А* человечества. 27 престольный *А* столичный. 27 дом *Ан* дом, презирая печаль уходом его родителю нанесенную.
- 382 16 се *Б* сие. 18 - 19 возсияет для него *А* узревший незапно. 22 во зрении *Ан* зрети. 22 изящности *Ан* превосходства 40 слова *А* письма *Б* слога.
- 383 3 - 4 монашеских *Ан* Киевских. 13 деятельно *А* деятельные. 14 *Ан* сюда строки 26 - 29. Тогда... сокровищ. 15 произведений *А* сокровищ. 17 торговлю *Ан* торговой многотрудной перевоз товара и. 18 знаках *Ан* *Б* законах. 18 имущество *Ан* сокровище. 19 и серебро *Б* нет. 26 и *Ан* и яко. 36 привычкою *Б* нет. 36 *Б*: необходимо бывает. 38 ископателей *Б* ископатели.
- 384 4 земных *Ан* земли. 5 освещать *А* освещати. 6 Исполнил *А* Исполнив 9 своя *Б* нет. 9 Что *Б* Что ты. 10 снискать *А* снискати. 16 погребаются *А* (далее выноска) Бесчеловечно заставлять людей работать на рудокопных заводах добровольно, но нет варварства подобного тому, чтоб заставлять их работать поневоле. 22 увеселительною *Б* уверительною. 22 Проходя *Б* Преходя. 24 - 25 отличающимся *Б* и отличающимся. 25 своего *Б* нет. 38 шара *Б* нет. 39 представляет *Б* предоставляет. 40 зрака *Б* нет.
- 385 4 валила *Б* нет. 14 показал *Б* подал. 32 стремящагося *Б* стремящеюся. 37 Сила воображения *Ан* перед этим абзацем вверху зачеркнуто: родных хитростию и лукавством исполненных. Оставив чиновника, возрим на обновителя Российского стихотворства и красноречия. 40 слова *А* слова и привести в единую связь
- 386 1 первой *Б* нет. 2 сочетании *Б* сочинении. 20 знаменательныя *Б* знаменательные. 21 - 22 словесное... изображение *Б* нет. 24 их *А* нет. 29 положениях *Ан* отношениях. 32 время *А* нет. 40 великой муж *А* великая душа. 40 хвалы *Б* похвалы.
- 387 2 славу *Ан* славу; не чтут тебя они, яко нахмурившегося учителя, преподающего сухие и тощие правила своей речи, издряклевшего над (*Ан* их) бесплодным разысканием различия падежей (далее лист утрачен). 3 почитаешься *Б* почитаешья. 5 разыскателем *Б* разыскатель. 5 разположения *Б* положения. 7 руководительницы *Б* руководительница. 15 побуждаемый *Б* побуждаемый и. 20 Пит *Б* Тит. 27 предписаниями *А* писаниями. 28 незамечая *Б* и замечая. 40 строке *А* стопе.
- 383 5 современников *А* сожителей. 6 толщи *Ан* толпы *Б* толпищи. 7 одинаком *Б* одинаковом. 19 Всевышняго во след *Б* нет 21 предшествуемаго *Б* предшествующего. 22 - 23 смертным... трубы *Б* нет. 26 нетающим *Б* нетающим. 29 тебя *Б* нет.
- 389 9 он *Б* нет. 16 на неосязаемое *А* над неосязаемым. 17 - 18 безвещественностей *Б* безвещественности. 18 оно *Ан* есть, то и. 18 знаете *Ан* знайте, довольно для нас и того. 19 Но *А* нет. 19 какое *А* коликое. 19 действие *Б* нет. 19 разум *Б* разума. 32 *Б* время сие? близко. Блудящий. 33 подножия *Ан* подножия, где.
- 390 3 слово *Б* слова. 3 пастбе *А* *Б* пастве. 3 - 4 ее учили *Ан* подучали ее. 4 - 7 Правда... Славенским *А* нет. 8 Но *А* *А*. 8 зревший *Ан* зревший еще. 8 - 9 поучаяся *Ан* поучившийся. 9 велеречию *Б* велеречие, 9 мною *Ан* мне. 10 поражая *Ан* поражаю. 15 плода *А* плод. 16 чреде

А чреде своей. *Б* среде. 28 Истина *Б* Истинно. 34 непоставим *Б* не оставим. 34 Ридигера *Б* Радигера.

- ³⁹¹ 16 не находим *Б* находим. 17 естественныя *Б* естественной. 20 отдавая *Ан* отдавая здесь. 25 Мы желаем *Ан* Мы, оставя все то, что до словесности Российской ни касается, желаем. 30-32 Недостойны... пленения *А* Забудем ли Декарта за то, что мог токмо усумниться? Он усумнился и се рушился оплот предрассуждений схоластики и разум устремился по истине быстротечно. 31 всесилие *Б* веселие. 32 человечества *Б* человека. 33 что неразумел *Ан* что мало имел вкуса, не разумел. 34 стихотворения *А* стихотворства. 35 *А*: в стихах был. 39 Источнику *А* началу.
- ³⁹² 3 горе *Ан* где. 9 первый *А* здесь на поле рукой *Радищева*: все следуют (*зачеркнуто*). 10 оно *Ан* оно всегда.

Печатать позволено 25 сентября 1789 года.

Никита Рылеев.

11-14 Но... погоняй *А* нет. 11 закалялкася *Б* ваклялся. 14 погоняй *Б* погоняя. 15 Москва! Москва!! *А* нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Полное собрание сочинений Радищева состоит из трех томов. В первый том входят все стихотворения Радищева и сочинения в прозе, написанные Радищевым до ссылки в Сибирь.

Во второй том входят прозаические произведения Радищева, начиная с 1792 г., перевод книги Мабли „Размышления о греческой истории“ и отдел произведений, приписываемых Радищеву.

В третий том войдут письма и дневники Радищева, его юридические проекты, имеющие официальный и полуофициальный характер и, наконец, полностью материалы его процесса.

Источники текстов произведений, включенных в первый том, имеют различную степень достоверности. Повесть о Филарете милостивом („Положив непреборимую преграду“...) и отрывок „А теперь увы!“... печатаются по автографу, „Письмо к другу“ и „Путешествие из Петербурга в Москву“ — по изданиям, вышедшим из домашней типографии Радищева; в отношении „Путешествия“ документально известно, что корректуру всей книги держал сам Радищев; это же с уверенностью можно утверждать и о „Письме к другу“. Поэтому в нашем издании текст этих произведений точно передает самое правописание и пунктуацию подлинников. Орфография Радищева крайне неустойчива. Одно и то же слово, одну и ту же форму он дает в различных написаниях в одном произведении, нередко на одной странице; мы не сочли возможным производить унификацию его правописания, и сохраняем его орфографическую непоследовательность, считая самую эту непоследовательность характерным фактом в плане изучения языка Радищева. Отступления от подлинника допущены только в следующих отношениях:

а) дореволюционная орфография заменена новой (устранены буквы ъ, і, Ѡ, ѡ в конце слов);

б) устранены, конечно, явные опечатки или описки, искажающие текст Радищева;

в) в некоторых случаях устранены явные несообразности пунктуации, искажающие прямой смысл фразы.

„Беседа о том, что есть сын отечества“ дается по тексту (единственному) журнала „Беседующий Гражданин“. В виду того, что в журналах XVIII века часто не унифицировали правописание, сохраняя относительно точно написание рукописи, а также в виду того, что Радищев близко стоял к журналу „Беседующий Гражданин“, мы распространяем и на эту работу Радищева те же принципы передачи текста, которые применены по отношению к „Путешествию“. Так же обстоит дело с „Житием Ф. В. Ушакова“ (поскольку к изданию этой книжки Радищев несомненно стоял близко).

В отличие от указанных выше произведений, текст повести „Дневник одной недели“ и большинства стихотворений дошел до нас только в издании, подготовленном наследниками Радищева („Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева“, ч. I—IV, М., 1807—1811 г.; имеются экземпляры I тома с пометой 1806 г.). Это издание не дает точного воспроизведения текста Радищева (об „исправлениях“, внесенных А. Ф. Мерзляковым в текст „Жития Ф. В. Ушакова“, имеющийся и в подлинном издании Радищева и в издании его наследников, мы можем судить, — см. ниже, стр. 463). Поэтому, мы не считали нужным сохранять точно написания этого издания, и даем текст „Дневника одной недели“ и стихотворений, почерпнутый из него, устраняя некоторые архаические написания; впрочем их немного; при этом все те написания, которые имеют сколько-нибудь специфический характер (напр. чередующиеся -ый и -ой в окончаниях прилагательных, заглавные буквы), мы все же сохраняем, так же, как все характерные особенности пунктуации (напр. обильные тире).

Таким же образом пришлось отнестись к текстам произведений Радищева, дошедших до нас в списках, недостаточно авторитетных или в деталях самого текста или во всяком случае в правописании и пунктуации (напр. ода „Вольность“); написания этих списков, отклоняющиеся от норм орфографии нашего времени, не сохраняются, кроме

имеющих фонетическое значение (может быть восходящее к радищевской речи). Поэтому модернизировано и написание вариантов „Путешествия“, данных по спискам, как правило, не точно передающим детали текста Радищева.

Цифры на полях текста стихотворений и повести о Филарете дают счет строк в пределах каждого произведения. Цифры на полях „Письма к другу“, „Жития Ф. В. Ушакова“ и „Путешествия из Петербурга в Москву“ указывают страницы первых изданий этих произведений Радищева; места переходов текста с одной страницы первых изданий на другую отмечены вертикальной черточкой.

Варианты к основному тексту выделены в особый отдел, вслед за основным текстом. Из всех произведений, вошедших в первый том, имеются сколько-нибудь многочисленные варианты только к тексту „Путешествия из Петербурга в Москву“ — из рукописи, представленной в цензуру, и из двух списков, восходящих к тексту, отличному от окончательного печатного, и, следовательно, имеющих значение первоисточника. Тем не менее в этих списках имеются ошибки писцов, часто не понимавших текст и не точно передававших его. Отличить такие ошибки писцов от вариантов текста далеко не всегда возможно. Поэтому мы дали все отличия этих списков от печатного текста, кроме графических мелочей.

В примечаниях даются краткие сведения о времени написания произведения, о его тексте, и необходимые реальные справки. Имена упоминаемых Радищевым лиц с кратким объяснением их вынесены в именной указатель в конце третьего тома.

ОДА „ВОЛЬНОСТЬ“

Ода была написана Радищевым около 1781—1783 гг.; это доказывается тем, что в оде говорится об американской революции, о борьбе северо-американских колоний за независимость и за республику как о факте еще протекающем или во всяком случае современном (строфа 34). Война в Америке за независимость длилась с 1776 по 1783 г. Но ода не может быть отнесена ко времени ранее 1781 г., так как в ней в строфах 46—47 устанавливается текстуальное сближение с аналогичным местом книги Рейналя „Tableau et révolutions des colonies angloises dans l'Amérique septentrionale“, вышедшей в 1781 г. (т. II, р. 134; это же место есть и в сокращенной редакции книги Рейналя, вышедшей в том же 1781 г. под названием „La révolution de l'Amérique“ — р. 92). О датировке оды и вообще о ней см. В. П. Семенников, Радищев, 1923, стр. 1—24. (Вопрос о книге Рейналя у Семенникова изложен неточно).

В процессе работы над „Путешествием из Петербурга в Москву“ Радищев включил в книгу всю оду „Вольность“ целиком (в главу „Тверь“; см. в отделе „Варианты“ стр. 430—431). В этой ранней редакции — в прозаическом тексте, как бы комментирующем оду, герой-путешественник разговаривает с автором оды: „строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 33, 35, 38, 39, 40, 41, 42 прочитав, я ему сказал: если вы, государь мой, ни за чем другим едете в Петербург, как дабы истребовать дозволение на напечатание ваших стихов, то возвратитесь в покое домой и потщитесь исправить их от двух погрешностей: от нелепости выражений и, сказать вам могут, от нелепости мыслей. Он, поглядев на меня с презрением: прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее...“ Далее поэт показывает герою поэму „Творение мира“. В окончательной печатной редакции „Путешествия“ ода дана в сильно сокращенном виде; только 14 строф приведено полностью, еще несколько строф представлено отрывками, другие заменены кратким прозаическим изложением их содержания. Однако нельзя думать, что при сокращении оды Радищевым руководили цензурные соображения; большую часть строф, признанных им самим в особенности криминальными, он тем не менее включил в печатный текст (строфы 3, 4, 6, 7, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 23 — по счету строф полного текста оды; и еще отрывки строф 10, 11, 22, 38). В. Семенников, сличая нумерацию строф в печатном тексте и в рукописной редакции, приходит к выводу, что Радищев при окончательной проверке оды вообще счел нужным исключить из нее не менее 3 строф: 9, 24 и одну из числа строф 26—37 полного текста. При этом мотивы здесь могли быть чисто литературного порядка (см. „Радищев“, 1923, стр. 426). Во всяком случае полный текст оды „Вольность“ остался неизданным как

при жизни Радищева, так и в течение более чем ста лет после его смерти. Этот полный текст сохранился в списке „Путешествия“, принадлежавшем в свое время М. Н. Лонгинову, а ныне хранящемся в Институте русской литературы Академии Наук СССР (см. здесь, стр. 477). В 1861 г. Лонгинов давал список на время для изучения сыну Радищева, Павлу Александровичу (см. письмо П. А. Радищева к М. Н. Лонгинову от 12 XI 1861—архив Инст. Литерат. Академии Наук СССР), который, повидимому, и выписал из него всю оду „Вольность“. Еще в 60-х годах П. А. Ефремов получил от П. А. Радищева список оды. Этот список отличался по тексту от подлинного дошедшего до нас списка; повидимому, кто-то, а скорей всего сам Павел Радищев, „подправил“ оду „Вольность“. Ефремов включил оду в свое собрание сочинений Радищева (1872), но в сокращенном виде. Однако это собрание сочинений не увидело света и было почти целиком уничтожено. Потом ода была помещена в „Русской Поэзии“ Венгерова (т. I, 1895 г., стр. 846—848), опять с сокращением. Наконец, только после революции 1905 г. ода „Вольность“ могла появиться в печати полностью. Она была издана отдельной брошюрой в 1906 г. издательством „Сириус“ по тексту Ефремова, полученному им от П. А. Радищева.

В 1922 г. В. П. Семенников опубликовал впервые полный текст оды „Вольность“ по списку, бывшему у Лонгинова и лежащему в основе Ефремовского, несомненно испорченного, текста („Былое“, № 19, и в брошюре В. П. Семенникова „Новый текст“...), причем опубликовал с ошибками. В настоящем издании текст оды воспроизведен по тому же списку с исправлением явных ошибок писца. Даем список этих исправлений, сделанных сообразно смыслу и размеру, а где можно и тексту печатного издания:

Строфа	Стих	В списке дано	Исправлено
2	1	и тьмы	и ты
	2	твоих	моих
5	3	хладнокровно	хладноравно
7	2	имела	имея
9	7	оковал	основал
10	4	в царстве	в царе
12	1	что	чело
	3	огромном... севший	громном... севши
13	6	колена преклоненна	коленопреклоненно
15	8	власти данной	власти мною данной
20	9	чуждающуюся	чуждающуюся
21	10	зевал	зевав
23	3	Един ты в свете оном благотворный	Един ты свет столь благотворный
24	1	призрак и мглу	призрак; мглу
	7	действии	действию
25	3	возгремели	взгремели
26	7	молнии	молнии
26	8	сменися ... прощенья	смеяся ... прещенья
28	4	поверг	поверх
28	7	творит	творить

Строфа	Стих	В списке дано	Исправлено
28	10	утвердит	утвердить
29	3	прометая	пролетая
29	10	невежества	невежства
30	4	воспрянув	вспрянув
31	5	мачих	мачиха
33	3	жизненностью	жизненностию
	7	Всещедры	Всещедра
	8	Бесплодны	Безбедны
34	2	стерша	стерта
34	7	славой	славной
34	10	вашингтон	Вашингтон
36	6	Единая	Едина
	9	Опытностию	Опытностью
37	8	стих пропущен; вместо него пустое место, на нем вписан карандашом, другой рукой (видимо, и не рукой П. А. Радищева), стих, взятый нами в квадратные скобки. Кроме того в списке 7 и 8 строки строфы переставлены.	
38	3	вонзит	вонзить
39	9	во взор миловидный	в взор миловидный
40	6	и точно	и то, что
41	5	обвив	обвил
43	4	жребии	жребий
45	3	Стремимса	Стремится
47	8	рожденны	рожденный
48	3	юг и восток	юг, восток
	8	отечество мое, отечество драгое —	отечество мое драгое:
50	2	мненьи	мненья
50	7	содрагаясь	содрогшись
50	10	новь	вновь
51	10	чтим	чтил
52	5	Вострещат	Встрещат
	6	себе мочи	все мочи
	7	Вкатысь	Вкатыся
53	8	все	всех
53	9	стих пропущен; вместо него пропуск, на котором вписано другой рукой (карандашом)— „Приидет во изнеможенье.“ Мы даем этот стих в квадратных скобках.	

Список дает в строфе 24 в стихе 8 чтение: „бед как“; сохраняем этот текст; но м. б. и здесь ошибка — вместо „бед нас“ (так исправили текст и редактор издания 1906 года и Я. Л. Барсков).

В Лонгиновском списке сделан ряд поправок карандашом (видимо не рукой П. А. Радищева и конечно не М. Н. Лонгиновым); происхождение их неизвестно; приводим эти исправления:

Строфа	Стих	В списке дано	Поправлено
2	1	со мною	со мной
2	3	рукою	рукой
12	1	Что	Чело
17	6	оранию	оратаю
29	10	Невежества что	Невежества чтобы
30	4	Воспрянув	Вспрянув
31	5	мачих	мачиха
33	7	Всещедры	Всещедра
34	8	О воин непоколебимый	О воин мой неколебимый
35	9	Награда тут	Награда ей
36	9	Опытностию	Опытностью
40	5	Ругаясь всем, что есть свято	Ругаясь всем, что есть (нрзб.) свято
40	6	И точно	И то что
42	2	Не изменимый	Не изменим
44	2	Которое	Котор ^о
47	5	Да	И
48	3	юг и восток	юг восток
48	4	Своей ширить	Своей расширять
50	2	мненьи	мненья
50	7	Содрагаясь	Содрогшись
50	10	новь	вновь
51	10	чтим	чтил
52	1	приспе	пришла
52	5	Вострещат	Встрещат
52	6	себе	все
52	7	Вкатясь где	Вкатясь
53	8	все	всех

Часть этих поправок совпадают с теми, которые сделаны нами; частично же они явно портят текст (ломают стих); их неавторитетность не позволяет ввести их в основной текст (кроме двух стихов, вписанных на пропущенных местах).

Текст нашего списка, очевидно, более ранней редакции, чем тот, который дан для части строф в печатном издании „Путешествия“ 1790 г. Значительных отличий обоих текстов всего 4: в строфе 3 в печ. тексте стих 10: „Вот что есть в обществе закон“; в строфе 19 (по печ. тексту 18) стих 8 в печ. тексте: „Расчистил мерзостям дорогу“; в строфе 21 (по печ. тексту — 20) в печ. тексте в стихе 3: „В злодея меч мой изощренный“; в строфе 53 (по печ. тексту 49) в печ. тексте в стихе 9 — „Развеется в одно мгновение“. Мы не сочли возможным давать текстологическую смесь обеих редакций и оставили эти места в том виде, как они даны Лонгиновским списком.

ТВОРЕНИЕ МИРА

Эта неоконченная поэма, относящаяся, повидимому, к 80-м годам, скорее к концу десятилетия, была введена сначала в текст „Путешествия из Петербурга в Москву“, но из печатного текста была исключена Радищевым, может быть из цензурных опасений, поскольку она трактовала мотивы религиозно-философского характера в смысле, не сходном с официально-церковной догматикой. В „Путешествии“ поэма находилась в главе „Тверь“, после оды „Вольность“. После того как описываемый в этой главе поэт показал герою-путешественнику эту оду и тот разочаровал его в возможности напечатать это явно нецензурное произведение, поэт, „поглядев на меня с презрением: прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее... Читайте: сие должно было быть для великого поста, некоторым случаем не dokonчано. Да будет оно пример, как можно писать не одними ямбами. Развернув, прочел следующее:

Творение мира.

Песнословие.

Хор.

Тако предвечная мысль, осеняясь собою и проч. Вы уже улыбаться начинаете, вам кажется уже, что читаете Телемахиду. Но смейтесь как хотите; чудище обло, огромно, стризовно и лаяя — не столь дурной стих. Но о сем теперь не к стати, продолжайте и смейтесь“. Далее идет текст поэмы. Потом — снова проза: „Конца нет. — Что ж вы скажете об употреблении в одном сочинении разного рода стихов? Но сие смешение не только прилично малому и для пения определенному стихотворению, то удачно будет и в эпопеи. Не мой сей есть совет но Мармонтелев.—Я собрав мои мысли, хотел ему на его стихи сказать нечто, может быть ему и неприятное. Но колокольчик на дуге возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, оставляя Пегаса в парнасской конюшне, и для того я поспешно с новомодным моим стихоплетчиком простился“. В главе „Тверь“ речь шла о поэзии, в частности, о необходимости реформировать русскую метрику, обогатить ее новыми формами стиха, нарушить гегемонию и почти монополию ямба. Иллюстрацией возможности создания в русском языке многообразия метрических форм и должна была явиться поэма „Творение мира“.

Радищев дал ей подзаголовок „Песнословие“ и указал, что она „определена“ для пения. „Песнословие“ значит — оратория, текст к музыке, произведение, предназначенное для исполнения хором и отдельными голосами. В XVIII в. были знамениты оратории с музыкой Генделя и Гайдна. Темами ораторий обыкновенно служили библейские или вообще религиозные мотивы; оратория и в музыкальном отношении не порвала связи с церковными традициями. Позднее Радищева были попытки передать тексты западных ораторий на русском языке; так Карамзин в 1810 г. перевел текст оратории Гайдна „Творение“, тема которой, творение мира, сближает ее с Радищевским „Песнословием“. В „Путешествии из Петербурга в Москву“ Радищев называет „Песнословием“ духовный стих об Алексее человеке божием, который поет слепой старик (гл. „Клин“). Тот же термин был использован еще в 1786 г. в журнале „Растущий виноград“ для обозначения жанра

произведения Л. Сичкарева „О божестве и вселенной“ (перевод с греч., см. В. Семенников, „Новый текст“, стр. 32—33).

Поэма „Творение мира“ была напечатана впервые в 1922 г. В. П. Семенниковым в журнале „Былое“ (№ 19) и в брошюре „Новый текст Путешествия из Петербурга в Москву Радищева“. В. П. Семенников извлек ее из списка „Путешествия“, хранящегося в Институте русской литературы Академии Наук СССР (см. здесь, стр. 477). Затем поэма была напечатана Я. Л. Барсковым в „Материалах к изучению Путешествия из Петербурга в Москву А. Н. Радищева“, 1935.

Текст этого единственного дошедшего до нас списка „Творения мира“ неисправен. С этими неисправностями он перепечатан и В. П. Семенниковым, прибавившим еще некоторые. В настоящем издании выправлены те ошибки, которые могут быть установлены анализом самого текста. Не говоря о неправильностях графики, укажем все места, измененные нами: в первом хоре (ст. 6) написано „времена“, тогда как и смысл и ударение явно указывают на форму „времени“. В ст. 22 в списке „божество“ вместо „божества“. Во втором хоре, ст. 28, в списке дано слово „Ветхи“ вместо „Ветхий“; ст. 29 дан в таком виде: „Да сокрушит навсегда смерть в покойном царстве“, такой вариант снимает рифму и ломает размер. Переставив последние два слова, мы восстанавливаем и то и другое. В ст. 49 в списке дано: „развевайтесь сени“; размер указывает, что следует читать „развевайтесь“. В следующем затем хоре ст. 66 дан в списке так: „Века несуща есть темнота“. Этот вариант разрушает смысл и размер; повидимому писец написал „есть“ ошибочно, не разобрав слова „еще“. Тут же в ст. 68 написано „всебечный“ вместо „всебечны“. Затем, в ст. 74 в списке — „ни пожелает“; смысл указывает чтение „не пожелает“ (во страхе господя ходить). В ст. 79 в списке „Блаженную“ вместо „Блаженную“. В хоре в ст. 93 вместо слова „пространства“ написано „пространство“ (смысл этого места повидимому таков: все пустыни пространства с трепетом грядут радостным ликом, т. е. хором в сретение вечного взора); ст. 94, судя по размеру, не полон; в ст. 95 слово „безвещия“ дано в списке так: „без вещья“; в ст. 96 размер нарушен написанием слова „с нетерпеньем“ (вм. ь надо и); в ст. 98 в списке дано „Клубы“ вместо „Клубя“.

БОВА

Поэма „Бова“ была написана Радищевым после его возвращения из Сибири, и не ранее 1798—1799 гг.; это явствует из двух мест „Вступления“ к поэме: в одном Радищев говорит о том, что он „ездил Во страны пустынные, дальны, Во леса дремучи, темны, Во ущелья — ко медведям“; в другом, говоря о Сибири, так характеризует ее: „В ту страну ужасну, хладну, В ту страну, где я средь бедствий, Но на лоне жаркой дружбы Был блажен и где оставил Души нежной половину“. Здесь Радищев имеет в виду смерть своей второй жены Е. В. Рубановской в Тобольске, на обратном пути из Сибири, 7 апреля 1797 г. Затем, в тексте упоминается поэма С. Боброва „Таврида“, вышедшая в 1798 г. Сын Радищева Павел датировал „Бову“ 1799 г. (он писал приблизительно через 50 лет и по памяти) (см. его статью „А. Н. Радищев“. — В. П. Семенников. „Радищев“. 1923 г. стр. 235).

Сохранившееся начало поэмы Радищева (вступление и первая песнь) было напечатано впервые в его Собр. соч., т. I, 1807 г. В настоящем издании исправлены явные опечатки издания 1807 г.; в 1-й песне в ст. 63 в изд. 1807 г. напечатано „разъезжает“ вместо „разъезжают“; в ст. 122 — „одинако“ вместо „одинок“; в ст. 125 „столетия“ вместо „столетия“; в ст. 417 — „уготованном“ вместо „уготованным“; в ст. 522 „некоцианску“ вместо „некоцьянску“ (по размеру); в ст. 744 „Древний“ вместо „Древней“. В изд. 1807 г. поэме был предпослан прозаический „План богатырской повести Бовы“, к которому сделано примечание („Известие“) от редакторов: „Одиннадцать песней Бовы были уже написаны, двенадцатая и последняя начата, но по смерти сочинителя нашлася только первая песнь, изготовленная к тиснению. Может быть, причтут нам в пристрастие, но, кажется потеря забавной сей поэмы достойна сожаления. В первой песне найдутся негладкости, но сколько замечены они легкостию, приятностию, веселостию, чувствительностию, сколько картин приятных и как занимательно начало сей поэмы. — Мы читали все одиннадцать песней и скажем, что все были не хуже первой, а некоторые далеко ее превосходили. Чтоб дать читателям понятие о всей поэме, прилагаем план оной, хотя в первой песни и сделаны против него некоторые перемены“. В настоящем издании мы также даем, сначала прозаический план поэмы, потом уже сохранившуюся часть ее.

Радищев положил в основу своей поэмы некоторые мотивы из распространенной в XVIII в. сказки о Бове-королевиче. Начиная с XII или XIII в. сюжет повести о Бове странствует по Европе; он встречается и во французской литературе, и в английской, и в итальянской, и у других народов. Через переводы попадает повесть о Бове и в славянские литературы, в частности, попадает в Россию в XVI—XVII в. При этом происходит руссификация ее по всем линиям. Если на Западе повесть о Бове является рыцарским романом, то в России она начинает сбиваться на сказку. Перестроились и имена героев. Итальянские *Luovo* (или *Bovo*) *Drusiana*, *Ricardo*, *Luciferro*, *Pulicane* превратились в Бову, Дружневну, Личарду, Лукопера, Полкана; слово *meltrix* (*meretrix* — распутная женщина) образовало имя Милитриса; слово *castello*, замок, дало название города — Костел; и даже герцог *Orio* превратился в посадника Орла.

В XVIII в. повесть о Бове-королевиче, ранее читавшаяся даже при дворе, становится любимым произведением читательских „низов“. Распространялся Бова чаще всего в рукописях, в списках. Были и печатные лубочные издания. Кроме того печатались и отдельные лубочные картинки — портреты Бовы и „прекрасной королевы Дружневны“, героини повести. В XVIII в. повесть о Бове бытовала уже и в устном фольклоре. Об этом говорит Радищев, знающий впрочем и печатный текст: „Вы Бову хотя видали, Но в старинном-то кафтане, Во рассказах няни, мамы, Иль печатного...“ (Вступление).

Радищев обработал повесть о Бове, которую он воспринимал уже как народную сказку, совершенно свободно. Он заимствовал из нее имена героев — Мелетриса (Милитриса) и ее отец Кирбит Версаулович (Верзаулович), Гвидон (Видон), Дадон, Лукопер, Полкан (получеловек-полуконь); затем, он использовал в плане поэмы ряд мотивов сказки о Бове, например — встреча и бой Бовы с Полканом и потом союз их, история царевны (Друж-

невны), нанявшейся в работницы, дервиш (пилигрим в сказке), усыпляющий и предающий Бову, освобождение Бовы из плена и др. (см. Н. Г. Павлова, Сказка „Бова“ у Радищева и Пушкина, как вид политической сатиры. „Звенья“, № 1, 1932, стр. 527—528). Однако мотивы, заимствованные из старинной повести, переплетаются у Радищева с другими, не связанными с традицией подлинного „Бовы“. Радищев строил свою поэму в духе волшебного-рыцарских романов, составлявших в XVIII в. распространенное занимательное чтение. В русской литературе такие волшебного-рыцарские романы, составленные из длинной цепи фантастических приключений героя, и до Радищева использовали материал словесного фольклора (см., например, книги М. Чулкова и В. Левшина; о них: В. Шкловский, Чулков и Левшин, 1933).

Радищев еще во время работы над „Путешествием из Петербурга в Москву“ был занят вопросом об освобождении русской поэзии от рифмы. Существенное значение в развитии безрифмизма имела поэма Семена Боброва „Таврида или мой летний день в Таврическом Херсоните“ (1798). Это — поэтическое путешествие по Крыму. Поэма написана без рифм, четырехстопным ямбом, причем автор выступает в предисловии с защитой своего отказа от рифмы. В отношении безрифмизма Радищев сам указывает на пример Боброва; он говорит о своей повести „Без складов она, без рифмы, В след пойдет творцу Тавриды, Но с ним может ли сравниться!“ (Вступление. Ниже — опять похвала Боброву).

Политическая подкладка ряда мест „Бовы“ не помешала Радищеву ввести в свою поэму элемент эротики. В этом отношении примером ему служил Вольтер, умевший соединять веселую и весьма легкомысленную шутку с пропагандистским идеологическим заданием. Образцом такого искусства служила в XVIII в. знаменитая поэма Вольтера „Орлеанская девственница“ (изданные впервые в 1755 г.). К Вольтеру обращается Радищев во вступлении к своему „Бове“. Он хотел бы, чтобы его поэма была хоть сколько-нибудь похожа „На Жанету девку храбру, Что воспел ты“, т. е. на „Орлеанскую девственницу“ (Жанну д'Арк); таким образом Радищев сам устанавливает зависимость „Бовы“ от Вольтеровской поэмы. В 1-й песне „Бовы“ Радищев опять возвращается к Вольтеру, теперь уже к его сказке в стихах „То, что нравится женщинам“ („Ce qui plaît aux dames“). Говоря о любовных посягательствах старухи на Бову, он вспоминает „славного витязя Роберта“, т. е. попавшего в аналогичную ситуацию героя Вольтеровской сказки.

Стр. 27. Намек на близкую Радищеву современность, когда „в цари попадали“ тоже довольно „скоро“.

Стр. 27. Эпиграф—перевод с итал.: „О, какой случай, какое приключение“.

Песнь I, Стих 74. Н. А. Радищев пишет об отце: „первый его пестун и учитель русской грамоты был дядька Петр Мамонтов по прозванию Сума, к которому он обращается во вступлении своей поэмы „Бова“, взятой из сказки, часто рассказываемой ему этим Сумою“ (Н. П. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева. 1912. стр. 3).

Стих 91. Французский Пантеон с 1791 г. по постановлению Национального Собрании был усыпальницей великих людей Республики и местом, где выставлялись скульптурные изображения их.

Стих 93. Графиня де-Жанлис (Genlis), французская писательница и педагог, автор ряда романов и педагогических работ. Эпигонски-сенти-

ментальные книги Жанлис уже при ее жизни „опустились“ в бульварную литературу и ее популярность была велика лишь в кругах необразованных, „низовых“ городских читателей. До 1800 г. на русский язык были переведены „Дворец правды“ (1791), „Аделия и Феодор или письма о воспитании владетельных особ и простолюдинов“ (1791, ч. I); то же сочинение в другом переводе (1794, ч. 3) и то же под названием „Новое детское училище или опыт нравственного воспитания обоего пола и всякого состояния детей“ (1792), „Всеобщее нравоучение“ (1706) и ряд педагогических комедий: „Голубок“ (1789), „Зелюя или искренность“ (1789), „Добрая мать“ (1796), „Слепая в Спа“ (1799), „Иосиф, узванный братьями“ (1799). Однако огромная популярность Жанлис в России в мелкопоместных и мещанских кругах относится лишь к первым годам XIX в., когда переводились ее романы. Вульгаризацию сентиментализма в творчестве Жанлис и хотел в этом месте своего „Бовы“ осмеять Радищев. Может быть он имел при этом в виду и личную судьбу Жанлис, во время революции эмигрировавшей из Франции.

Стих 141. „Последний из Гиреев“ — Шагин-Гирей, после Кучук-Канарджийского мира (1774) посаженный русским правительством на ханский престол. Проводимая Шагин-Гиреем политика русских колонизаторов вызвала ряд восстаний; Шагин-Гирей в 1783 г. был вынужден отказаться от престола; в 1787 г. он уехал в Турцию, где вскоре был убит.

Стих 151. Радищев имеет в виду, конечно, волжских болгар, государство которых на Волге существовало в X—XIV вв. Волжские болгаре, занимавшие важный транзитный торговый путь, часто сталкивались с русскими феодальными княжествами, и русские летописи, из которых, вероятно, заимствует свои сведения Радищев, часто упоминают о них.

Стих 179. „Нестором“, — по имени монаха Киевского Печерского монастыря Нестора, составителя одной из редакций летописного свода XII в. „Повести временных лет“, — называли именно эту летопись.

Стих 189 и сл. Радищев имеет в виду известный проект захвата Константинополя, ставший в конце XVIII в. существенным элементом русской внешней и военной политики.

Стих 203. Радищев имеет в виду один из двух трудов Бюшинга: „Erdbeschreibung oder Universal-Geographie“ (Hamb., 1754—1792, Bd. I—XI) или „Magasin für die neue Historie und Geographie“ (Hamb., 1767—1793, Bd. I—XXV), скорее второй чем первый, так как он содержит чрезвычайно разнообразный и богатый материал для чтения „от скуки“.

Песнь I. *Стих 54.* Здесь Радищев попутно задевает спор „о происхождении Руси“, начавшийся еще в XVIII в.

Стих 163. Это место, где Бова собирается приступить к рассказу о своих бедствиях перед любвеобильной старухой, комически пародирует начало II песни „Энеиды“ Вергилия, где Эней таким же образом приступает к повествованию своих походов о гибели Трои и предупреждает слушающую его влюбленную Дидону о том, что рассказ его будет печален.

Стих 259. Как известно, причиной того, что Рафаэль „Душу высла вон из тела“ было чрезмерное увлечение любовными удовольствиями.

Стих 334. Здесь, разумеется, намек на историю русского трона, в XVIII в., пять раз занимавшегося женщинами (Екатерина I, Анна Ивановна, правительница Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна и Екатерина II). Отстра-

нение женщины от права на царствование было произведено только указом о престолонаследии Павла I.

Стих 687. Имеется в виду античный фаллический культ плодородия, символизовавшийся мужским детородным членом.

ПЕСНИ ПЕТЫЕ НА СОСТЯЗАНИЯХ...

Напечатано впервые в т. I Собр. соч. 1807 г. В настоящем издании исправлены явные опечатки этого издания: в изд. 1807 г. в ст. 16 напечатано „и север“ (что нарушает размер) вместо „север“; в ст. 87 напечатано „воздвигнуть“ вместо „вздвигнуть“ (по размеру стиха); в ст. 403 — „летали“ вместо „летала“; в ст. 607 — „возложил“ вместо „взложил“. До нас дошло только начало этой поэмы, точнее, прозаическое введение к ней и первая часть самой поэмы. Скорей всего, остальные части ее вовсе не были написаны Радищевым. Введение, в котором описано торжество древних славян, на котором должны состязаться певцы, определяет предполагаемую структуру всей поэмы. Она должна была, повидимому, состоять из отдельных песнопений, приносимых состязавшимися певцами. Первый певец, выступивший на состязании, — Всеглас; его именем и названа первая часть поэмы, представляющая его песнь; далее должны были идти песни других певцов — Крутосвиста, Хохта, Звена, Тиховоя. Начало поэмы Радищева написано в 1800—1802 гг.; эпиграф к ней взят из „Слова о полку Игореве“, напечатанного в 1800 г. („Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгородского Игоря Святославовича“, М., 1800). Мотивы „Слова“ использованы и в тексте введения и в обращении к Бояну в начале его. В своей поэме Радищев широко использовал имена псевдо-славянской мифологии. Он упоминает „Ладу“ уже в „Путешествии из Петербурга в Москву“. Есть „славянская“ мифологии и в „Бове“. Но особенно много ее в „Песнях древних“. Уже в начале введения к поэме перечисляются славянские боги, как действительные (Перун, Велес), так и измышленные. Приводим сокращенное объяснение этих имен по М. Попову (по его „Досугам“, 1772).

Перун — „начальнейший славенский бог. Почитали его производителем всех воздушных явлений и действ, как то: грома, молнии, облаков, дождя и прочего...“

Святовид — „бог солнца и войны“.

Велес — „славенский бог, начальствующий над скотами, по Перуне первый“.

Позвизд — „славенский Эол, которого древние признавали богом бурных ветров, а у киевлян почитался он богом воздуха, вёдра и ненастья“.

Ний — у Попова Ния — „признавался... подземным богом, коего степень занимал у греков и римлян Плутон, адский царь“.

Чернобог — „Некоторые варяжские славяне признавали его злым божеством и приносили ему жертву кровавую и печальное моление и также страшные заклятия“.

Лада „богиня киевская, подобящаяся во всем Венере. Славяне признавали ее богинею браков и веселия любовного“.

Леля, Лелио (или Лель) — „сын Ладин, нежный божок воспаления любовного“.

Полеля (Полель) — „славенский Именей, сын Ладин“, т. е. бог брака.

Дажьбог (Дажбог) — „божество славянское, почитавшееся в Киеве... По догадке, имя его означает одного богом подателем благ, от коего молебщики ожидали себе счастья; почему, кажется, можно его почтить богом богатств“ (у Радищева несколько иное толкование).

Знич — „священный неугасимый огонь. По многим городѣм имели славяне его храмы, жертвовали ему частью из полученных у неприятеля корыстей и пленными христианами“.

Купало — „киевский бог плодов, второй по Перуне“.

Зимцерла (в поэме Радищева „Бова“) — „славянская богиня. Какие приписывались ей качества, о том ничего неизвестно; разве испорченное ее название произвеств от имени *зима* и глагола *стерть*, так называется она *Зимстерлою* и будет походить на богиню весны и лета либо на Флору, богиню цветов“.

Большинство этих богов подогнано к привычным образам античной мифологии.

Без сомнения, „Слово о полку Игореве“ являлось одним из импульсов для создания Радищевских „Песен древних“, опыта реконструкции древней национальной поэзии, выражающего национальное мировоззрение, быт и характер славян-язычников. Уже в первых строках введения в поэму Радищев обращается к *Бояну*. Это полумифическое имя, упомянутое в „Слове“, понималось в начале XIX в. как собственное имя древнего великого поэта-эпика, русского Гомера или Оссиана. Эпиграф к „Песням“ Радищева взят тоже из „Слова“; в подлинном тексте (по первому изданию) он читается так: „тогда пушашеть, — соколовь на стадо лебедей, который дотечаше, та преди песнь пояше“ (стр. 3). Далее во введении к поэме Радищев описывает состязание десяти соколов, погнавшихся за десятью лебедами. Это описание явилось результатом неправильного понимания данного места „Слова о полку Игореве“ в переводе его при издании 1800 г. Здесь указанное место и его контекст переданы так: „Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенным: чей сокол скорее долетал, тому прежде и песнь начиналася, либо старому Ярославу либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю пред полками Касожскими, или красному Роману Святославичу“ (стр. 3—4). Космогонические и воинственные мотивы первой части „Песней древних“ („Всеглас“) сближаются с характерными мотивами поэзии Клопштока; вообще влияние преромантической литературы Германии и Англии сильно сказывается в радищевской поэме. Размышление о человеке (ст. 142—148) напоминает то место 1 песни „Ночей“ Юнга, мотив из которого заимствовал Державин в оде „Бог“. „Как беден, как богат...“ и т. д.) „Ночи“ были широко известны во всей Европе в XVIII в. и в частности в России. На русский язык „Ночи“ переведены в XVIII в. неоднократно.

ПЕСНЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Напечатана в т. I Собр. соч. 1807 г. В наст. издании исправлены опечатки издания 1807 г.: в ст. 42 — „народом“ вместо „народам“; в ст. 910 — „хладрокровой“ вместо „хладнокровой“; в ст. 1631 — „так“ вместо „как“;

в ст. 1745 — „Ариана“ вместо „Адриана“. Написана „Песнь“, по всей вероятности, в последний год жизни Радищева, т. е. после смерти Павла I; об этом говорит то место поэмы, где идет речь о смерти Тиверия (ст. 1325 след.) Есть все основания полагать, что Радищев имеет здесь в виду смену царей-тиранов 11 марта 1801 г. В том виде, в каком она до нас дошла, „Песнь Историческая“ представляет собою, повидимому, лишь начало огромной поэмы, излагающей всю всемирную историю, начиная со времен „баснословных“. Радищева интересовало при этом не столько изложение исторических событий самих по себе, сколько те политические выводы, те уроки для современности, которые можно было извлечь из этих событий.

В „Песни исторической“ Радищев является учеником западных буржуазно-радикальных писателей XVIII столетия. Он излагает древнюю историю в том освещении, которое ей придали Монтескье, Мабли и т. п. Даже самый подбор имен и тем, вызывавших его интерес, характерен для радикальной публицистики XVIII в. В греческой истории это, например, легендарный Ликург (в реальности которого не сомневались еще учителя Радищева), прославленный, например, у Мабли как великий учитель народов, или Александр Македонский, которого Радищев вместе со своими учителями равняет как своекорыстного авантюриста. В римской истории это образцы идеальных граждан, приносящих свою жизнь на жертву республике, мудрые и скромные вожди народа, вроде Цинцинната. Затем Радищева, как и его учителей, в особенности интересует период падения в Риме республики, потери свободы римскими гражданами. Из императоров Радищев сочувственно относится к Марку Аврелию, неоднократно превознесенному в XVIII в. (см., например, произведение Тома „Слово похвальное Марку Аврелию“, переведенное Фонвизином, изд. на русск. яз. в 1777 г.).

В начале поэмы Радищев, прежде чем перейти к Греции и Риму, дает краткий очерк народов востока. Здесь его выбор тем опять-таки традиционен. Коварный фанатик Магомет у Радищева восходит к образу, созданному знаменитой трагедией Вольтера „Mahomet“. Конфуций тоже дан так, как он прославлен Вольтером, приводившим терпимость и „философический дух“ китайской религии в пример для того, чтобы дискредитировать христианство, Радищев делает прямые ссылки на свои источники и своих учителей в тексте самой поэмы; говоря о Кире персидском, он упоминает Рамзея, автора политико-нравоучительного романа „Les voyages de Cyrus“ (1727), переведенного и на русский язык („Новое Кирионаставление или путешествия Кирова“, ч. II, пер. А. Волков, М., 1765; другой перевод А. В. Храповицкого, 2 ч., М., 1785). Говоря о Катоне и Цицероне, Радищев сопоставляет их, ссылаясь на Монтескье. Все это место переведено из Монтескье, который, в самом деле, сравнивает Катона с Цицероном в „*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*“ (гл. XII). Он пишет здесь: „Я полагаю, что если бы Катон сохранил себя для Республики, он придал бы ходу событий совсем другой оборот. Цицерон, который обладал качествами превосходными для занятия второго места, не способен был стоять на первом. Он обладал высоким умом, но проявлял нередко посредственность души. Для Цицерона второстепенной являлась добродетель, для Катона же—слава. Цицерон всегда думал о себе в первую очередь; Катон всегда забывал о себе; он хотел спасти Республику ради нее самой; Цицерон же, чтобы хвалиться этим“.

Несколько ниже Радищев, говоря о Тиберии, опять ссылается на Монетские. Здесь мы находим перевод оттуда же (гл. XIV): „нет тирании более жестокой, чем та, которая осуществляется под сению законов и под знаком правосудия; когда, так сказать, топят несчастных на той самой доске, на которой они спаслись“. Говоря о временах императора Траяна, Радищев приводит слова Тацита. Это место из „Истории Тацита“ (кн. I, гл. I) вошло в эпиграф к „Стихотворениям Державина“ (т. I, 1768 г.) — „О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещается...“ („Rara temporum felicitate, sentire quae velis et quae sentis dicere licet“).

МЕЛКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения Радищева, собранные в этом отделе, относятся к разным годам. Датировать их все не представляется возможным. Радищев писал стихи с самого начала своей литературной деятельности. Рассказывая историю своего литературного творчества в письме-показании к Шешковскому из крепости, во время следствия о „Путешествии“ в 1790 г., Радищев писал о времени до 1775 г., до своей женитьбы: „Родясь с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращались всегда на нежные предметы, но все было с неудачею“. Вероятно, он имел в виду именно поэтическое творчество, может быть любовные песни; стихотворения Радищева этого рода до нас не дошли, кроме одной песни. Отчасти к этому же кругу тем можно отнести и „Идилию“ и „Сафические строфы“. Однако мы не имеем оснований отнести именно эти стихотворения к ранней поре творчества Радищева.

Большинство мелких стихотворений Радищева были напечатаны впервые в т. I собрания его сочинений (1807), причем некоторые напечатаны не совсем исправно. Мы исправили явные ошибки этого издания, но, конечно, не имели возможности восстановить текст полностью, не имея ни рукописей, ни авторитетного авторского издания их. Мы располагаем стихотворения следующим образом: сначала в хронологическом порядке мы даем те стихотворения, которые могут быть датированы точно или приблизительно; потом уже идут произведения, относительно времени написания которых нет возможности прийти к сколько-нибудь определенному решению.

Эпитафия. Напеч. впервые в т. I Собр. соч. 1807 г. Стихотворение датируется 1783 годом — годом смерти первой жены Радищева А. В. Рубановской. В автографе статьи сына Радищева, П. А. Радищева, о своем отце („Александр Николаевич Радищев“), хранящемся в архиве Института Литературы Академии Наук СССР, приведен — вероятно по памяти — текст „эпитафии“ с некоторыми вариантами, а именно: ст. 4: „А если чувствовать“ — вместо „Коль будем чувствовать“; в ст. 10 — „но если“ вместо „но если ж“; в ст. 12 — „Уж больше нет отрад“ вместо „Тогда отрады нет“; в ст. 16 — „утешь свою супруга“ вместо „утеши тем супруга“.

„Ты хочешь знать...“ Стихотворение было найдено П. А. Ефремовым в списке в принадлежавшем ему старинном рукописном сборнике 1792 г. и напечатано в его издании „Живописца“ Н. И. Новикова, СПб., 1864, в примечаниях, на стр. 347 с пропуском 6-го стиха; потом — в его же уничтоженном издании сочинений Радищева 1872 г. — полностью. Стихотворение дати-

руется временем пребывания Радищева в Тобольске во время путешествия в ссылку (январь—июль 1791 г.). В списке Ефремова стихотворение имело заглавие: „Ответ Г-на Радищева, во время проезда его через Тобольск, любопытствующему узнать о нем“.

Почто, мой друг . . . — Напечатано впервые в т. I Собр. соч. 1807 г. Написано Радищевым в Сибири, может быть во время путешествия, как видно из ст. 8—10, в которых поэт говорит о своей жизни в ссылке, вдали от друзей и чад (из четверых детей к Радищеву в Илимск приехали двое; старшие сыновья, Василий и Николай, остались в России).

Издатели Собр. соч. 1807 г. дали этому стихотворению заглавие „Послание“ явно по недоразумению. На самом деле, это вовсе не послание, а диалог, стихотворный разговор двух лиц, из которых одним является сам Радищев. Не разобрав, в чем дело, издатели в 1807 г. тем не менее отделили друг от друга все реплики диалога, но сделали это, повидимому, не сознательно, а следуя лишь указаниям рукописи. Они просто разбили стихотворение на куски, разделенные черточками (после стихов 7, 11, 17, 27, 28, 29, 32, 33, 49 и 53). Так стихотворение и печаталось под названием „Послание“ и со звездочками, без толку делящими его на обрезки, во всех позднейших изданиях сочинений Радищева. Мы восстановили его цельность, придали ему вид диалога и убрали явно не радищевское название.

В первом издании последний стих стихотворения заканчивается многоточием, указывающим, как будто, на незаконченность его. Однако, в самом тексте стихотворения, во внутренней структуре его нет оснований для такого предположения, сделанного, повидимому, издателями.

„Час преблаженный . . .“ — Напеч. в „Русском Вестнике“ 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. I, в статье П. А. Радищева „А. Н. Радищев“; мы сверили текст по автографу статьи П. А. Радищева в архиве Института Литературы Академии Наук СССР. Поместив это стихотворение в Собр. соч. Радищева 1872 г. П. А. Ефремов озаглавил его: „Экспромт при известии о помиловании“. Радищев пробыл в Илимске с 4 I 1792 четыре года. В декабре 1796 г. здесь узнали о смерти Екатерины II. Е. В. Рубановская, звоячиница и жена Радищева, лично известная Павлу I, когда он был еще великим князем, готовилась ехать в Петербург, чтобы хлопотать о смягчении участи Радищева. В начале 1797 г. пришло известие об указе Павла 23 XI 1796, освобождавшем Радищева от ссылки. К этому времени относится экспромт.

Журавли (басня), напеч. впервые в I т. Собр. соч. 1807 г. Это, без сомнения, автобиографическое стихотворение относится к последним четырем годам жизни Радищева, т. е. написано после возвращения его из Сибири в 1797 г. Это явствует из ст. 25—29, имеющих в виду окончание ссылки Радищева. В то же время можно думать, что стихотворение написано именно в период между 1797 и 1800 гг. включительно, т. е. до вступления на престол Александра I; в тех же ст. 25—29 речь идет о тихой пристани, в которой поэт нашел блаженство, „награду трудов“. Между тем, в 1801 г. Радищев вновь приступает к трудам, к политической деятельности. Картина покоя, данная в этих стихах, скорее всего может относиться именно к 1797—1800 гг., когда Радищев, возвращенный из Сибири, был обречен все же на бездеятельность в деревне.

Оснадцатое столетие. Написано в 1801 г. Напечатано впервые в т. I Собр. соч. 1807 г. Текст стихотворения в этом издании неисправен — ст. 16 дан в таком виде: „Ах, омоченно в крови век ты ниспадешь во гроб“; лишнее слово „век“ мы устранили; но мы не можем взять на себя смелость выправить предыдущий стих, хотя и размер и смысл указывают, повидимому, на такое чтение: „Кровь — твоя колыбель, припевание — громы сраженьев“. Ст. 19 неполон; пропущено слово (во втором полустииши). Ст. 39 — напеч. „созвало“ — явно ошибочно вместо „возвало“. Ст. 52 — напеч. „пламенный“ — явно ошибочно вместо „пламенный“. Ст. 62 — неправильность размера указывает на испорченный стих. Ст. 64 — напеч. „отчаянье“, что нарушает размер. Ст. 70 неполон; недостает, видимо, последнего слова. Ст. 76 — может быть вместо „воздвигнут“ надо „вздвигнут“. Ст. 79 неполон; стихотворение обрывается на нем.

Сафические строфы. Напеч. впервые в журнале „Ипокрена“, 1801, ч. X, стр. 288; потом в т. I Собр. соч. 1807. Написано, вероятно, в последние годы жизни Радищева. Стихотворение представляет собою опыт передачи на русском языке одной из распространенных в греческой и латинский поэзии строф, так наз. сафической строфы. Метрическую формулу этой строфы предпослали стихотворению издатели собрания сочинений Радищева (1807). Здесь вслед за заглавием „Сафические строфы“ напечатана схема:

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Этой схемы нет в „Ипокрене“.

В тексте „Собр. соч.“ есть одна явная ошибка: первый стих II строфы дан так: „Ты клялась верною быть во веки“, что нарушает размер. Кроме того, текст „Собр. соч.“ имеет два варианта к тексту „Ипокрены“: ст. 3 — „нежны“ вместо „нежно“; ст. 11 — „взаимно“ вместо „взаимной“.

Название „сафическая строфа“ происходит от имени греческой поэтессы VI в. до н. э. Сафо, которая якобы изобрела этот размер. В новой поэзии сафические строфы (в несколько измененном виде), как и другие античные сложные строфы, получили право гражданства в Германии, где их ввели, начиная с середины XVIII в., Клопшток и поэты его школы. Опыты немецких поэтов побудили Радищева к созданию русских сафических строф, как и вообще к его метрическим исканиям. Между тем, еще со времен Тредиаковского, делались попытки воспроизвести античные строфы и в русской поэзии. В 1755 г. возгорелся спор между Сумароковым и Тредиаковским о том, как надо строить на русском языке сафические и гораццианские строфы. Рукописная статья Сумарокова до нас не дошла. Ответ Тредиаковского был опубликован П. Пекарским в его „Истории Академии Наук“ (т. II, стр. 250–257). После Сумарокова в 70-х годах сафические строфы писал схоластик-поэт иеромонах Аполлос Байбаков, к 1800-м годам относятся стихотворения Востокова, написанные сафическими строфами. Востоков был связан с кружком учеников и почитателей Радищева.

Идиллия. Напеч. впервые в т. I Собр. соч. 1807 года. Здесь в ст. 55 напечатано „в них“, тогда как по смыслу надо „в ней“; мы исправили эту ошибку. Время написания неизвестно.

„Идиллия“ Радищева представляет собою вольный и распространенный перевод-переложение идиллии немецкого (швейцарского) писателя С. Гесснера (1730—1788) „Милон“ (Salomon Gessners sämtliche Schriften, II Bd., 1795, S. 65). Конечно, мыслей о свободе и неволе, заключающихся в стихах 10—20 радищевской Идиллии, нет у Гесснера. Эту же идиллию Гесснера перевел стихами кн. Г. А. Хованский („Милонова птичка“, Нов. Ежем. Соч., 1788, ноябрь; и потом в сборнике его стихотворений „Жертва музам“, 1795).

Песня. Напеч. в т. I Собр. соч. 1807 г. Время написания неизвестно. В Собр. соч. 1807 г. есть неправильность в графическом распределении стихов и в самом тексте третьей строфы; она дана в таком виде:

Нет, я ее люблю,
 Любить во веки буду;
 Люблю, терзанья все стерплю,
 И верен ей пребуду,
                   Терплю,
                   А все люблю,

г. е. слиты в одну строку ст. 3 и 4, но явно пропущен один стих, пятый. В издании 1872 г., подготовленном П. Ефремовым (и уничтоженном цензурою почти полностью), этот стих восстановлен: „Ее не позабуду“, но откуда взял этот стих Ефремов — неизвестно. Текст Ефремова повторен и в „Русской поэзии“ Венгерова (1895, т. I, стр. 851). Мы заключаем этот стих в квадратные скобки.

К другу моему. Напеч. в т. I Собр. соч. 1807 г. Время написания неизвестно.

Стихотворение представляет собою распространенное подражание мотивам оды Горация к Постуму („Eheu fugaces, Posthume, Posthume“, Кн. II, ода XIV).

Молитва. Напеч. впервые в т. I Собр. соч. 1807 г. Время написания неизвестно. Может быть, относится к концу жизни Радищева (судя по содержанию). В издании 1807 г. последний стих закончен многоточием, указывающим, повидимому, на незаконченность стихотворения.

ДНЕВНИК ОДНОЙ НЕДЕЛИ

Напечатано впервые в „Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева“, том IV, 1811 г. Мы исправили в этом тексте одну ошибку: в главе „Поместье“ (стр. 140) в изд. 1811 г. напечатано „Карают Беверлея“; очевидно, что это ошибка чтения автографа вместо „играют“; и смысл и стилистический характер текста указывают на это. „Дневник“ относится к раннему периоду творчества Радищева. Об этом, кроме общего стилистического характера и содержания по-

вести, говорят следующие соображения. В главе „Понедельник“, к тому месту, где Радищев говорит — „кто же поручится мне, что и я сам себе злодей не буду“ кто-то, может быть сам Радищев, сделал примечание: „Сие сбылось чрез несколько лет“. В начале повести говорится о службе автора-героя ее. В. В. Каллаш, редактор полного собр. соч. Радищева (1907) относит „Дневник“ на этих основаниях к 80-м годам, вероятно, понимая выражение радищевского примечания „чрез несколько лет“, в том смысле, какой это вы ажение имеет в языке XX в., т. е. через весьма немного лет, примерно, менее десятка. Однако в языке XVIII в. слово „несколько“ понималось более широко и без сомнения могло обозначать и большее число. С другой стороны, то место главы „Понедельник“, в котором идет речь о театре, наводит на мысль о более раннем написании повести. Постановка „Беверлей“ в Петербурге относится к 1773 г. О постановке этой пьесы в 80-х годах мы имеем сведения, относящиеся лишь к Москве: повидимому, вне Москвы она в это время уже не шла (см. ниже). Между тем, действие „Дневника“ протекает в Петербурге. Да и вообще, скорей всего Радищев говорил в повести о литературном и театральном явлении, еще новом, вызывавшем споры и интерес в обществе. Таким образом мы считаем возможным предположить, что „Дневник одной недели“ мог быть написан в 70-е годы, начиная с 1773 г. (тот факт, что Радищев женился лишь в 1775 г. не противоречит этому, так как „друзья“, о которых говорится в „Дневнике“, — вовсе не обязательно жена или дети героя, а тем более — автора). Во всяком случае „Дневник“ может быть датирован в пределах от 1773 г. до середины 80-х годов.

„Дневник одной недели“, конечно, представляет собою не подлинный дневник Радищева, а является художественным произведением, повестью, характерной для литературной позиции Радищева. „Дневник“ — одно из наиболее ярких и наиболее ранних проявлений сентиментализма в русской литературе.

Стр. 140 „Беверлей“ — „Буржуазная трагедия в пяти действиях. . . в стихах“ французского драматурга Сорена (Saurin) была поставлена в первый раз в Париже в 1768 г. Она представляет собой переделку английской драмы Эдуарда Мура „Игрок“. На русский язык „Беверлей“ был переведен И. А. Дмитриевским в прозе и издан в 1773 г. в СПб. („Беверлей, Мещанская трагедия“) „Обществом, старающимся о напечатании книг“, организованным Н. И. Новиковым. Общество работало в ближайшем контакте с „Собранием, старающимся о переводе иностранных книг“, для которого исполнял литературные работы и Радищев.

„Беверлей“ был представлен в первый раз в Петербурге 11 мая 1773 г. Это был один из первых опытов перенесения на русскую сцену буржуазной драмы. „Беверлей“ имел успех. Составитель „Драматического словаря“ 1787 г. пишет: „Сия трагедия често играется на московском театре с похвалою“. Здесь же, в Москве, Новиков переиздал ее в 1787 г.

В трагедии представлен человек, подпавший под влияние ложного друга, стремящегося к его разорению и гибели и сворачивающего его при помощи карт. Страх к игре заглушает в Беверлее все добрые наклонности. Ни жена, ни истинный друг не могут спасти его. Он попадает в ловушку, приготовленную злодеем, он разорен, он — в тюрьме за долги; он раскаивается; ему сообщают, что плутни злодея разоблачены и деньги будут воз-

вращены ему, Беверлею: но уже поздно; он принял яд и умирает, завещая своему сыну ненависть к игре.

Стр. 142. „Внутри пределов города находится еще русская деревня Волково на Черной речке, а близь оной большое кладбище. . .“ (ныне Волково кладбище). „Описание. . . Санктпетербурга. . . сочинение И. Г. Георги“, пер. П. Безака, СПб., 1794, стр. 131.

ПИСЬМО К ДРУГУ

„Письмо“ — первенец „вольной“ типографии Радищева; напечатано анонимно в начале 1790 г. (полный титул: „Письмо к другу жительствоющему в Тобольске. По долгу звания своего. С дозволения Управы Благочиния. В Санктпетербурге. 1790“); экземпляры первого издания чрезвычайно редки: важнейший хранится в VI разряде б. Гос. Архива в „деле“ Радищева № 2760/778. Тут же собственноручная записка Екатерины II, без адреса: „По городу слух, будто Радищев и Щелищев писали и печатали в домовой типографии ту книгу [„Путешествие“]. Исследовав, лучше узнаем“. На полях стр. 7—8 отчеркнуто карандашом: „но колико крат. . . к предвечному отцу“; на стр. 8—9 „шли мимо подавшего. . . прощением разных преступников“; на стр. 14 (примечания): „если бы. . . мысли“. Кроме черты, здесь имеется „NB“. Далее следуют в „деле“ копии с замечаний Екатерины на „Путешествие“ и в конце их (на поле л. 26): „Сие сочинение [„Письмо“] также господина Радищева и видно из подчеркнутых мест, что давно мысль ево готовилась по взятому пути, а французская революция ево решила себя определить в России первым подвизателем. Я думаю, Щелищев едва ли не второй. До протчих добраться нужно. Изо Франции еще пришлют вскоре паричко“.

Кому „Письмо“ адресовано, трудно сказать. „Письмо“ начато было сразу после открытия памятника Петру I (7/VIII 1782 г.), а напечатано в 1790 г., когда Людовик XVI некто „добровольно упустил из своей власти“. Возможно, что первоначально адресат находился даже не в Сибири, а в каком-то другом „отдаленном отечестве нашего края“, и лишь близ 1789 г. поселился в Тобольске. Не был ли этим адресатом Александр Васильевич Алябьев (р. 1746), назначенный в 1787 г. Тобольским губернатором? Его, надо полагать, имел в виду А. М. Кутузов, когда беспокоился об участии Радищева и просил кн. Н. Н. Трубецкого осведомиться чрез „Александра Васильевича“ (17 XII 1790, — Я. Л. Барсков, „Переписка московских масонов“, 1915, стр. 51), наконец, им ласково принят был Радищев, когда жил в Тобольске, на пути в Илимск (Архив кн. Воронцова, V, 293—309).

Стр. 147. Памятник Петру I задумала поставить имп. Елизавета. Исполнить его поручено было „штукатурных дел мастеру“ Мартелли; 8/X 1764 И. И. Бецкий донес Сенату, что Екатерина II эту „работу апробовать не соизволила“. По просьбе Бецкого и по указанию Дидро русский посланник в Париже кн. Д. А. Голицын 10 IX 1766 заключил контракт с членом Парижской королевской академии живописи и скульптуры, Фальконе. Модель была закончена Фальконе в 1769 г.; на пьедестале памятника была сделана надпись: *Petro primo Catharina secunda* (Петру I Екатерина II), сочиненная А. П. Сумароковым.

Открытие памятника подробно описано в № 79 СПб. Ведомостей, 1782: всю ночь на 7 VIII бушевал сильный ветер с беспрестанным дождем; небо

с утра было помрачено тучами; но вскоре после полудня открылось солнце и на весь день установилась тихая и ясная погода; Екатерина смотрела на торжество с балкона в Сенате. Из окон сенатских покоев любовались особы первых двух классов с их семьями, остальные чины разместились в галереях вокруг площади со стороны Невы; река была покрыта множеством крупных и мелких судов; мачты их представляли собой густой лес. Из полков раньше всех появился на площади Преображенский, а в завершении всего „военного строя“ — Семеновский. Екатерина прибыла на торжество водою к 5 часам дня; „сев на суды у летнего своего дома“. В XVIII в. было три дворца в Летнем саду: 1) Петра I, построенный им для Екатерины I и существующий в настоящее время; 2) имп. Анны, сломанный при Елизавете; в нем был арестован Бирон в ночь на 8/XI 1740; 3) дворец Елизаветы на месте позднейшего Михайловского или Инженерного замка.

Стр. 149. Три человека — трое стариков, современников Петра I, которых имеет в виду Р., были, вероятно, гр. Генрих-Берендт Тизенгаузен (1703—1789), И. И. Бецкий (1704—1795) и С. Х. (Иоганн Эрнст) фон Миних (1708—1783) или кн. А. М. Голицын (1718—1788).

Стр. 149. Сей день ознаменован — 7 VIII | 1782 был издан манифест „О разных милостях, дарованных преступникам по случаю открытия монумента императору Петру I“ (Полн. Собр. Законов № 15488). Согласно манифесту снижались наказания для осужденных, прекращались следствия по делам, продолжавшимся более десяти лет, объявлялась амнистия некоторым группам каторжных, беглым, корчемникам и т. д. Указом 9 VIII площади, на которой был поставлен памятник, было присвоено название Петровской

Стр. 149. Дидро пробыл в Петербурге почти пять месяцев, с 28 IX (9 X) 1773 до 22 II (5 III) 1774, и бывал в мастерской Фальконе.

Стр. 150. Женеvский гражданин — Ж. Ж. Руссо. Радищев имеет в виду следующий несправедливый отзыв Руссо о Петре: „Петр обладал подражательным гением; он не обладал настоящим гением, таким, который творит и создает все из ничего. Некоторые из сделанных им нововведений хороши, большинство было неуместно. Он сознавал, что его народ — варварский народ, но он не сознавал, что он не созрел для гражданского порядка. Он хотел его цивилизовать, когда его надо было только приучать. Он желал сначала создать немцев и англичан, когда прежде всего необходимо было создать русских. Он помешал своим подданным стать когда-либо тем, чем они могли быть, уверяя их, что они — то, чем они на самом деле не являются. Именно такое образование дает французский воспитатель своему воспитаннику, чтобы он блистал во время своего детства, а потом не был бы никогда ничем“ („Общественный договор“). Мабли в своем „De l'étude de l'histoire“ признавал Петра I великим, указывая в то же время, что он не создал такого порядка, „который мог бы держаться и после великих людей, и без них, не боясь ничтожества и даже порочности владык“.

ЖИТИЕ Ф. В. УШАКОВА

„Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений. В Санктпетербурге, в императорской типографии. 1789 года.“ — Эта анонимная книжка содержала две части: „Часть первая. Житие Федора Васильевича Ушакова“, и Часть вторая. Размышления. 1. О праве наказания и о смертной казни.—2. О Любве.—3. Письмы о первой книге Гельвециева

сочинения, о Разуме". Сочинения Ушакова, составляющие вторую часть книжки, даны в переводе, сделанном, без всякого сомнения, Радищевым. Можно думать, что Радищев внес кое что и свое в переводимый им текст или, по крайней мере, отредактировал его. В историческом музее в Москве хранится экземпляр книжки, принадлежавший Чертковской библиотеке (экземпляр И. Остроглазова), на котором А. Ф. Мерзляков сделал пометки пропусков и смягчения выражений, которые казались ему неудобными для печати, и действительно в ряде мест его правка и произведенные им сокращения снимают революционный характер текста. В таком виде „Житие“ перепечатано в V части „Сочинений“ Радищева, изданных его наследниками (1811).

Затем „Житие“ (обе части книжки) перепечатано в сборнике П. Бартерева „Осмнадцатый век“, кн. II. М., 1868 г.

В нашем тексте мы раскрываем в квадратных скобках инициалы лиц, еще живых, когда вышла брошюра Радищева, который поэтому не назвал их полностью.

Кн. Е. Р. Дашкова рассказывает в своих „Записках“, как однажды в Российской академии в доказательство, что у нас было много писателей, не знавших родного языка, обратили ее внимание на брошюру Радищева. Княгиня в этот же вечер сказала об этом своему брату, начальнику и другу Радищева, гр. А. Р. Воронцову, который послал уже купить „Житие“. Тут же она заметила брату, что „его протеже страдает писательским зудом, хотя ни его стиль, ни мысли не разработаны, и что в его брошюре встречаются даже выражения и мысли, опасные по тому времени“. Через несколько дней Воронцов сказал сестре, что она слишком строго осудила брошюру Радищева: „Прочтя ее, он нашел только, что она не нужна, так как Ушаков не сделал и не высказал ничего замечательного“. Дашкова возразила, что „писательский зуд может побудить Радищева написать впоследствии что-нибудь еще более предосудительное“.

Пророчество, приведенное Дашковской задним числом, имеет мало цены, но любопытно, что 1) Воронцов велел купить брошюру, а не получил ее от автора, значит и ему кто-то раньше сестры уже сообщил о появлении этой печатной новинки; 2) она тотчас по своем выходе в свет вызвала разговоры в Академии (Архив кн. Воронцова, XXI, 298—299).

А. М. Кутузов писал 6/17 декабря 1790 г. Е. И. Голенищевой-Кутузовой о Радищеве: „Проводя 40 лет в тишине и покое, имея четырех детей, которых чрезвычайно любил и которыми по истине мог заниматься с приятностию и пользою, вздумалось ему сделаться автором, — несчастное желание! Начало к сему сделал книжкою под названием «Житие Федора Васильевича Ушакова», с приобщением некоторых его сочинений, но по несчастию был человек необыкновенных свойств, не мог писать, не поместив множество политических и сему подобных примечаний, которые, известно вам, не многим нравятся. Он изъяснялся живо и свободно, со смелостию, на которую во многих землях смотрят как будто бы на странную метеору. Книжку сию приписал [т. е. посвятил] он мне. Признаюсь, что большую часть его положений касательно религии и государственного управления нашел [я] совершенно противоположною моею системе... Книга наделада много шуму. Начали кричать: «Какая дерзость, позволительно-ли говорить так!» и проч. и проч. Но как свыше молчали, то и внизу все

умоляло. Нашлись и беспристрастные люди, отдававшие справедливость сочинителю". (Я. Л. Барсков. „Переписка московских масонов XVIII века“. 1915 г. стр., 65—66.)

Стр. 155. „Жигие“ посвящено, так же как „Путешествие“, ближайшему другу Радищева — Алексею Михайловичу Кутузову.

Стр. 156. Теплова — Сухопутный кадетский корпус был учрежден в Петербурге, при Анне Ивановне. Ф. В. Ушаков поступил в корпус около 1760 г., окончил его около 1764 г. и затем (в 17 лет) принят на должность секретаря Г. Н. Тепловым.

„Устав о рижской коммерции“ был опубликован 17 XII 1765 (Полн Собр. Законов № 12518).

Стр. 157. На сей конец — При Екатерине II была возобновлена практика посылки молодых людей за границу для обучения. 20 IX 1766, может быть по предложению гр. В. Г. Орлова, состоялось повеление о выдаче из Иностранной коллегии паспортов для поездки в Лейпциг 12 молодым дворянам: Челищеву Петру 20 л., Рубановскому Андрею 18 л., Янову Сергею 17 л., Кутузову Алексею 17 л., Радищеву Александру 17 л., Римскому-Корсакову Александру 15 л., князьям Несвижскому и Трубецкому, двоюродному брату гр. Орлова Зиновьеву, братьям Федору и Михаилу Ушаковым и Насакину; из них первые шесть были пажами. Впоследствии к ним присоединились двое братьев Олсуфевых, Козодавлев, Волков, гр. Матюшкин и Мельгунов Римский-Корсаков скончался в пути (15 I 1767 г.). „Гофмейстером“ (надзирателем) при студентах назначен был майор Егор Федорович Бокум, духовником — иеромонах Павел, учителем русского языка — Сергей Подобедов. Первоначально ассигновано было на каждого студента по 800 р., а с 1769 г. по 1000 р. ежегодно; в общей сложности расход достигал 15 тыс. р. в год. В январе 1767 г. студенты достигли Данцига и отсюда направились в Лейпциг. Инструкция для них была составлена Екатериной 22 IX 1766, за день до их отъезда за границу (Сборник Историч. Общества, X, 107—111). Сведения о ходе их занятий в Лейпциге, по архивным и печатным материалам, собраны в очерках М. И. Сухомлинова „А. Н. Радищев“ („Исследования и статьи“, СПб., 1889, т. I, 554—551) и „Осип Петрович Козодавлев“ („История Российской академии“, вып. VI, СПб., 1882, стр. 7—23). Тяжелое положение студентов и злоупотребления Бокума, о которых пишет Радищев подтверждаются документами, опубликованными в Сб. Ист. Общ., т. X, 112 и след. и ХСVII, 193—194. Здесь же приведены рассказы фурьера Яковлева, возившего дипломатические бумаги русскому „министру“ (послу, 1766—1778) в столице Саксонии, Дрездене, кн. Андрею Михайловичу Белосельскому.

В одно время с русскими студентами слушал лекции на юридическом факультете в Лейпцигском университете Гете; его воспоминания об этом периоде см. в „Правде и Поэзии“ („Wahrheit und Dichtung“).

Стр. 159. Замечания Радищева о подкалхмстве и о собаке можно сопоставить со словами „низкомерного“, изображенного Сумароковым: „Я положил себе такой в жизни устав, чтоб не только приласкиваться к холопьям больших господ, но и к собакам их“ и т. д. („Разговоры мертвых. II. Высокомерный и Низкомерный“. Напеч. впервые в „Трудолюбивой Пчеле“, 1759, май. Потом в Полн. собр. соч., 1781, т. VI, II издание 1787 г.). Ср. этот же мотив у Грибоедова в „Горе от ума“; Молчалин говорит: „Мне завещал

отец Во-первых, угождать всем людям без изъятя; Хозяину, где доведется жить, Начальнику, с кем буду я служить, Слуге его, который чистит платье, Швейцару, дворнику, для избежанья зла, Собаке дворника, чтоб ласкова была“ (д. IV, явл. 12).

Стр. 161. Радищев имеет в виду третье „рассуждение“ в книге Гельвеция „Об уме“ (De l'esprit“, Р., 1758), главы XVIII—XXI, в особенности же XVII, „О стремлении всех людей к деспотизму, о средствах его достижения и об опасности от деспотизма для государей“ (Гельвеций, „Об уме“, П., 1917, стр. 251—269).

Стр. 163. Путь молодых студентов в Лейпциг лежал через *Mitau*, тогда столицу герцогства Курляндского.

Стр. 167. *Фухтель* — тесак, палаш, шпага (нем. Fuchtel). Наказание фухтелями, заимствованное из Пруссии, применялось в русской армии в XVIII в., преимущественно в кавалерии.

Стр. 170. Согласно инструкции Екатерины, русские студенты должны были, кроме языков, обучаться в Лейпциге „моральной философии, истории наипаче праву естественному и всенародному и несколько и римской империи праву“ (Сб. Ист. Общ., X, 107). Об изучении естественного права в юности Радищев пишет в „Путешествии“, в главе „Хотилов“. В Лейпцигском университете естественное право Радищев изучал по распространенному в то время руководству Пуфендорфа (De jure naturale gentium).

Стр. 174. *Одним из наших учителей* — Письма русских студентов отнесил на почту Вицман. Бокум доносил 14 (25) VII 1767 А. И. Ольсуфьеву, что ссоры с молодежью у него происходили „по наущениям бессовестных людей, а особливо, как сами молодые господа сказывают, одного учителя, именем Вицмана, который, избегая справедливого наказания за прочие худые поступки свои, из Лейпцига скрылся, следовательно, и доказал чрез то невинность молодых господ“. Считая себя вполне правым, Бокум просил „исходатайствовать милость и прощение студентам, яко таким, кои, будучи еще молоды, ни в чем не искусились“. Вся вина падала, по его словам, на злых и бессовестных людей. Да и во всем университете он не находил трех профессоров, „кои бы, ради прибытка своего, жили между собою согласнo“. Наконец, — говорил он, и городское купечество, „по врожденному корыстолюбию, надеялось наградить претерпенный от последней [семилетней, 1756—1763] войны убыток“, так что русские студенты „за все должны были платить дороже прочих“ (Сб. Ист. Общ., X, 114—115). Миссия Вицмана не имела успеха, и лишь 21 XII 1770 из кабинета императрицы было отправлено Бокуму длинное и грозное послание, уличавшее его „в варварских поступках и денежных растратах“. Спустя двадцать лет, Радищев показал на допросе, что один экземпляр „Путешествия“ им был дан Вицману, проживавшему в „Измайловском полку при школе“.

Стр. 175. *Н. Е. М.* — генерал-поручик Николай Ефимович Муравьев, женатый на Анне Андреевне Волковой. Брат последней, Алексей Андреевич Волков, был гравящим должность генерал-губернатора в Пермском и Тобольском наместничествах во время проезда Радищева в ссылку. Шурин Н. Е. Муравьева — драматург Александр Андреевич Волков (см. П. Н. Берков, „Кто был автор «Известия о русских писателях»“).

Стр. 175. Знаменитая книга Сервантеса о Дон-Кихоте была широко известна в XVIII в. во всей Европе. На русском языке были изданы в 1769 г. переведенные с французского первые два тома „Истории о славном рыцаре Ламанхском Дон Кишоте“ (и в 1791 г. — „Неслыханный чудодей или удивительные и необычайные приключения храброго и знаменитого странствующего рыцаря Дон-Кишота“, пер. К. Осипова, 2 ч.)

Стр. 176. Ф. . . — Весной 1768 отправился в Италию чрез Берлин, Лейпциг и Вену гр. А. Г. Орлов с братом Федором. Повидимому, имя последнего и „угаил“ Радищев. Впрочем, с начала войны России с Турцией (16 XI 1768) многие проезжали через Лейпциг в Италию и Архипелаг на службу под начальство А. Г. Орлова, в том числе С. Г. Домашнев, впоследствии директор Академии Наук.

Стр. 177. Имеется в виду барон Фридрих Мельхиор *Гримм*, известный литератор XVIII в., друг Дидро и Гольбаха, связанный и с Екатериной.

Стр. 178. Радищев имеет в виду известный факт самоуправного распечатания *Цезарем* в 49 г. до н. э. римского казначейства для организации похода в Испанию. Факт этот рассказан у Диона Кассия („Римская история“), Аппиана („Гражданская война“), Плиния („Естественная история“), Орозия („История“) и Плутарха („Жизнеописание Цезаря“). Последний скорее всего, и послужил источником Радищева, запомнившего, вероятно, красочный рассказ о том, как „народный трибун Метелл не позволял брать ему деньги из государственного казначейства, ссылаясь на какие-то законы, но Цезарь отвечал, что «оружие и законы не имеют ничего общего»“.

Стр. 178. Речь идет об известном финансовом авантюристе *Жоне Лоу(Ла)*, организовавшем во Франции в 1716 г. эмиссионный банк и ряд дутых акционерных предприятий, вокруг которых развернулась бешеная спекуляция и биржевой ажиотаж. Крах затей Лоу и банкротство его банка резко отозвались на материальном состоянии не только его акционеров, но и государственной казны. Возможно, что Радищев, говоря о мнимом богатстве, намекал на усиленный выпуск ассигнаций, к которому прибегало правительство Екатерины II для пополнения казны, разоряемой войнами, царскими фаворитами и придворной роскошью.

Стр. 179. Коллегии назывались в старинных университетах и аудитории, где собирались слушатели, и самые лекции профессоров. Логика была одним из основных предметов университетского преподавания еще в середине века. Ушаков читал: 1) Arnauld Antoine et Nicol Pierre, „La logique ou l'art de penser“. P., 1662. 2) s'Gravesand, G. J. „Introductio ad Philosophiam. Methaphysicam et Logicam continens“, Leide, 1735 (франц. перевод, Leide, 1737).

Стр. 179. Не щадящий Нерона — По примеру Гельвеция Радищев считал, что политическое устройство страны, рабство или свобода, накладывают особый отпечаток на все проявления жизни данного общества; в частности, он видел отражение его в языке. Эта точка зрения на язык выражена в „Путешествии из Петербурга в Москву“ (гл. „Крестцы“). В обоих случаях речь идет о двух языках — латинском и английском. Говоря о подборе латинских чтений Ушакова, Радищев проявил независимость и смелость литературных суждений. Он отвергает общепризнанные в дворянской поэзии авторитеты; „льстец Августов и лизорук Меценатов“, — конечно Вергилий и Гораций, прославленные в качестве величайших поэтов Рима еще со вре-

мени средних веков. Лесть Августу заключалась и в пастушеских произведениях Вергилия и в „Энеиде“ (VI песнь); кроме того, Радищев имеет здесь в виду тенденцию, заключенную в Энеиде, — прославить род Юлиев в качестве основателей и законных властителей Рима (Август был усыновлен Юлием Цезарем). Покровительство Мецената Горацию и прославление Мецената в стихах Горация дали повод для резкого выражения Радищева — „лизорук“. Поэтам, пропагандировавшим власть императора, Радищев противопоставляет республиканского оратора Цицерона и „смелого сатирика“; кого именно разумел под этим именем Радищев, утвердительно сказать трудно. Вероятнее всего — Петрония, писателя эпохи Нерона (I в. н. э.), отождествляемого с известным вельможей при дворе этого императора. В книге Петрония „Сатирикон“ видели сатиру на Нерона и его приближенных (Нерон, якобы, выведен здесь под именем Трималхиона). Однако возможно также, что Радищев имеет в виду Ювенала, сатирика I—II вв., о котором рассказывали, будто он задел Нерона смелой эпиграммой.

Стр. 179. и оную побеждать законно — Подразумеваемые в этом отрывке факты: английская революция XVII в. и переворот 1688 г., приведший к отстранению Стюартов; судебный процесс Карла I, казнь его 30 I 1649 г. и приглашение в короли голландского штатгальтера Вильгельма Оранского.

Стр. 180. Изречение Архимеда приводит Декарт во втором из своих „Метафизических размышлений“ („Meditationes de prima philosophia, ubi de dei existentia et animae immortalitate“, Р., 1641; франц. перев. под ред. Декарта, 1647, с изменениями и дополнениями лат. текста).

Стр. 180. „Басни и рассказы“ („Fabeln und Erzählungen“, L., 1746) Геллерта имели широкий успех; не меньшей известностью пользовались его „Духовные песни и оды“ („Geistliche Oden und Lieder“, 1757); он писал также моральные трактаты, пьесы для театра и письма. „Сочинения“ его изданы в Лейпциге в 1769—1774 гг. как раз в то время, когда там учились русские студенты. Многие из произведений Геллерта были переведены на русский язык в XVIII в. и выдержали повторные издания.

Стр. 182. „Размышления“ Ф. В. Ушакова составляют вторую часть „Жития“: „О праве наказания и о смертной казни“, „О любви“ и „Письма о первой книге Гельвеция сочинения о разуме“. Все они написаны под влиянием Беккариа, Руссо и Гельвеция. Впрочем, как ни велико это влияние, Ушаков стремится проявить свою самостоятельность.

Ф. В. Ушаков скончался в Лейпциге 7 июня 1770 (Сб. Ист. Общ., X, 118, и Я. Л. Барсков. Материалы к изучению Путешествия из Петербурга в Москву А. Н. Радищева. 1935, стр. 103).

Стр. 184. *потерянием возлюбленной супруги* — Первая жена Радищева, Анна Васильевна, ур. Рубановская, скончалась в Петербурге в 1783 г.

Стр. 186. Радищев дает точный перевод *цитаты из Тацита*, которой Даламбер заключил „Похвалу Монтескье“, помещенную им в пятом томе энциклопедии и воспроизведенную в собрании сочинений Монтескье 1764 г. („Oeuvres de monsieur de Montesquieu“, nouvelle édition, t. I, Amsterdam et Leipzig, 1764, pp. I—XLVIII, „Éloge de m. le président de Montesquieu, mis à la tête du cinquième volume de l'Encyclopédie par m. d'Alambert“): „Finis vitae eius nobis,

buctuosus, patriae tristis, extraneis etiam ignotisque non sine cura fuit“ (Тацит начало главы 43 „Жизнеописания Юлия Агриколы“). Слово „patriae“ выделено у Даламбера прописными буквами; в современном издании Тацита не „patriae“, а „amicis“. Очевидно, Даламбер допустил ошибку в передаче и подчеркнул ее шрифтом (у Тацита „nobis“ означало родственников а у Даламбера — друзей, так что повторение „amicis“ было бессмысленным и важнее оказывалось подчеркнуть гражданские заслуги Монтескье.

Стр. 190. — на последователей системы беспристрастной свободы — т. е. на сторонников полной „свободы воли“ человека, не определяемой якобы никакими причинами извне. Дунс Скот, мыслитель XIII—XIV вв. сформулировал эту систему индетерминизма. Он считал, что человеческая воля — это свойство, само себя определяющее и служащее основанием для действий, так же, как тепло греет потому, что оно тепло. Он говорил: „Не что иное, как сама воля есть конечная причина волевого хотения“ (Nihil aliud a voluntate est causa totalis volitionis in voluntate).

Стр. 192. — привычка другая есть природа, коли не первая — здесь имеется в виду учение Гельвеция, изложенное в его книге „Об уме“ (De l'esprit), в частности, повидимому, учение о памяти, как основе чувствования и мышления.

Стр. 194 — по мнению *г. Руссо* — Ушаков не совсем точно передает мысль Руссо, изложенную им в „Общественном договоре“, в главе IV книги III („О демократии“). Руссо считает, что полная демократия осуществима лишь при выполнении ряда условий: малый объем государства, простота нравов, равенство имуществ, отсутствие богатств и роскоши, — наконец, следующее отсюда условие — добродетель граждан. Руссо говорит: „Если бы существовал народ, состоящий из богов, он управлялся бы демократически; столь совершенное правление не подходит для людей“. Но Руссо считает демократию высшей и наилучшей формой правления.

Стр. 194. — *Творца книги о преступлениях и наказаниях* — знаменитая книга Беккариа „Трактат о преступлениях и наказаниях“ была распространена по всей Европе во французском переводе Морелле (Morrellet) „Traité des délits et des peines“. В первом „Размышлении“ Ушакова книга Беккариа использована широко в качестве непосредственного источника. В настоящем месте Ушаков ссылается на § VII по переводу Морелле „Des indices et de la forme des Jugemens“.

Стр. 195. *Сии причины* и т. д. — все это место заимствовано из книги Беккариа, из § XVI (по переводу Морелле) „О смертной казни“ („De la peine de Mort“); здесь сказано: „Если бы даже опыт всех веков не доказывал, что смертная казнь никогда не могла удержать людей, решавшихся вредить обществу; если бы пример римлян, если бы двадцать лет царствования российской императрицы Елизаветы, давшее отдам народов пример более грекрасный, чем самые блестящие победы; если бы все это, говорю я, не убедило бы тех людей, которым язык разума всегда кажется подозрительным и которые скорее склоняются к авторитету власти, достаточно было бы обратиться к человеческой природе, чтобы почувствовать эту истину“. Беккариа и Ушаков имеют в виду обещание,

данное Елизаветой Петровной при вступлении ее на престол, никогда не казнить смертью; это обещание не помешало, впрочем, в ее царствование забивать на смерть кнутом огромное количество людей, не говоря уже о кровавых расправах с восставшими крестьянами и угнетенными народами Поволжья.

Стр. 197. — *сих злодеев, сих извергов природы* — повидимому, здесь имеется в виду казнь Карла I во время английской революции в 1649 г.

Стр. 197—198. — *Филотас*, македонский военачальник, был казнен в 330 г. до н. э. по обвинению в соучастии в заговоре против Александра Македонского. Герцог *Ш. Бирон*, крупный военный и политический деятель времен Генриха IV, предал его и принял участие в заговоре на его жизнь; он был казнен в 1602 г.

Стр. 199. — *И.-Г. Федер* (Feder), немецкий литератор, автор популярных во второй половине XVIII века философских учебных книг, был связан в 1768 г. и с Лейпцигским университетом, хотя не преподавал в нем.

Стр. 202. — *О Разуме* — об этой несконченной работе говорит Радищев в „Житии Ф. В. Ушакова“ (см. стр. 177); эти письма о книге Гельвеция „Об уме“ („De l'esprit“) обращены к тому „Ф. . .“ (может быть Ф. В. Орлову), о котором Радищев рассказывает, что именно он дал случай Ушакову и его товарищам узнать книгу Гельвеция. В пяти письмах, переведенных и изданных Радищевым, содержатся соображения Ушакова по поводу только I главы первого „Рассуждения“ (т. е. части) книги Гельвеция.

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА

Впервые напечатана анонимно в журнале „Беседующий гражданин“, 1789, декабрь. Авторство Радищева устанавливается на основании показаний в записках С. А. Тучкова, напечатанных сначала в прибавлениях к „Русскому Вестнику“ за 1906 г. и вышедших затем отдельным изданием (Записки Сергея Алексеевича Тучкова 1768—1898. Под редакцией и со вступительной статьей К. А. Военского, СПб., 1908). С. А. Тучков, впоследствии генерал-лейтенант, молодым офицером был членом „Общества друзей словесных наук“, издававшего журнал „Беседующий гражданин“. Вот что рассказывает он в своих записках о судьбе журнала, закрытого к моменту его возвращения из похода (во время войны с Швецией):

„После столь трудного похода, прибыл я в дом отца моего и, отдохнув несколько дней в моем семействе, вздумал посетить собрание наше любителей словесности. Но, приехав в дом, где собирались мои сочлены, нашел оный пуст, и дворник объявил мне, что он не знает почему, однако давно уже как запрещено от полиции этим господам собираться.

Во Франции началась уже тогда революция, и дух вольности начал проникать в Россию, а потому не только все иллюминатские, мартинистские и масонские собрания, но даже и собрания любителей словесности были строго запрещены, потому что некоторые члены первых находились членами и последних, чего никак не можно было избежать.

Некто г. Радищев, член общества нашего, написал одно небольшое сочинение под названием «Беседа о том, что есть сын отечества, или истинный патриот» и хотел поместить в нашем журнале. Члены хотя одобрили оно, но не надеялись, чтоб цензура пропустила сочинение, писанное с такою вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору, и успел в том, что сочинение его, вместе с другими, было позволено для напечатания. В то же время издал он и напечатал без цензуры, в собственной типографии небольшую книгу его сочинения под названием: «Езда из Петербурга в Москву», в которой с великою вольностью, в сильных выражениях писал он противу деспотизма*.

Первым из исследователей, обративших внимание на это указание, был П. Е. Щеголев, перепечатавший статью из „Беседующего гражданина“ в составе собственной статьи „Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева“ („Минувшие годы“, 1908, 12, потом перепечатано в сборнике Щеголева „Исторические этюды“, 2-е изд.). Справедливо считая показания Тучкова вполне достаточными, П. Е. Щеголев ограничился тем, что отметил соответствие статьи „атмосфере радищевской мысли и радищевского стиля“, не вступая в специальный разбор содержания литературной манеры статьи. Впрочем, никаких возражений против приписания Радищеву этой статьи не последовало. Показание Тучкова настолько точно и авторитетно, что оно исчерпывает вопрос; поэтому нет необходимости останавливаться на дополнительных аргументах, напр. стилистических (так, в статье имеется характерное использование слова «мучитель» в смысле «тиран», специфически — Радищевское, систематически проведенное им в переводе книги Мабли, где он повсюду передает слова *tyran*, *tyrannie* — через «мучитель», «мучительство»).

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

„Путешествие“ напечатано Радищевым в его „Вольной типографии“ в количестве около 650 экземпляров, с дозволения Управы благочиния, за подписью ее председателя, Петербургского обер-полицмейстера Н. И. Рылеева; разрешение управы было дано 22 июля 1789 г. По некоторым данным, со своей, уже одобренной к печати, рукописью Радищев обратился в Москву, в типографию Селивановского, но последний отказался печатать книгу. Об этом факте довольно сбивчиво рассказывает в своих заметках сын Селивановского („Библиографич. Записки“ 1853, I, № 17). Спутанные сведения об этой попытке Радищева напечатать „Путешествие“ в Москве дает его сын Павел Александрович. „Радищев, — говорит он, — напечатал свою книгу в своем доме, в собственной типографии, и хотя цензура (Андрей Брянцев) вымарала множество страниц, более половины книги, он ее напечатал вполне, и в таком виде по порядку подал обер-полицмейстеру Рылееву. Этот, по совершенному своему невежеству, допустил ее к продаже. Это нарушение порядка было поставлено в вину при осуждении Радищева. Рылеев, дознавши свою ошибку, явился к императрице, и бросая на колени, говорил: «Виноват, матушка». Ему простили, ибо, действительно, он был не виноват, что попал в обер-полицмейстеры, несмотря на свою глупость“ (В. Семенников. Радищев. 1923, стр. 226).

П. А. Радищев родился 27 апреля 1783 г., а написал свои воспоминания лишь после того, как опубликована была в 1857 г. статья Пушкина „А. Н. Радищев“. Ему в это время было за семьдесят лет. Самую книгу он называет сначала „Журнал путешествия из Петербурга в Москву“ и лишь в дополнительной заметке на особом листе дает ей правильное название. Точно так же он сообщает, не проверив его, слух, что „Державин поднес Екатерине экземпляр «Журнала» [«Путешествия»], где все важнейшие места были отмечены карандашом“. Но Державин возвратил свой экземпляр во второй половине июля 1790 г., а Екатерина прочла первые 30 стр. „Путешествия“ 25 июня. Тогда же она вызвала Рылеева, а не сам он „явился, дознавши свою ошибку“. Обвиняли Радищева не в нарушении порядка, который обязывает автора представить в цензуру текст до напечатания, а в изменениях уже рассмотренной цензурой рукописи. Разрешение печатать „Путешествие“ на списке, представленном в Управу благочиния, написано рукой Рылеева до, а не после выхода книги из типографии. С этой именно, одобренной Рылеевым к печати рукописью и обращался Радищев к Селивановскому. Следует, однако, согласиться с В. П. Семенниковым, который считает вполне вероятным „факт попытки напечатать хотя бы только оду «Вольность» в Москве“. Действительно, сам автор указывает в „Путешествии“, что его оду не хотели напечатать в Москве (см. стр. 365).

Селивановский пишет, что Радищев оставил его отцу „книгу“; это был список „Путешествия“; а с одой автор, возможно, обращался к А. И. Брянцеву, который „вымарал в ней множество страниц, более половины“. Возможно при этом, что в руках Брянцева был тот первоначальный текст книги, с полною одою, который содержит части ее, не включенные Радищевым в печатное издание (см. далее о рукописях).

Весьма ценным является указание В. П. Семенникова на связь, которая существовала в это время между литературными кружками Москвы и Петербурга, между „Собранием университетских питомцев“ в древней столице и „Обществом друзей словесных наук“ в новой; членом этого общества был Радищев. Нет, однако, данных, чтобы предположить вместе с В. П. Семенниковым, что Радищев пытался напечатать „Путешествие“ в университетской типографии у Н. И. Новикова. Книга с явным и резким выпадом против мистиков-мартинистов для Новикова и его круга была решительно неприемлема.

„Прошлым летом (1789), — говорил Радищев во время следствия, — получил я типографический станок от Шнора с литерами, за который ему еще всех денег не отдал, но не мог начать печатать прежде прошлой зимы [1789—1790]. Первую книжку в один лист на оном я напечатал под заглавием «Письмо к другу в Тобольске». Вторую — «Путешествие»; та и другая за цензурою“.

Устроена была типография на очень скромных началах домашнего хозяйства; „наборщиком той книги, — сообщил Радищев о «Путешествии», — был находящийся в то время при Таможне надсмотрщик Богомоллов; тискана ж она с помощью собственных его людей“. Книгопродавец Зотов подтвердил это показание.

„Корректура моей книги, — пишет Радищев, — делана мною, действительно, вся, и все поправки, которые в ней находятся, делал я своею рукою“.

Начата была книга печатью, по словам автора, в начале января 1790 г., а время ее выхода в свет указывает книгопродавец Зотов, который заявил что „сии книги вступили к нему в мае месяце“. Вальц припоминал, что и он получил пакеты с книгами для Кутузова в мае месяце (см. дело о Радищеве в III томе настоящего издания).

Императрица проводила лето 1790 г. в Царском Селе. Прошел целый месяц прежде, чем сказали ей о выходе анонимной книги, которая вызвала много разговоров в столичной публике.

Храповицкий занес 26 VI 1790 в свой дневник: „Говорено о книге: «Путеш[ествие] от Петербурга до Москвы». Тут рассеивание заразы французской; отвращение от начальства, автор — маргинист; я прочла 30 стр. Посылка за Рылеевым. Открывается подозрение на Радищева“ (А. В. Храповицкий. „Дневник“, 1894, стр. 339. Подробности об издании книги см. в т. III настоящего собрания сочинений, следственное дело Радищева). По словам Гельбига, „конфискацией книги (в 1790 г.) все-таки не помешали, чтобы она стала известна. В России появились списки с этой книги и несколько экземпляров проникло даже за границу“ (Г. Гельбиг. „Русские избранники“. 1900, стр. 493). Радищев слышал, что „в городе стали принимать его книгу в худом смысле“; но это не значит, что на нее не обращали внимания; напротив, ее искали и платили „хорошие“ деньги за то, чтоб иметь ее хотя бы на час. Массон сообщает: „Видели русских купцов, которые давали по 25 р., чтоб иметь ее на час и тайком прочесть“ (Mémoires de Masson. II, 200).

Книга сразу стала редкостью. Радищев упорно показывал, что продал Зотову 25 экземпляров и роздал еще 7. Это показание, повидимому, близко к истине. В настоящее время известно лишь 17 экземпляров первого издания „Путешествия“. Сведения о сохранившихся экземплярах этого издания см. в книге: „Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву А. Н. Радищева»“, 1935.

До 1905 „Путешествие“ оставалось под строгим запретом. В журнале „Северный Вестник“ (СПб., 1805, ч. V, стр. 61—67) И. И. Мартынов перепечатал неточно и без имени Радищева главу „Клин“. В 1816 г. Сопиков перепечатал в своем „Опыте российской библиографии“ (ч. IV, стр. 250, X, № 9, 240) посвящение А. М. Кутузову; но в большинстве экземпляров „Опыта“, по требованию цензуры, эта страница заменена чистой. Через 20 лет министр народного просвещения гр. С. С. Уваров нашел „неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения“, когда А. С. Пушкин хотел поместить в своем „Современнике“ статью „Александр Радищев“. Министр запретил ее вторично и для посмертного издания сочинений А. С. Пушкина (1838—1841). Здесь помещены были, однако, первые шесть глав пушкинского „Путешествия из Москвы в Петербург“ (т. XI, стр. 5—54); они были перепечатаны в издании Анненкова (Сочинения А. С. Пушкина, 1855—1857, т. VI, стр. 75—95); здесь же (т. VII, стр. 67—97) перепечатана из „Путешествия“ глава „Клин“, в приложении к статье „Александр Радищев“.

Пушкинское „Путешествие“ с отрывками из „Путешествия“ Радищева перепечатано в журнале „Библиографические записки“, 1859 (СПб., т. II, № 6, стр. 161—176), а именно, с отрывками из глав „Слово о Ломоносове“,

„Черная грязь“, „Городня“, „Клин“, „Тверь“, „Медное“, „Вышний Волочек“, „Пешки“. Второе издание „Путешествия“ в полном виде напечатано лишь через 68 лет после первого Герценом в Лондоне: „О повреждении нравов в России“ князя М. Щербатова и „Путешествие“ А. Радищева, с предисловием Искандера (London, Trübner. 1858).

Герцен не указывает, по какому списку напечатано „Путешествие“ и кому принадлежат многочисленные изменения в тексте, произведенные с явной целью подновить его язык. Ввиду перепечаток некоторых глав „Путешествия“ и полного издания в Лондоне, П. А. Радищев обратился к Александру II с прошением о снятии запрещения с „Путешествия“, как с произведения „русского, предупредившего свой век и которого главные идеи впоследствии осуществились“. Главное управление по делам цензуры 11 X 1860 не только отказало в разрешении напечатать „Путешествие“, но определило подвергнуть рассмотрению и прочие сочинения А. Н. Радищева, напечатанные его наследниками в 1807—1811 гг. П. А. Радищев 24 XI 1860 просил министра народного просвещения Е. П. Ковалевского позволить перепечатку „Путешествия“ хотя бы не полностью, в виде отрывков „для присоединения к прочим сочинениям“ его отца. Цензор Веселаго представил обширный доклад, и петербургский цензурный комитет определил, что нельзя допустить к печати ни „Путешествие“, ни трактат „О человеке, его смертности и бессмертии“, появление же прочих сочинений Радищева в печати признал несвоевременным. П. А. Радищев был извещен об этом 11 II 1861, а цензурные комитеты 14 II 1861 г.

Новое прошение П. А. Радищева, поданное в 1865 г., опять не имело успеха, так как, по мнению главного управления по делам цензуры, по возвращении из ссылки был прощен и восстановлен в правах сам А. Н. Радищев, но запрещение наложенное на его книгу в 1790 г., не было снято. На этом основании 11 XI 1868 наложено было запрещение на издание петербургского купца, книгопродавца Н. А. Шигина „Радищев и его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790“ (СПб., 1868, стр. IV+256). Издатель, однако, так изуродовал и биографию Радищева и текст „Путешествия“, что отзывы о книге в газетах и журналах прямо или косвенно изобличали его в игре на запретном имени и в обмане публики („Неделя“, 1868, № 34, стлб. 1073; № 35, стлб. 1109; „Голос“, 1858, № 114, IV, стр. 25; „Дело“, 1868, № 5, стр. 86—98; „Вестник Европы“, 1868, VII, стр. 423—432). Сам цензор „дополнил“ свой доклад замечанием, что нет достаточных оснований к уничтожению издания как вследствие изменившихся обстоятельств, так и потому, что в нем исключены многие места, казавшиеся „неуместными“ в печати. Запрещение было снято.

В том же 1868 г. 30 III Главное управление по делам печати уведомило С.-Петербургский цензурный комитет, что „высочайшим повелением“ запрещение, наложенное на „Путешествие“ указом 4 IX 1790, снято, с тем, однако, чтобы „новые издания сего сочинения подлежали общим правилам действующих узаконений о печати“.

Под эти правила и подведено было издание сочинений Радищева, напечатанное в двух томах П. А. Ефремовым, с портретом автора и статьею „О жизни и сочинениях Радищева“ А. П. Пятковского (изд. кн. магазина Черкесова, СПб., 1872, т. I, 6 н. + 292 стр.; т. II, 424 стр.). „Путешествие“

занимает в I томе стр. 71—242; вслед за ним (стр. 243—292) даны различные „приложения“, главным образом — материалы по „делу“ Радищева. Стремясь „передать первое издание в возможной полноте“, редактор „по необходимости“ должен был все-таки допустить „небольшие пропуски“; они не спасли издания от когтей цензуры; арест на него был наложен 27 IV 1872, а 23 V Цензурный комитет просил прокурора возбудить судебное преследование против Н. П. Голякова, как лица, по указанию типографии, ответственного за издание. Перед тем заслушаны были доклады цензоров Смирнова о первом томе (30 IV) и Юферова (31 V) о втором. Оба эти доклада не только повторяют, но усиливают обвинение, высказанное против Радищева в „Замечаниях“ Екатерины. Смирнов опасался, что издание может „служить удобным прецедентом для горячих и неблагонамеренных публицистов, которые не затрундятся провозгласить Радищева мучеником за его гуманные утопии, жертвою произвола и попытаются подражать ему“. Юферов обрушился на оду „Вольность“, „направленную к порицанию существующей у нас и поныне (1872) формы правления“. Любопытно, что начальником Главного управления по делам печати был в это время М. Н. Лонгинов, историк русской литературы и библиограф, изучавший преимущественно XVIII век. „Даже изображение в беспощадно резких чертах прежних злоупотреблений помещичьей власти, — по мнению комитета, — нельзя признать уместным, имея в виду, что противопоставленные сословия помещиков и крестьян, несмотря на измененные юридические отношения, продолжают существовать и соприкасаются между собою, и воспроизведение прежних кровавых обид и несправедливостей может только вызывать чувство мести и препятствовать водворению мирных правомерных отношений сословий на новых началах“. Комитет подобрал и такие статьи Уложения о наказаниях 1866 г., кои грозили карой за „оскорбительные и направленные к колебанию общественного доверия отзвезы о действующих в империя законах или постановлениях... а также за возбуждение вражды между сословиями“.

Дело о новом издании сочинений Радищева дошло до Комитета министров и кончилось тем, что 11 VI 1873 оба тома в количестве 1985 экземпляров были доставлены на картонную фабрику Крылова и уничтожены посредством обращения в массу, в количестве 1960 экземпляров, за исключением 25, представленных в Главное управление по делам печати.

Уцелело, по слухам, не более 15 экземпляров, и сам П. А. Ефремов добывал свое издание окольным путем. В Публичной библиотеке в Ленинграде имеется экземпляр этого издания с рукописным предисловием редактора и без портрета Радищева. Однако в экземпляре, полученном А. Н. Пыпиным от Лонгинова в 1872 г. и принадлежавшем затем Я. Л. Барскову, есть и портрет Радищева и печатное предисловие. Но статья А. П. Пятковского была указана лишь на титульном листе.

В 1876 г. появилось за границей удешевленное издание „Путешествия“ в XVII томе Международной Библиотеки (1876, Лейпциг, изд. Э. Л. Каспровича). На первых 6 страницах — предисловие, взятое из лондонского издания Герцена. Издание печаталось, повидимому, стереотипом и тогда же было повторено, с пометкой на выходном листе: „второе издание“. Все отступления от первого издания 1793, допущенные Герценом, повторены в перепечатке Каспровича.

В 1888 г. А. С. Суворин воспроизвел издание 1790 „из строки в строку“, из буквы в букву, приблизительно таким же шрифтом, „со всеми печатками подлинника“, в количестве 100 экземпляров. Выручка, за вычетом издержек, предназначалась для Радищевского музея в Саратове. Препятствий со стороны цензуры для этого издания для узкого круга „любителей“ не встретилось. Суворин хвастался своей типографией, а она на 1 и 5 страницах переименовала А. Н. Радищева в А. И. Радищева. Текст „Путешествия“, как и в первом издании, занимает 453 страницы; уклонение ничтожно.

В 1889 г. А. Е. Бурцев перепечатал „Путешествие“ в 5-м томе своего издания „Дополнительное описание библиографически-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей“ (СПб., стр. 25—247); это издание выходило в ограниченном тираже.

Попытка П. А. Картавова перепечатать „Путешествие“ в 1902 г. кончилась так же плачевно, как и Ефремова; 26 VI 1903 г. Главное управление по делам печати сообщило С.-Петербургскому Цензурному комитету, что Комитет министров признал распространение этой книги вредным; 2900 экземпляров были уничтожены.

Первое научное и полное издание „Путешествия“ вышло в 1905 г. под ред. Н. П. Павлова-Сильванского и П. Е. Щеголева; в приложении приведены варианты рукописи, находившейся в б. Гос. Архиве (стр. 255—283); за ними следуют краткие примечания (стр. 285—291) и библиография (стр. 292—295).

В 1906 г. „Путешествие“ перепечатано: 1) по изданию Павлова-Сильванского и Щеголева, с предисловием из лондонского издания, В. Врублевским (СПб.); 2) по изданию Каспровича журналом „Всемирный Вестник“ (СПб.); 3) под ред. и с вводящей статьей В. Уманского книжным магазином Д. П. Ефимова (М.); 4) под ред. А. Н. Чудинова, с биографией А. Н. Радищева, составленной его сыном Николаем Александровичем и со статьей А. С. Пушкина „А. Н. Радищев“, в XXXII выпуске „Русск. Класс. Б-ки“ (изд. Глазунова, СПб.); 5) Сувориным (стереотип, СПб.). В том же году книгоиздательство „Сириус“ выпустило отдельное издание оды „Вольность“ по списку, доставленному П. А. Ефремовым и полученному этим последним от П. А. Радищева.

В 1907 г. „Путешествие“ включено: в I том „Сочинений“ А. Н. Радищева, изданный С. Н. Тройницким, с вариантами по изд. Павлова-Сильванского и Щеголева (СПб.); 2) в том I „Полного собрания сочинений“ А. Н. Радищева под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева (изд. М. И. Акинфиева, СПб.); 3) в том I „Полного собрания сочинений“ А. Н. Радищева под ред. В. В. Калаша с его вступительными статьями и примечаниями (изд. В. М. Саблина, М.).

В 1921 г. „Путешествие“ издано в Париже под ред. В. Л. Бурцева, „на языке нашего времени“, с вариантами глав „Завидово“ и „Черная грязь“ по изд. Сильванского и Щеголева. Почти издательская препарация радищевского текста Бурцевым показывает, как он отнесся к издаваемому памятнику революционной мысли.

В 1922 г. А. Лютер напечатал в Лейпциге немецкий перевод „Путешествия“ и „замечаний“ Екатерины (A. Radischew, Reise von Petersburg nach Moskau...)

В 1935 г. вышло фототипическое воспроизведение всего издания 1790 г. — в изд-ве „Academia“ (с приложением труда Я. Л. Барскова, содержащего материалы для изучения „Путешествия“).

Печатный текст „Путешествия“ 1790 г. расходится с рукописью, представленной в Управу благочиния „бывшим ранее книгопродавцем, а в то время [1789] находившимся при таможене надсмотрщиком“ Мейснером. Она хранится в Гос. Архиве Феодално-крепостнической эпохи в Москве (VII разр. б. Гос. Арх., № 2760). В рукописи утрачен ряд листов. В ней 206 листов архивной пагинации. Листы не сшиты и перегнуты пополам; на одной половине — текст, другая оставлена чистой. Первоначальный текст „Путешествия“ кончался на 187-м листе и занимал 229 листов старой пагинации. Здесь, на поле 187-го листа, собственноручная помета цензора „Печатать позволено 22 июля 1789 года Никита Рылеев“. Далее в особой обложке (л. 188 и 203) „Слово похвальное (Ломоносову) в 1780 году“, с пометой Радищева: „Начато [в 1780 г.] Окончено в 1788 году“ и тем же почерком, как в заголовке „С позволения управы благочиния“. Листы 204-205 заняты отрывком, не имеющим связи с „Путешествием“ („а теперь увы! плачевные перемены“—); в конце его помета: „Печатать позволено от Управы Благочиния в Санкт-петербурге Марта 10 дня 1790 года. Андрей Жандр“. На обороте 206-го листа, занятого окончанием „Слова“ (после „оно не лицемерно“) рукой цензора: „Печатать позволено 25 сентября 1789 года. Никита Рылеев“.

Печатавая свою книгу, Радищев сокращал и дополнял рукопись; в ожидании допроса, он пытался дать ей новую пагинацию и перебрасывал листы. Таким образом рукопись имеет три пагинации: архивную (позднейшую), первоначальную (для цензуры) и измененную (во время печатания книги или перед арестом).

Детальный обзор рукописи дан П. Е. Щеголевым в издании „Путешествия“ 1936 г. (опечатки и другие погрешности исправлены в издании Academia).

„Слово“ включено в „Путешествие“ вместо первоначального конца рукописи после цензуры (см. „Варианты“).

В „Слове“, судя по старой пагинации, было 22 листа; из них нет лл. 3, 8, 9, 10, 13, 15, 16, 20, 21; часть л. 19 оторвана.

Всего более повредила рукописи попытка Радищева выдержать новую пагинацию и покрыть ею вставки после цензуры; утрачены, главным образом, именно те листы, которые включены вновь при наборе книги.

Перебрасывая старые листы и вставляя в рукопись новые, переделывая пагинацию и вообще пытаясь согласовать рукопись с печатным текстом, Радищев спешил и делал, например, такие промахи: вставив два новых листа (56 и 57), написанных другим почерком, нежели основной текст, и перебросив их из главы „Крестьяны“ в главу „Зайцев“, Радищев отрывает угол у листа 58, который оканчивается словами: „необман[ьчивый]“ и далее помещает лист 59, который начинается словом „знак“. Вследствие этого в рукописи пропали слова „[не обман]ьчивый были“; в тексте получается пробел; мало того, и в печатном тексте это место испорчено, так как сказуемое „были“ не согласуется с подлежащим „движение“.

На рукописи нет следов, которые обычно остаются после набора: она не захватана, на ней нет пятен от шрифта или типографской краски, нет

технических отметок; очевидно, для набора служил другой список; по этому последнему или по печатным листам Радищев, надо полагать, и выправлял рукопись, одобренную Рылеевым. Цензурную рукопись обозначаем А.

Весьма ценный список „Путешествия“ хранится в Институте Литературы Академии Наук СССР (в Пушкинском Доме). Это рукопись на 187 листах 40, архивной пагинации, четким писарским почерком XVIII в., бумага с водяными знаками 1794 и 1796 гг.; прочный кожаный переплет с надписью на корешке: „Путешествие из Петербурга в Москву“.

Этот список принадлежал П. В. Голубкову и продан им книгопродавцу Зайцевскому, который перепродал его 9 XI 1856 за 15 р. М. Н. Лонгинову. Из письма этому последнему 12 XI 1861 П. А. Радищева (Архив Института Литературы Академии Наук СССР) видно, что он пользовался этой рукописью. Повидимому, он не ограничился тем, что прочел ее, а пытался ее местами исправить.

В. П. Семенников, тщательно изучив эту рукопись, пришел к правильному заключению, что она представляет собой копию не с печатной книги и даже не с рукописи А, а с третьего, пока неизвестного, текста (новый текст „Путешествие из Петербурга в Москву“ Радищева, М.—П., 1922. — Мелкие погрешности исправлены в издании Academia).

Переписчик обладал хорошим почерком и с внешней стороны рукопись производит прекрасное впечатление; но в ней множество ошибок; писец не только плохо разбирал почерк данного ему подлинника, но часто не понимал самый текст. Эти ошибки исключают всякую мысль о том, что писцу принадлежала какая-либо редакционная работа, например, сводка первоначального текста с позднейшим или с печатной книгой.

Сличая варианты этого списка (Б) с печатным текстом и с рукописью б. Гос. Архива (А), легко заметить, что многие из них — ошибки переписчика. Под этим верхним слоем — сотни мелких разночтений: это — поправки автора для рукописи А и для печати. Третий слой совпадает с начальным текстом Аи (см. „Варианты“) Наконец, имеются варианты, которые принадлежат только списку Б. Значит, был оригинал, остающийся неизвестным.

Петербургский губернатор П. Коновницын сообщил секретно Шешковскому 21 VIII 1790, что губернское правление представило в палату уголовного суда экземпляр „Путешествия“, отобранный таможней у Царевского, а в оном „многие оказались письменные приписки и поправки“. Возможно, что с него снята была копия, послужившая впоследствии основой для списка Б.

Водяные знаки на бумаге 1794 и 1796 указывают, что список исполнен не ранее 1796 г. В нем (на обратной стороне переплетной крышки) имеется малограмотная запись русскими буквами на румынском языке, сделанная, очевидно, первым владельцем рукописи: „для . . . эту книгу дарит мне добрая приятельница девица Анкуца [уменьшенное от Анна] в 1800 году и добрый приятель, отец Киприан, казначей при церкви Саровского монастыря. Эта книга сделана для меня“ (перевод). Из записи не видно, для кого именно исполнен этот список, но в ней определенно указаны время и место (1800 год, в Бессарабии, между Кишиневом и Яссами). „Путешествием“ заинтересовались, конечно, на юге вскоре по выходе книги: она задевала кн. Потемкина не менее, чем Екатерину.

Из остальных списков наибольший интерес представляет принадлежавший М. Н. Анучину, перешедший от него в чьи-то другие руки и описан-

ный, однако, Д. Н. Анучиним. Первая его особенность — двойное заглавие: „Проницающий Гражданин или Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву“. В нем две части, с инициалами на корешках переплетов В. Г.; вторая начинается с главы „Едрово“; здесь стр. 149-170 вклеены и написаны другим почерком; эти страницы заключают в себе строфы из оды „Вольность“, а главный почерк принадлежит малограмотному писцу, перевиравшему слова до искажения их смысла. Кто-то исправляя этот список карандашом и чернилами по печатному тексту; но некоторые из поправок совпадают с разночтениями рукописи А. „Отсюда, — говорит Д. Н. Анучин, — естественно предположение, что владелец списка пользовался рукописью Радищева; но как он мог пользоваться ею, когда она была отобрана при аресте, находилась при деле во время следствия, а в настоящее время хранится в государственном архиве? При том, если бы владелец списка пользовался рукописью, он бы заимствовал из нее и не вошедшие в печатные издания строфы оды «Вольность» и начало главы «Завидово» и рассказ о самоубийстве близ Все-вятского, и некоторые варианты в главах о цензуре, о Ломоносове и т. д.; но этого нет; список вообще следует печатному тексту, и из более значительных фраз, соответствующих рукописи, мы заметили только следующую и притом, что любопытно, — воспроизводящую место, в рукописи перечеркнутое [впрочем, в главе «Выдропуск» имеется одна фраза (см. «Варианты»), оставшаяся в рукописи незачеркнутой], — «коих должность» и т. д. Это, именно, то место, которое в печатном тексте передается так: «Правительство познав полезность книгопечатания, оное дозволило всем». В списке же воспроизводится перечеркнутое место рукописи «Мудрый правитель отечества... оное всем» (см. «Варианты»). Любопытно, что в подлинной рукописи А приведенный вариант сохранился только до слов «в хвале мерзав», а конец его был на утраченном листе. В главе «Тверь» в рассуждении о Ломоносове вставлена одна фраза, которой нет ни в печатном тексте, ни в рукописи [по крайней мере, поскольку ее разночтения воспроизведены (П. Е. Щеголевым)]. В печатном издании сказано: «Но не одни Ломоносов и Сумароков... глубокий пустили корень» (см. «Варианты»). В списке же между словами «Телемахидою» и «Теперь» вставлена еще такая фраза: «Если бы он из Фенелонова романа извлек, так сказать, эссенцию, оставив все скучное и поэме неприличное, то и он бы мог иметь подражателей. Теперь сделать пример очень трудно, ибо примеры» и т. д. (см. «Варианты»). Фраза эта, очевидно, вставлена владельцем списка, имевшим, несомненно, литературное образование и знакомым с произведениями Тредияковского (Д. Н. Анучин. „Судьба первого издания «Путешествия» Радищева“. М., 1918, 43-45).

Как эти два варианта могли попасть в список, принадлежавший М. Н. Анучину, трудно сказать. Первый из них находится в главе „Торжок“ (о цензуре) с криминальной фразой в конце: „Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?“; второй — в главе „Тверь“, содержащей оду „Вольность“; оба варианта имеются и в списке Б; очевидно по рукам ходили списки чернового текста, обновленные по печатному изданию или, наоборот, в копии печатного текста вносились дополнения из уцелевших рукописей. Список с заглавием „Проницающий Гражданин или Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву“, часть I (эпиграф из „Телемахилы“); хранится в рукописном отделении Публичной библиотеки в Ле-

нинграде и поступил сюда из собрания Колобова (№ 407). Он также разделен на две части, но в одном переплете, крытом темной бумагой, с кожаным корешком, 178 листов 4^о, на тонкой писчей бумаге невысокого качества, писарским почерком XIX века.

Кроме указанных 4 списков, нам известно еще не менее 25; почти все они описаны в издании *Academia*. Сколько-нибудь значительных и авторитетных различий сравнительно с печатным текстом в них нет.

„Путешествие“ была написано Радищевым не сразу. Первым наброском его следует считать „Отрывки из путешествия в *** И. *** Т. ***“ (см. II том). В 1780 г. Радищев начал „Слово о Ломоносове“, законченное лишь в 1788 г. Судя по упоминанию о томе II Блэкстона, изданном в 1781 г., и по упоминанию о томе III, изданном в 1782 г., к этому времени следует отнести беседу путешественника с семинаристом, переработанную в 1787 г., когда был выработан план открытия новых университетов (глава „Подберезье“). К 1781—1783 гг. можно отнести оду „Вольность“ (в полной редакции), включенную (с купюрами) в главу „Тверь“ в 1788 г. В 1785 г. Радищев набросал картину рекрутского набора (главу „Медное“), в 1786 г. — очерк по истории цензуры, законченный при печатании „Путешествия“ в 1789 г. (главу „Торжок“); в том же 1786 г. — рассказ о поездке Ч. в Сестрорецк (главу „Чудово“).

Эпиграф к „Путешествию из Петербурга в Москву“ представляет собою стих из поэмы В. К. Тредиаковского „Тилемахида“ (1766 г.); в том месте поэмы, откуда взят стих, описываются мучения, которые претерпевают в загробном мире порочные люди, „а особливо злые цари“. Смелое изображение преступлений злых царей-деспотов, без сомнения обратившее на себя внимание Радищева, заканчивается замечанием о том, что деспоты, смотревшиеся в зеркало, показывавшее „пороков их мерзость“, выглядели в нем гнуснее и страшнее самых ужасных чудовищ мифологии: Химеры, Гидры и даже пса Кервера (Цербера); именно этот адский пес и назван „чудище обло (т. е. круглое), озорно, огромно, с тризвенной и лаей“ (т. е. и с пастью с тремя зевами). Радищев не совсем точно цитирует этот стих. Смысл характеристики чудища, поскольку он использован в качестве эпиграфа к „Путешествию“, конечно в намеке на „чудище“ самодержавно-крепостнического строя России времен Радищева; отметим, что в рукописной редакции „Путешествия“ в главе „Тверь“, где Радищев защищал Тредиаковского от нападок, сделавшихся привычными, он писал: «Чудище обло, огромно, стризвенно и лаая» — не столь дурной стих“ (см. «Варианты»). Посвящено „Путешествие“ Алексею Михайловичу Кутузову.

Стр. 228. София — с 1785 г. уездный город на правой стороне большой дороги, в 22 верстах от Петербурга, близ Царского села.

Стр. 230. От Софии до Тосненского яма считалось 36 верст.

Стр. 231. Новгородское дворянство было одним из самых бедных, чем и объясняются жалобы стряпчего на уравнение с ним в правах родового „степенного боярства“.

Стр. 231. Древние роды поставлены — Согласно Жалованной грамоте 1785 г. в каждой губернии должна была вестись губернским предводителем дворянства родословная книга, состоявшая из шести частей. В первую часть вносилось дворянство, возведенное в звание путем пожалования, во вторую—

военное, в третью — гражданское, в четвертую — иностранного происхождения, в пятую — титулованное, в шестую — „древние благородные дворянские роды, т. е. коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят, благородное же их начало покрыто неизвестностью“.

Стр. 232. Любани — почтовая станция в 26 верстах от Тосны.

Стр. 234. нудил его распростираться по лицу — т. е. „я покраснел“.

Стр. 234. В 32 верстах от Любани в большом селе Чудове был императорский (путевой) дворец.

Стр. 234. „Приятель“ путешественника, „Ч“ — может быть, Петр Иванович Челищев — старший из пажей, отправленных вместе с Радищевым в Лейпциг; он возвратился в Петербург на два года раньше Радищева (1770). Императрица считала его соучастником в сочинении и издании „Путешествия“; хотя это предположение не оправдалось и Челищева не привлекли к допросу, все-таки в 1790 г. он вышел в отставку, а в следующем году предпринял поездку на богомолье по северу России. В своем дневнике он описывает преимущественно „святыни“, но нередко касается быта крестьян и купцов и высказывает некоторые вольные мысли („Путешествие по северу России в 1791 г.“ под набл. Л. Н. Майкова, СПб., 1885).

Стр. 235. Клод Жозеф Верне (Vernet) прославился как живописец-маринист; по преданию, чтобы лучше изобразить бурю на главной своей картине, носящей это название, он велел себя привязать к мачте во время грозы.

Стр. 239. Сержант в русской армии со времени Петра I до 1798 г. занимал среднее положение между капралом (младшим унтер-офицером) и фельдфебелем (старшим унтер-офицером) или вахмистром (в кавалерии).

Стр. 240. примеч.— „История обеих Индий“ Рейналя (Raynal, Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes), из которой Радищев заимствовал рассказ о гибели англичан, впервые была напечатана в 1770 г. в 4 томах в Амстердаме; по словам Гримма, до одной трети всего труда принадлежит Дидро. Через 10 лет вышло новое, значительно расширенное издание (1780 г.), в котором участвовало до 20 писателей, входивших в круг „энциклопедистов“. В мае 1781 г. „История Индий“ была осуждена парижским парламентом и сожжена рукой палача; автора велено было арестовать, а имущество его отобрать. Радищев показал на допросе и в письме С. И. Шешковскому, что начал читать Рейналя в 1780 или 1781 г.; рассказ о „Черной яме“ в ночь с 19 на 20 VI 1750 помещен во II томе (стр. 219-221) издания 1780 г.

Стр. 241. На станции Спасская Полесть с деревянным императорским путевым дворцом в 24 верстах от Чудова, переменили лошадей до Подберезья.

Стр. 242. Бова и Полкан — герои повести про храброго витязя Бову королевича, распространявшейся в XVIII веке, в списках и в лубочных изданиях. Полкан изображен в повести получеловеком-полуконом. Соловей-разбойник — действующее лицо былины.

Стр. 242. В выражении „истолкователи русских дрезностей“ Радищев имеет в виду историков России.

Стр. 242. Наместник — По „Учреждению о губерниях“ 1775 г. наместник назначался на две-три губернии и ему поручалось наблюдать за исполнением законов. Должность его была обставлена чрезвычайной пыш-

ностью, и он представлял собой особу государя во всех торжественных случаях; к нему обращались с ходатайствами о защите, он предавал суду (но не судил) виновных в злоупотреблении властью. Самым влиятельным из всех наместников был кн. Г. А. Потемкин. На него, может быть, намекает Радищев.

Стр. 244. Промен — лаж, незаконно взимавшийся, в данном случае при расчете ассигнаций на серебро.

Стр. 244—248. Весь приводимый здесь эпизод направлен против бюрократизма, стеснявшего во имя интересов казны развитие частной инициативы. Поручка за откупщика применялась в случае, если откупщик не мог представить достаточных удостоверений в „своем состоянии и имении“. От поручителей закон требовал, „чтобы ручались не инако, как зная подрядчиков или поставщиков или откупщиков доброе, порядочное и исправное состояние“ (П. С. З., т. X, № 14544). Побег неисправного откупщика делал собеседника Радищева единственным наличным ответчиком (он „остался в лицах“). Сложность казуса в том, что перейдя из купечества в дворянство, рассказчик изменил свое правовое положение.

Стр. 248—257. „Сон“ Радищева направлен непосредственно против Екатерины и, отчасти, Потемкина заключает ряд прямых намеков на них.

Стр. 255. на одежду столь важно сочинения — т. е. для переплета.

Стр. 255. Знаменитый английский мореплаватель *Джемс Кук* был убит туземцами на Гавайских (Сандвичевых) островах (1779).

Стр. 257. Господа вашего — т. е. господина.

Стр. 257. Подберезье — почтовый ям в 24 верстах от Спасской Полести. Радищев писал в своей „Повинной“: „Сколько из головы вспомнить могу, прибавлены [листы] в статье «Подберезье» в семинарской тетрадке, которой, если не ошибаюсь, в цензуре не было“.

Стр. 257. Домашний лечебник — медицинский справочник; повидимому, Радищев имеет в виду изданную впервые в 1735 г. и потом неоднократно, перепечатанную книжку „Домашний лечебник или простой способ лечения болезней“, соч. Кр. Пекена, перевел с немецкого А. Протасов.

Стр. 258. В „Недоросле“ Фонвизина Кутейкин, учитель из семинаристов, рассказывает о себе, что он в семинарии „ходил до риторики, да богу изволившу, назад воротился“ (действ. II, явл. 5). В семинариях степени обучения (аналогичные классам в позднейших школах или курсах в высших учебных заведениях) обозначались названиями наук, основных для данной стадии: философия, риторика и т. д.

Стр. 259. Сочинения *Гроция, Монтеスキё и Блекстона* имелись на русском языке. Упоминаемая работа Блекстона (Commentaries of the laws of England, 4 т., Оксфорд, 1765—1768) появилась на русском языке в 1780—1782 гг. в переводе С. Е. Десницкого (Истолкование английских законов г. Блекстона, 3 т.). Так как Радищев говорит только о двух частях, то это позволяет датировать настоящий отрывок приблизительно 1781 годом.

Стр. 259. Составление „Плана университетов и гимназий в разных местах империи заводимых“ поручено было особой комиссией 29 I 1786; в основу плана, составленного в 1787 г., положен был труд венского юриста Иосифа Зонненфельса. Комиссия проектировала три университета: в Пскове, Чернигове и Пензе; но план ее не был утвержден, и, спустя некоторое время, о нем забыли.

Стр. 260. *Мартинистами* называли масонов, принявших учение Сен-Мартена, изложенное им в трактате „Des erreurs et de la vérité“, à Edimbourg [Lyon], 1775; русский перевод — „О заблуждениях и истине“ — напечатан „изданием Типографической компании“ в Москве, в вольной типографии И. Лопухина, в 1785 г. Приводя „уподобление мира нравственного колесу“. Радищев имел в виду не „Новую науку“ Вико, как думает В. П. Семенов („Радищев“, 1923 г., стр. 21), а сочинения Сен-Мартена и частью Гердера (Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, in 6 Theilen, 1784—1787). Первый из них придавал чрезвычайно большое и таинственное значение кругу или колесу; второй считал человека последним звеном в земной жизни и первым в потустороннем мире. Отрицательно относился Радищев также к учению Сведенборга (Svedenborg) и других мистиков, теософов и духовидцев. В „Трактате о человеке и его бессмертии“ Радищев указывает, почему „Шведенберг почитается вралем“.

Стр. 261. В своем отношении к *Магомету* Радищев солидаризируется с Вольтером, считавшим Магомета, как и других „основателей“ новых религий, умным человеком, но вместе с тем и величайшим обманщиком.

Стр. 261—262. Радищев заимствовал и перевел цитату о *Бен-Акибе* из словаря Бейля (P. Bayle, Dictionnaire historique et critique), не оговорив однако, ее талмудической анекдотичности.

Стр. 262. От Подберезья до *Новгорода* по большой дороге 22 версты.

Стр. 262. Буржуазные мыслители XVIII в. склонны были идеализировать общественное устройство античных республик, особенно *Спарты*, *Афин* и *Рима* периода республики. Учителем Радищева в этом вопросе был Мабли, наиболее полно выразивший такое понимание античности в своих „Размышлениях о греческой истории“, переведенных Радищевым на русский язык в 1773 г.

Стр. 262. Воспоминания об античных республиках сознательно приурочены Радищевым к *Новгороду* — древне-русской республике, в которой и позднейшая революционная мысль (в частности, в пору декабризма) видела прообраз русской вольности. Источники сведений Радищева о Новгороде были не велики, но достаточны, чтобы составить себе представление о его исторической судьбе. Так, он знал, вероятно, истории Татищева и Щербатова, изданные к этому времени летописи; знакомился, возможно, и с рукописными источниками, не малое собрание которых находилось у А. Р. Воронцова. Нужно также отметить, что и здесь и в других местах (например, „Валдай“), говоря о прошлом и настоящем русских городов на пути из Петербурга в Москву, Радищев использовал путеводитель, изданный к вояжу Екатерины в 1787 г. — „Путешествие ее императорского величества в полуденной край России, предпринимаемое в 1787 году“, печатано при Горном училище 1786 г. Относительно каждого пункта, включенного в маршрут императрицы, здесь давались исторические и географические справки.

Стр. 263. Под „*царем Иваном Васильевичем*“ Радищев разумеет великого князя Московского Ивана III, которого историки XVIII в. обычно наделяли царским титулом. Иван III ликвидировал в 1478 г. новгородские вольности, вывез вечевой колокол и ввел московское управление. Непосредственно Радищев имеет здесь в виду разгром, учиненный Иваном III

новгородскому боярству в 1480 г. в отместку за попытку отложиться в сторону Литвы. Возможно, что в чертах изображаемого Радищевым царя смешивались два Ивана Васильевича — III и IV, Грозный, также разгромивший Новгород.

Стр. 264. Ни в какой новгородской летописи нет, конечно, таких известий, как „Новгород стоял в Ганзейском союзе“. Радищев объединил под общим заголовком различные и неодинаковой достоверности сведения, почерпнутые из многих источников.

„Письмо“, которое „сочинили“ новгородцы и которое якобы „отнял царь Иван“, — это легендарные „грамоты Ярославли“, на которые ссылались новгородцы в своих договорах с князьями, но которые в том виде конституции, в каком их рисовали новгородские предания, до нас не дошли. В недавнее время некоторыми исследователями высказано предположение, что древнейшая редакция знаменитой „Русской Правды“ и есть уставная грамота, данная Ярославом Новгороду.

Стр. 264—265. Карп Дементьевич, записавшись в третью гильдию, объявил капитал от 500 до 1000 р., но позже, благодаря плутням, разбогател; по Жалованной грамоте городам 1785 г. в „именитые граждане“ зачислялись между прочим, „всякого звания и состояния капиталисты, которые объявят за собой капитал от 50 тыс. руб. и более“. Карп Дементьевич взял проценты за 50 лет с 1737 г.; следовательно, повидимому эта глава была написана в 1787 или 1788 г.

Стр. 265. Радищев имеет в виду известную „Физиогномику“ Лафатера (*Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe, Leipzig, 1772—1778*), содержавшую теорию о распознавании характера и свойств человека на основании строения черепа и лица. Согласно учению Лафатера, интеллектуальное развитие человека выражается в строении и очертаниях черепа и лба, почему Радищев и говорит о достаточности силуэта для распознавания ума. Теория Лафатера, не имевшая научного значения, была очень популярна в конце XVIII в. Сам Радищев в своем „Трактате о человеке и его бессмертии“ говорит о ней, как о „вероятной“, но „бессущественной“.

Стр. 265. Чернение зубов являлось в те времена распространенным среди купеческих щеголих приемом украшения.

Стр. 266. Вексельный устав издан был в 1729 г. (П. С. З., № 5410) в целях развития кредитных операций и для сокращения вывоза денег за границу („генерально усмотрено, что сей наилучший способ есть, дабы из государства серебра и золота не вывозить, также всему регулярному купечеству без векселей обойтись не можно“). Развитие вексельных операций относится, однако, уже ко второй половине XVIII в. На этой почве и распространились злоупотребления, выражавшиеся преимущественно в злостных банкротствах, когда банкрот, прежде чем объявить себя несостоятельным, переводил свое имущество на подставных лиц (хотя бы ближайших родственников) и тем самым лишал своих кредиторов возможности получить взятые у него суммы. Изданный в 1740 г. (П. С. З., № 8300) устав о банкротах оставлял последним достаточно лазеек.

Стр. 267. Бронницы — почтовый ям в 35 верстах от Новгорода.

Стр. 267. Холмград — упоминаемый в скандинавских сагах центр древней Новгородской области (Гардарики). Сейчас принято отождествлять Холмград

с Новгородом, но Радищев следует здесь за упомянутым нами выше (стр. 482) путеводителем и Татищевым, отождествлявшими Холмград с Бронницами. Первоисточником здесь, конечно, является Татищев: „сей град был, где ныне село Бронницы“, писал он (кн. I, ч. I, стр. 45).

Стр. 269. Радищев приводит здесь цитату из трагедии английского писателя Д. Аддисона „Катон“ (1713). Радищев называет ее „Смерть Катона“, может быть в связи с тем, что ему была хорошо известна немецкая трагедия И. Хр. Готтшеда „Умиравший Катон“ (напеч. в 1732 г.). Готтшед был до своей смерти 12 XII 1766 г. профессором в Лейпциге, где учился с 1765 до 1771 г. Радищев. Часть трагедии Готтшеда заимствована целиком у Аддисона (другая часть — из трагедии французского писателя F. M. Deschamps „Caton d'Utique“, 1715); именно тот монолог Катона, несколько строк из которого перевел Радищев, находится у Готтшеда (и составляет также 1-е явл. V действия). Радищевский перевод очень точно передает текст Аддисона; у Аддисона — стихи без рифм, у Готтшеда — с рифмами; у Радищева как и у Аддисона, без рифм, но несколько другим размером — не пятистопным, а шестистопным ямбом, причем третий стих — трехстопный. Катон, решившийся на самоубийство, произносит монолог на тему о бессмертии души; именно к своему духу обращается он в отрывке, приведенном Радищевым.

Стр. 259. *Зайцево* — почтовый ям в 27 верстах от Бронниц.

Стр. 269. По обычаю, широко распространенному в русской литературе XVIII века, Радищев дает действующим лицам своего „Путешествия“ фамилии, обозначающие их характерные черты: *Крестьянкин*, *Дурындин* (конец главы „Зайцево“). Ср., например, у Фонвизина — Простаков, Стародум, Скотинин, Правдин и др.

Стр. 271. Придворным служащим, хотя бы они были истопниками, поварами, кофишенками, или мундшенками (по старинному чашниками, кравчими), „Табель о рангах“ 1722 года открывала доступ к чину коллежского ассессора и дворянству.

Стр. 271. Английский художник и гравер XVIII в. Вильям Гогарт прославился сериями карикатур, в которых соответственно с моральными принципами английской буржуазии, обличал разврат аристократии („Модный брак“, „Жизнь развратника“, „Кутилы“, „Степени жестокости“ и т. д.).

Стр. 273. *повенечные* — Гр. Р. А. Воронцов писал в 1767 г.: „Многие владельцы с собственных своих мужиков берут за своих же девок выводные деньги, что небогатому или одинокому иногда и взять негде“ (Труды Вольного Экономич. Общества, V, 10).

Стр. 274. *исправник* — По „Учреждению о губерниях“ 1775 (ст. 22) в уездах были „нижние земские суды“, органы полицейские, а не судебные; в каждом из них заседал земский исправник или капитан с двумя или тремя заседателями (ст. 23).

Стр. 275. *Торговая казнь* производилась рукой палача на площадях или на торгах, вообще в людных местах. Наказание кнутом или плетью с клеймением и вырезанием ноздрей обычно сопровождалось посылкой на „вечную работу“ или на каторгу.

Стр. 279. *Летний сад* — в Петербурге; *Баба*, т. е. „Bal Bal“; так называли дачу обер-шталмейстера Д. А. Нарышкина „Красная мыза“ на

четвертой версте от Петербурга по дороге в Петергоф. По правую сторону от нее тянулся почти на версту до самого взморья, английский парк с островами, беседками, круглым храмом, качелями и т. п. На каналах были гондолы и плавали пеликаны, лебеди и другие водяные птицы. По воскресеньям сюда собиралась на гулянье публика, для которой играла музыка и подавались прохладительные напитки и сладости (Пыляев, „Забывтое прошлое окрестностей С.-Петербурга“, 122—125).

Стр. 282. *Крестецкая* ямская слобода в 31 версте от Зайцева в 1777 была обращена в город.

Стр. 289. Отношение Радищева к английскому и латинскому языкам объясняется его уважением к британской конституции, американской революции и Римской республике, воспитывавшей по мнению просветителей XVIII века гражданский добродетели. Литературные произведения, выражавшие республиканский дух римляни, и относительная свобода слова англичан и являлись в представлении Радищева носителями „упругости духа вольности“.

Стр. 291. *страсти ваши.* — Теория воспитания, изложенная в главе „Крестцы“, опирается на педагогические учения Локка и Ж. Ж. Руссо. Взгляд Радищева на страсти сближается с мыслями Гельвеция („Об уме“ гл. VI—VII).

Стр. 293. Имеется в виду известная легенда о римском юноше *Марке Курции*, который бросился в пропасть, чтобы умиловить подземных богов, разверзших посреди Форума бездонную пропасть.

Стр. 294. Обычай „амбиции“ упоминался у многих римских авторов в том числе и у Цицерона, и передается Радищевым совершенно верно. Возможно, что Радищев читал сочинения брата Марка Цицерона, Квинта Цицерона „De petitione consulatus“, где описаны приемы античного „обжания“.

Стр. 295. Образ сурового республиканца *Катона* младшего, покончившего с собой в сознании невозможности спасти республику от победившего в лице Цезаря единовластия, был очень популярен в среде просветителей XVIII в. с их идеалом античного республиканизма. Радищев имеет, вероятно, в виду рассказ Плутарха о предсмертной речи Катона, обращенной к его близким, отнявшим у него меч: „Неужели и вы решили не дать умереть человеку в мои старые годы и молча сидеть и стеречь его? Что же вы ничего не говорите? Отчего вы не советуете мне, не учите меня отказаться от своих прежних мнений и убеждений, в которых я состарился и, сделавшись умнее из-за Цезаря, быть еще более благодарным ему?“ или, вернее, о словах Катона, когда ему вернули меч — „Теперь я свой!“ (Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей. Пер. С. Дестунис, ч. X, СПб. 1820, стр. 252).

Стр. 297. В 38 верстах от Крестцов в селе *Яжелбицах* был императорский одноэтажный путевой дворец; „здешние ямщики“, — говорит Щекатов — „отправляют гоньбу на хороших лошадях до города Валдая“ (А. Щекатов. Словарь географический российского государства. М. 1807—1809).

Стр. 298—299. Не следует думать, что путешественник, от лица которого ведется изложение „Путешествия“, — биографический Радищев и относить на его счет все указания, заключенные в тексте книги.

Стр. 299. *Скарედные учителя* — здесь имеется в виду Ретиф де ла Бретоня, в частности его книга „Порнограф“ („Le Pornographe ou idées

d'un honnête homme sur un projet de règlement pour prostituées, propres à prévenir les malheurs qu'occasionne le publicisme des femmes". 1770).

Стр. 300. *Валдай* — с 1767 г. был уездным городом Новгородской губернии.

Стр. 300. *Лада* — богиня любви в псевдославянской мифологии.

Стр. 301. Радищев имеет в виду древне-греческую легенду о *Геро*, жрице богини любви Афродиты, жившей на берегу Геллеспонта (Дарданелл) и любившей *Леандра*, который жил на другом берегу пролива (в Абидосе). Каждую ночь *Геро* зажигала на своей башне огонь, и *Леандр* переплывал пролив для того, чтобы притти к ней. Однажды, в бурную ночь, свет, зажженный *Геро*, погас и *Леандр* утонул. На утро *Геро* увидела его тело, прибитое волнами к берегу, и бросилась в море. Легенда о *Геро* и *Леандре* послужила темой двух стихотворений Овидия — посланий (героид) *Леандра* к *Геро* и *Геро* к *Леандру*. Эта же легенда была обработана в V в. греческим поэтом Мусеем.

Стр. 302. *Зимногорье* — почтовый ям в 3 верстах от Валдая.

Стр. 302. *Едрово* или *Ядрово* — большое село и почтовый ям в 23 верстах от Зимногорья.

Стр. 303. Рост „незаконных рождений“, стимулировавшийся церковной регламентацией брака и увеличением прослойки городской бедноты, побудил правительство заняться „филантропической“ деятельностью. В 1764 г. открыт был *Воспитательный дом* в Москве, в 1770 г. — в Петербурге. В них принимали и внебрачных или „незаконнорожденных“ и брошенных по бедности родителями младенцев. По „Учреждению о губерниях“ (1775) приказы общественного призрения могли открывать воспитательные дома в провинции. По плану предполагалось воспитывать их в домах, чтобы создать „третьего чина и нового рода людей“. На деле, однако, смертность в домах была так велика (81, 75, 67, 98% в первые четыре года в Московском воспитательном доме), что от главного пункта пришлось отказаться: вместо того, чтобы воспитывать „новую породу“ в столицах, решено было отдавать детей кормилицам по деревням; смертность несколько уменьшилась, но обнаружилось другое зло: то „питомцы“ заражали кормилиц, которые имели своих здоровых детей, то, обратно, — заболели розданные на воспитание младенцы.

Стр. 305. *Свекор сам.* — Радищев имеет в виду так называемое „снохачество“. Указами 5 VIII 1775 и 10 XII 1781 запрещалось венчать „малолетних ребят с возрастными женщинами“; если повенчанными оказывались „отроки ниже 15 лет, а невесты им равнолетные, или мало превосходящие“, то таких супругов велено было немедленно разлучать (П. С. З. №№ 14356 и 15295). Однако указы эти не соблюдались; вступление в брак крепостных зависело от воли помещика. „В деревнях“, — говорит Кокс, — „мы наблюдали варварские нравы... Во многих семьях отцы женили сыновей в 7, 8, 9 лет и давали им в жены девиц несравненно старше, под тем предлогом, чтобы они могли управлять хозяйством, а на деле свекор жил со снохой и имел от нее детей. Я часто встречал у русских крестьян в одной и той же семье двух хозяек: одна годилась бы мужу в матери, а другая, называвшаяся женой их сына, была наложницей отца (Coxe. Voyage en Pologne, Russie, Suède et Danemark. Genève, 1786. I, 354).

Стр. 308. Почетная девица — фрейлина (приворное звание).

Стр. 308. Едуци четвернею. — Выезд цугом — четверка или шестерка лошадей, запряженная попарно. В XVIII в. правительство регулировало роскошь „выезда“ соответственно положению данного лица на ступенях служебной лестницы. На выезд шестеркой имели право „особы“ первых классов, причем и здесь проводилось тонкое различие между „особами“ первого и второго класса и следующих трех классов. Четверка лошадей полагалась шестому — восьмому классу, обер-офицерским чинам надлежало ехать на скромной паре, а нечиновным дворянам и „подлому званию“ предлагалось довольствоваться одной лошадей (П. С. З. №№ 14290 и 14291).

Стр. 311. Хотилковский ям — село в 36 верстах от Едрога.

Стр. 312. Здесь и на *стр. 315* Радищев оперирует цифровыми данными удельного веса крестьянства в населении страны. В одном случае он говорит о „трети целой общинников наших“, в другой — о „двух третях граждан“. Расхождение это не случайно: в первом отрывке Радищев имеет в виду только помещичьих крестьян, во втором — все крестьянство вообще. Соотношение этих двух категорий дано в общем довольно верно: так, по 4-й ревизии 1781—1783 гг. в Великороссии и Сибири насчитывалось 5 092 869 душ мужского пола крепостных и 4 470 100 душ казенных крестьян. Примерно это соотношение с небольшим отклонением можно принять и для всего государства. Но по отношению ко всему населению процент крестьянства был гораздо выше двух третей, дохода, вероятно, до 90% (ср. В. И. Семевский, *Крестьяне в царствование Екатерины II*, т. I, стр. 18).

Стр. 312. Словуты — Радищев, может быть пародируя стиль царских манифестов, намекает здесь на псевдонаучную филологическую теорию, принятую в XVIII в., согласно которой название славян происходит от имени славы. Еще Ломоносов писал, что слово славяне значит — славящиеся и что славянский народ „славою дел утвердил себе славное имя“ (*Древняя российская история*, ч. I, гл. 3). Екатерина II в „Записках касательно русской истории“ писала: „Примечается, что славянский народ везде любил употреблять слово *слава*. . . самое имя славянского народа писатели производят от славных дел славян“ (I, 14, напеч. впервые в „Собеседнике любителей российского слова“, ч. II, 1783).

Стр. 317. Применю к шарам. — Первый воздушный шар, поднимавшийся нагретым воздухом, был построен во Франции в 1783 г. братьями Жозефом-Мишелем и Жаком-Этьеном Монгольфье (Montgolfier); по имени изобретателя и самый шар стали называть монгольфьером. Радищев читал, вероятно, и сочинения братьев Монгольфье („Discours sur l'aérostat“, 1783, *Les voyageurs aériens*, 1784). В 1785 г. Бланшар совершил полет из Англии во Францию через Ламанш. Он предполагал приехать в Россию, но ему дали знать от имени Екатерины II, что „здесь отнюдь не занимаются сею или другой подобной аэроманиею, да и всякие опыты оной, яко бесплодные и ненужные, у нас совершенно затруднены“.

Стр. 318. Населяя новую пустыню. — Намек на меропрятия Потемкина по заселению Новороссии.

Стр. 322. Выводные деньги — плата за вывод жены из помещицьеи усадьбы ее крепостному хозяину. Высказывания против выводных денег имели место уже в Екатерининской комиссии по составлению нового уложе-

ния, где желательность их уничтожения мотивировалась необходимостью способствовать росту народонаселения. На практике выводные деньги взымались даже при браках внутри одной деревни.

Стр. 322. в расправах. — По „Учреждению“ 1775 в тех городах и округах, „где жительство имеют однодворцы или всяких прежних служб служивые люди или чернососшные, или государственные крестьяне, или государевы крестьяне, приписанные к каким ни есть местам или заводам...“, введены были „нижние расправы“: им „ведомы были судом и расправою“ ямщики и дворцовые крестьяне и прочее. „временно в коронном управлении состоящие“ (ст. 75 и 335); в губерниях вводились верхние расправы; в них заседали два председателя и десять заседателей — последние выбирались каждые 3 года селениями, составлявшими подсудное ведомство верхней расправы. Предложение в данном случае сводится к уравниванию помещичьих крестьян с казенными.

Стр. 323. Вышний Волочек, почтовый ям при реке Цне и канале в 30 верстах от Хотилова; в 1772 г. переименован в город; канал в 1774 г. был выкуплен казной за 176 тыс. руб.; жителей в 1788 г. считалось 3909. „Купечество сего города“, — пишет современник, — „богато, торгует хлебом, салом и пенькою; летом наполнен он бывает иногородними купцами и работниками, проходящими на барках к С.-Петербургскому порту“ (Путешествие Екатерины, 129—130).

Стр. 324—326. Здесь Радищев выступает против явления „месячины“ заключавшегося в экспроприации помещиком всей крестьянской земли с переводом крестьян на непрерывную работу за получаемый от барина паек натурой.

Стр. 326. Выдропуск — почтовый ям в 33 верстах от Вышнего Волочка.

Стр. 330. Торжок — в 38 верстах от Выдропуска, с 1775 г. уездный город Тверской губернии.

Стр. 330. Указом 15 I 1783 типографии для печатания книг были приравнены к прочим фабрикам и рукоделиям; свидетельствование книг и дозволение их для печати возложено было на управу благочиния (т. е. на полицию).

Стр. 330—331. Радищев излагает здесь кратко сочинение Гердера „О влиянии правительства на науки и наук на правительство“ („Vom Einfluss der Regierung auf die Wissenschaften und der Wissenschaften auf die Regierung“. 1780); при этом Радищев опускает все положения Гердера, заключающие ограничения его требования свободы слова.

Стр. 332. Радищев произвольно толкует „правила Наказа о новом уложении“, вкладывая в них содержание, значительно более смелое, чем то, которое хотела и могла дать Екатерина, ибо так далеко не заходили и ее учителя — Монтескье, Беккариа и пр. Ст. 482 „Наказа“ утверждает, что „слово не составляет вещи, подлежащей преступлению“; но уже следующая ст. 483 отмечает, что „письма суть вещь не так скоро переходящая, как слова“. Ст. 484 гласит: „запрещают в самодержавных государствах сочинения очень язвительные, но оные делаются предлогом подлежащим гражданскому чиновничеству, а не преступлением; и весьма беречься надобно изыскания о сем дальше распространять, представляя себе ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение: а сие ничего иного не произ-

водит, как невежество, опровергнет дарование разума человеческого и охоту писать отнимет". Однако эта тирада не относится к писаниям, „приготовляющим ко преступлению оскорбления величества, изъятым от всех этих послаблений". Точно так же ст. 201 хотя и содержит указание, что „законы не могут наказывать намерения", вместе с тем различает в намерении „действие, которым начинается преступление" и которое известного наказания все же заслуживает, так как „весьма нужно предупреждать и самые первые покушения ко преступлению".

Стр. 322. несть бога. — Радищев имеет в виду начальные слова XIII псалма: „Рече безумец в сердце своем: несть бог".

Стр. 336. Радищев не указывает, чем он воспользовался для своего очерка по истории цензуры, кроме „Кодекса дипломатического" (Codex diplomaticus. . . in lucem preduxit baro de Gudemus, t. IV, 1758), журнала „Седое чудовище" (см. далее) и „Jugements des savants" (Jugements des savants sur les principaux ouvrages des auteurs, I—VII, см. „Варианты". В основном, он воспользовался трудом Бекмана по истории открытий (Beckmann, Beiträge zur Geschichte der Erfindungen, Bd. I—V. L. 1780—1805). Здесь истории цензуры посвящены две статьи: одна — в 10-й главе 1-й части I тома, другая — в 8-й главе 1-й части II тома. Радищев переработал сначала вторую статью, в которой излагается история цензуры со времен классической древности до начала XVI в., а затем слил конец второй статьи с известием первой о папе Александре VI и значительно сократил дальнейшее изложение Бекмана. Попутно он вносил свои краткие дополнения; таковы, например, замечания о „природном человеку обезьянстве", обращение к небу с мольбой о мщении, сравнение папы Александра VI с Тиверием (вариант — с Нероном), заметка об иллюминатах и пр.

Стр. 339. Радищев, подобно многим своим современникам, имел смутное понятие об иллюминатах. Основатель ордена, Вейсгаупт, придав ему масонскую форму, тайно стремился к уничтожению масонства, к замене христианства деизмом и монархии — республикой. Массоны, в особенности розенкрейцеры или, как их чаще называли в России, мартинисты, считали иллюминатов своими злейшими врагами; во Франции к иллюминатам принадлежали и многие из будущих деятелей революции 1789 г. Иллюминатство вызвало гонения со стороны католической церкви и на масонство, и герцог Баварский в 1784 г. запретил тайные общества, а в 1785 г. велел закрыть масонские ложи.

Стр. 339. Морфей Жирандо — неправильно — вместо Матвей Герардо — (Maffeo Guerardo).

Стр. 344. Булла, которую приводит Радищев, относится не к 1507 г., как напечатано в изд. 1790 г. (согласно с рукописью), а к 1501 г. (Александр VI умер в 1503 г.).

Стр. 345. Примечание Радищева о *Какстоне* (Кекстон, Cacston) с точки зрения современной терминологии неточно. Впервые напечатан английский перевод французской книги о шахматной (а не шашечной) игре (The game and Playe of the Chesse) в Брюгге (1471—1472) и затем в Англии, около 1475 г. Вторая книга, переведенная Риверсом (The Dictes or Sayings of the Philosophes напечатана в 1477 г. (Oswald, I. C. A. History of Printing. Its Development through five Hundred Years, № V. L. 1928).

Стр. 345. Звездная палата — административно-судебный трибунал в Англии, учрежденный в 1488 г. Ведая политические преступления, Звездная палата особенно строго карала печатные выступления, противоречившие намерениям правительства.

Стр. 346. по совершении премены. — Имеется в виду „классовый компромисс“ 1688 г. между аристократией и буржуазией (Ф. Энгельс), приведший к падению династии Стюартов и избранию королем голландского штатгальтера Вильгельма Оранского (Вильям III), подписавшего конституционный „билль о правах“.

Стр. 346. примеч. — Христиан VII был королем Дании лишь по имени; с юных лет он обнаруживал признаки безумия; с 1770 по 1772 г. полномочным правителем был Струэнзе, стоявший во главе тайного королевского кабинета. Следуя философским идеям своего века, он принялся за реформаторскую деятельность и королевским указом 14 IX 1770 ввел свободу печати, но уже в следующем году значительно ее ограничил. В январе 1771 г. Вольтер приветствовал указ 14 сентября в стихотворении „Au roi de Danemark, Christian VII, sur la liberté de la presse, accordée dans tous les états“. Вольтер приветствовал короля от имени всего человечества: Il parle par ma voix, il bénit la clémence, Tu rends ses droits à l'homme et tu permets qu'on pense, — Sermons, romans, physique, ode, histoire, opéra, — Chacun peut tout écrire, et siffle qui voudra“.

Стр. 348. Журнал „Седое чудище“ („Das graue Ungeheuer“) издавал один из немецких „просветителей“ Векрлин (W. L. Wekhrlin); в 1787 г. он был арестован, но продолжал свою литературную деятельность. В XI—XII томах (1787) он поместил ряд заметок о России, где указывал, между прочим, на ее тяжелое экономическое положение.

Стр. 348. Австрийская цензура строго преследовала просветительную литературу, враждебную католической церкви; соправитель Марии-Терезии (с 1765 г.), ее сын, будущий император Иосиф II, возражал против цензурных строгостей. В 1776 г. издан был „Список запрещенных книг“ („Catalogus librorum prohibitorum“). По выражению Фридриха Николаи, он был тем опасен, что „die schlechten und die klugen Leute die klugen Bücher erst kennen lehrte“; наконец, и этот каталог попал в список запрещенных книг — он был доступен только чиновникам и лицам, получившим особое разрешение. Вступив на престол, Иосиф издал 13 IX 1781 указ о веротерпимости и ввел в том же году новый цензурный устав; либеральничанье императора продолжалось не долго.

Стр. 349. Медное — почтовая станция в 33 верстах от г. Торжка.

Стр. 349. Каждую неделю два раза. Обе выходившие в России в XVIII столетии газеты „С.-Петербургские Ведомости“ и „Московские Ведомости“ выходили по два раза в неделю (по вторникам и пятницам первая, и по средам и субботам вторая). В них печатались и объявления о продаже дворянского имущества, в том числе крепостных.

Стр. 349. С отцем господина и т. д. Радищев имеет в виду Крымский поход 1736 г. и Семилетнюю войну.

Стр. 352. Тверь — в 30 верстах от Медного, главный город Тверского наместничества. Сначала Радищев предполагал ввести в текст главы „Тверь“ два больших стихотворения, причем ода „Вольность“ должна была войти

сюда целиком; и кроме нее — „Песнословие“ под названием „Творение мира“. Радищев не совсем точно излагает историю русского стихосложения. В конце XVII и в начале XVIII столетий стихи писались в России по правилам силлабического стихосложения, заимствованного из польской поэзии. В таких стихах не было определенного размера, но в каждой стихотворной строчке должно было быть определенное число слогов; кроме того, более длинные стихи разделялись на полустишия цезурой. Стих подчинялся вольному ритмическому движению, ритмическому импульсу, создававшему разнообразные, но не организованные единым законом рисунки расположения ударений в стихе. Еще в начале XVIII в. некоторые иностранцы пытались привить русской поэзии элементы тонического стихосложения. Однако основы этого переворота заложил только Тредиаковский, предложивший в 1735 г. ввести в употребление размер стиха, основанный на закономерном распределении в нем ударений; но он указал возможность создания в русской поэзии только одного размера — хорей, и сам дал сначала опыты стихов нового типа только в этом размере. Его реформа была подхвачена Ломоносовым и затем Сумароковым, причем Ломоносов расширил теорию и практику Тредиаковского, предложив для русских стихов и другие размеры, в частности ямб. Сумароков поддержал новое достижение Ломоносова. Ломоносов применял в своем творчестве почти исключительно ямб.

Уже современники Ломоносова пытались бороться с ямбическим „засилием“. Тредиаковский стремился ввести в обиход русской поэзии античные строфы и размеры. Последним опытом Тредиаковского в этом направлении была „Тилемахида“, изданная в 1766 г. Это было стихотворное переложение знаменитого политического и нравоучительного романа французского писателя XVII—XVIII вв. Фенелона „Похождения Телемаха“. Поэма Тредиаковского была написана размером античных эпопей, размером Гомера и Вергилия, гекзаметром, примененным к условиям русского тонического стиха. Но попытка Тредиаковского не имела успеха. Его поэзия в 60-х годах устарела. Над Тредиаковским издавались. Екатерина II пропагандировала и в своем журнале „Всякая Всячина“ и в своем Эрмитаже (интимном придворном клубе) презрительно-насмешливое отношение к „Тилемахиде“. Осторожные попытки Новикова защитить Тредиаковского не произвели должного впечатления. К концу XVIII в. имя Тредиаковского связывалось с представлением о неутомимо-трудолюбивом, но бездарном писателе; поэтому-то Радищев и полагал, что пример Тредиаковского, в частности, пример осмеянной „Тилемахиды“, может отпугнуть от пользования гекзаметром. С 70-х годов начали выходить переводы Княжнина с французского языка, выполненные без рифм шестистопным ямбом. В 1777 г. появился полный перевод эпической поэмы Вольтера „Генриада“, в 1779 г. — переводы „Сида“ и „Смерти Помпеевой“ Корнеля, в 1788 г. его же „Родоюны“. Именно Княжнинский перевод „Генриады“ имеет в виду Радищев в главе „Тверь“ (другой перевод этой поэмы, А. И. Голицына, вышел лишь в 1790 г. и был исполнен рифмованными стихами). Борясь против канонизованного засилия ямба, Радищев выступает против самых прославленных произведений русской поэзии XVIII в., написанных этим размером с рифмами; он перечисляет: стихотворные переложения Ло-

моносова из Библии (псалмы и отрывок из книги Иова), трагедии Сумарокова „Семира“ и „Дмитрий Самозванец“, эпическую поэму Хераскова „Россиада“, описывающую взятие Казани царем Иваном IV (Херасков работал над этой поэмой около восьми лет), перевод „Энеиды“ Вергилия, сделанный В. Петровым (1-я песнь издана в 1770 г., весь перевод в 1781—1786 гг.), незаконченный перевод „Илиады“ Гомера, сделанный Е. Костровым (первые шесть песен этого перевода были напечатаны в 1787 г.).

Стр. 354. Хотя, повидимому, Радищев не обращался к самому Новикову, но упоминание о *московских издателях* вело читателя непосредственно к нему.

Стр. 354. Ироническая ссылка Радищева на „Наказ“ была вполне уместна. Действительно, в „Наказе“ о „вольности“ говорится довольно много, особенно в первых главах. По существу же Радищев издевался над „Наказом“, в котором Екатерина пыталась сочетать иллюзорный „разум вольности“ с „деспотическим“, по терминологии Монтескье, правлением.

Стр. 362. *Городня* — ям в 28 верстах от Твери.

Стр. 363. *Экономическими селениями* назывались деревни, ранее принадлежавшие монастырям, но начиная с 1764 г. секуляризованные. При секуляризации церковные крестьяне обращались в „экономических“ — фактически в государственных.

Продажа крепостных в рекруты практиковалась весьма часто. Болтин рассказывает о помещике, который продал в рекруты все годное для этой цели мужское население своей деревни (Примечания на Леклерка, т. IV, стр. 221—222). В 1766 г. правительство запретило продажу взрослых крепостных мужчин в период трех месяцев, предшествовавших рекрутскому набору, но помещики легко нашли способы обходить указ. „Это делалось таким образом: продавец и покупатель заключали между собою письменное условие, в котором говорилось, что так как во время рекрутского набора нельзя совершать купчую, то это будет сделано по окончании его. Когда проданный человек был уже принят в рекруты, условие записывалось у маклера в книгу и продавец получал деньги. Если же проданный оказывался почему-нибудь негодным, то условие уничтожалось. Делали и таким образом: владелец фиктивно отпускал своих крепостных на волю, а дворцовые, государевы и государственные крестьяне, а также и помещики покупали этих мнимо вольноотпущенников и представляли во время рекрутских наборов, первые за себя, а вторые за своих крестьян“ (Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, стр. 167). Правительство хотя и издало в 1768 г. указ, запрещавший принимать взамен рекрут вольных людей, фактически вынуждено было смотреть на эти выгодные для помещиков операции сквозь пальцы. В 1792 г. эти сделки с припиской вольноотпущенников к казенным селениям с последующей отдачей их в рекруты были санкционированы и в законодательном порядке.

Стр. 370. *Вантами* называются различные снасти из пенькового троса (канатов и веревок) для укрепления мачт и подъема или опускания парусов. *Линьки* — веревочные плети с узлами для наказания матросов.

Стр. 371. *Завидово* — почтовый ям в 28 верстах от Городни.

Стр. 371. Радищев делает здесь неточную ссылку на поэму Вергилия „Энеида“. У римского поэта к ветрам, разбушевавшимся на море и чуть

же утопившим героя поэмы Энея вместе со всем его флотом, обращается с гневными словами не бог-повелитель ветров Эол, а бог моря Нептун, который действительно прикрикивает на них: „quos ego“ (песнь I, стих 135. В переводе В. Петрова — стих 209 „... я вас...“) Нептун при этом вооружен трезубцем — tridens, с которым его изображали обычно древние; в переводе В. Петрова — „острогой“ (стр. 222).

Стр. 373. Примеч. Радищев имеет в виду сатирическую статью Д. И. Фонвизина „Всеобщая придворная грамматика“. По указанию Евгения Болховитинова (Словарь русских светских писателей, 1838, т. I, стр. 190) Фонвизин написал эту статью в 1783 г. для помещения в журнале „Собеседник любителей российского слова“; хотя ее не напечатали, однако же показали императрице, участвовавшей в этом издании. Впрочем, безусловно доверять Болховитинову в данном случае нельзя. Во всяком случае Фонвизин предполагал поместить свою „Грамматику“ в журнале „Друг честных людей или Стародум“, предпринятом им на 1788 г. Но журнал был запрещен заранее, и „Грамматика“ осталась неизданной в течение всего XVIII в. Судя по ссылке на нее у Радищева, она была известна читателям в списках. „Всеобщая придворная грамматика“ Фонвизина — это сатира на придворные нравы. Она написана в форме вопросов и ответов как пародия на грамматический учебник. В „Грамматике“ все люди, составляющие двор, разделены на гласных и безгласных. Далее говорится:

„Вопрос. — Что разумеешь ты чрез гласных?

Ответ. — Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, через одно отверстие рта производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь скажет о! — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъясляющим свою ошибку: а! — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.

Вопрос. — Сколько у двора бывает гласных?

Ответ. — Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять.

Вопрос. — Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

Ответ. — Они у двора точно то, что в азбуке буква ъ, то есть: сами собою, без помощи других букв никакого звука не производят“.

Стр. 373. Клин — окружной город Московской губернии в 26 верстах от Завидова, при р. Сестре.

Стр. 373. Стих об Алексее божием человеке“ восходит к двум разным источникам — к житию, появившемуся в западной России под влиянием латинских легенд (XV в.), и к греко-латинскому „Цветнику“, переведенному Арсением Греком (XVII в.). Эти две версии ходили в народе и раздельно и сливаясь в один „стих“.

Стр. 374. „Страдания молодого Вертера“. Первый русский перевод „Вертера“ Гете (1774) вышел в 1781 г. (Ф. Галченкова). Начиная с 90-х годов XVIII в. появились подражания роману Гете. Пушкин, излагая в своем „Путешествии из Москвы в Петербург“, содержание главы „Клин“, писал: „Между тем баба подносит ему [слепому певцу] пирог. Старик принимает его с восторгом. — Вот истинная благостыня, — восклицает он. Радищев наконец дарит ему шейный платок и извещает, что старик

умер несколько дней после, похоронен с этим платком на шею. Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку". Таким образом Пушкин объясняет сентиментальный характер этой главы „Путешествия“ влиянием „Вертера“. В частности, он, повидимому, сближал последние строки главы (о подаренном платке, с которым умер старик-певец) с аналогичным мотивом в последнем письме Вертера, служащем его завещанием. „Сей розовый бантик, который украшал грудь твою, как я в первый раз увидел тебя... сей розовый бантик должен быть со мною погребен. Ты меня им подарила в день рождения моего"... („Страсти молодого Вертера“. СПб., 1781, стр. 245—246).

Стр. 376. Пешки — станция в 31 версте от Клина.

Стр. 379. Черная Грязь — почтовый ям в 23 верстах от станции Пешки и в 28 от Москвы.

Стр. 379. „Слово о Ломоносове“ представляет собою самостоятельное произведение Радищева, вставленное в „Путешествие“ лишь при последней обработке его для печати.

В конце „Слова“ Радищев замечает, что Ломоносов „не разумел правил поворищного стихотворения и томился в эпосе“. Радищев имеет здесь в виду две трагедии Ломоносова: „Тамира и Селим“ (1750) и „Демонфонт“ (1752), не имевшие такого успеха, как его оды, и поэму „Петр Великий“ (1756—1761, изд. 1761), не оконченную Ломоносовым (написаны только две песни).

Излагая биографию Ломоносова, Радищев мог воспользоваться печатными источниками, как статья в „Опыте исторического словаря о российских писателях“ Н. И. Новикова (1772), перепечатанная при собрании сочинений Ломоносова 1778 г., или биография Ломоносова при собрании его сочинений 1784—1787 г. (при томе I). Впрочем, Радищев мог знать о жизни Ломоносова и по *изустной* традиции; семья Воронцовых чтит память Ломоносова, которого Воронцовы знали лично. Да и вообще многие из петербургских жителей, ученых, литераторов и даже придворных, знакомых с Ломоносовым, его друзей или врагов, дожили до 80-х и даже 90-х годов.

Радищев начинает свое „Слово“ размышлениями у могилы Ломоносова, похороненного в Александро-Невской лавре. На могиле Ломоносова в 1770 г. был поставлен мраморный памятник по инициативе и на счет гр. М. И. Воронцова (дяди друга и покровителя Радищева, А. Р. Воронцова). На памятнике были сделаны надписи по-русски и по-латыни следующего содержания: „В память славному мужу Михайлу Ломоносову, родившемуся в Кологорах в 1711 году, бывшему статскому советнику, Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук Профессору, Стокгольмской и Бононской члену, разумом и науками превосходному, знатным украшением отечеству служившему, красноречия, стихотворства и Истории Российской учителю, Муссии [т. е. мозаики] первому в России без руководства изобретателю, преждевременною смертию от Муз и отечества на днях святых Паски 1765 года похищенному, воздвиг сию гробницу граф Михайло Воронцов славя летество с таким гражданином, и горестно соболезнуя о его кончине“.

Говоря о поэзии Ломоносова, Радищев пересказывает в одном месте (стр. 388) отрывок его стихотворения „Вечернее размышление о божием

величестве, при случае великого северного сияния“; говоря о наступлении ночи и о звездном небе, Ломоносов писал:

Песчинка как в морских волнах,
 Как мала искра в вечном льде,
 Как в сильном вихре тонкий прах,
 В свирепом как перо огне,
 Так я в сей бездне углублен
 Теряюсь, мыслями утомлен.

Далее, на стр. 388 Радищев пересказывает начало оды Ломоносова 1747 г. (На день гощества на престол Елизаветы Петровны):

Царей и царств земных ограда,
 Возлюбленная тишина,
 Блаженство сел, градов ограда,
 Коль ты полезна и красна...

На стр. 391 Радищев говорит о том, что Ломоносов, изучая электрическую силу, „не отвращен был от исследования о ней, видя силою ее учителя своего пораженного смертью“. Он имеет в виду трагическую смерть в 1758 г. академика Г. В. Рихмана, товарища и друга Ломоносова, убитого во время работы молнией, сведенной им в комнату.

Стр. 379. „Озерками“ назывался „увеселительный выгон Александровского монастыря, непосредственно выше оного при Неве. В сыром лесу имеются дорожки для прогулки и два маленьких озера, от коих и получил свое название. Когда покойный князь Потемкин-Таврический получил Озерки, то построен был на одном из Озерков великолепный увеселительный фрегат, в лесу деревянный для балов дом и близ дороги, идущей по берегу Невы, два знатные стеклянные завода...“ („Описание... Санкт-Петербурга... сочинение И. Г. Георги. Перевод П. Безака. СПб., 1794, стр. 678).

Стр. 390. Радищев сравнивает современного ему московского митрополита Платона (Левшина) с древне-греческим философом Платоном и приводит его обращение к гробнице Петра I во время речи на победу русских над турецким флотом под Чесмою 26 VI 1770: „Восстань, теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань и воззри на любезное изобретение твое...“ (Платон [Левшин]. Поучительные слова. Т. II. М., 1780, стр. 282).

Надпись на бюсте Франклина приводит Рейналь в книге об Америке и американской революции (1781 г. — см. выше, стр. 445) во II томе, на стр. 134 (в сокращенном издании — стр. 92).

Стр. 392. Старинное село Всесвятское лежало на большой дороге из Петербурга в Москву, в 5 верстах от Москвы.

[„А ТЕПЕРЬ УВЫ!..“]

Этот отрывок — конец недошедшего до нас произведения Радищева — дошел до нас в составе рукописи „Путешествия из Петербурга в Москву“, цензурного экземпляра-списка, хранящегося в ГАФКЭ (см. здесь стр. 476). Он занимает последние листы рукописи (листы 204—205), после

„Слова о Ломоносове“, повидимому случайно оказавшись присоединенным к ней. Бумага, почерк писца и весь внешний характер рукописи отрывка аналогичны рукописи „Путешествия“. После текста отрывка идет надпись цензора „Печатать позволено от Управы Благочиния в Санктпетербурге Марта 10 дня 1790 года. Андрей Жандр“. Трудно сказать, мог ли иметь данный отрывок какое-нибудь отношение к тексту „Путешествия“; во всяком случае, в известные нам редакции „Путешествия“ он явно не укладывается. Речь в отрывке, повидимому, идет об Иване Грозном.

Напечатан отрывок впервые Я. А. Барсковым в „Материалах для изучения «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева“ (1935).

[„ПОЛОЖИВ НЕПРЕОБОРИМУЮ ПРЕГРАДУ...“]

Повесть А. Н. Радищева [„Положив непреоборимую преграду...“] написана им в Петропавловской крепости во второй половине июля 1790 г. Впервые опубликована акад. М. И. Сухоминовым в книге „Исследования и статьи по русской литературе и просвещению“, СПб., 1889 г., т. I, откуда перепечатывалась в изданиях сочинений Радищева с названием „Филарет милостивый“.

В настоящем издании повесть воспроизводится по автографу А. Н. Радищева, находящемуся в „Деле о Радищеве и Зотове“ (Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, дела бывшего Государственного архива, разр. VII, № 2760, лл. 152—156).

Текст повести в оригинале расположен в два столбца по обеим сторонам листов, заголовка не имеет и озаглавлен нами по первой строке. Почерк Радищева в этом автографе — мелкий, торопливый, с небольшим количеством помарок и зачеркиваний.

Страница	Строка	Написано	Зачеркнуто
397	14	Почти	[Еще]
	15	наших	[человеческих]
	32	помышление	[чувствование]
398	4	повсюду	[езде]
	15	к совращению со стези	к совращению [с благой] стези
	16	изящным	[благим]
	20	отличного	[отменного]
	22	человек	[он]
	25	старается	[тщится]
	26	себе подобных	[смертных]
	28	почти убогих	[но] почти убогих
35	еле	[едва]	
399	40	душа ничем не тревожится	душа [твоя] ничем не тревожится
	3	пищу алчущему	[отраду страждущему]
	31	дабы	[чтобы]
401	6	изменить свой вид	[умереть]
	8	несложное	[неразделимое]

Страница	Строка	Написано	Зачеркнуто
	23	мысль твоя вечна	[мысль твоя неумрет]
	26	углубленный сам в себя	углубленный сам в себя я [чувствую]
	33	когда	[где]
	40	усладительнейшем	[утеши < тельнейшем >]
402	1	на всех животных	на всех животных [и всех]
	18	я	[у чужой]
403	5	Филарету сотовариществовал во учении его Проб	[Филарет имел сотоварищем своего учения Проба]
	6	имел	[был]
	7	скоро из	[хотя состояния]
	12	своей цены не имели	[теряли]
	23	боже	боже [всещедрый]
	24	дай	[даждь]
	31	обретал	обретал [только]
404	3	Лице возрыдавшего	[Лице воз < рыдавшего >]
	22	следовал	[по]следовал
	26	неотвратимой	[неизбе < жной >]
	39	с Филаретом дружбою	с Филаретом < нрзб > дружбою
405	21	сердце	[душа]
406	12	Но бояся что Филарет не примет	[и отправил к Филарету с следующим письмом: Проб возлюбленного Филарета]
	26		[Отец и мать]
	31	Уже солнце лучи свои скрывало	[Куда лежит сей путь. Видя приближающуюся колесницу филаретову и быстрых коней, куда лежит]
408	30	юношей	[людей]

В первой строке повести, послужившей ее заглавием в данном издании, слово „непреборимую“, как явная описка А. Н. Радищева, исправлено на „непреборимую“. Сохранено существующее в рукописи двойное написание имени жены Филарета — „Феозба“ и „Феозва“.

Радищев был арестован 30 июня ст. ст. 1790 г. Ближайшие дни прошли для него в допросах, в писании ответов на замечания Екатерины, предложенные через Шешковского. 13-го июля был подписан приказ о предании Радищева суду; 15-го июля дело его было занесено в протокол Палаты Уголовного суда. В ту же ночь (на 16 июля) Радищев писал Шешковскому, приложив к письму свой отзыв о „Путешествии“ и завещание. 17-го июля Радищев отвечал на вопросы, поставленные Палатой, после чего 19-го июля ему было сделано „увещание священническое“. 24-го июля Радищеву был учинен допрос относительно поправок, сделанных в рукописи „Путешествия“, и почерк его подвергся сличению. Палата не замедлила с вынесением приговора и того же 24 июля осудила Радищева на смертную казнь.

Повидимому в эти дни, в промежутках между допросами, томясь в ожидании приговора, в жестоком характере которого он не сомневался, Радищев написал, вслед за завещанием, повесть о Филарете. Вот как он объясняет ее происхождение в одновременном письме Шешковскому.

„Я, может быть, милостивой государь, моими писаниями вам наскучил, но возложите то на щет неутолимой печали, происходящей от лишения несчастных детей моих, вспомяни, что и ты отец и чадолюбив, и простите мне мое стужание. Всякая бумага, от меня исходящая, идет в ваши руки и для того, если приложенные при сем ничему не противны и я могу продолжать мое горестное упражнение, то по прочтении прикажите мне их возвратить для окончания и неминуемых исправлений. Занимаясь писанием, разум более занят, нежели чтением, и забывшись хотя на малейшее мгновение, кажется, что я не в заключении. О, милостивой государь, если не будет мне отрады видеть плачевное мое семейство хотя на мгновение, то позволь иметь хотя сие. Читая житие святого Филарета милостиваго, душа над тем паче прилепилася, и вникла в его подвиги, что она соразмернее на подражание нашему слабому сложению. Я преложил его несколько на образ нынешних мыслей, не отступая от истинного повествования ни мало, и мечтаю себе, что оно может детям моим быть на пользу. О, если бы оно могло достигнуть их рук“. („Дело о Радищеве и Зотове“, л. 157.)

Находясь под угрозой смертной казни, Радищев, естественно, сделал все, что мог, чтобы облегчить свое наказание. С этой неперменной поправкой следует принимать его заявление о том, что „Путешествие“ он написал с целью „прослыть писателем“, „приобрести себе прибыль“ от продажи книги. Однако, несмотря на вынужденную покорность и признание своей вины, Радищев не мог уйти из жизни, не сделав попытки как-то объяснить свои взгляды, свое поведение, рассказать о себе, пусть в неполной, зашифрованной форме. Такой попыткой осуществить беседу с близкими людьми, высказаться перед ними, является повесть о Филарете. Посылая ее Шешковскому, Радищев все же напрасно надеялся, что она достигнет своих адресатов. Повесть была приобретена к судебному делу и вошла в его состав. Она даже не была возвращена автору для окончания, о чем просил он в сопроводительном письме, и осталась незаконченной. Замысел повести стоит в тесной связи с переживаниями Радищева во время следствия и суда. Во вступлении к ней он подчеркивает, что „добродетель есть вершина всех наших деяний и наилучшее украшение жития человеческого“, что „физическим корнем“ добродетели является мягкосердие, а его опорой служит „разсудок благорасположенный“. Мягкосердие славится повсюду „и во всех состояниях“. Пример подвижников мягкосердия важен для того, чтобы „человек, легко к совращению со стези добродетели удобный, благоуязвлялся изящным примером и не ослабевал бы в добродетели“. Обращение Радищева к детям с горячим словом о цене мягкосердия должно было сказать им, что их отцу не было оказано снисхождения, подчеркнуть трагизм совершаемого юридического преступления. Переработанное житие Филарета показывало жизнь молодого „любомудра“, какой она была и могла бы быть. Выражения, в которых Радищев завещает детям „укреплять корень добродетели“,

почти тождественны с наставлениями Крестецкого дворянина из „Путешествия“. „Понеже добродетель есть вершина человеческих деяний, то и исполнение ее ни в чем не долженствует быть препинаемо“ (стр. 292). В повести о Филарете Радищев также отзывается о добродетели, как о „вершине всех наших деяний“. Говоря в „Путешествии“ о понуждении к частным добродетелям, он называет „мягкосердие, кротость, соболезнование; и корень их всегда благ“ (стр. 293). Подобный перечень есть и в начале повести о Филарете. Радищев в согласии с Гельвецием признавал неоспоримыми доказательства Крестецкого дворянина о ничтожестве власти родителей над детьми. Согласно этой точке зрения, союз между отцом и сыном может быть основан твердо только на их взаимных чувствах, на взаимном уважении. Естественная, животная связь с годами разрушается. Сознательная любовь сына к отцу будет зависеть от того, что насадил последний в сыновнем сердце, чем заслужил эту любовь. Приняв во внимание это обстоятельство, можно представить себе, как должно было волновать Радищева отношение к нему, ставшему „государственным преступником“, его детей, как мучительно хотелось объясниться с ними, рассказать о себе правду. Но связи с внешним миром у Радищева не было. Свидания и переписка были запрещены. Единственным чтением служили „священные книги“, присылаемые Шешковским. Терзаясь мыслью об ожидаемой смертной казни, мучимый бессоницей, Радищев страстно желал установить духовную связь с детьми, „сделать их мысли своей присутственными“. Так рождается повесть о Филарете, созданная „напряжением томящегося воображения“ в „бесчувственных стенах“ Петропавловской крепости. . .

Выбор темы повести навеян Радищеву чтением жития Филарета, входящего в „Минеи-четии“ под датой 1 декабря (702 г.—1 декабря 792 г.)

Какое именно издание „Миней“ было в руках Радищева — установить затруднительно. Месячная „Минея“, содержащая в себе службы святым и всем праздникам, на каждый день всего года, издавалась в России многократно. Первые издания, включившие в себя декабрь месяц, в первый день которого отмечается память Филарета, относятся к 1619, 1621, 1622 гг., затем идут издания 1644—1646 гг. 1663, 1666—1667, 1689—1691, 1692—1693, 1704—1705, 1710—1711, 1750 (два — в Москве и Киеве), и наконец 1766 г. — последнее до интересующей нас даты (следующее издание состоялось только в 1799 г., через 9 лет после написания повести о Филарете). Вероятно, Радищев имел экземпляр одного из последних изданий; текст жития каноничен, к тому же он и не связывал Радищева.

В житии рассказывается о богатом и щедром землевладельце Филарете, который жил в малоазиатской области Пафлагонии, в селении Амния. Семью его составляли жена Феозва, сын и две дочери. Филарет был богат, но разорился на подаянии. Он роздал нуждающимся все свое имение, весь скот, отдал даже пшеницу, которую прислал ему друг, узнав о его нищете. На горькие упреки жены Филарет отвечал евангельскими заповедями, продолжал свою благотворительность и оставил у себя только дом, в котором жил с семьей. В то время Амнию посетили „нарочитые мужи“, отыскивавшие по всей стране десять красивейших девушек: греческий царь Константин, к владениям которого принадлежала Пафлагония,

хотел жениться и выбирал невесту. В доме Филарета послы увидели Марию, внучку хозяина, прельстились ее красотой и добродетелью и, вместе со всей семьей, отвезли ко двору. Мария затмила своими достоинствами всех остальных привезенных послами девиц и стала царицей. Филарет сделался царским тестем, но не изменил своего поведения. Он попрежнему покровительствовал нищим и раздавал им все свое имущество. Даже на пир, устроенный для царя, он пригласил нищих и вместе с семьей прислуживал им. Много подвигов благотворения совершил Филарет и прославился чудесами, произошедшими при его кончине.

Таково краткое содержание жития. Как видим, „преложение“ его „на образ нынешних мыслей“, о котором говорит Радищев в письме Шешковскому, носило свободный характер. Связь повести Радищева с житием ограничивается именами Филарета и Феозвы и отнесением действия в греческую область, даже не в Пафлагонию, а в Галатию. Взамен этого Радищев наполнил свою повесть автобиографическим материалом, изложением некоторых философских взглядов, ввел фигуры Феофила, Проба и заново построил сюжет. Он отказался и от ровного повествовательного тона жития, предпочтя эмоционально-приподнятый тон в обращении к своим читателям — детям, пользуясь формой диалога между действующими лицами, их перепиской и т. д. В смысле языка, строения фразы, повесть сохранила типичные особенности литературной речи Радищева.

Мысль использовать канву жития святого для обработки собственной биографии является безусловно смелой, но для Радищева не неожиданной, — ср. „Житие Ф. В. Ушакова“. И в своем „Филарете“ Радищев становится на тот же путь, что в этой брошюре. Он использует форму жития, наполняя ее новым содержанием, на этот раз почерпнутым из собственной жизни. Повесть о Филарете, несомненно, является автобиографическим произведением. Я. Л. Барсков широко использовал ее материал для построения биографии писателя („Материалы к изучению „Путешествия“, изд. „Academia“, 1935 г.) и сделал это с достаточной убедительностью. Образ родителей Филарета — „супругов добродетельных, религиозных и гуманных“, связанных горячим взаимным чувством и нежностью к детям, внушавших им лучшие принципы, с любовью описанных Радищевым, выглядит именно таким и по воспоминаниям их внуков, Николая и Павла, детей писателя. Обстановка имения Радищевых Облязова сходна с обстановкой того „греческого селения“, в котором вырос Филарет. Воспоминания Филарета о своем детстве, о болезни в семилетнем возрасте, позволяют Я. Л. Барскову отнести ее к 1755 году, а переезд Радищевых в Москву, считая время, необходимое для лечения вывихнутой ноги А. Н. Радищева, — к 1757 г. Годы учения Филарета в Афинах соответствуют Лейпцигскому периоду жизни Радищева, а речи старца Феофила напоминают рассуждения профессора Платнера, учителя Радищева в Лейпциге. Возможно также соотнести женитьбу Филарета на сестре друга с браком самого Радищева, женившегося на племяннице своего университетского товарища А. К. Рубановского — Анне Васильевне Рубановской. Подобно Филарету, он ездил в Облязово, чтобы испросить согласие родителей и после свадьбы полтора—два года не служил, занятый своим семейным счастьем.

Темы бесед Филарета с Феофилом — о сложности и протяженности тел, о бессмертии души, о первейшей причине и др. — были очень близки самому Радищеву. Он возвращается к этим проблемам в своем трактате „О человеке, его смертности и бессмертии“, начатом в Илимской ссылке в 1792 г., и излагает их в сходных выражениях.

СОДЕРЖАНИЕ

	Страницы:	
	текста	примеч.
Предисловие	III	
Вольность	1	444
Творение мира	18	448
Бога	22	449
Песни петые на состязаниях в честь древним славянским божествам	53	453
Песнь историческая	74	454
Мелкие стихотворения	123	456
Эпитафия	—	—
Ты хочешь знать: кто я?	—	—
Почто, мой друг	124	457
Час преблаженный	125	—
Журавли	—	—
Оснадцатое столетие	127	458
Сафические строфы	129	—
Идилия	—	459
Песня	131	—
Ода к другу моему	133	—
Молитва	136	—
Дневник одной недели	137	—
Письмо к другу, жительствовавшему в То- больске, по долгу звания своего	145	461
Житие Федора Васильевича Ушакова	153	462
Беседа о том, что есть сын отечества	213	469
Путешествие из Петербурга в Москву	225	470
[А теперь увы!..]	393	495
[Положив непреоборимую преграду]	397	496
Варианты „Путешествия из Петербурга в Москву“	413	
От редакции	441	

Технич. редактор Д. С. Бабкин
Корректор Н. П. Лебедева
Рисунки переплета, форзаца
и титулов А. А. Ушина

Сдано в набор 8 сентября 1937 г. Подписано
к печати 26 мая 1938 г. XXII + 504 стр. + 1
многокрасочный портрет. Формат бумаги
68 X 100 см. 33 п. л. 42336 тип. зн. в п. л.
29.57 уч.-авт. л. Тираж 10000 экз. Лениблгор-
лит № 2257. Ризо № 738. АНИ № 179.
Заказ № 2280.

Типография „Коминтерн“, Ленинград, Крас-
ная ул. 1.

Отпечатано с матриц в Типогр. Изд. Акад.
Наук СССР, Вас. Остр., 9 л., 12. Заказ
№ 1537.

Цена 12 р. Переплет 3 р.
